

Татьяна Устименко Невезучие

Текст предоставлен автором <http://www.litres.ru>
«Невезучие»: «Издательство АЛЬФА-КНИГА»; М.; 2009
ISBN 978-5-9922-0456-8

Аннотация

Уж если не везет, так не везет по-крупному – и в картах, и в любви! Не миновала доля сия и принца-горбуна Тайлериана, и эмпир Вольдемара, маркграфа Эйсенского, и молоденькую ведьму Лизелотту. Ведь напрозорчил им Расклад Судьбы беды неисчислимые и участь нелегкую – а это ли везением называют? И началось. Повелитель клана Белых эльфов неожиданно вознамерился жениться на дочери красногорского князя, но недотепа-дракон выкрал не ту девушку. Обиженный жизнью чернокнижник заручился покровительством демонов и замыслил недоброе. А тут еще строптивая княжна Рогнеда из-под венца сбежать удумала, решив, что с женихом богоданным ей сильно не повезло. Ну а жених тот самый вдруг помер в одночасье от яда да и... Стоп! Сплошная неразбериха получается. Лучшие уж обо всем по порядку.

Татьяна Устименко Невезучие

Выражаю горячую признательность верному другу – Денису Куприянову, щедро поделившемуся со мной идеями, шутками и не иссякающим оптимизмом.

Смелый гоняется за удачей, трусливый боится невезения, мудрый ищет справедливости. Но жизнь дарует нам всего

понемногу, в зависимости от того, сколько смелости, трусости и мудрости наберется в нас самих.

Буддистская поговорка

ПРОЛОГ

– Рогнеда, ау!

– Княжна, вы где?

– Ваша светлость, ну нельзя же так!

– Покажись, дочь строптивая и непокорная! Тебе сам отец приказывает!

Разноголосые вопли эхом разносились по просторным княжеским палатам, сложенным из ароматных лиственничных стволов и насквозь пронизанных яркими лучами полуденного солнца. Свет и тепло я любила с тех самых пор, когда еще пешком под стол ходила, поэтому совсем не собиралась жить на какой-то там мрачной горе, густо поросшей девственно-непроходимым лесом. Хотя, конечно, образ непорочной девственницы, картинно прогуливающейся в девственной куще вековых сосен, весьма мне импонировал, хорошо сочетаясь со сказками и преданиями, до которых так охочи мои великовозрастные сводные братцы. Вот только боюсь, что ожидал меня в ближайшем будущем отнюдь не столетний лес, а столь же старый женишок, раскатавший морщинистые губы на молодое да ядреное девичье тело. Ага, размечтался пердун костлявый! Из самого уже песок от дряхлости сыплется, а он все туда же – жениться... Можно подумать, это для него меня растили да нежили, молоком птичьим кормили, в семи водах ключевых купали, косы мои длинные частым костяным гребнем расчесывали, наряжали меня в сарафаны атласные и кокошники скатным жемчугом расшитые...

Тьфу ты, гоблины распроклятые! Не на шутку увлекшись эгоистичным самовосхвалением, больше смахивающим на бесконечные застольные песни, частенько исполняемые нашим слепым сказителем Баяном, я неосторожно покачнулась и чуть не сверзилась с гладко обструганного стропила. Вот рухнула бы я сейчас вниз, в курятник, то уж точно – хороша бы была княжна-невеста, представшая перед эльфийскими сватами, у которых даже исподнее сшито из затканного золотом шелка. Вся перемазанная куриным пометом, да еще изрядно извалявшаяся в перьях и прелой соломе. А чего, кстати, не такая уж и плохая идея – в навозе изгваздаться! Авось не глянусь я тогда утонченным эльфам, одумаются они все-таки да и отступятся?

Я ехидно хмыкнула, представив столь завлекательную картинку. Спрашивается, и чего это легендарному повелителю Белых эльфов вдруг приспичило жениться именно на мне? Не мог он, что ли, посвататься, например, к кокетливой внучке Рохосского хана или к весьма нескромно и откровенно описываемой в балладах красавице Розамунде – племяннице султана Уррагского, «кая кожей бела, в бедрах сладостно широка и персями налитыми богата»? Да на худой конец хотя бы к одной из бесчисленных дочек жутко любвеобильного и не менее жутко чернокожего канагерийского вождя? Так нет, ему, видите ли, меня подавай – Рогнеду свет Елизаровну, единственную дочь державного князя, уже сорок лет твердо сидящего на престоле славного града Берестянска. А с чего это, интересно, и вообще эльфийскому владыке вдруг пришло в голову жениться на смертной человеческой девушке? Вроде как раньше за Первыми расами такие странные поступки не водились...

Я второй раз взмахнула руками, пытаюсь поудобнее устроиться на скользком бревне. Сидевший рядом Михась выгреб из кармана очередную порцию жареных семечек, бросил одну из них в рот и покосился на меня неодобрительно:

– Княжна, а к-к-княжна, прекращала бы ты д-д-дурить. Думаешь, они тебя здесь не н-н-найдут? – почти не заикаясь, в пику своей обычной, совершенно неразборчивой манере разговаривать усомнился он.

Я зашипела словно рассерженная кошка:

– А что, прикажешь мне в коровнике прятаться?

Конопатый мальчишка спокойно сплюнул шелуху, сосредоточенно наблюдая, как она медленно планирует на головы ничего не подозревающих кур-несушек. Я тоже проводила ее расстроенным взглядом, начиная осознавать, что стропила княжеского курятника, к несчастью, оказались далеко не самым надежным сходом для несговорчивой невесты. Нужно было в сундук с приданым залезть. Он у меня пыльный и, кажется, бездонный, его три батюшкиных ратника и то с трудом поднимают. Вот уж там бы меня точно ни в жизнь не нашли!

– И ч-ч-чего ты испугалась-то? – недоуменно пожал плечами доморощенный философ, разглядывая меня так пристрасно, будто увидел в первый раз. – Стоило ли столько ш-ш-шума поднимать? Показалась бы ты, Рогнеда, сватам эльфийским и больше не парилась. Они же сразу сами от тебя откажутся...

«А может, и так? – подумала я, непоследовательно переходя от необъективного самолюбования к жесточайшей самокритике. – Это только в сказках у Баяна княжны все как одна, поголовно умницами и прелестницами оказываются – холеными, наряженными, купанными, чесанными и далее по тексту. Так на то они и сказки! А я – последыш, яблоко порченное, дочь единственная, народившаяся нежданно-негаданно после тринадцати красавцев-сыновей, я-то ведь совсем не такая. Вроде и высокая – но толстая и грубоватая, с тяжелым квадратным подбородком и упрямым взором васильково-синих глаз. Может, волосы у меня и густые и длинные, но зато прямые, аки солома, черные, будто вороново крыло, заплетенные в две вечно растрепанные, непослушные косы. Кстати, я и сарафаны атласные на дух не переношу. И красоты во мне ни капельки нет, в насмешку всем сказкам да былинам... Так, может статься, и впрямь – увидят меня прекрасные эльфы, усмехнутся брезгливо да передумают...

Дверь курятника распахнулась с пронзительным скрипом. Через щелястый порог перешагнула целая делегация. Впереди сам порфиноносный князь Елизар – самодержец и батюшка. По пятам за ним два широкоплечих молодца – братья Будимир и Святомир, седоусый суровый воин – воевода Нелюд, да нянька моя Матрена, женщина героических габаритов. А уж за их спинами, держась чуть в отдалении, вежливо маячили три холеных, разодетых в пух и прах эльфийских гостей. Лучи света, ворвавшиеся в распахнутую дверь, беспощадно высветили меня – криво сидящую на поперечной потолочной балке и свесившую по обе ее стороны пухлые ноги, обутые в простые лыковые лапти. Мельком взглянув на мои замурзанные полотняные штаны и грязную рубаху из серой холстины, батюшка досадливо кашлянул, испытав жгучее чувство стыда и неловкости. Ой, срам-то какой несусветный на его почтенные седины... Княжне, в курятнике, да к тому же в подобном затрапезном виде перед сватами являться! Позор несмываемый не только на правящую семью, но и на все Красногорье! Будимир бесцеремонно показал мне увесистый, мозолистый от меча кулак, а Святомир демонстративно вытянул из наполненных ветками яслей гибкий ракитовый прут. Взмахнул им в воздухе, удовлетворенно прислушиваясь к издаваемому розгой свисту. Красноречивому такому свисту... Я упала на балку животом, обняв ее не только ногами, но уже и руками...

– Лучше слезай оттуда сама подобру-поздорову! – не предвещающим ничего хорошего тоном потребовал отец.

Я отрицательно помотала лохматой головой, намереваясь ухватиться за бревно еще и зубами.

– Дитятко! – всплеснула сдобными руками Матрена, не на шутку испуганная и расстроенная. – Да как же можно против отцовской-то воли идти?

– Как-как... запросто – лаптями! – мрачно буркнула я, впиваясь в древесину ногтями и прицепляясь к ней намертво, будто жук-древоточец. – Фигушки вам, мне и тут хорошо. Так что живой не дамся, не слезу, и не надейтесь! – строптивой скороговоркой пробормотала я, окончательно порушив идею уладить все миром, без применения грубой силы.

Злорадно ухмыльнувшись, Будимир поднял с пола лестницу и приставил ее к балке. Искося на меня поглядывая, он уже начал подниматься по крепким перекладинам, как вдруг

Михась, до этого безмолвно сидевший рядом со мной, вытянул правую ногу и сильно пнул по длиннющему боковому шесту.

Громко ахнула тетка Матрена...

Неприлично ругнулся воевода Нелюд...

Лестница несколько минут неустойчиво покачивалась, словно размышляя – стоит ли ей падать, а потом неожиданно замерла и... резко рухнула назад. Басовито орущее тело братца Будимира описало красивую дугу и улетело напрямик в короб с отборной пшеницей, стоящий у дальней стены курятника. Святомир бросился на подмогу близнецу, но поскользнулся на комке отходов куриной жизнедеятельности и неловко растянулся во весь свой немалый рост. Склочный петух Яшка, донельзя взбешенный посягательством на его законную территорию, шустро подскочил к поверженному богатырю и нещадно клюнул того в затылок. Курицы одобрительно закудахтали, экзальтированно любуясь мужниной удалью. Святомир глухо взвыл...

Михась коротко помянул Пресветлых богов, вытащил из кармана еловую шишку и нахально запулил ею в соблазнительно отсвечивающую лысину воеводы Нелюда...

Заметив, что заинтересовавшиеся всем происходящим сваты ослабили бдительность и подошли слишком близко, я в очередной раз витиевато помянула мерзких гоблинов и, прицелившись, метко плюнула в самого красивого из троих эльфов. Попала удачно, на пижонисто загнутый носок сафьянового сапожка...

Красавец задрал сереброволосую голову и несколько томительно долгих мгновений увлеченно не сводил с меня изучающего взора изумрудно-зеленых глаз. Я возмущенно сверлила его ответным, не менее наглым взглядом.

Наконец эльф радостно потер руки и расплылся в довольной улыбочке.

– Снимите княжну с этого... – восхищенная улыбка стала еще ослепительнее, – с этого насеста. Мы ее берем!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

Тай сердито насупил брови и, легкомысленно подбросив вверх очередной вдоль и поперек исчерканный свиток, ловко подпнул его ногой – метко запулив в дальний угол своей весьма обширной комнаты. Следом полетело магическое самописное перо, искусно сработанное из хрустальной трубки с серебряным наконечником. Выплеснувшиеся из пера чернила щедро окатили портрет повелителя, по причине порванной веревочной петли просто поставленный в угол донельзя захламленных покоев. В самый грязный, кстати, да еще в оскорбительной близости к корзине для ненужных бумаг. Изображение отца, покрытое многовековыми тенетами, засиженное мухами и поэтому едва просматривающееся на растрескавшемся от старости холсте, обвиняюще взглянуло на принца сквозь чернильное пятно, сварливо скрипнуло разошедшейся рамой и гулко шмякнулось на пол, лицом вниз.

– И правильно поступили, сир, – одобрительно поддержал Тай, обращаясь к портрету, – ведь подглядывать невежливо! Недостойно вас, потому что вашему величеству важнее всего сохранить свое королевское достоинство. А оно есть не что иное, как врожденное умение обидеться заранее, даже если в ваш адрес еще ни одной инсинуации не прозвучало!

Портрет ничего не ответил, видимо признавая свое полнейшее поражение в области педагогики, ибо принц Тайлериан отбил от родительских рук еще лет сто назад и на настоящий момент состоял с отцом в закоренелых и ярко выраженных контрах. Без всякой, откровенно говоря, надежды на примирение.

Тай, на самом деле зовущийся его высочеством Тайлерианом и являющийся самым младшим отпрыском великого Рагнарэля – повелителя клана Белой розы, насмешливо присвистнул, потянулся и, не вставая с подоконника, взял с полки чистый свиток. Прищелкнул пальцами, извлекая из воздуха новое перо взамен разбитого. Удобно оперся

горбом в стык оконной рамы с прилегающим к нему мраморным откосом, уставился отсутствующим взглядом на веленевый лист и меланхолично задумался. Хотя тресни, хоть вообще убейся – но баллада не получалась... Тай промучился с рифмами целое утро, пытаясь найти идеальную комбинацию формы и содержания, но все оказалось впустую – вдохновение не приходило. Принц заморенно поднял глаза к потолку, вполголоса бубня корявые строчки и сильно смахивая в этот момент на буйнопомешанного идиота. Затем досадливо стукнул себя пером по лбу, словно пытаясь сконцентрироваться на разбегающихся мыслях, и замысловато выругался.

– Что-то я сегодня туплю, как самый бездарный демон с Нижнего уровня! – сам себе пожаловался Тай, кончиками пальцев осторожно ощупывая ушибленный лоб. – Вот ведь сравнение-то дурацкое – «ты как звезда». Да к нему только одна рифма и подходит – ...! – И он громко произнес донельзя скабрезное сквернословие, весьма любимое королевскими гвардейцами, которые излишками придворного воспитания не страдали, а посему и хорошими манерами особо не заморачивались.

Ответом ему стал звонкий девичий смех, донесшийся из бесшумно приоткрывшейся двери. Нахмуренное чело принца немедленно разгладилось.

– Где же ты пропадала почти полдня, Кайра? – весело спросил он, мгновенно забывая о стихах и гибко спрыгивая с подоконника.

– В казарме, конечно, – спокойно ответила высокая девушка с роскошными каштановыми волосами, упругой походкой прирожденного бойца пересекая комнату и небрежно чмокнувшая принца в неряшливо измазанную чернилами щеку. – Клянусь Гором¹, употребляемые тобой словечки не очень-то похожи на облагораживающую нас божественную поэзию...

Тайлериан сконфуженно хмыкнул:

– Это все рифма, никак не дается, зараза!

– М-да-а-а, за рифмами гоняться, это тебе не придворным фрейлинам юбки задирать! – с притворным сочувствием вздохнула девушка, скептически усмехаясь.

– Зато теперь я понимаю, почему ты все время ходишь в штанах, – с наигранным недовольством проворчал принц.

– Балбес! – благодушно констатировала Кайра, щелкая его по и так отбитому лбу.

– Уй, полегче, – болезненно вскрикнул Тай, быстро отшатываясь в сторону, – рука-то у тебя железная!

Эльфийка иронично прищурила золотисто-карие глаза, с удовольствием потирая свои небольшие, но мускулистые ладони, украшенные твердыми бугорками окостенелых мозолей. Таких, какие появляются лишь у опытных фехтовальщиков, денно и нощно не выпускающих из рук оружия, привычного им настолько, что оно становится не просто клинком, а чем-то живым и родственным. Частью души и неотъемлемым продолжением тела. И правда, на боку у Кайры висела великолепная рапира, вложенная в простые ножны из кожи канагерийского слона, прочной, будто железо.

– Да, – девушка кивнула гладко причесанной головой, всецело соглашаясь со словами принца, – мои руки – это уж точно не бархатные пальчики донны Иннелины.

При упоминании Иннелины, самой прелестной и молоденькой фрейлины при дворе его отца, Тай недовольно скривился.

– Да ладно тебе, – смущенно буркнул он, заливаясь предательским румянцем, – это все наши придворные сплетники преувеличивают. Там ничего такого особенного и не произошло, а что было, так то давно и неправда...

– Ой ли? – насмешливо выгнула бровь Кайра, небрежно наваливаясь на подоконник рядом с принцем и спокойно складывая на груди скрещенные руки. – Позволь мне тебе не

¹ Гор (Благородство) – один из троих Пресветлых богов-координаторов, брат богини Аолы и королевы Смерти. *Здесь и далее примеч. автора.*

поверить! Дворец бурлит как растревоженный улей. Твой последний опус у всех на устах... – Она полуприкрыла глаза и со вкусом продекламировала:

Я хотел вчера на вас жениться,
Я наряд венчальный примерял,
Я решил вчера остепениться
И к грехам пристрастие потерял.

Мы могли бы летними ночами
О совместной жизни помечтать
И, альков украсивши свечами,
На любовном фронте воевать.

Вы меня вчера очаровали,
Разорвали сердце на клочки,
Мне здоровье сильно подорвали
От корсета острые крючки.

Я хотел бы чувствами гордиться,
Понаделать много славных дел,
Я хотел вчера на вас жениться...
А сегодня – бац, и расхотел!

– Ну и?.. – после недолгого молчания пытливо поинтересовалась Кайра. – Как прикажешь тебя понимать? Постель, расстегнутый корсет, свечи... Не по-детски серьезно это все со стороны выглядит.

– Позволь мне тебе не позволить... – проказливо ухмыльнулся принц. – Как хочешь, так и понимай. Ты, между прочим, нам свечку не держала и меня в спальне Иннелины не видела! А она... не потащит же она меня силой к алтарю Аолы? Ну что поделать, если я ее разлюбил!

– А жениться, случайно, ты на ней не обещал? – продолжала допытываться строгая обвинительница, прча улыбку.

– Да мало ли что я на ней обещал! – легкомысленно отмахнулся Тай. – Сама знаешь, я влюбчивый, а они... – он кашлянул, старательно изображая смущение, – так и липнут. Сами ко мне в кровать залазят...

– Да знаю я, знаю! – извинила принца Кайра, исподтишка, со странной смесью восхищения и сочувствия рассматривая юношу. – Ты же для них диковинка, навроде песчаной набудийской пантеры из зверинца твоего батюшки.

Тай уже собирался галантно парировать, что сравнение с пантерой больше подходит самой Кайре, но, уловив понимание во взгляде девушки, сердито прикусил нижнюю губу и обиженно промолчал. Вот уж в чем в чем, а в ее заботливом соболезновании он нуждался менее всего. Тем более что сострадание, по его личным меркам, являлось недопустимым проявлением слабости, унижающим мужскую гордость, – таким слезливым милосердием, сравнимым с жалостью. А душевные подачки подчас ранят намного сильнее самых грубых оскорблений и острых клинков. Поэтому принц невозмутимо отвернулся, снова уткнулся в свиток и сделал вид, что занят только стихами. Кайра насмешливо фукнула сквозь зубы, не сводя с юноши пронизательного взгляда. Тай не переставал ее удивлять вот уже без малого почти пять десятков лет, в течение которых эльфийка добросовестно выполняла обязанности его личного телохранителя, собеседника и друга. Хотя дружить с принцем оказалось нелегко, а временами – труднее, чем охотиться на демонов с Нижнего уровня. Но при этом у Кайры не находилось ни малейшего повода в чем-то обвинять невезучего Тая, который если и не смирился окончательно с выпавшей ему нелегкой долей, то сознательно пошел по пути

благоразумия и относительно к ней приспособился. Ведь принц тоже никогда не обижался на тех, кто был явно слабее его – на стариков, детей и глупцов. Так какой же смысл кому-то из нас дуться на злодейку-судьбу, если для нее самой мы все – дураки или, в лучшем случае, дети?

Во всем мире, даже в самых отдаленных и забытых Пресветлыми богами местах: таких как малолюдные пустыни Намбудии, ветреные солончаки приморского Рюнхена или гнилые, смертельно опасные болота маркграфства Эйсен – любят распевать песни, прославляющие легендарную эльфийскую красоту. И песни эти не врут – ведь мало кто способен сравниться с эльфами в тонкости упругого стана, длине ног, густоте шикарных волос и блеске сияющих глаз. Ну если только их ближайшие родственники сильфы. Но из всех прекрасных эльфов, проживающих по обе стороны Хрустальной долины, наипрекраснейшим считался принц Тайлериан из клана Белой розы, младший сын владыки Рагнарэля. Дети у эльфов рождаются крайне редко, а появление третьего сына и вовсе стало событием уникальным и трагическим, стоившим жизни его матушке – королеве. Но в лице юного принца милостивая богиня Аола – Дарующая жизнь – словно излила свои самые ценные дары, воплотив в одном юноше все возможные достоинства и таланты. Белая как молоко кожа, удивительно сочетающаяся с волнистой копной черных, будто смоль, локонов. Огромные глаза невероятного фиалкового цвета, высокий рост и безупречная фигура, по слухам, заставлявшая бледнеть от зависти даже троицу неразлучных братьев богини: Гора (Благородство), Ава (Справедливость) и Удра (Мудрость). Губы, нежные как два лепестка розовой орхидеи, неизменно сложенные в приветливую улыбку. И вдобавок ко всему – голос, своим сладостным звучанием затмевающий соловьиные трели в королевском саду белокаменной столицы – тысячелетнего Эль-сила. Таков был принц Тайлериан, краса и гордость Белого клана, всеобщий любимец и баловень. А при этом еще и хулиган каких поискать, разгильдяй, лентяй, нахал, да и бабник неимоверный. Не пригодный ни к чему и ни для чего – а только к сочинению стихов, распеванию баллад и шашням с блудливыми, словно кошки, фрейлинами. «Сами виноваты, разбаловали!» – опечаленно вздыхал повелитель, любуясь сыном со смешанным чувством гордости и досады. Еще бы не досады. Вроде всем сын хорош: и красив, и умен, и за словом в карман не лезет, а вот нет же – ни к какому делу его не пристроишь. Только и остается послам иноземным его показывать, удовлетворенно выслушивая их восхищенные охи и ахи. А уж сколько после этого брачных предложений по поводу Тая поступает – и не сосчитать. Драконья служба знакомств «Крылатая сваха» давно с ног, вернее, с крыльев сбилась, пачками принося принцу любовные письма от заморских принцесс и графинь! Да вот только толку-то от всего этого пышного очковтирательства – ноль, и не на йоту больше... Ибо показывать Тайлериана гостям позволялось лишь сидя, задрапировав его спину специальными подушками, чтобы скрыть уродующий принца нарост, сильнее всего напоминающий горб. Эльфийские лекари тщетно ломали головы, пытаясь определить природу этого странного нароста, названного ими горбом, но не затронувшего позвоночник Тая и не испортившего его поистине царственную осанку. Возможно, это была опухоль, несущая страшную, неизлечимую болезнь? Но цветущий вид принца полностью опровергал и такое маловероятное предположение. Ведь эльфы никогда и ничем не болели. Однако факт оставался фактом – магия и медицина спасовали и отступили, будучи не в силах убрать неприглядную выпуклость, которой так стыдилась вся королевская семья. Вот так-то... Поэтому красота принца оказалась чем-то вроде кота в мешке, достоинством обременительным, ложным и совершенно бесценным – в смысле, никакой цены не имеющим. Впрочем, об этом мало кто догадывался.

По правде говоря, злополучный горб совсем не мешал Таю иметь бесподобную пританцовывающую походку и пользоваться дикой популярностью у особ противоположного пола. Уродство, как всем известно, вызывает гораздо больше нездорового интереса, чем самая безупречная красота, а уж подобное гротескное сочетание уродства с обаянием и вообще делало принца кем-то вроде чужеземного полубога, притягательного и

отталкивающего одновременно. А посему, жалуясь на домогательства со стороны придворных девиц, Тай ничуть не кривил душой – доставали они его изрядно и надоели принцу уже почти до тошноты. Легкомысленный и ветреный, он менял пассий словно перчатки, ничуть не задумываясь о разбитых сердцах отправленных в отставку любовниц. Ибо нельзя дать всем все, особенно если всех – много, а всего (то бишь его высочества принца Тайлериана-эль-Таваора) – мало. Да и золотое правило «Если сучка не захочет, то кобель не вскочит» еще никто не отменял. Эгоистично руководствуясь этими немудреными заповедями, Тайлериан предпочитал проводить дни, а также ночи в праздности и развлечениях. Он весьма неплохо сочинял стихи, распивал вино, распевал серенады под окном очередной возлюбленной – скандализируя королевский двор и будоража дворянство слезливой историей очередной отвергнутой невесты. Из-за Тая дамы топились и травились, пускались во все тяжкие и тяжело рыдали, залезали на горы и лезли в бутылку, да и еще много чего глупого творили. Кстати, на энтузиазм соискательниц его титула, горба, руки, сердца и прочих эrogenных частей тела это как раз ничуть не влияло, и их поток не иссякал. Наоборот, ненасытное женское любопытство жутко распалял извечнейший матримониальный вопрос – ну когда же найдется та единственная, которая сумеет приручить непокорного принца? Но пока таковой не находилось. Король Рагнарэль ругался на чем свет стоит, обещая лишить сына наследства, старшие братья по-черному завидовали похождениям младшенького, а Кайра преданно охраняла принца от любых напастей – что никого уже не удивляло. Ну на то она и была Кайрой!

Нет, конечно, не просто Кайрой, а ее милостью Кайраной-ил-Эвраил, графиней королевского дома, троюродной сестрой принца Тая и бессменным лейтенантом «Черных наездниц» – знаменитого отряд девушек-рейтаров, смелостью и воинской доблестью намного превосходящих опытейших дворцовых гвардейцев. Поэтому связываться с Кайрой отваживались не многие, а еще меньшее количество глупцов после этого выживало, отделавшись глубокими ранами, оставленными разящим жалом ее клинка. Они даже внешне выглядели похожими, Тай и его родственница-телохранительница: оба высокие, темноволосые и красивые. Вот только принц частенько страдал приступами плохо поддающегося контролю сумасбродства, а Кайру редко кому удавалось вывести из себя, пробудив хоть одну искру гнева в глубине ее бездонных карих глаз. Острая на язык и умеющая к месту вернуть крепкое словцо, она отлично управляла своими эмоциями, неизменно предпочитая заменять столь любимый при дворе обмен колкостями на колкости другого свойства, именуемые ударами рапиры. «Черная наездница» Кайра славилась хладнокровной выдержкой, стоившей жизни не одному десятку завязых дуэлянтов. Кайра являлась по-настоящему опасной особой. При дворе ее считали патологией, случайной ошибкой природы – как и любую другую женщину, обладающую совершенно несовместимыми качествами: красотой, умом и чувством собственного достоинства. А вот принц Тайлериан Кайру понимал.

Точнее, они с самого начала прекрасно ладили между собой. Он прощал ей некоторое ханжество и закоренелый педантизм, она ему – бесшабашные выходки и нервные срывы, полностью компенсирующиеся добротой, остроумием и тщательно скрываемой порядочностью, с которой принц боролся, будто с самым непримиримым своим врагом. «Трудно жить наивному, если все вокруг хитрые!» – неоднократно претенциозно изрекал он, с садистским удовольствием искореняя в себе все светлое и непорочное. Еще бы, ведь его внутренний мир не имел ничего общего с омерзительным горбом, уродующим спину принца. Поэтому он старательно культивировал уродство души, ювелирно подгоняя его под изыяны своего внешнего облика. Однако стихи, выходящие из-под пера принца, частенько выдавали его с головой – поражая проникновенным лиризмом и незапятнанно-хрустальной чистотой. Вот почему Тай продолжал неизменно удивлять Кайру, искренне любившую его всем сердцем и отнюдь не платонической сестринской любовью. Тай же об этом даже не догадывался...

– Ох уж мне эта магия, – прервала затянувшееся молчание Кайра, чувствуя себя немного виноватой, словно непреднамеренно унизила Тая своими сочувствующими взглядами. – Создавать свитки и перья тебя наш магистр научил, а вот внешность твою исправить... – Она замолчала снова, понимая, что опять ляпнула лишнее.

Принц по-прежнему не оборачивался.

Кайра сконфуженно прошла по комнате, поскрипывая портупеей и черными ботфортами. Ее привыкший подмечать каждую мелочь глаз не упустил из виду и пыль на стеллажах с книгами, и косо висящую люстру, и грязные шторы. Принц Тайлериан, славящийся склонностью к элегантным, но неброским костюмам, не замечал царящего вокруг беспорядка, увлеченный лишь стихами и музыкой. Слуги-уборщики редко умудрялись проникнуть в его покои, а самый чистый угол спальни Тайлериан отвел маленькой семиструнной гитаре, бережно уложенной в усыпанный самоцветами футляр. Как и положено полубогу и гению, принц мало интересовался суматошным земным бытием. Девушка восторженно улыбнулась.

– Да все мы, вояки, одинаковы, – предприняла вторую попытку эльфийка, – толстокожи, грубы и неотесанны. Сила есть – ума не надо...

– Точно, сила, лучше и не скажешь! – радостно воскликнул принц, что-то торопливо записывая. – И как до меня раньше не дошло?..

– Ты тоже так считаешь? – немного раздраженно спросила девушка, получившая столь неоспоримое подтверждение своей скоропалительной теории. – Мм, ну может, я все-таки преувеличила?

Тай повернул к девушке сияющее восторгом лицо:

– Меня внезапно осенило, – он потряс свитком у нее под носом, – я нашел рифму!

Кайра недоуменно приподняла бровь.

Пылай, любви моей звезда!
Душа – пощады не просила,
Ведь страсть – не плеть и не узда,
А дар богов и сердца сила... —

вдохновенно зачитал принц, подглядывая в наспех набросанный черновик баллады. – Я дописал недостающее четверостишие!

Кайра тихонько вздохнула. С одной стороны, она радовалась, что Тай не затаил на нее обиды, а с другой – новые стихи он опять посвятит не ей... Но, искусно скрывая свои истинные чувства, вслух она произнесла совсем другое:

– Отец опять выразит недовольство твоим вопиюще халатным поведением. – Телохранительница удрученно покачала головой. – Ты совсем забросил уроки фехтования и проигнорировал первую его просьбу – все-таки стать воином. А вторую...

– Вторую... – Тай бережно убрал свиток на полку, – к ней я прислушался. Знаешь, я тут подумал на досуге и решил, что отец прав. В конце концов, самый надежный способ обезопасить себя от домогательств, это выбрать одну из многих. Уж тогда-то остальные точно отступятся!

– Хм! – недоверчиво хмыкнула Кайра, подавляя овладевшее ею отчаяние. – И на ком ты остановил свой выбор?

– Сам пока не определился, все прикидываю, сомневаюсь, сравниваю... – Принц смотрел на нее просительно. – Я надеялся получить от тебя совет. Поможешь мне с выбором? Пожалуйста, прошу не в службу, а в дружбу. Все-таки ошибиться тут нельзя, меня ждут великие тела!

– Ну-у-у, – задумчиво протянула Кайра, колеблясь с ответом, – а ты уверен, что тебе интересно мое мнение? Когда совета просит женщина, это значит, что она в первую очередь нуждается в собеседнике. А когда мужчина – значит, он желает обрести подтверждение своей правоты!

– Скорее всего, так оно и есть, – согласно улыбнулся Тай. – Ты всегда рассуждаешь здраво. Но я вынужден выбирать практически вслепую, потому что не очень-то верю этим официальным обманкам. – И он извлек из ящика стола целую охапку ярко раскрашенных картинок.

Кайра ахнула.

– За незнание мужчин платят невинностью, за незнание женщин – судьбой! – философски изрек принц, раскладывая картинки на столе. – Наверняка портреты безмерно льстят оригиналам. Какую из представленных здесь дам предпочла бы ты, будучи на моем месте?

«Меня!» – так и хотелось выкрикнуть Кайре, но она промолчала. Нынешние интересы государства в силу напряженных отношений между кланами требовали, чтобы Тайлериан впервые в истории народа эльфов женился на чужеземке, обычной смертной женщине. Он не являлся наследником престола, и поэтому от него ждали не детей, а выгодного дипломатического хода, вполне полагаясь на то, что прекрасный эльф сумеет очаровать любую девушку, даже невзирая на свой горб. Зато союзников в этом случае у Белых прибавится. Подобные браки еще не заключались, но ведь все в мире когда-нибудь происходит в первый раз. Все это Кайра знала и понимала, а поэтому послушно подошла к столу и склонилась над портретами.

– Вчера я встречался с драконом Рэндоном, главой «Крылатых свах», – продолжал подробно рассказывать Тайлериан, разглядывая портреты чуть ли не с отвращением. – Он любезно презентовал мне всю картотеку класса «экстра» и уверил меня в своей немедленной готовности сосватать, выкрасть или купить любую даму из представленного ассортимента...

– Я полагаю, что мужскую часть картотеки класса «экстра» возглавляешь ты? – насмешливо перебила его девушка. – Не боишься, что какая-нибудь пылкая принцесса закажет драконам тебя?

Тай иронично рассмеялся:

– Не боюсь. Рэндон – мой друг!

– Лучший друг драконов – золото! – безапелляционно провозгласила эльфийка, перебирая портреты. – И ты знаешь это не хуже меня. Друга нельзя купить, зато можно выгодно продать...

– Все-все, убедила! – Тай грустно улыбнулся, мягко прикрывая своей благоухающей розмарином ладонью губы девушки. – Ты настолько же мудра, насколько и красива. Но если отцу в его сиятельную голову что-то втемяшится, то... Короче, я согласился жениться!

– Ну хорошо, – Кайра мотнула головой, отбрасывая ту руку, которую на самом деле мечтала осыпать тысячей нежных поцелуев, – давай обсудим претенденток! – Она подхватила первый портрет, отстраняя его от себя и придирчиво рассматривая. – Как тебе эта – виконтесса Рюнхенская, фрейлейн Брюнхильда?

Тай немедленно скривился, будто съел что-то несвежее:

– Уж очень она толста, свиноматка, а не женщина! Я мне с ней, между прочим, еще супружеские обязанности выполнять придется, ну... хотя бы раз в год, на ее именины.

– Сомневаюсь, – хихикнула Кайра, – по-моему, у этой девицы уже есть в жизни счастливая и взаимная любовь – к конфетам!

Принц брезгливо фыркнул, выхватил у девушки забракованный портрет и бросил его под кресло.

– Лот номер два! – входя во вкус игры, торжественно провозгласила телохранительница. – Младшая дочь офирского кесаря – леди Ксения!

Изображенная на картине девица отличалась крайней худобой, квадратным подбородком, удлиненным лицом и выпирающими вперед крупными зубами. Тай аж икнул:

– Спаси меня Аола! Эта Ксения выглядит такой кобылой, что связавшегося с ней нужно судить за конокрадство!

– Ну ты и пошляк! – гневно попеняла ему Кайра.

– Не пошляк, моя дорогая, – принц настойчиво разжал ладошку девушки, отнимая у нее

портрет Ксении и отправляя его в компанию к фрейлейн Брюнхильде, – а эротический шутник!

Кайра покосилась на него недоверчиво и взяла следующую картинку:

– Сама вдовствующая маркграфиня Рюнхенская, фрау Фрира!

Женщина на портрете выглядела от силы лет на тридцать, бесспорно обладала красотой и статью, но, присмотревшись повнимательнее, можно было заметить склочно поджатые тонкие губы стервы и холодные глаза властолюбивой убийцы.

– Благодарю покорно! – бурно отреагировал принц. – Да ты, никак, смерти моей желаешь? Эту благородную даму не зря Фригидрой прозывают, она уже троих здоровенных мужей в могилу свела... – И компания дам под креслом пополнилась еще одним достойным экземпляром.

– Дочь нарронского короля, принцесса Рагунда! – прочитала Кайра подпись под портретом.

– А знаешь, эта вполне ничего! – Тай задумчиво теребил свои локоны. – Не красавица, но вполне мила, и личико умненькое. И, судя по пропорциям, у нее, скорее всего, аппетитные длинные ножки...

– А ноги-то тебе куда упираются? – недоуменно спросила Кайра.

– В плеч... – необдуманно начал принц и тут же осекся. – Ой, прости, пожалуйста, само вырвалось. Ну, ноги – это весьма важно и даже рискованно. Я уже не единожды замечал, что длина мужских рог прямо пропорциональна длине женских ног...

– Ах так, значит, – поддела Кайра. – По-твоему, все жены изменяют мужьям?

– А разве нет? – язвительно переспросил принц. – Если тебе повезло с умной и красивой женой, помни: есть еще и другие мужчины. А если не повезло, не забывай: на свете существуют другие женщины!

– Циник! – нахмурилась Кайра.

– Ну уж каким родился! – Принц галантно поцеловал ее крепкий кулачок. – Но Рагунду мы на всякий случай отложим в другую сторону, вдруг пригодится. Кто там у нас еще остался?

– Дочь красногорского князя, княжна Рогнеда. – Голос девушки неожиданно дрогнул.

– Опять страхо-людина? – иронично скаламбурил Тай, продолжая снисходительно коситься на портрет Рагунды.

– Оцени сам, – тихонько предложила телохранительница, протягивая ему картинку.

Тайлериан небрежно взял портрет, удивленно выпучил глаза и восхищенно присвистнул:

– Ничего себе!

Красногорская княжна оказалась сказочно хороша собой. Овальное лицо идеального очерка красиво обрамляли две толстые золотистые косы. Огромные голубые глаза смотрели счастливо и наивно, между приоткрытых алых губок сверкали жемчужные зубки. Лебединая шея плавно переходила в плечи, а ниже – сквозь кисею рубашки призывно розовели округлые упругие грудки...

Принц тяжело дернул кадыком:

– Кажется, я влюбился!

– А как же недавние разговоры про неверных жен? – ехидно напомнила Кайра.

Но Тай только отмахнулся:

– Наплевать! Завтра же позову Рэндона, пусть летит в Красного...

Внезапно раздавшийся звон прервал пылкую речь принца. В центре комнаты возник полупрозрачный столб голубоватого тумана. Туман сгущался и уплотнялся, постепенно принимая очертания худощавого молодого мужчины, облаченного в белые жреческие одежды. Бритую голову незваного гостя венчал серебряный обруч посвященного богини Аолы, удерживающий легкий капюшон, прикрывающий лицо жреца. Служители-янтры, отдавшие свои души под покровительство Дарующей жизнь, предпочитали прятать глаза, казавшиеся мертвыми из-за постоянного воздействия священной одурманивающей травы. Но

без ежедневного вдыхания дыма от сжигаемых на медных жаровнях семян янт жрецы не могли прорицать или творить магические заклинания. Вот и сейчас замершие от испуга эльфы видели не настоящую телесную оболочку молодого жреца, а лишь ее ментальную проекцию, силой магии перенесенную на значительное расстояние. Призрак торжественно ударил посохом об пол и раскатисто изрек:

Спешите в Храм, богини дети,
Вам Логрин преподаст урок,
Ведь Зло опять сплетает сети,
Уже грядет жестокий рок...

После этого туманная фигура утратила четкие очертания и опала на пол каплями прозрачной дождевой воды.

Кайра тяжело перевела дух, словно сбрасывая оковы колдовского наваждения. А Тай так и продолжал стоять с судорожно сжатым в пальцах портретом княжны Рогнеды и потрясенно отвисшей челюстью. Наконец он немного пришел в себя.

– Это что еще за фокус? – спросил он Кайру, опасливо водя носком сапога по расплывающейся на полу луже.

Девушка рефлекторно схватилась за рукоять рапиры, да так крепко, что фаланги ее и без того белой кисти побелели еще сильнее.

– А ты не понял?

Принц нахмурил лоб, пытаясь вспомнить что-то, упорно ускользавшее:

– Ну мне как-то доводилось читать о жрецах Великой богини, но они такие редкие гости у нас во дворце, что эльфы уже почти забыли об их существовании...

– Да, – поддержала его девушка, – тебе ведомо не многое. Но, к счастью, я выбираю в королевской библиотеке не только любовные романы, но и серьезные исторические трактаты. Из одного подобного манускрипта я узнала следующее: в глубине Хрустальной долины находится Храм Розы, посвященный богине Аоле...

– Ну это не секрет и для меня! – нетерпеливо воскликнул принц.

Но Кайра не обратила на его реплику ни малейшего внимания и неторопливо продолжила:

– Именно в этом Храме коронуют всех наших владык, правящих как кланом Белой, так и кланом Синей розы. При святилище богини неотлучно находится большая группа жрецов-янтров, основную часть своей жизни проводящих в полусонном трансе. Они изрекают пророчества, призванные разрешить споры между кланами или любые другие бытовые и дипломатические проблемы. Жрецов возглавляет Великий Логрин, просыпающийся раз в сто лет и лишь в том случае, если нашему миру угрожает серьезная опасность...

– И сейчас он проснулся! – прозорливо догадался Тай. – Но что же произошло?

– Очевидно, что-то страшное, – печально подвела итог Кайра. – В последний раз его пробуждение предшествовало ужасной песчаной буре, пришедшей с барханов Рохосса. Тогда погибло много народу и случился затяжной голодный бунт, закончившийся убийством нескольких высокопоставленных эльфов...

– Да хоть бы всех поубивали, лишь бы война не началась... – не заботясь о логике бормотал принц, торопливо смахивая на пол бумаги и отыскивая на захлапленном столе длинный, богато инкрустированный кинжал, который он суетливо привесил себе на пояс. – Любопытно, что напроорочит нам Логрин в этот раз?

Кайра неопределенно пожала плечами:

– Это вполне в твоей манере – так легкомысленно воспринимать грядущую угрозу...

– Ваше высочество! – долетел со двора звонкий крик, врываясь в распахнутое окно покоев принца. – Ваше высочество, принц Тайлериан!

Принц перегнулся через подоконник, выглядывая наружу:

– Я здесь!

– Спускайтесь, ваше высочество! – Молодой паж с трудом удерживал гарцующего коня, высекавшего массивными, надежно подкованными копытами снопы ярких искр из каменных плит, выстилавших площадь перед замком. – К королю явился вестник из Храма, Верховный жрец Логрин призывает всех к себе!

– Иду! – выкрикнул Тай, на бегу застегивая пряжки колета.

Кайра поспешила за ним, предусмотрительно захватив две широкополые шляпы. Она упрямо сжала губы (догадываясь – храмовые новости не предвещают ничего хорошего), преисполненная решимости любым способом защитить принца от надвигающейся беды и даже, если понадобится, ценой собственной жизни. Что ей судьба государства? Счастье и благополучие Тая волновали ее куда больше всех прочих проблем. Внешность бессмертных эльфов никогда не соответствовала их реальному возрасту – в пять лет они казались подростками, а в триста – выглядели на восемнадцать. Но Кайра была намного старше Тая и успела повидать немало странного, вполне отдавая себе отчет в том, что, по-видимому, их страна вступала в очередную черную полосу неудач. «Ну и не везет же нам! – успела подумать девушка, ритмично стуча каблуками вниз по лестнице. – И почему мы такие невезучие?»

Они оказались последними, покидавшими замок. Повелитель Рагнарэль, уже сидевший в седле, раздавал отрывистые приказания, не желая задерживаться ни на минуту. Собравшиеся во дворе эльфы шумно переговаривались, бряцало оружие, ржали кони... На панику это не походило, но и спокойствия не добавляло. Тай одним прыжком вскочил на подведенного пажом жеребца. Кайра кинула ему шляпу с пышным плюмажем. Принц удачно поймал любимый головной убор и небрежно нахлобучил его на свою взлохмаченную шевелюру. Из-под белого пушистого пера лукаво подмигнул фиалковый глаз, намекая: «Не дрейфь, сестренка, прорвемся!» Кайра умиленно заулыбалась.

– Поехали! – властно скомандовал король и взмахнул рукой.

Кавалькада всадников взяла в галоп.

Промытое дождем луговое разнотравье сменили мраморные плиты, пожелтевшие и растрескавшиеся от древности. Тай ехал не поднимая глаз. Он пытался рассмотреть полустертые рисунки и орнаменты, встречающиеся ему на пути. Кто и когда построил эту грандиозную дорогу? На этот вопрос не смог ответить даже его отец, проживший так много столетий, что он уже и сам позабыл год своего рождения.

– Прошло больше тысячи лет! – неопределенно хмыкнул повелитель, не желая ввязываться в бессмысленные разговоры.

Лицо короля хранило отпечаток мрачной озабоченности, потому что Рагнарэль прекрасно понимал – пророчества Логрина несут его стране одни лишь горести и неисчислимые беды. Не раз и не два в течение своей долгой жизни он встречался с Верховным жрецом богини Аолы и отнюдь не желал новых, таких же прискорбных встреч. Рагнарэль не боялся никого и ничего – его очерстневшая душа уже изжила само понятие страха, как позабыла она и нежность любви, сладость поцелуя, радость доброты. Король признавал лишь честь и долг. Но пророчеств Логрина повелитель все-таки опасался, скрывая свою боязнь под маской наносной твердости и мужества, приличествующих настоящему владыке. Ведь если разобраться, разница между трусом и храбрецом заключается всего-то в умении правильно распределять свои эмоции, да еще – вовремя их проявлять. Но возраст неизбежно стирает видимую грань между трусостью и отвагой, заменяя их глупостью или мудростью. Все люди и эльфы мечтают жить долго, но никто из них не хочет стареть. Битву со старостью Рагнарэль проиграл давно и бесповоротно, разумно променяв молодость на умение принимать верные решения и заботиться о благе государства. Его некогда прекрасное лицо избороздили глубокие морщины, волосы поредели и поседели. Руки покрыли безобразные бурые пятна, шея обросла складками, а стройный стан – расплылся и отяжелел. Вид короля вызывал отвращение, но выпцветшие серые глаза еще не утратили прежнего стального блеска, внушая невольное уважение и принуждая: склонись, подданный,

ибо перед тобой – владыка!

Благоговейно поклонившись озабоченному нелегкими думами отцу, Тай отъехал в хвост длинной вереницы всадников, чуть придержал коня и склонился к земле, зорко всматриваясь в мраморные плиты. На самом деле он не являлся таким уж замшелым невеждой, коим намеренно выставил себя перед Кайрой. Принц обладал острым умом, умением анализировать информацию и огромными знаниями в самых различных областях культуры, истории и теологии, но предпочитал не выставлять это напоказ, справедливо полагая – с дураков всегда меньше спроса. Тайлериан не брезговал рыться в ветхих, заплесневелых сундуках, спрятанных в глубине библиотечного подвала и наполненных обрывками старинных, полуистлевших рукописей. А ведь они таили много интересного, неся остатки запрещенных знаний, рассказывающих о судьбе Земли и столетиях ужасной Мертвой зимы.

Когда-то на их планете обитали иные нации, развязавшие чудовищную войну, в результате которой мир погрузился в пучину разрушения, холода и смерти, порожденных атомной энергией. Не выжил никто. Но потом на Землю явились Великие Творцы и подарили умирающей планете второй шанс. Все началось заново. А теперь Земля состояла из нескольких мелких островов и двух обширных материков – Антеи и Ундоры, населенных множеством рас и разбитых на пару десятков государств. На территории Антеи мирно сосуществовали люди и эльфы, орки и кентавры. В зеленых оазисах Ундоры, отделенной от Антеи водами Моря Туманов, хозяйничали мудрые драконы. Мало кому удавалось достичь жаркой Намбудии, протянувшейся вдоль ундорского побережья и нагревающей воды Моря Туманов до такой степени, что от них исходил пар, как от камней в эльфийской бане...

Принц преданно оберегал тайные знания, надеясь когда-нибудь хоть краешком глаза увидеть все эти невероятные чудеса. Он категорически не желал становиться воином или королем, он мечтал о судьбе великого путешественника и менестреля, воспевающего в балладах просторы родного мира. А еще он грезил о настоящей любви... И перед мысленным взором Тая вновь возникло прелестное личико красногорской княжны, заставившее взволнованно забиться его ветреное сердце...

– Храм, впереди Храм!

Неожиданно раздавшийся возглас оторвал Тайлериана от его размышлений. Он вскинул голову и... с трудом сдержал вопль безотчетного восторга, непроизвольно рвущийся с губ. Храм Розы слыл самым удивительным сооружением во всем мире.

Таю никогда еще не доводилось посещать Хрустальную долину, вход в которую охраняла пара чешуйчатых грифонов. На протяжении всего пути он прикрывал лицо широкими полями своей шляпы, почти ослепнув от нестерпимого сияния тысяч кристаллов горного хрусталя, густо покрывающих склоны обеих гор, образующих долину. Старшей сестры – на которой высилась грозная цитадель Ширул-эль-шэн, обитель клана Синей розы, и Младшей сестры – его родного дома, где среди благоухающего хвоей соснового бора стоял белостенный город Эль-силь, столица клана Белой розы. Но Храм Розы во сто крат превосходил оба легендарных шедевра, построенных эльфийскими архитекторами.

Он напомнил принцу полураспустившийся бутон чайной розы, отлитый из стекла и золота. Чей изощренный ум проектировал эти ажурные арки и воздушные мостики, чьи искусные руки чеканили это высокое крыльцо и створки изящных ворот, распахнувшихся словно половинки морской раковины? Эльфы сошли с колен и упали на колени. На крыльцо церемонно выступила вереница жрецов, трепетно ведущих под руки необычайно высокое, тощее существо. Его хрупкие кости, напоминающие многосуставчатые конечности насекомого, соединялись под немыслимыми углами, складываясь во что-то невероятное – не похожее ни на человека, ни на эльфа. Жрецы медленно откинули кусок плотной ткани, окутывающий лицо странного создания. Тай вздрогнул, потому что глаза Великого Логрина прикрывали серые, морщинистые веки, спускающиеся до середины щек.

– Поднимите мне веки! – скрипуче повелел Верховный жрец, слепо поводя руками, будто ощупывал склонившихся перед ним эльфов.

На короткое мгновение принцу померещилось – его головы коснулось что-то влажное, чужеродное и неживое. Волна ужаса прокатилась по спине юноши, на висках выступил холодный пот.

Свита молодых жрецов бережно подняла обвисшие лоскуты кожи, открывая Логрину обзор. Два луча ослепительного белого света вырвались из его темных глазниц, сея страх и отчаяние в рядах коленопреклоненных дворян. Невозмутимым остался один король Рагнарэль. Взор жреца медленно скользнул вдоль шеренги собравшихся и остановился на принце Тайлериане...

Глава 2

– Рогнеда, вставай! – Чья-то рука настырно трясла меня за плечо, прерывая сладкий утренний сон. – Да вставай же!

– Сгинь, не буди во мне зверя, – басовито рыкнула я сиплым спросонья голосом, – он и так не высыпается!

– А вот неча было вчера допоздна на заднем дворе саблями махать, а потом чуть не до утренней зорьки с княжескими латниками пиво лакать и матерные частушки голосить! – ехидно поддел меня зануда Михась, бухая на стол тяжеленный двухведерный самовар. – И голова, глядишь, сегодня не болела бы!

– Если голова болит, значит, она у меня есть! – не менее ехидно сообщила я, протяжно зевая, потягиваясь и почесывая заголившийся живот. – Хоть бы отвернулся, бесстыдник!

– А чего я там не видывал? – равнодушно ответил Михась, споро выставляя на стол блюдо с пирогами и разливая по кружкам ароматный офирский чай. – Девки-то наши, насмотревшись эльфийских мод, почитай нагишом ходить начали. Так что меня теперь уже ничем не удивишь!

– Ага, так, значит! – неопределенно хмыкнула я, вылезая из-под лоскутного одеяла и усаживаясь на лавку. – С чем пироги-то?

– Так с крольчатинной, вестимо, – деловито доложил мой оруженосец, шумно прихлебывая из блюдца. – Как ты вчера изволила с новым луком упражняться и случайно подбила ручного крола княгини Зои, так я его поварихам на кухню и снес. Чего, думаю, зря добру пропадать?

– Ага! – снова отреагировала я, задумчиво жуя и пытаюсь сообразить, что сделает со мной женушка старшего братца Радомира, проведав о печальной участи, постигшей ее любимца. – А княгиня уже знает?

– Да нет еще, – шмыгнул носом парнишка. – Их светлость вчера же тоже в терем поздно прибыть изволили, ибо почитай до последней утренней звезды в эльфийском тياتре просидели!

– Ага! – в третий раз подряд меланхолично выдала я. – В театре, значит...

– Княжна, а княжна, загадай загадку свеженькую! – приставуче заканючил Михась. – Ну ради Аолы!

– Загадку? – улыбнулась я. – Давай отгадывай тогда, коли сам напросился. Без рук, без ног – на бабу скок. Что это?

Отрок восхищенно заскреб в лохматом затылке:

– Инвалид Игошка с базара?

– Не-а!

– Не ведаю тады!

– Коромысло.

– Ух ты, хитро-то как! – приоткрыл рот Михась. – Да такое и эльфы не скумекают.

А я задумалась еще пуще – и на фоне этого незаметно ухватила да схомячила второй пирог, оказавшийся невероятно вкусным. Опять Михась про каких-то эльфов балакает!

– Ой, а ты чего это заикаться вдруг перестал? – запоздало спохватилась я. – Небось волхв Никодим расстарался?

– От этого толстопузого, кажется, дождешься... – ворчливо отмел столь невероятное предположение паренек, пренебрежительно морща конопатый нос. – У него одна присказка: «Молись богине Аоле, отрок, и все тебе будет!». Как же, будет! – Михась весьма похоже передразнил богатую мимику мокрогубого, апоплексичного и важного первосвященника богини. – Над моим горем и так все княжеские кони ржут!

– Ну это ты, дружок, лишку загнул! – рассмеялась я, чуть не подавившись крольчатиной. – Коням на тебя уж точно наплевать...

– Ах, – подпрыгнул на лавке парнишка, явно вспомнив по ассоциации что-то интересное, – наши жеребцы плевать не умеют. А вот видел я наемни у эльфов зверя чудного, который так плевать горазд, что ему все княжеские холопы завидуют! И прозывается тот зверь – вербля...

– Чего? – недоверчиво протянула я.

– Вирблюдь! – торжественно выдал Михась, чуть ли не по слогам произнося сложное заморское словечко.

– Верблюд, олух ты этакий! – наставительно поправила я. – Я про него в книге читала!

– Ну мы неграмотные, академиев не кончали! – философски откликнулся Михась, за обе щеки уплетая вяленый виноград.

– Ой, чего-то я тебя не понимаю, – растеряннo посетовала я, намеренно пропуская мимо ушей давно набивший оскомину намек на мое двухгодичное обучение в Нарронской академии, откуда меня в итоге вышибли с треском и скандалом. – И с чего это на нашем столе лакомства деликатесные, чужеземные появились?

– Так я тебе и говорю, – как ни в чем не бывало продолжил оруженосец. – Гулял я вчера по эльфийской ярмарке, изюма купил и пилюли лечебные у лекаря ихнего, от которых мое заикание враз как рукой сняло...

– А не брешешь, часом? – усомнилась я.

– Как можно?! – возмутился оруженосец.

– Так к нам что, эльфы приехали? – все-таки дошло до меня. – Зачем?

– А кто ж их поймет! – довольно чавкнул Михась. – Делегация какая-то к батюшке твоему прибыла. Все чин чинoм, как и положено: послы, обоз, бабы красивые, воины с мечами, и ярмарка на площади со всеми развлечениями прилагается – с лавками, тياتром, колдунами и лекарями. Красотища неимоверная! Весь город от радости с ума рехнулся, на потехи эльфийские гляючи...

– Хм!.. – Я задумчиво подперла кулаком нечесаную голову. – Давненько эльфы к нам не заглядывали! Ох, чует мое сердце, неспроста это...

– Так и я об том же! – согласно поддакнул оруженосец, состроив хитрую морду. – Надобно все самим разнюхать и увидеть. Пойдем на ярмарку, княжна?

По его предательски заблестевшим глазам стало понятно, что Михась страсть как хочет снова попасть на площадь и всласть потаращиться на эльфийские чудеса. Но мне эта идея почему-то не нравилась...

– Кто?! – Дикий женский вопль сотряс тихий княжеский двор. – Кто посмел?!

– Она! – Михась обреченно втянул голову в плечи. – Все, хана нам пришла! Как пить дать, княгиня Зоя про крола убиенного прослышала...

При этих словах я тоже почувствовала себя немного неуютно. Зоя, супруга батюшкиного первенца и наследника, тридцативосьмилетнего богатыря Радомира, ласкового и спокойного, будто телок, среди челяди прозывалась пышно и красноречиво – Змеей особо ядовитой! Происходившая из жутко чванливого семейства офирских кесарей и являвшаяся достойной дочерью печально знаменитого сатрапа² Помпидия княгиня отличалась невероятной толщиной и столь же невероятной вспыльчивостью воистину невозможного характера, обладая талантом в считанные мгновения выводить из себя кого угодно, в том

² Здесь: жестокий деспот.

числе и обычно равнодушного, малость заторможенного Михася. Поэтому связываться с Зоей не решался никто, даже я.

– Что, так это княжна моего Пушка пристрелила?! – Повторный, еще более пронзительный визг так резанул по ушам, что я чуть не оглохла. Слюдяные пластины в окнах испуганно задребезжали. – Да как же она посмела, дрянь непутевая!

– Рогнеда, а Рогнеда, – торопливо зашептал мне отрок, обводя хоромы затравленным взглядом и стуча зубами почище любого крола, – мне князь Радомир по секрету рассказывал, что его демонова супружница даже не скалкой, а поленом дерется! Так, может, мы это, уберемся отсюда подобру-поздорову, пока поздно не стало? А то, боюсь, после полена нас даже эльфийские лекари не откачают...

Лестница, ведущая на второй этаж, в мою светелку, жалобно заскрипела под торопливыми, пудовыми шагами. Кажется, я побледнела.

– Гоблин с тобой, соблазнитель, быстренько идем на ярмарку! Только учти, мы не от Зои сбегает, а отправляемся налаживать дипломатические контакты с дружественной нам державой... – Я наигранно невозмутимо подхватила с лавки, сгребая в охапку ножны с саблями, сапоги и кафтан.

– Здорово придумано, по-княжески! – лстиво поддержал Михась, шустро увязывая в платок злополучные пироги. – А через окно, думаю, оно сподручнее будет... – И, не дожидаясь меня, он рыбкой нырнул в открытое окно, приземлившись прямым на стог хорошо просушенного сена.

Я выбросила наружу одежду с оружием и привычно выпрыгнула следом. Этим стогом мы пользовались весьма часто, сбегая то от вспыльчивого батюшки, то от надоедливых братьев, а то от чересчур заботливой тетки Матрены. И поводы для столь неординарного отступления почему-то находились почитай каждый день, ибо, как любит говорить наш волхв Никодим, «свято место пусто не бывает!».

– Приветствую тебя, Хранитель! – Логрин чуть заметно поклонился, не сводя с Тая своего страшного, пронизывающего насквозь взора.

Принц обомлел. Остальные эльфы взволнованно загалдели.

– Ты ошибаешься, жрец! – Тайлериан постарался как можно корректнее опротестовать неслыханное заявление Логрина. – Не понимаю, на что ты намекаешь, но никакой я не Хранитель. Да мне и хранить-то нечего, ибо я даже не наследник престола...

Сухие, растрескавшиеся губы Верховного жреца исказила уродливая, почти издевательская усмешка:

– Тебе не удастся обмануть меня, Хранитель. Я вижу намного дальше, чем ты. А изменить судьбу способны лишь две непостоянные, часто меняющиеся местами величины, именуемые везением и невезением...

У Тайлериана немедленно мелькнула дикая, но вполне уместная в данной ситуации мысль, что пророку известно о жизни нечто гораздо большее и важное, чем это мог предположить кто-либо из собравшихся у Храма. И принцу показалось, что он уже почти понял скрытую суть слов пророка: если научиться обращать невезение в везение, как две части одного неразрывного процесса, то вполне вероятно, что...

Но тут за спиной принца потрясенно вскрикнула Кайра, к месту припомнившая свои недавние размышления и, как на беду, сбившая его с крутившегося в уме невероятного открытия. Логрин тоже услышал девушку и, внушительно подняв скрюченный палец, оканчивающийся длинным, загибающимся внутрь когтем, указал на нее.

– Я вижу на тебе смерть! – Он раскинул костлявые длани, словно стремясь охватить собравшуюся перед Храмом толпу. – Я вижу смерть на всех вас! Вы обречены!

– Ты выжил из ума, старик! – громко возмутился Халлагизель-эль-Реанон, повелитель клана Синей розы, прибывший со Старшей сестры. – Оставь при себе свои дурацкие угрозы!

– Разве Логрин когда-нибудь ошибался? – иронично спросил Рагнарэль, выдвигаясь из рядов своих соплеменников и становясь напротив второго владыки. – Отрицая или

намеренно игнорируя угрозу, ты от нее не избавишься, Хал!

Халлагизель, красивый пепельноволосый мужчина мощного телосложения, находящийся в самом расцвете величия и зрелой красоты, пренебрежительно усмехнулся, снисходительно рассматривая своего одряхлевшего соперника. «Куда старикан лезет? Да из него давно песок сыплется!» – брезгливо отметил Халлагизель. Уже не первый год Синий мечтал о воссоединении двух кланов и новой эре расцвета единого народа эльфов – конечно же под его единоличным управлением.

– До тех пор пока нами командуют слабые старики, мы так и будем бояться любого непонятного видения, пригрезившегося полубезумным жрецам, обкуренным травой янт. Но разумно ли это?

Синие поддержали своего предводителя громкими воинственными воплями. Рагнарэль осуждающе покачал седой головой:

– Оказывается, мудрость приходит не ко всем! Куда способна завести тебя жажда власти, Хал? Помни, мало иметь цель в жизни, нужно еще и уметь метко стрелять...

Конец фразы потонул в возмущенном вое Синих.

– Это оскорбление? – вкрадчиво поинтересовался Халлагизель, словно невзначай кладя руку на рукоять меча.

– Всего лишь предостережение! – миролюбиво улыбнулся Белый. – Поверь моему опыту, вскоре произойдет нечто такое, что по сравнению с этим событием все наши разногласия покажутся сущей мелочью...

– Дед, да ты, никак, устал. Пойди отдохни, – насмешливо посоветовал Хал. – Нам не нужны трусы!

– У одних главные полушария защищены черепом, а у других – штанами! – не сдержавшись, выкрикнул Тай.

По рядам Белых эльфов прокатились обидные смешки.

Синие ответили дружным лязгом вынимаемых из ножен клинков.

– Заткни своего уродливого щенка, Рагнар! – краснея от бешенства, сквозь зубы прорычал Халлагизель. – Иначе, клянусь Аолой, я сделаю это сам! А у меня слова с делом не расходятся!

– Чтобы слова не расходились с делом, нужно молчать и ничего не делать! – еще более дерзко парировал вооруженный одним кинжалом Тай, раздвигая дворян, преданно прикрывающих его своими плечами, и смело выходя вперед.

– Помню, рождались у нас крылатые эльфы, – отстраненно вымолвил Логрин, делая запрещающий жест и не позволяя своим жрецам вмешиваться в назревающую свару, – но вот горбатый – впервые!

– Ты не воин, – уничижительно хмыкнул Хал, намекая на горбатую спину принца, – ты неполноценный. Для меня нет чести в том, чтобы убить слабого калеку!

Синие мерзко заржали. Лицо Тая побледнело.

– Никогда не бей лежащего, ведь он может встать! – почти выкрикнул он. – Я, урод, вызываю тебя на поединок, владыка Халлагизель!

– Достаточно распрей, эльфы! – Логрин звучно грохнул об пол своим посохом. – Не для этого я вас сюда созвал. Мой сон нарушило страшное видение... – Тело жреца внезапно затряслось в приступе конвульсий, изо рта пошла пена. Он почти упал на руки бережно поддерживавших его жрецов и начал пророчествовать глубоким, благозвучным голосом, так не похожим на его привычный скрип:

Беда – направо, смерть – налево,
Зла поднимается стена,
Но между ними – только дева,
А за спиной ее – война.

И коль нужна тебе победа,

Ее возьми любой ценой,
Ведь деву ту зовут Рогнеда,
Ты назови ее женой.

От сильфской рождена царицы,
Отец ее – свирепый тролль,
Клинки ей вложены в десницы,
Ей суждена благая роль.

Во имя мира, света, рода,
Во имя двух святых богинь,
Полюбит дерзкого уroda...

Логрин силился сказать что-то еще, но тут из его горла хлынула густая черная кровь, щедро пятная белые одеяния. Жрецы мгновенно подхватили ослабевшего Великого пророка и поспешно унесли его в глубь Храма, плотно заперев за собой чеканные дверные створки. Эльфы остались на крыльце, растерянные и недоумевающие.

– И что все это означает? – поинтересовался Халлагизэль, всегда больше склонный к проявлению спонтанной воинской доблести, чем к многоходовым умозаключениям. – Подобной несусветной чуши мне слышать еще не доводилось...

Дворяне шокированно переглядывались, будто стремились переложить на плечи соседа тяжкую обязанность растолковать повелителям смысл сего туманного пророчества.

– Я знаю всего одну сильфскую царицу, – прервал затянувшееся молчание молодой Гектор, повелитель сильфов. – Мою сестру Феррис!

При упоминании имени Феррис лицо Халлагизэля негодуяще вытянулось.

– Не смей защищать свою блудливую сестрицу! – злобно прошипел он. – Никогда ее не прощу!

– На ошибках учатся, после ошибок – лечатся! – рассудительно усмехнулся Гектор. – Вот и пожинай теперь то, что посеял.

Халлагизэль сжал кулаки, будучи не в силах переносить публичное осмеяние своей венценосной особы и бесцеремонное обсуждение постигшего его позора. Ибо личная жизнь короля касается только его одного... Наступила напряженная тишина, грозящая вылиться в еще более опасный скандал. И тут принц Тайлериан поднял руку, привлекая к себе внимание всех собравшихся:

– Кажется, я знаю, о чем пророчествовал Логрин!

– Рассказывай! – в один голос воскликнули оба повелителя.

Принц смущенно прокашлялся:

– Всем нам хорошо известна прискорбная история повелительницы Феррис. Она оказалась старшей в королевском сильфском роду и унаследовала трон предков, испокон веков проживавших вместе с кланом Белых эльфов в славном Эль-силе. Кроме того, молодая королева была умна и необычайно хороша собой. По неведомым нам причинам она отвергла Пресветлых богов и дала обет служения иноземному богу Брану, покровителю воинов. Феррис отказалась от трона в пользу младшего брата Гектора и отправилась странствовать. Она отсутствовала много лет, а потом внезапно вернулась – больная, умирающая. Королева обмолвилась, что в далеком краю у нее осталась дочь, рожденная от страстной, но несчастной любви. Лекари клана Синих сумели излечить прекрасную Феррис, но взамен повелитель Халлагизэль потребовал ее любви, хотя сам к тому времени уже успел связать себя узами брака с другой женщиной. Феррис родила от Халлагизэля сына – Грея, которого ее брат, король Гектор, пока остающийся бездетным, усыновил и объявил своим наследником...

– Неправда! – взбешенно выкрикнул Хал. – Она сама меня соблазнила! Она настоящая ведьма, эта ваша хваленая Феррис!

– Продолжай, сын мой, – спокойно попросил Рагнарэль, пропуская мимо ушей грубые слова Синего.

– Совсем недавно я слышал об одной девушке, носящей имя Рогнеда! – закончил свое повествование Тай. – Она дочь красногорского князя. Но, судя по пророчеству Логрина, возможно, и не родная...

– И что из того? – глуповато спросил Халлагизель.

– Получается, что лишь тот, кто женится на княжне Рогнеде, и избегнет грядущей беды! – высказал смелое предположение Тайлериан.

– Разумно и очень связно! – одобрительно закивал головой его отец. – Нужно немедленно отрядить посольство в это Красногорье и выяснить все на месте. И если окажется, что эта девушка действительно имеет отношение к пророчеству Логрина, то я попрошу у князя ее руки. Кажется, – повелитель невесело усмехнулся, – я вполне подхожу под определение «урод»...

Тайлериан смотрел на отца потрясенно расширенными глазами. Так вот чего он добился! Практически своими руками отдал другому мужчине ту, в которую влюбился с первого взгляда. А он-то тут распинался, заботился о всеобщем благе, помогал, толковал пророчество жреца... И Таю стало смешно чуть ли не до слез. Как все-таки несправедлива судьба, наобум отмеривающая нам неравные дозы везения и невезения! Вот уж точно – любое решение проблемы плодит новые проблемы. Причем решения могут приходиться в голову одному человеку, а проблемы от этого возникают совсем у другого. И принц проклял свой хорошо подвешенный язык, который имел свойство чесаться часто и всегда – не вовремя! Однако Тая утешало то, что пока оставалось неизвестным его скорому на дипломатию отцу – надежда на своевременную помощь дракона Рэндона...

«Принято считать, что браки совершаются на небесах, ну или, на худой конец, у подножия алтаря богини Аолы. Брачующиеся клянутся друг другу в верности до гроба, обещают понимать и поддерживать свою вторую половину и в радости, и в горести, до тех пор пока смерть не разлучит их. А также произносят прочие высокопарные бла-бла-бла под чутким руководством первосвященника богини. Молодожены смешивают в кубке свою кровь, которая торжественно выливается на храмовый жертвенник, выпускают в небо пару белых голубей и переламинают пополам краюху хлеба. Ну и, как положено, вся эта куча ритуалов заканчивается первой брачной ночью, призванной фактически скрепить действенность брака. Ах да, еще и совершенно идиотская утренняя демонстрация простыни новобрачных, запачканная девственной кровью непорочной невесты. Все традиции соблюдены. Забытым осталось лишь одно – самое главное, а возможно – далеко не главное. Любовь! Да какая тут любовь, пренебрежительно хмыкнет кто-то, если при заключении брачного союза принято в первую очередь заботиться о выгоде, укреплении политических связей, продолжении династии и рождении наследников. До любви ли тут? Ведь чувство влюбленности, способное нагрянуть внезапно, когда его совсем не ждешь, имеет свойство уравнивать всех и вся: богатых и бедных, молодых и старых, аристократов и простолюдинов, красавцев и уродов. О, эта извечно воспеваемая возвышенная любовь, являющаяся явным торжеством воображения над интеллектом! Любовь... Да далась всем эта гоблинова любовь, от которой всегда больше проблем, чем счастья, пользы и удовольствия! Неоспоримо лишь одно – любовь это то, о чем трепетно мечтают молодые, наивные девушки. Но с другой стороны, любовь это и то, чем занимаются женщины в тот самый момент, когда мужчины удовлетворяют с ними свою физиологическую потребность... А такую приятную потребность еще можно вспомнить и даже попытаться реализовать...»

Губы повелителя Рагнарэля, скачущего обратно в Эль-силь, расплылись в похотливой усмешке. В его долгой жизни тоже случалась настоящая любовь. Но сейчас он думал отнюдь не о ней и совсем не о чувствах неведомой ему княжны Рогнеды. Интеллект на этот раз возобладал. Возможно, молодая девица захочет любви. Но женщины любят в первую очередь ушами, а женские ушки безмерно любят бриллианты, недостатка в которых у короля

не наблюдалось. Поэтому эльф горделиво приосанился и подхлестнул своего белого жеребца, полностью уверовав в успешность задуманного предприятия. Ибо рядом с политикой и необходимостью выжить любой ценой – любовь, безусловно, отходит на второй план.

Вот только всегда ли?

– Любовь весьма похожа на рыбалку, – вслух рассуждал принц Тайлериан, свернувший на незаметную боковую тропку и удрученно углубившийся в непролазную лесную чащу. – Не клюет – сматывай удочки! Чего уж теперь надеяться на удачу, если в игру вступил такой всесильный рыбак, как мой державный батюшка? Причем ни о какой любви здесь и речи не идет, княжну просто купят за золотые шамули³, будто племенную кобылу. А всему виной мой треклятый язык. Ведь знаю, что слово – не воробей. Вылетит, потом взамен него такие неприятности поймаешь... – Принц сокрушенно вздохнул.

Он бросил поводья, предоставив коню самостоятельно выбирать приглянувшуюся ему дорогу. Угасающие лучи скатывающегося к закату солнца едва пробивались сквозь кружевное плетение буковых листьев. Укрывающиеся от дневной жары птицы немного осмелели, высывая свои острые клювики из спасительной тени раскидистых кустов. Принц хорошо знал эти места. Невдалеке располагалась укромная лесная поляна, густо заросшая крохотными соцветиями колокольчиков. Место успокоения и неги. Место, над которым не властны время и обременительные земные хлопоты. Место вдохновения и отдохновения. Именно там ему так замечательно удаются стихи и легко дышится полной грудью. Утомленный скачкой конь вступил на поляну, наклонил голову и аппетитно захрумкал свежей, сочной травой. Тай сорвал с головы шляпу, скинул рубашку с колетом и, раскинув руки, плашмя рухнул в безбрежную колокольчиковую синь, обнаженной кожей впитывая живительную силу земли. Закрыв глаза, он упоенно вдыхал нежный аромат отягощенных нектаром цветов. И, словно угадав его романтическое настроение, совсем рядом, на ветке столетнего дуба, мелодично и пронзительно запела какая-то птаха, умело выводя проникновенную песню разбитой любви и погибшей надежды. Тай пожалел, что не взял с собой гитару, но и без нее слова новой баллады, неожиданно родившейся в страдающем сердце, прозвучали так, что заставили умолкнуть даже птицу, безоговорочно признавшую превосходство титулованного менестреля:

Она приходит так незримо,
Она волнует плоть и кровь,
Но мы порой шагаем мимо,
Не различив тебя, любовь.

Себя бездельем занимаем,
Себя в грехи ввергаем вновь,
И страсть случайно убиваем,
Не распознав тебя, любовь.

Но если вдруг запела нота,
Ты ей уже не прекословь
И не лишай души оплота
К тебе пришедшую любовь.

Не распыляйся на мгновенья,
В плохих стихах не пустословь,

³ Шамуль – эльфийская денежная единица.

Лови восторга дуновенья
И приручай свою любовь.

Ведь в нашей жизни все вершимо,
К добру ты сердце приготовь,
Чтоб не прошла случайно мимо,
Не различив тебя, любовь...

От стихов принцу немного полегчало. В голове прояснилось, мысли обрели привычную четкость и лаконичность.

«В конце концов, – утешал он себя, – начинать делать глупости нужно как можно раньше, тогда у тебя останется значительно больше времени на их исправление. Негоже мне отступать перед лицом трудностей. Да, я приобрел новых врагов, которые пытаются втоптать меня в грязь и порушить мою любовь. Вот только одного они не учли – грязь, в которой меня вывалили, оказалась лечебной. Я избавился от прежних необоснованных страхов и неуверенности в себе, я решил не сдаваться и бороться до конца. Бороться за свой кусочек любви и благополучия. Я уже не верю в невезение, теперь я верю в удачу. Потому что удачливым является тот, кто способен сложить фундамент будущего счастья из камней, которые бросают в него другие!»

Так же как и король Рагнар, повелитель Халлагизель торопился домой. Он немилосердно подстегивал и так уже почти загнанного жеребца, бороздя острыми шпорами его в кровь изорванные бока, а железными удилами беспощадно терзая нежные губы благородного скакуна. Несчастное животное всхрапывало и задыхалось, рассеивая хлопья смешанной с сукровицей пены. Устав противостоять жестокому всаднику, конь взбунтовался и, встав на дыбы, сбросил короля в клубящуюся вокруг них дорожную пыль. Удар от падения оказался чувствительным. Озадаченный Халлагизель неловко сидел на шероховатых мраморных плитах, потерянно таращась вслед удаляющемуся галопом коню. И внезапно эльф грубо расхохотался:

– Умная тварь, – восхищенно похвалил он строптивого жеребца. – Ты оказался догадливее меня. Вот так и надо решать возникшие проблемы, разрубая их одним ударом острого клинка. Я возьму пример с тебя...

Он поднялся на ноги, отряхнул испачкавшийся плащ и размеренно зашагал вперед, поджидая, когда его догонит порядком отставшая свита и приведет ему другую, более послушную лошадь. В голове короля созрел хитроумный план.

– К гоблинам вашу прекрасную Феррис! – мрачно бормотал Халлагизель, не желая думать о той, утрата которой до сих пор вызывала в нем страшную горечь потери и нежелание признавать собственные ошибки. Король Халлагизель отличался гипертрофированным честолюбием, но и честолюбием, в том что касалось женщин, грешил не меньше. – Нет, княжна Рогнеда не достанется тебе, старый дурак Рагнар! Пускай моей она не станет, но и тебе ее не видать. Клянусь, я придумаю надежный способ разрушить твои планы. Настала пора действовать. Я бы, конечно, и сам не отказался от молоденькой девицы, но моя королева до сих пор дуется на меня за эту ведьму Феррис. Давать ей новый повод для семейных дразг мне сейчас не с руки. Гораздо важнее устранить со своего пути рассыпающегося от старости Рагнара вкупе с его заматеревшими сынками и захватить власть над кланом Белых. Они излишне расслабились и отвыкли от серьезных боев. Уподобились миролюбивым вилланам и неосмотрительно забыли про мечи. А мы, прирожденные воины, не перековавшие мечи на орала, непременно станем пахать на тех, кто это сделал! И посмотрим тогда, чего стоят все устрашающие пророчества Логрина!

И король плотнее замотался в бархатный плащ, донельзя довольный собственной находчивостью, начисто забыв поучение Рагнарэля, гласящее, что мудрость, увы, с возрастом приходит не ко всем.

Глава 3

Я сняла ночную рубашку и натянула кафтан, попутно отметив невесть откуда возникшую свежую дыру под мышкой и необъяснимую пропажу пары пряжек. От заскоружлых, давно не нюхавших дегтя сапог разлило вроде бы пивом, но, возможно, чем-то еще более пикантным. М-да-а-а, однако отменно мы вчера на завалинке посидели! По-другому и не скажешь. События минувшего вечера припоминались смутно, с превеликим трудом... Я испуганно ойкнула и торопливо выдернула из ножен обе сабли. Слава Дарующей жизнь, клинки оказались зеркально чистыми. Фух, пронесло, кажется, вроде на этот раз я никому членовредительства не устроила и конечностей никого не лишила. А ведь случались уже прискорбные прецеденты, взять хотя бы для примера шумную историю с сыночком боярина Путяття, повадившимся ловкими своими пальчиками таскать монеты из храмовой кружки для подаяния. Пальчики-то я ему укоротила знатно, фаланги на две... Ладно, эта история давно уже в прошлом! Я сугубо ради собственного удовольствия наново вытерла клинки о штаны, любуясь острыми лезвиями парных сабель. Клинки отливали незамутненным серебряным блеском, а удобные рукояти лежали в моих ладонях как влитые. Это бесподобное оружие презентовал мне воевода Нелюд, правильно решивший, что наши двуручные мечи-кладенцы, которыми так горазды шуровать разлюбезные братцы-княжичи, слишком тяжелы для моих девичьих, пусть и не очень нежных рук. Уррагские сабли подошли мне идеально. Легкие и короткие, слегка изогнутые и снабженные удобными рукоятями с простыми плоскими гардами, они удобно помещались в наплечные ножны, позволяя выхватывать клинки одним неуловимо-резким движением. А какие «мельницы» я крутила этими саблями – любо-дорого посмотреть!

– Оса с двумя ножичками! – довольно бурчал в бороду суровый воевода, насмешливо наблюдая, как я нещадно гоняю по хорошо утоптанной площадке взопревшего словно боров брата Радомира, жалобно покряхтывающего под непомерной тяжестью жутко оттягивающего руки и плечи кладенца. – Порхает, жалит, а поди ж ты, попробуй-ка такую прихлопнуть!

Несмотря на высокий рост и некоторый лишний вес, двигалась я ловко и стремительно, с танцевальной грацией, недоступной всем берестянским богатырям-тяжеловесам. Вместе с иноземным оружием я переняла у Нелюда и совершенно непривычную для красногорских вояк технику ближнего боя, однако хорошо знакомую удалому воеводе, побывавшему во множестве лихих сражений.

– Уррагские всадники ведь как себя обычно ведут? – авторитетно разглагольствовал Нелюд, прижимая к теплему боку хорошо протопленной печи левое, сильно ноющее к смене погоды плечо, некогда словившее вражескую стрелу. – Налетят скопом на конях, наших ротозеев, кто за щитами укрыться не успел, в капусту порубят – и умчатся обратно. Аки коршуны стремительные, и поминай их потом как звали! А наши-то бугаи на битюгах, забодай их комар, сплошь железом обвешанные, пока-а-а раскачаются... Но степняков уже ищи-свищи, будто ветер в чистом поле. Ибо шустры уррагцы беспримерно, а по-ученому – маневренны зело. Недаром степняков даже офирские кесари себе в охрану нанимают, и прозывают те отряды дикими сотнями...

Княжьи ратники слушали мудрого воеводу, пораженно приоткрыв рты и вылупив от усердия глаза. О воинских подвигах в нашей компании мечтали все без исключения. Уж так сложилось, что подружек у меня с рождения не водилось, вот и тянулась я за старшими братьями. Они за меч – и я туда же. Они за стрелу – а у меня уже, глянь, две точно в яблочко засажены. Воевода Нелюд только прищелкивал языком от восхищения да одобрительно поглаживал седые усы. Но батюшка моим успехам не радовался.

– Видано ли такое, – брюзгливо ворчал он, гневно топая сафьяновым сапогом, – девке, да за мечи браться? Не твоего это ума дело, доча! У нас, в Берестянке, про баб одна присказка в ходу: волос долог, да ум короткий. Ваша бабья забота замуж выходить, детей

рожать да щи мужику варить! Ишь что удумала негодница, в мужской одежде ходить да с сабельками острыми баловаться...

Но я не слушалась!

В какой-то момент у батюшки закончилось терпение, и он отправил меня в Нарронскую академию для благородных девиц, обучавшую дочерей родовитых семейств различным нужным в жизни премудростям, как то: пению любовных романсов, игре на гитаре и лютне, вышиванию и прочей занудной (на мой взгляд) лабудени. Надо ли говорить, что отчислили меня очень скоро, причем с громким скандалом, прибавившим немало седых волос в батюшкиной окладистой бороде.

И с замужеством я тоже не сподобилась! Засиделась в девках до двадцати двух лет, поэтому по нашим меркам считалась безнадежным перестарком. Не протоптали женихи тропинку к порогу моей девичьей светелки. По правде говоря, приезжала как-то однажды парочка захудалых иноземных аристократов, но и те, увидев мои решительно сжатые губы и услышав свист сабель, быстренько унесли ноги, не польстившись даже на немалое приданое, посуленное щедрым батюшкой, мечтавшим сбыть с рук непокорную дочь. А сундуки для свадебных нарядов, пустые и заброшенные за ненадобностью, так и пылились себе в сарае.

Не взяв меня измором и угрозами, державный родитель отважился на хитрость. Известный берестянский богомаз Фрол, отличавшийся новаторскими манерами живописи и завидно набивший руку на малевании облика Пресветлых богов для многочисленных столичных храмов, исполнил заказ батюшки и изобразил мою парсуну, в качестве модели взяв пригожую дворовую девку Витку. Ох и хороша же была Витка! При каждой встрече с ней у братьев-близнецов разве что слюни в три ручья не текли, а уж горящие плотским желанием глазенки точно сходились к переносице. Сказка, а не девица! Косы золотые в пол, глаза голубые бездонные, уста коралловые сахарные, талия как тростинка, а бедра завлекательно полные. Но князь строго-настрого велел Витку беречь, княжичей-кобелей от нее батогамы отгонять и показал раскатавшим губищи сыновьям увесистый отеческий кукиш, подкрепленный вразумляющим подзатыльником. Бояре встретили действия князя льстивыми поклонами и восхвалениями. Одна я относилась к подобному родительскому демаршу неодобрительно. А ну как, насмотревшись чудесного портрета, повалят к нам принцы да графья заморские, к прекрасной княжне Рогнеде свататься? А княжна-то на самом деле – ни кожи ни рожи...

За неимением лучшего я кое-как умылась из поилки для скота, вытащила из-за голенища сапога поломанный костяной гребень и предприняла отчаянную попытку продраться сквозь свою спутанную гриву. Волосы сопротивлялись стойко. Тогда я поплевала на ладони и немного пригладила непослушную шевелюру на висках, решив, что и так сойдет, чай, не в храм собираюсь. Михась, позволявший себе периодически критиковать распустеху-хозяйку, что-то негромко проворчал насчет того, что мной, дескать, только ворон на огороде пугать, а ходить с неряхой-княжной по эльфийской ярмарке зазорно. Я хмуро зыркнула на болтуна, прикидывая, не выдать ли его на экзекуцию княгине Зое. Угадав мои мысли, Михась поклонился до земли:

– Не обижайся, светлая княжна. Ты прекрас... но сама все знаешь, писаной красавицей тебя не назовешь!

– Ага, – привычно хмыкнула я и покосилась на свои грязные сапоги. – А вот описанной запросто.

Но все-таки, раздраженная неодобрительными взглядами оруженосца, я на всякий случай погляделась в отполированное лезвие сабли, желая проверить, что же такого необычного он узрел на моем лице. Никак там что-то грандиозное объявилось? Я не ошиблась, на кончике облупленного носа красовались не только веснушки, числом и яркостью ничуть не уступающие михаськиным, но и здоровенный, багрово-красный прыщ.

– Ага! – констатировала я. – Вчера его еще не наблюдалось!

– Так, подись, это, пиво попало несвежее... – задирая голову к небу и скромно ковыряя землю носком лаптя, ненавязчиво предположил Михась.

Я снова с сомнением взглянула на свои непонятно чем заляпанные сапоги:

– Так ты хорошо запомнил, где находится лавка того эльфийского лекаря?

– А как же, – радостно закивал парнишка, – идем, я покажу...

– Куда? – На высоком крыльце княжеских хором нарисовалась группа пестро разряженных женщин, среди которых я с замиранием сердца узрела дородную княгиню Зою. – Стоять на месте, ироды проклятые!

Михась придушенно пискнул, прячась за мою широкую спину.

– А поведай-ка мне, Рогнеда свет Елизаровна, что же это такое плачевное с Пушком моим ненаглядным приключилось? – с подковыркой спросила княгиня, бочком пытаясь слезть с достаточно крутых ступенек.

– Ну, – призадумалась я, – подсказал нам лекарь эльфийский, что заболел твой крол болезнью редкостной, смертельной и чрезвычайно заразной! Он ведь в последнее время почти не прыгал?

Княгиня согласно кивнула, видимо абсолютно не понимая, что ее несчастный кролик практически утратил способность шевелиться не просто так, а от хронического обжорства, приведшего к крайней стадии ожирения. Впрочем, этот же диагноз можно было смело ставить и половине ее боярышень, не говоря уж о самой княгине.

– Ай и как он от нее мучился, зверек горемычный! – с притворной жалостью всплеснула руками я, успешно входя в роль справедливого борца за права животных. – Сил моих не достало смотреть на страдания бедолаги безвинного, ну и решила я по доброте душевной участь его тяжкую облегчить... – В моем голосе проскользнули певучие интонации нашего придворного сказителя Баяна.

– Так! – уже не столь грозно произнесла Зоя, постукивая себя по ладони увесистым поленом. – А в чем же выражается эта болезнь?

– Э-э-э, – тут же нашлась я, – кто мясца зараженного поел, тот сначала чесаться начинает, потом по всему телу у него идут зловонные вереды⁴, волосы выпадают и суставы ломит. А уж после этого скорая смерть наступает...

Зоя торопливо шагнула обратно. За спиной у княгини испуганно завизжали приближенные боярышни. Кажется, неправедных пирожков успели отведать не только мы с Михасем. Оставалось удивляться тому, сколь огромное количество выпечки получилось из одного крохотного кролика.

Княгиня растерянно почесала поленом толстую щеку. Следом за ней рефлекторно зачесались и боярышни...

– Ну вот, первый признак налицо! – заупокойным тоном подметил Михась.

Зоя затряслась словно студень, закатывая глаза под лоб и хватаясь за перильца. И тут дверь княжских палат распахнулась повторно. На мигом ставшее тесным крыльцо вывалилась ватага моих неугомонных братцев, возглавляемых неразлучными близнецами Будимиром и Святомиром, да еще средним – распрекрасным княжичем Елисеем. Елисей, безмерно гордящийся своей завидной статью и лощеной пригожестью, с утра успел вздеть праздничную шелковую рубаху и украсить лоб плетеной бисерной лентой. Тайком засматриваясь во вделанное в ножны меча зеркальце, княжич подкрутил тонкие усики и молодецки приосанился. Картину маслом нарушил басовитый голос Будимира.

– Это кто ж опять в отхожем месте дрянь по стульчаку размазал?! – требовательно взревел братец, потрясая подозрительно грязными руками.

Боярышни демонстративно повели носиками и брезгливо отодвинулись в сторону.

– Да, кто-то у нас в тереме антисанитарию разводит, гигиену нарушает, – елеинно пропел книжник-Елисей, гордо переступая стройными ногами, обутыми в сапоги на высоких каблуках, и случайно зацепляя за кончик длиннющей Зоиной косы, лежащей на досках крыльца. – Так и до болезни какой вульгарной недалеко!

⁴ Веред – чирей.

Услышав про болезнь, дебелая княгиня сдавленно застонала и попыталась упасть в обморок.

– А все Рогнеда виновата, – ябедничал Елисей, хитро на меня поглядывая, – она одна после уборной руки моет. Ох неспроста это!

– У, злыдень! – тихонько окрысилась я, не желая вдаваться в подробное описание хороших манер, с грехом пополам, но все же привитых мне в академии.

Братца Елисея я не любила особенно, по причине его вопиющего зазнайства и безмерной хвастливости. Я уже хотела обнародовать, что виновником грязи в уборной, бесспорно, является единственный сыночек княгини Зои, семилетний Васек, в полной мере унаследовавший ее вздорный характер, но братец продолжил заливаться соловьем:

– Надо бы княжну лекарям заморским показать, чую, у нее не одна болячка опасная обнаружится, а заодно всех тех, кто с ней рядом стоит, дабы не допустить эпидемии...

Услышав очередное непонятное, но безусловно умное слово, трусливые, будто овцы, боярышни резво сыпанули с крыльца, локтями расталкивая всех кого ни попадя. Елисей покачулся... Княгиня Зоя окончательно повисла на хлипких перилах, покрываясь пунцовыми пятнами от прилившей к голове крови. Раздался негромкий треск, и роскошная Зоина коса, неосторожно придавленная ногой доброго молодца, эффектно отвалилась от шитого жемчугами кокошника...

– Второй признак, волосы выпадать стали... – меланхолично загнул палец Михась. – Пора бы начинать гробы сколачивать! Эпидемия, однако...

Княгиня обреченно взывала дурным басом и грузно рухнула со ступенек, в щепы ломая резные перила. На крыльце началась паника.

Под шумок мы с Михасем тихонько улизнули со двора, давась хохотом и добрым словом поминая крохотного кролика, даже после смерти сумевшего устроить столь эффектный переполох.

Во времена моего недолгого, но весьма памятного обучения в Нарронской академии мне частенько доводилось почитать увлекательные эльфийские летописи, витиевато описывающие наиболее достопримечательные места Антеи и Ундоры. В них сказывалось о бескрайних пустынях Рохосса и Намбудии, об искрящемся брызгами Водопаде тысячи радуг, соединяющем Рону и Лиару, о прекрасной Долине кленов и запретных тайнах Края Тьмы. Но, вопреки всем сказкам и легендам, самым красивым и достойным восхищения уголком земли я всегда считала свое родное Красногорье, густо поросшее белоствольными березовыми рощами. Название нашей стране дала жирная красная глина, испокон веков добываемая на многочисленных горах и пригорках. Из нее получались отличные пузатые горшки, и в самые жаркие дни безупречно сохранявшие прохладу наливаемой в них воды, а посему охотно закупаемые иноземными купцами. А славный град Берестянский, хоть давно уже крытый не берестой, а разноцветной черепицей, бесспорно, являлся самым интересным городом, пусть даже и не вошедшим в знаменитые орочьи книги рекордов. По моему субъективному мнению, до привлекательности Берестянского не дотягивал и сам великий Офир – столица Офирской империи. Впрочем, подобным гипертрофированным патриотизмом страдала не одна я, а все красногорцы от мала до велика.

Мы бодро топали по каменной мостовой, радушно улыбаясь встречным горожанам и дивясь непривычному обилию праздно разгуливающего по улицам народа. День-то ведь сегодня будний. Но, присмотревшись, я заметила, что кокетливо принаряженная толпа слаженно движется в одном конкретном направлении, очевидно направляясь в сторону раскинувшейся на площади эльфийской ярмарки. Наше внимание привлекли два шатко покачивающихся латника, пытавшихся в обнимку противостоять неумолимому притяжению земной поверхности. Я прислушалась.

– Слышь, Гаврила, – пьяно повествовал первый, отчаянно потев под вздетой поверх кафтана кольчугой. – Иду я вчера себе по площади, никого не трогаю, а на меня бах – лошадь несется!

– Да ну! – бурно изумился рыжеусый Гаврила. – А дальше-то что?
– Дальше? – Рассказчик горделиво выпятил тощую грудь. – Дык это, поднялся я, значит, на ноги и дальше иду. И тут на меня бац – медведь выскакивает...

– Да ну! – не поверил Гаврила. – А потом?
– А потом это, встал я с земли, отряхнулся и слышу вдруг приятный такой женский голосок с отчетливым эльфийским акцентом: «Мужик, а мужик, отошел бы ты от карусели...»

Мы с Михасем схватились за животы от хохота, торопясь миновать лихих пьянчужек. Над нашими головами, на втором этаже высокого терема распахнулось окно, из которого высунулась щекастая молодуха и взыскательно заголосила на всю улицу:

– Кума Фекла, а кума Фекла, твой муж как, уже с ярмарки возвертался ли?
В доме напротив отворились симметрично расположенные ставни, являя нашим взорам упитанную блондинку с длинной косой.

– Да нет, кума Милена, все еще в пивной сидит!
– Вот и брал бы, дурак, с моего пример – его давно уже домой принесли! – ликующе сообщила Милена, показывая соседке язык.

Внезапно внизу громко бухнула входная дверь.
– Петро, родненький! – исступленно запричитала Фекла. – Ты пришел?
– Ни-ни, – развязно отозвался слегка заикающийся мужской баритон, – я только за гармошкой!

Я тихонько прыснула в кулак, поражаясь – да что же это за диво дивное, эта эльфийская ярмарка? Михась лукаво улыбался.

Нас обогнали два хорошо одетых боярских сына, еще совсем безусые юнцы, однако усиленно пытающиеся произвести впечатление тертых жизнью ухарей.

– А вот эльфы нам вчера в лавке доказывали, – солидно рассказывал один, специально огрубляя голос, но, тем не менее, постоянно срываясь на подростковый фальцет, – что их вино и без ледника два месяца продержится, не скиснет!

– И как? – заинтересовался второй мальчишка, чубатый, в парчовой ферязи⁵.
– Ну мы и проверили – не продержалось! – хохотнул обладатель фальцета. – Зело вкусное, собака, оно для этого оказалось!

Неожиданно из переулка, почти перегороженного солидными свежоошкуренными воротами, вывернул еще один паренек, едва держащийся на ногах и сплошь перемазанный осыпающимся с одежды суглинком.

– Михайло, братуха! – бурно возликовал любитель эльфийского. – Ах ядрена вошь, ты где же это был? А мы-то с ног сбились, тебя по всей ярмарке искали!

– На-а-а кла-а-адбище... – неуверенно проблеял Михайло, смурно вертя в пальцах увядший надгробный веночек.

– А что, кто-то умер? – испугался чубатый.
– Лексей, не веришь, та-а-ам все умерли... – пьяно прослезился Михайло, повисая на шее у друзей.

Лексей захлопал за компанию:
– Это еще что! Вот мы вчера у эльфов в лавке таких заспиртованных животных видели, что у меня до сих пор сердце кровью обливается!

– Да ты чего разнюнился, там же всего три лягушки и было-то, – упрекнул его самопровозглашенный дегустатор вина.

– Вот именно, лягушек-то три-и-и, а спирта первосортного – литров де-е-есять! – еще пуще заскорбил чубатый. – Ить эльфы какое непотребство учудили, расточители поганые!

Оставив рыдающих парнишек, горько оплакивающих печальную участь зазря переведенного алкоголя, мы свернули в калашный ряд, заканчивающийся возле самой

⁵ Ферязь – длиннополая верхняя мужская одежда.

площади и умопомрачительно благоухающий свежесвепеченным хлебом. Расплачиваясь за булочку с маком для себя и рогалик Михасю, я продолжала ненавязчиво наблюдать за покупателями, суевившихся около выставленных на улицу корзин с калачами. В душе царило спокойствие, разбавленное некоторой толикой любопытства. Ведь все вокруг только и делали, что толковали об эльфийской ярмарке.

«В конце концов, чем я рискую? – рассуждала я, за обе щеки уплетая теплую булку. – Меня ни за что не узнают в таком затрапезном наряде, ай и батюшке, подись, никто не доложится, чем княжна втихомолку занимается. Да и ничего такого в этом нет! Гляну одним глазком на потешные балаганы да лавки лекарские – и бегом домой, в светелку, как и положено скромной девице на выданье. Уж коли я сегодня со своим плохо умытым рылом даже в калашный ряд сунуться осмелилась...»

Подле прилавка с выпечкой становилась бабка лет восьмидесяти, вызывающе укутанная в красную душегрею, насурьмленная и нарумяненная, будто гулящая девка.

– Ну и молодежь нынче пошла, срам один! – беззубо шамкала старуха, неодобрительно косясь на увлеченного рогаликом и поэтому не замечающего ничего вокруг Михася. – Вот раньше молодежь была – не чета нынешней. Помню, лет шестьдесят назад как выйду я на ярмарку, так ни один парень спокойно мимо не пройдет, а нынче хоть бы кто привязался! Нет, совсем парни испортились... – Бабка сердито плюнула в сторону Михася и поплелась прочь, стуча клюкой.

Я старалась сохранять серьезное выражение лица, сдавленно фыркая в кусок булочки.

– Михась, да что же это за ярмарка такая волшебная, если она всех в Берестянке, считай, разума лишила? Я должна это видеть! – все-таки не выдержала я.

– Вот, а я тебе что говорил? – наставительно хмыкнул мой прикормленный сдобой философ. – А ты еще идти туда не хотела!

Широко расставив ноги и заложив большие пальцы рук за поясной ремень, я с хозяйским видом стояла на площади, любуясь открывающейся моему взору картиной. Картина радовала. Эльфы устроили ярмарку по-умному – со вкусом, позитивным творческим подходом и не без юмора. Чувствовалось, гости у нас в городе окопались прочно и надолго, пока не вытянут из красногорцев последний золотой червонец – домой не уедут, во всяком случае, по своей инициативе. Впрочем, зря я на Первую расу наговариваю – многие из привезенных на ярмарку чудес демонстрировались безвозмездно, то есть даром, в рамках акта доброй воли, так сказать. Обязанность бдительно надзирать за общественным порядком возложили на специальный отряд конной княжеской дружины, правда, в данный момент – вдрызг пьяного и вповалку храпящего вокруг изящного серебряного фонтанчика, из которого тонкой струйкой било самое настоящее миндальное пиво. Я так и не смогла толком разобрать, кто же храпел громче – уработавшиеся вояки или же их не менее упившиеся кони. Но и без надзора на площади царила умиротворенно дружелюбная атмосфера. Все, кто еще мог ходить, срочно исправляли столь неприятное недоразумение, а те, кто уже не мог, и вообще не доставляли никаких проблем. И как только народ умудрялся спать при таком шуме, ума не приложу. С грохотом взрывались поминутно взлетающие в небо петарды, рассеивая горсти бумажного конфетти. Где-то за шатрами взхлеб наяривала разбитная балалайка, и издаваемые ею звуки удивительным образом сочетались не только с ухающими вздохами гармони, но и с нежным напевом эльфийской виолы. Из-за отгороженного парчовым пологом театрального навеса то и дело доносились шквальные и совершенно искренние аплодисменты, служившие лучшим доказательством мастерства приезжих лицедеев. Я прочитала броскую афишу, гласившую, что сегодня вниманию зрителей представляется печальная история «Взаимной страсти двух юных влюбленных, происходящих из враждующих семейств, а посему – разделенных родовой ненавистью, предательством, ядом и смертью». Автор – В. Шекспир. Судя по звучанию имени, автор пьесы являлся стопроцентным эльфом.

«Ничего себе страсти-мордасти заморские, – иронично подумала я, прислушиваясь к

многоголосому хору долетающих из зала рыданий. – Теперь уж точно княжеский эконом разорится на носовых платках для ранимых сердцем боярышень, а окончательно сбрендившие от любви девки начнут пачками вешаться на Елисея, у которого и без того самомнение зашкаливает намного выше нормы». Но в театр я не пошла.

Миновав дегустационную лавку эльфийских вин, павильон с косметикой и нарядами, заманчивые лотки со сладостями, мы с Михасем очутились перед огромным зверинцем, находящимся как раз вровень со знаменитой каруселью. Я пристально уставилась на одну из клеток, да и застыла как вкопанная.

– Идем же к лекарю! – тащил меня за руку Михась.

– Да погодь ты, – шипела я, осененная гениальной идеей. – Глянь, какие кролики симпатичные в клетке сидят, точь-в-точь покойный Пушок княгини Зои!

– Ну и что? – не понял меня парнишка, демонстративно помахивая узелком с пирожками. – Пушок-то вот он где! Раскуси пяток штук и собери кролика...

– Забудь про пирожки! – возмутилась я, выхватывая у оруженосца сверток с выпечкой и бросая его безногому бродяге Игошке, сиротливо прикорнувшему на охапке соломы. – Пожертвуем их этому голодному оборванцу. Кушай, милоч!

Калека на лету поймал узелок, мгновенно развязал замаслившуюся тряпку и впился зубами в первый попавшийся пирог, смачно хрустнувший поджаристой корочкой. Расчуввав, что дармовое угощение оказалось с мясом, и начиная понимать, какое негаданное счастье на него свалилось, попрошайка, вместо того чтобы возблагодарить щедрых нас, неожиданно выпростал из недр своего тряпичного гнезда ноги, выглядевшие абсолютно здоровыми, и задал первостатейного стрекача. Привязанные к коленкам валики, правдоподобно имитирующие обрубленные культы, так и мелькали. Видимо, обманщик опасался, что мы передумаем и заберем обратно вожаделенные пироги.

– Ты смотри-ка, – возмущенно хохотнул Михась, – никак, невинно убиенный крол удостоился ранга святого великомученика и обрел способность исцелять...

– Так пусть он и сам воскреснет, – хулиганисто подмигнула я.

Я уже собиралась договориться о покупке кролика, как оруженосец внезапно дернул меня за рукав кафтана, призывая к вниманию. Я недовольно обернулась и тут же громко помянула всех гоблинов вкупе с их матушками и бабушками. Потому что через ярмарочную площадь, точно по направлению к нам, двигалась внушительная делегация хорошо знакомых мне лиц.

Впереди неслась разъяренная, аки кобра, княгиня Зоя, выразительно потрясающая увесистым сосновым поленом. Из-под кокошника благородной дамы непрезентабельно свисал куций белобрысый хвостик собственных волос. Атласный сарафан княгини, способный накрыть все огуречные грядки в княжьем огороде, устрашающе трепыхался. За Зоей вприпрыжку следовал разнокалиберный выводок голосащих словно по покойнику боярышень, ведущих под белы руки мелодраматично всхлипывающего княжича Елисея. Всеобщего кумира и признанный предмет обожания сотен берестянских невест. По половине лица красавца разливался безобразный, сине-черный синяк. Видимо, полено княгини все же нашло достойный объект, стопроцентно повинный в утренних беспорядках.

– Вон она, хватайте княжну! – пискляво заголосил Елисей, вырываясь от гроздьё облепивших его баб. – Мамою клянусь, она заразная!

Я недовольно нахмурилась. Учитывая тот факт, что матушка княжича умерла много лет назад, данная им клятва выглядела, мягко говоря, не совсем этичной.

– Что тут происходит? – вежливо поинтересовался умопомрачительно красивый эльф, приподнимая полог ближайшего к нам шатра и выходя на улицу. – О какой заразе идет речь?

– Мы ловим больную девушку! – нашелся Елисей.

– Разве девушек ловят? – Затянутый в приталенный колет эльф галантно склонился перед пытящей словно печь княгиней и куртуазно чмокнул ее толстое запястье. – Девушек привораживают!

Зоя мгновенно остыла, звучно выпуская пар и влюбленно таращась на

пепельноволосого незнакомца.

– Любую спорную ситуацию нужно решать не силой, а с помощью переговоров, – любезно раскланивался гость. – Могу ли я проводить прекрасную госпожу в лавку с парфюмом? – Он предложил Зое согнутую крендельком руку.

Княгиня расцвела людоедской улыбкой. Она развернулась на каблуках, шагнула вперед и... наступила на пирожок, оброненный спешно улепетнувшим бродягой.

– Что это?! – снова взвыла почти успокоившаяся дама.

– Пирог, – недоуменно пожал плечами эльф, услужливо наклоняясь и нюхая раздавленную смесь теста и мяса. – Свежий и, по-моему, с крольчатинной...

Зоя хищно осклабилась, поворачиваясь ко мне и мощно замахиваясь поленом...

– Держите девушку, она заразная! – поддал жару гад Елисей. – Это эпидемия!

– Где эпидемия? – Из лекарского шатра стремглав выскочил тощий мужчина, облаченный в серую мантию. – Кто заболел?

– Она! – злоратно указал на меня княжич.

Но в тот момент мне стало совсем не до происков вредного братца. Я резво присела, уворачиваясь от обрушивающегося на мою голову полена. Утратившая опору княгиня шумно рухнула вперед, прямо на ближайшую клетку, случайно сбивая висящий на ней замок.

Пепельноволосый гость испуганно вскрикнул, признавая совершенную несостоятельность эльфийской дипломатии перед всеограшающим воздействием первородной женской силы.

– Мы ее вылечим, – понимая, что терять уже нечего, неосмотрительно пообещал он.

– Кого, меня?! – взбешенно спросила княгиня, с помощью боярышень кое-как поднимаясь на ноги. Вид Зои был страшен. Кокошник свалился с головы, обнажая редкие жидкие волосенки, лоб перемазался в свежем навозе. – Меня? Ах ты нахал туземный! – Сосновое полено со всего маху опустилось на красивое плечо незадачливого эльфа, нещадно сминая щегольский наряд.

Гость сложился пополам, что-то неразборчиво вереща о своей дипломатической неприкосновенности.

– Осмелюсь напомнить про свинцовую примочку! – опрометчиво встрял лекарь.

«Ой, зря он это сделал! – мелькнуло у меня в голове. – Наша Змея особо ядовитая – отравя похлеще цианида!»

– Иди ты со своими примочками знаешь куда!.. – Княгиня раздухарилась не на шутку, второй зачетный удар адресовав мужчине в лекарской хламиде. – Да я вас всех... – Она замерла с поднятым вверх поленом.

Из раскрывшейся клетки вразвалочку вышел огромный старый крокодил и озадаченно щелкнул зубами, заспанно шуря подслеповатые глаза.

Боярышни согласованно визжали на самой высокой ноте. Елисей геройски выхватил меч, намереваясь обрести вечную славу доблестного женского защитника. Лучик солнечного света отразился от зеркальца на его ножнах, полоснув по глазам едва поднявшегося на четвереньки эльфийского лекаря. Тот неприлично ругнулся, прикрылся растопыренной ладонью и выронил пузырек, до этого крепко зажатый у него в руке.

Бабахнуло. Площадь заволочло густым зловонным дымом. Донельзя перепуганный крокодил прыгнул прямо на княгиню и тут же огреб поленом по рылу. Ошарашенное животное тоненько хрюкнуло.

– Мамочка! – запоздало взревела Зоя, постепенно начиная отходить от опьяняющей эйфории победоносного боя. – Он же меня съест!

Выскользнувшее из ее натренированных пальцев полено птичкой порхнуло в сторону, метко заехав Елисею по второй, здоровой щеке. Княжич взвыл не своим голосом и плашмя рухнул на зазевавшихся баб, вслепую отмахиваясь мечом – кромсая косы, сарафаны и шали. Отныне слава женского защитника ему точно не грозила! Кое-как очухавшийся пепельноволосый эльф отчаянно бросился в образовавшуюся кучу, спасая впавших в

истерику боярышень от заполошно мечущегося княжича. И в этот эпохальный момент к зверинцу наконец-то прибыла не до конца протрезвевшая конная дружина, не сразу разобравшаяся, кто кого бьет, но горящая желанием приступить к немедленным карательным действиям.

Я крадучись отошла в сторонку и, усевшись на пустую бочку, спокойно взирала на творящееся передо мной безобразие. Площадь бурлила, гудела и ходила ходуном, куда там скромному утреннему скандальчику на княжеском крыльце!

«Кролики, – сардонически усмехнулась я, – это не только два, а то и три килограмма нежирного диетического мяса, но это также и два, а то и три грандиозных скандала!»

Но особой вины я за собой как-то не чувствовала. Ну подумаешь, случайно подстрелила одного несчастного крола. Видать, судьба у него такая. А я... Да, уговорили, признаю – не повезло немножко, но не стоит из этого раздувать такую страшную драму... С кем не бывает? Мое внимание привлекли жалобные, поскуливающие звуки. Я нагнулась вперед, ладошками разгоняя остатки дыма и вглядываясь во что-то странное, угловатое и многолапое... В глубине клетки в обнимку скорчились Михась и ни в чем не повинный крокодил, успевший вернуться в безопасное место.

– Михась, вылезай оттуда, никто тебя не тронет, – проникновенно пообещала я.

– Д-д-да? – с сомнением спросил парнишка, еще крепче прижимаясь к земноводной твари. – Ч-ч-честно?

Я вздохнула:

– Пошли-ка лучше лекаря твоего искать. Кажется, тебе не повредит новая порция пилюль от заикания...

– А все с к-к-кролика началось, – слезливо пожаловался Михась.

– Ой, точно! – Я вытащила из соседней клетки хорошенького белого крола, как две капли воды смахивающего на бывшего любимца княгини. – Чуть не забыла!

Прижимая к груди пушистый комочек, я перебралась через завал различной, в хлам переломанной рухляди и с самым невинным лицом подошла к княжьей свите. Обмякшая Зоя сидела на бархатной подушке, одной рукой собственнически опираясь на пепельноволосого эльфа, а второй прижимая ко лбу любезно поднесенную лекарем свинцовую примочку. Рядом бинтовали исцарапанного боярышнями Елисея.

– Ты? – устало спросила Зоя, косясь на меня припухшим глазом. – Ты просто недоразумение какое-то, а не княжна!

Эльф встрепенулся и воззрился на меня с непонятным интересом.

Я виновато поклонилась и протянула княгине белого кролика:

– Прими, княгинюшка! Прости, богов ради, не таи зла!

Зоя всплеснула полными руками:

– Ой, да это, никак, мой Пушок? Живой?!

– Живее не бывает! – пряча усмешку, заверила я. – А ну создавайтесь, бабы, кто пирожки с крольчатиной ел?

Причастных конечно же не нашлось.

– Вот! – внушительно констатировала я. – А мы с Михасем не растерялись, все пирожки собрали да лекарю эльфийскому отнесли. А уж он мясо-то повыковырял, сложил, да и оживил твоего любимца...

– Возможно ли это? – Княгиня залилась слезами облегчения, тиская притихшего кролика.

Услышав придуманную мной ахиною, эльфийский маг ошарашенно вылупил глаза.

«Подтверди!» – жестом приказала я, одним взмахом ресниц многозначительно указывая на валяющееся поодаль полено.

Эльф проследил за моим взглядом, судорожно вздрогнул всем телом и припадочно закивал.

– Пушок! – экзальтированно возликовала княгиня, осыпая крола пылкими поцелуями. – Единственный мой, любимый мой!

Под слоем бинтов обиженно сопел навечно опозоренный княжич Елисей.

Предоставив боярышням самостоятельно транспортировать княгиню в хоромы, прощенная и обласканная, я покинула площадку перед зверинцем, глубокомысленно размышляя о нелогичной связи между глубиной ума и длиной накладных фальшивых волос. Батюшка оказался не прав, линейной связи «короткие волосы – большой ум» я не обнаружила!

Глава 4

Наиболее надежный способ спрятать особо ценную вещь – это конечно же положить ее на самое видное место. Пусть даже и в королевской сокровищнице. Повелитель Рагнарэль отставил в сторону принесенный с собой фонарь, тускло освещавший своды низкого, сухого подземелья. В свете магического огня, слабо пробивающегося сквозь прозрачное стекло, приглушенно поблескивали сундуки с золотыми монетами и ларцы с редкостными артефактами. Надежда и драгоценнейшее сокровище клана Белых. Ведь если разразится война, именно эти амулеты и реликвии спасут сотни жизней. Нет, конечно, скромному хранилищу Эль-силя бесконечно далеко до воистину уникальных раритетов, собранных в Храме Розы, но все-таки королю есть чем гордиться. Взять хотя бы вот этот невзрачный черный жезл, насылающий заклинание, названное «Черным ветром» и несущее в себе силу тысячи ураганов, или вон тот невероятно древний, покрытый ржавчиной кинжал «Лапа дракона». Против его удара не выстоят ни гранитные скалы, ни стены цитадели Ширул-эль-шэн. Бесценные вещицы, каждая из которых имеет свою судьбу и историю. Но, впрочем, сегодня король пришел не за ними...

Владыка привстал на цыпочки и потянулся к ничем не замаскированной неглубокой нише, выбитой под самым сводом пещеры. Кто бы мог предположить, что артефакт хранят вот так запросто, не окружив отрядом свирепых стражников и не обнеся неприступной оградой? Крохотная кожаная шкатулочка стояла на том же самом месте, именно там, куда Рагнар и поставил ее много лет назад. Давно это было... Седые брови короля горестно сошлись на переносице. Палец бережно скользнул по подставке шкатулки, сметая накопившийся слой пыли и будоража почти забытые воспоминания. А ведь он так надеялся, что со временем боль утраты притупится и перестанет терзать полумертвое от горя сердце. Но, вопреки ожиданиям, боль вернулась вновь, накатывая беспощадными волнами удушья и бороздя душу ледяными когтями отчаяния. Давно это было... Король сумел пережить постигшее его несчастье, но навсегда утратил умение улыбаться и беззаботно смеяться, став жестоким и циничным. Королева погибла, а вместе с ней умерла и любовь, несшая в себе смысл жизни. Его прекрасная возлюбленная с фиалковыми глазами, точно такими же, как у их младшего сына, принца Тайлериана. Да-а-а, красотой мальчик пошел в мать...

«Это не предательство, – внушал себе Рагнар, пытаюсь поверить в грубый самообман и принять придуманную им же самим ложь, – это всего лишь тонкий политический ход. Я не изменяю твоей памяти, Мелиссандра! Да и может ли жалкая смертная девчонка сравниться с великой королевой Белых эльфов, с моей незабвенной супругой? Пусть даже и дочь Феррис, пусть даже и избранная! Глупости все это...» Король упрямо мотнул головой, одним пальцем подцепил шкатулку, столкнул ее с места и ловко поймал в ладонь. Приблизил сокровище к свету фонаря, ногтем подковырнул чеканный замочек и откинул верхнюю крышку. Они не выглядели слишком дорогими и совершенно не производили впечатления магических артефактов. Первое – выточенное из светлого изумруда, а второе – из темного, почти черного сапфира. Лишенные каких-либо насечек, орнамента и узоров. Просто два ничем не примечательных узких и гладких кольца, каждое из которых имело личное имя: «Душа леса» и «Звезда ночи». Первое из них отображало властную мужскую сущность, второе – потаенные желания капризной женской натуры. Две противоположности, связанные в одно целое. Символы полноценного слияния тела и духа, любви и взаимопонимания. Старинные обручальные кольца, надеваемые на пальцы жениха и невесты перед алтарем

богини Аолы в Храме Розы и призванные скрепить брак повелителей. Не только парные украшения, но и могучие артефакты, способные многократно усилить жар взаимного влечения и сделать страсть бессмертной. Кольца, некогда носимые самим Рагнарэлем и его королевой. А теперь владыка собирался надеть это чудо на палец неведомой человеческой девушки, предназначенной ему судьбой. Рагнар коротко удрученно вздохнул и решительно выхватил кольца из шкатулки. «Душа леса» тоненько звякнуло и словно живое скользнуло на безымянный палец старого эльфа, занимая свое привычное место. Король вздрогнул. По его руке прокатилась волна приятного тепла – второе кольцо тоже понимало, что вскоре обретет новую хозяйку, каким-то неведомым образом ощущало ее характер и всецело соглашалось с выбором короля. Рагнар печально усмехнулся и вышел из хранилища.

Наша жизнь представляет собой не что иное, как хаотическое чередование черных и белых полос, обычно называемых невезением и удачей. Казалось бы, чего проще – присмотрись повнимательнее к действительности, выбери белую полосу да смело иди вдоль нее, ловко балансируя между неблагоприятными поступками и не вступая в сделку с собственной совестью. И кто же мешает нам следовать столь разумному совету? Да чаще всего – мы сами, с нашими дутыми амбициями, надуманными комплексами и любовно выпестованными заблуждениями! Ибо к чему лежит наша чуткая душа, против того восстает противоречивый характер, толкая нас на путь авантюры и приключений. Спокойная, размеренная и безгрешная жизнь – пресна до омерзения, и мало кто из людей или иных разумных существ по доброй воле согласится на подобную банальную участь, опасаясь подохнуть от тоски. «Боги, пошлите мне разнообразие!» – неразумно просим мы, забывая, что длинный язык укорачивает здоровье и прогоняет удачу, а необдуманная борьба за качество жизни пропорционально уменьшает ее продолжительность. При этом мало кто из нас способен извлекать полезный опыт из чужих ошибок, предпочитая совершать свои собственные, с достойным лучшим применением упорством воплощая в жизнь правило: «Кто хочет – ищет способ, кто не хочет – причину!» Ведь мудрость, как верно подметил король Рагнарэль, дается далеко не всем!

Дракон Рэндон не чуждался некоторой толики здоровой, но не слишком фанатичной философии, выработанной самой жизнью, а посему методом проб и ошибок научился-таки ловить за хвост изворотливую госпожу удачу и на судьбу никогда не жаловался. Он проповедовал умеренный эгоизм, при этом никогда не скатываясь в пучину замшелого аскетизма и не склоняясь в сторону жертвенного альтруизма. В общем, он благополучно нашел золотую середину, совместив приятное с полезным. Выбившись в число наиболее уважаемых представителей своего народа, Рэндон со временем организовал процветающий ныне бизнес, выгодно и по любви женился, обзавелся потомством, разбогател и немного заскучал. И это выглядело тоже вполне нормально, потому что, построив дом, посадив дерево и вырастив сына, многие мужчины несколько теряются, утрачивая четкие ориентиры следующей жизненной цели. На почве подобной дезориентации некоторые из них быстро спиваются, а другие, более сильные, увлекаются властью, ударяясь в политику или дипломатию. К счастью, Рэндон принадлежал к числу последних.

По голубому небу плыли легкие белые облака, а пригорок, на котором расположился Рэндон, оказался на редкость удобным, открывая прекрасный вид на зеленевший в низине орешник. Дракон с видом ценителя прищурил выпуклый правый глаз, поднес к морде крупный бриллиант и испытующе взглянул на солнце через рассеивающую призму искусно ограненного камня. Лучи полуденного светила мгновенно раздробились на целый сноп разноцветных объемных пятен, складываясь в причудливую картинку из полупрозрачных кругов, треугольников и звездочек. Картина, образовавшаяся в центре бриллианта, выглядела неправдоподобно притягательной. Рэндон очарованно вздохнул и слегка повернул камень, произвольно смещая калейдоскоп причудливых образов.

– Опять эстетствуешь? – По траве прошуршали легкие шаги. – Получаешь удовольствие от недолговечной красоты?

– Как и от всей жизни в целом! – дружелюбно усмехнулся дракон, убирая бриллиант в нашейный мешочек. – Здравствуй, Тай, рад тебя видеть!

– Меня? – иронично хмыкнул принц, непринужденно присаживаясь рядом с другом. – А каким образом мое вопиющее уродство укладывается в твою теорию гедонистического поклонения красоте?

– О, – крылатый гигант взирал на эльфа снисходительно, сверху вниз, – иногда хорошие люди появляются на свет в весьма странной упаковке.

Тайлериан оглушительно расхохотался.

– С первого дня нашего знакомства ты удивляешь меня своей непоколебимой невозмутимостью и независимостью от бытовой суеты.

– Ну почему же? – не согласился Рэндон. – Я тоже не идеален. Да и к тому же тот, кто не замечает суеты мира, суетен сам... Но суета бывает разной. Вспомним хотя бы женщин... – Дракон выжидающе замолчал, искоса поглядывая на принца лукаво прищуренными глазами.

Тай молчал, устремив к плывущим по небосклону облакам мечтательно-расслабленное лицо. Его длинные пальцы рефлекторно сжимались и разжимались, словно юноша пытался прикоснуться к чему-то невероятно желанному, но столь же невероятно далекому. Дракон деликатно кашлянул. Все-таки он проделал очень длинный путь не только ради возможности полюбоваться красотой юного эльфа, но и ради этого вот непростого разговора. Принц виновато улыбнулся и прилег на бок, непринужденно опираясь головой на ладонь согнутой в локте руки:

– Ты говорил о женщинах, друг мой. Мне стало интересно, чем же они являются на самом деле, добром или злом?

На покато лбу дракона прорезались морщины глубокого сомнения.

– Скорее всего, они ни то и ни другое. Жуткая смесь всех существующих в нашем мире достоинств и пороков, несовместимых и противоречивых. Что-то совершенно не укладывающееся в слишком примитивные для их описания понятия, такие как просто добро или просто зло. Нечто намного лучшее, чем добро, и гораздо худшее, чем зло.

– Так ты женат! – понятиливо хмыкнул Тай, внимательно следя за реакцией друга.

Дракон вздохнул так, словно его застучали за совершением сладчайшего и вместе с тем тяжелейшего из всех грехов. От вырвавшейся из его ноздрей струи воздуха трава пригнулась и жалобно зашелестела.

– Женат. Поэтому на собственном опыте убедился, что в узкой меже, разграничивающей добро и зло, произрастает самая буйная растительность...

– А как же любовь? – торопливо перебил юноша, взволнованно хватаясь за огромный коготь дракона. – Разве не ради нее светит солнце, играют тучки, журчат ручьи и бьются наши сердца?

– Какой же ты неисправимый романтик! – ласково пожурил Рэндон. – Пойми, мужчины всегда хотят уменьшить любовь до размеров примитивного плотского удовольствия, а женщины – увеличить до масштабов необхватного вселенского счастья. Но идеальной любви, которую ты воспеваешь в своих прекрасных стихах, в мире просто не существует...

– Не верю! – возмущенно протестовал принц. – Любовь – есть!

– Ну да, она не может не быть! – грубовато отшутился скептически настроенный дракон. – Из всех известных мне эмоций любовь – самая непостоянная, нуждающаяся в регулярной энергетической подпитке. Вот поэтому она и жрет все что ни попадя. А в первую очередь нас самих! Ты уж поверь мне, дружище. И да упасут тебя Пресветлые боги полюбить по-настоящему, потому что ничего, кроме горя и разочарования, из этого не выйдет!

– Не верю! – упрямо мотнул локонами принц. – И признаюсь, не ожидал от тебя столь строгой отповеди. Ведь ты же лично принес мне портреты самых завидных невест со всего Антейского материка...

– А-а-а, – мгновенно понял гигант, – выбрал-таки!

– Ну, – принц отвел глаза, – не токмо личной корысти ради. Я радею о благе своего

народа!

– Верю-верю, – иронично прогудел дракон, почесывая свой объемистый живот. – Выдуманное оправдание гораздо убедительнее правдивого! Однако совсем меня изжога замучила... – Он покривился.

– Выпей воды с содой, – сердобольно посоветовал эльф, прислушиваясь к урчанию, доносящемуся из недр необъятного драконьего пуза. – А отчего несварение-то?

– Острого переел, – виновато отвернулся дракон. – А ведь сто раз уже зарекался – не жрать рыцарей вместе с мечами и копьями, дюже плохо подобные экзотические блюда на моем старом желудке сказыва...

Не дослушав покаянную драконью исповедь, Тай уткнулся носом в траву и весело заржал.

– И не смешно вовсе! – хмуро буркнул Рэндон, извлек из своего мешочка серебряную человеческую алебарду и с удовольствием поковырялся ею в зубах. С удивлением выплюнул измятый шлем и с облегчением рыгнул.

– Не любишь людей? – заинтересованно спросил принц, разглядывая почти утративший форму кусок железа, все еще носивший следы тонкой уррагской работы.

– А за что мне их любить? – искренне изумился Рэндон. – Нельзя любить того, кто тебя боится.

– А того, кого боишься ты?

– Тоже! – категорично отрезал дракон. – Да и нужно ли?

– Ну-у-у, – задумчиво протянул эльф. – Знаешь, что-то в этом есть, этакое необычное, но весьма притягательное!

– Нет, – уперто гнул свою линию дракон, – это уже извращение! Красота притягивает к себе красоту, добро – добро. Вот ты-то сам наверняка красавицу для себя выбрал?

Тай без лишних слов вытащил из-за пазухи портрет Рогнеды, развернул согнутый в несколько раз листок и протянул его Рэндону. Тот удовлетворенно крикнул.

– А что я говорил! – Он одобрительно постучал когтем по портрету. – Самая прелестная девушка в моей картотеке, княжна Красногорская!

– Привези мне ее! – пылко воскликнул принц, взволнованно прижимая к груди крепко сжатые кулаки. – Все что хочешь за нее отдам – золото, самоцветы... Только привези!

– Ну, – немного смутился летун, – выше установленной цены не заломлю, я же не барыга какой рыночный! Я – профессионал! А посему вижу, крепко тебя скрутило, твое высочество. Что ж я, без понятия, что ли? Да и грех это великий – на страданиях друга наживаться. Так что не грусти, не рви себе душу, сделаем все в лучшем виде, фирма веников не вяжет!

– Обещаешь? – торопясь поймать Рэндона на слове, прищурился принц.

– Даже не сомневайся! – Дракон уселся на массивный зад и гулко хлопнул себя лапой по круглому пузу, принося нерушимую клятву.

– Тебе придется поторопиться, – предостерег его Тай, – вскоре за этой девушкой начнет охотиться целая толпа претендентов на ее руку.

– О-о-о, – весело округлил глаза крылатый торговец, – а может, мне ее с аукциона продать?

Тайлериан показал ему кукиш. Дракон саркастично заржал:

– Да шучу я, шучу! Будет тебя твоя княжна!

Он тяжело протопал несколько шагов – беря разбег, и шумно взлетел, со свистом рассекая воздух огромными кожистыми крыльями. Эльф проводил его сосредоточенным взглядом. Возможно, разумом он и принимал недавние слова умудренного опытом друга, но что-то – таящееся в глубине романтического и мечтательного сердца – подсказывало принцу, что помимо объективности и здравого смысла в жизни существуют и некие иные чувства, идущие вразрез со всеми логическими обоснованиями. Тай понимал, что спонтанно возникшая любовь всегда намного сложнее и непредсказуемее, чем нам бы того хотелось.

Не разбирающийся в геологических явлениях человек весьма затруднился бы с определением природы странных процессов, приведших к возникновению Хрустальной долины. Уж слишком противоестественной она выглядела. Два высоких горных склона, плавно сходящиеся под идеально равными углами и образующие ровный как стрела коридор, заканчивающийся круглой площадкой, на которой и возвышался Храм Розы. Здесь не росли деревья или кустарники, здесь не порхали бабочки и не щебетали птицы. Лишь полуденные солнечные лучи, огненным заревом стекавшие по обрывам Старшей и Младшей сестры, дробились на тысячи крохотных светлячков, образуя потрясающую симфонию тишины и цвета. От этого места веяло мудростью веков, жуткой таинственностью и лениво дремлющей силой. Сам же Храм на самом деле являлся не просто строением, а крупнейшей точкой пересечения трех артерий, пронизывающих недра Антеи и Ундоры, – порталов Света, Тьмы и Оружия. Ходили слухи, что попавшее внутрь Храма существо получает возможность не только пересечь реальное земное измерение, но и вступить на другие грани бытия, имеющие как пространственную, так и временную характеристику. Именно в Храме брали свое начало Нижний уровень – место обитания демонов, и Радужный – владения богов. В святилище хранились уникальные артефакты, созданные руками Великих Творцов этого мира, позволяющие обрести власть над Обителью затерянных душ – колыбелью богов. А впрочем, мало ли еще чего странного рассказывали о Хрустальной долине. Но так или иначе, а переступить через порог Храма удавалось не многим.

Владыка Халлагизель недовольно отодвинул груды рукописей и грязно выругался. В последние несколько дней он буквально поселился в библиотеке, безвылазно штудировав старинные манускрипты и свитки. Голова пухла от обилия почерпнутых знаний, оказавшихся, безусловно, поучительными, но все-таки не способными помочь в осуществлении задуманной королем хитрости. Поэтому Хал небрежно сбросил книги на пол и разочарованно грохнул по столу своим пудовым кулаком, призывая тысячи проклятий на голову замшелого, выжившего из ума противника, сумевшего обойти Синего в этой запутанной истории со сватовством к красногорской княжне. Ситуация казалась безвыходной. Повелитель Синих был женат, а его единственный законнорожденный сын принц Шеарран едва вышел из младенческого возраста. Конечно, можно попытаться избавиться от жены и... Нет, слишком рискованно! Розалинда происходит из могущественной и многочисленной семьи, и ее внезапная смерть способна сильно пошатнуть положение короля, совершенно не заинтересованного в развязывании новой внутриклановой междоусобицы. Халлагизель громко скрипнул зубами, почти готовый впасть в отчаяние.

– Ваше величество уже прочли все эти книги? – Робкий, дребезжащий голос вывел короля из состояния мрачной задумчивости.

– Убери их на место! – раздраженно рыкнул Хал, до глубины души возмущенный тем, что кто-то без разрешения вошел в комнату и осмелился столь бесцеремонно нарушить его монаршее уединение. – Все это ерунда!

– Ваше величество правы. – От стены библиотеки отделился худощавый, невысокий силуэт, более смахивающий на тень. – Великая мудрость никогда не хранится на поверхности, и достичь ее суждено лишь самым достойным!

Король вздрогнул как от удара, уловив в словах дерзкого незнакомца язвительный намек на свое скудоумие.

– Да как ты смеешь, ничтожество?! – взбешенно заорал он. – Я прикажу вырвать твой поганый язык, а самого тебя отдать на съедение драконам Ундоры...

– Пощадите, ваше величество! – Тень бросилась на колени и униженно поползла к креслу короля, вымаливая прощение. – Я не имел намерения оскорбить, я хотел предложить помощь! – Костлявые пальцы вцепились в подол подбитой мехом мантии.

Халлагизель немного успокоился, протянул руку и приподнял заискивающе склоненный подбородок, цепко всматриваясь в незнакомое лицо. Но низко надвинутый капюшон позволял увидеть не многое. Хал растерянно фыркнул.

– Я никогда не встречал тебя раньше, – вынужденно признал король. – Кто ты такой?

Существо робко поднялось на ноги, откидывая полы заношенного коричневого плаща, сшитого из грубой, сильно обветшавшей материи.

– Я библиотекарь и хранитель государственного архива! – незнакомец вежливо поклонился. – Гедрон лла-Аррастиг!

– Я знаю Аррастигов! – потрясенно воскликнул король. – Это одна из влиятельнейших семей нашего клана. Почему ты оказался здесь, лла-Арр?

– Взгляните на меня, ваше величество, – настоятельно попросил Гедрон, приближая свечу к своему лицу, до этого остававшемуся в тени, – и вы все поймете сами!

Король всмотрелся в лицо библиотекаря и содрогнулся от омерзения...

Древняя мудрость гласит: «Хочешь мира – готовься к войне!», и, возможно, Синие всегда держали ее в своем сердце, исподволь догадываясь о поджидавшем их беспокойном и нестабильном будущем. Синие, но не Белые. Существует старинная легенда, выбитая на огромной гранитной плите, установленной у входа в Хрустальную долину. Много сотен лет назад все эльфы жили единым сильным народом, еще не разделенным на два настороженно относящихся друг к другу клана. Но потом у первого из эльфийских владык родились сыновья-близнецы, неотличимые один от другого ни статью, ни повадками. И мудрый отец, не желавший, чтобы между братьями возникла вражда, разделил пополам принадлежавшие ему земли, сделав одного из сыновей владыкой Старшей сестры, а второго – Младшей. Молодые правители с радостью подчинились столь справедливому решению и, не собираясь хоть в чем-то уступать соседу, рьяно взялись за мирное соперничество, наперегонки благоустроявая доставшиеся им горы. Так возникли кланы. Эльфы строили города, устанавливали контакты с племенами орков и даже сумели расположить к себе людей, научив их ремеслам, магии и лекарскому искусству, щедро подтверждая славу Первой расы. Смешав кровь с орками, эльфы образовали новый народ – сильфов, ставших преданными друзьями клана Белой розы. Но с тех пор минуло больше трех тысяч лет. Если вдуматься – не слишком-то продолжительный период времени для бессмертного народа, но, увы, слишком губительный для любви и дружбы. Братские чувства, некогда связывающие два клана, давно канули в прошлое. Ныне между ними существовали лишь мнительная настороженность и едва сдерживаемая враждебность. Возможно, Синие оказались куда расторопнее и дальновиднее. Их величественный город – многоярусный Ширул-эль-шэн, с каждым годом достраиваемый и укрепляемый, постепенно превратился в неприступную цитадель, окруженную засеянными пшеницей полями. Очень мудрое, со стратегической позиции, положение. Воинственные и несдержанные в проявлении гнева Синие вложили много сил и средств в создание регулярной армии, заметно превосходящей скромные резервы соседей. Белые же, всегда тяготевшие к науке и искусству, построили свой город в центре обширного соснового бора, предпочитая посвятить себя разведению пчел, торговле медом, изготовлению душистых лечебных настоек и изысканных вин. Они мечтали о мире...

Король Рагнарэль торжественно натянул длинные холщовые рукавицы и аккуратно вынул из улья тяжелую рамку с сотами. Принюхался и восхищенно вздохнул. Эта пасека строилась по соседству с розарием, и целое лето трудолюбивые пчелы собирали густой, сладкий, будто патока, нектар, непрерывно скапливающийся в сердцевинках белоснежных розовых бутонов. Поэтому выработанный пчелами мед пах так упоительно, что у старого эльфа закружилась голова и во рту непроизвольно начала скапливаться слюна, вызывая непреодолимое желание отведать божественное лакомство. А уж какое из этого меда делали вино! Сидящий на стульчике мальчик-паж тихонько покачивался в такт успокаивающему пению свирели, сам почти убаюканный исполняемой им мелодией. Пчелы с сонным жужжанием вились вокруг короля, иногда опускаясь на руки и голову, но не жаля. В их снисходительном гудении слышалось дружеское приветствие и вполне понятная гордость хозяев, делящихся с гостем самым дорогим и сокровенным. Рой полностью доверял королю, привыкнув к тому, что с наступлением затяжных осенних дождей эльфы, неизменно выполняя свою часть давнего уговора, накроют ульи теплыми колпаками и помогут пчелам

пережить пусть и не очень холодную, но все-таки крайне неприятную для них зиму. Рой тоже не стремился к войне с эльфами, предпочитая извлекать явную пользу из столь выгодного для них сотрудничества.

«Жаль, что Синие оказались куда глупее насекомых!» – печально подумал король, с трудом наклоняясь, поднимая выпавшую из рук окончательно уснувшего мальчика свирель и мягко опуская ее ему на колени. Он аккуратно срезал кусок сот, большую их часть оставляя пчелиной семье, и вернул рамку обратно в улей. Бережно закрыл крышку красивого деревянного домика, вслух поблагодарил пчелиную матку за угощение и осторожно высвободил из своей седой бороды запутавшегося в ней трутня. Насекомое миролюбиво загудело. Рагнар постоял еще мгновение, отрешенно разглядывая копошившегося на его ладони мохнатого толстячка, а потом посадил трутня на полочку перед входом в улей, забавляясь его неторопливой важностью. Трутень гордо продефилировал по гладко обструганной дощечке, а затем благодарно взмахнул прозрачными крылышками и неторопливо скрылся в домике. «Не иначе как отправился отчитываться перед своей королевой!» – насмешливо подумал эльф.

Чуть прихрамывая на правую ногу и осторожно неся на вытянутых руках глиняную миску, доверху наполненную золотистыми, сочащимися медом сотами, он прошел в глубь сада и достиг простого кленового стола со вкопанными рядом с ним лавками. На столе лежал пышный каравай упоительно благоухающего, свежее испеченного белого хлеба и стоял высокий, запотевший кувшин с холодным молоком. Высокий пепельноволосый юноша, радующий взор цветущей красотой румяного лица и тонкостью стройного стана, бросил раскладывать льняные салфетки и принял из рук короля тяжелую миску со щедрыми дарами пчелиной королевы.

– Дядюшка, – он взглянул на старика с любящей укоризной, упрекая за обременительные хлопоты, – зачем ты ходил к улью? Я мог бы и сам принести тебе меду.

– Мой дорогой племянник, уважаемый лорд Денириэль, – престарый повелитель с кряхтением оперся на предложенную молодую руку, хворю заковылял, а после – облегченно вздохнул, опустившись на лавку и удобно пристроив больное колено на мягкую подушку, – не ворчи на старика. Мне нравится наблюдать за пчелами, у них есть чему поучиться...

– И чему же? – улыбнулся племянник, намазывая медом ломоть хлеба и подавая его королю. Он разлил по кружкам молоко и уселся напротив, взирая на старика с искренней заботой.

Рагнарэль благодарно откусил от ломтя и прижмурился от удовольствия:

– Насекомые гораздо умнее людей, эльфов, да и вообще кого бы то ни было. Они работают, размножаются, рождаются и умирают, они даже воюют. Но при этом никогда не тратят свою жизнь на никому не нужные ссоры, месть и оскорбления...

Денириэль согласно улыбнулся, прекрасно понимая, на кого намекает король.

Владыка неловко повернулся, охнул и схватился за колено. Племянник мгновенно вскочил:

– Дядя, можно, я позову лекаря или придворного мага?

Король отрицательно покачал головой:

– От моей болезни нет лекарства, потому что она называется старостью. Скоро я умру...

Брови прекрасного Денириэля удивленно поползли вверх.

– Но ведь эльфы не умирают!

– Умирают все, – поучительно усмехнулся король. – И нечего тут на лекарей пенять. Они честно выполняют свою работу, не позволяя нам умирать здоровыми... И в этом состоит скорбная правда жизни!

– Правду изобрели маньяки, – недовольно парировал молодой эльф. – Она колет глаза и режет уши.

Король одобрительно хлопнул племянника по руке:

– О, чувствуется стиль и слог моего младшего сына. Его категоричный цинизм.

Денириэль, пребывавший с принцем Таем в самых дружеских отношениях, скромно потупил глаза.

– Послушай, Дени... – Король притянул к себе голову племянника и, глядя в его умные глаза, зашептал с подкупающей доверительностью: – Мне нужна твоя помощь.

– Я готов послужить своему народу! – ошарашенно встрепенулся Денириэль, догадавшись, что король намерен поручить ему чрезвычайно важную и щекотливую миссию.

– Оба моих старших сына уже женаты, – медленно начал король. По его лицу стало заметно, что этот разговор не доставляет пожилому повелителю ни малейшего удовольствия. – А Тай...

– Принц не дурак! – преданно вступился Дени за лучшего друга.

– Не дурак, – согласно вздохнул владыка, – но любит притворяться не слишком обязательным и является чрезвычайно легкомысленным субъектом, к тому же обладающим тонкой поэтической натурой. Во всяком случае, многие в нашем клане считают Тайлериана... – Рагнар умолк и выразительно покрутил пальцем у виска. – А сила дурака как раз и состоит в том, что умный перед ним бессилён. Поэтому на принца лучше не рассчитывать, его реакция абсолютно непредсказуема...

– И?... – Дени не понимал, чего от него хотят.

– Ты, как член королевской семьи, возглавишь делегацию, направляющуюся в Красногорье. Выступая от моего имени, ты заключишь с тамошним правителем договор о дружбе и взаимопомощи, а также сосватаешь за меня дочь князя, княжну Рогнеду. Сумей расположить к нам людей, обитающих в тех местах. Пускай они буквально влюбятся во все эльфийское и станут нашими верными союзниками.

– А если княжна не захочет выйти за вас замуж? – осмелился заикнуться Денириэль.

Король старчески затряс головой и брюзгливо заворчал:

– Меня не интересуют возвышенные чувства девицы. Мне также совершенно безразличны ее внешние данные или душевные качества и недостатки, ее вкусы и привычки. Она просто обязана стать моей женой. Если княжна откажется, то договорись с ее отцом и привези девушку силой.

– Но... – начал оторопелый юноша, но король не желал выслушивать советы или возражения.

– Вот это, – он достал из кармана тоненькое, скромно-неприглядное колечко, казалось выточенное из черно-дымчатого стекла, – величайшая святыня нашего народа...

– «Звезда ночи!» – догадливо ахнул Дени, не решаясь притронуться к волшебному амулету.

– Да, это она, – подтвердил Рагнар, поглаживая седую бороду. – После того как договоренность с князем окажется достигнута, ты от моего имени проведешь символический обряд обручения и наденешь кольцо на палец княжны. Эта церемония возведет ее в ранг моей официальной супруги и властительницы всех Белых эльфов. Второе же кольцо, – владыка вытянул кисть, демонстрируя «Душу леса», плотно сидящее на его безымянном пальце, – уже заняло положенное ему место. Ты, любезный мой племянник, воздашь своей новой госпоже все почести и окажешь знаки уважения, полагающиеся нашей королеве! А потом привезешь молодую королеву сюда, ко мне, в Эль-силь. И мы станем ждать, чем же обернется для нас пророчество Логрина...

– Слушаюсь и повинуюсь! – Дени низко поклонился. – У меня уже возникли интересные идеи по поводу увеселения князя и завоевания симпатии жителей Красногорья.

– Отлично! – милостиво похвалил король, по-родственному обнимая племянника за плечи. – Я знал, что ты меня не разочаруешь! Иди собирай свиту. Да смотри, не жалея золота и драгоценных камней. Князь должен убедиться в том, что лучшая партия для его дочки уже не представится.

Взволнованный предстоящим путешествием, Дени опрометью бросился во дворец, на бегу нетерпеливо скликая слуг и приближенных дворян. Рагнар с доброй усмешкой смотрел ему вслед, гадая, не допустил ли он рискованную оплошность, поручив столь сложное

предприятие молодому и пылкому юноше. Но с другой стороны, разве не произведет этот элегантный красавец самое благоприятное впечатление на юную и доверчивую девушку? Ведь, по мнению короля, любая девица на выданье просто обязана быть донельзя наивной, глуповатой и восторженной простушкой. Впрочем, подобную ошибку мог совершить любой повелитель, лично не знакомый с княжной Рогнедой!

Поднатужившись и кое-как вырвав Михася из тесных объятий зашуганного крокодила, форсированно хапнувшего явно избыточную дозу адреналина, я чуть ли не пинками погнала пребывающего в глубочайшем шоке оруженосца через взволнованно гомонящую площадь. Зеваки, упоенно кучковавшиеся вокруг обломков зверинца, развлекались вовсю, наперебой высказывая самые неправдоподобные версии, по их мнению, вполне объясняющие произошедшее ранее. Представляю, как завтра на базаре наша сарафанная сводка новостей заработает! В центре всеобщего внимания немедленно оказался замотанный до состояния намбудийской мумии княжич Елисей, торжественно вынесенный на носилках и тут же окруженный всхлипывающими бабами. Тоже мне, нашли по кому убиваться! Ну как же – краса ведь и надежда наша! Кто-то сдуру крикнул, что из эльфийского зверинца, дескать, вырвался огромный дракон, чуть не сожравший княгиню Зою. А княжич, как и положено былинному добру молодцу, не струхнул и встал на защиту слабой женщины, аки один из братьев богини Аолы, не щадя живота своего. Услышав последнее, Елисей раскорячился на носилках в самой героической позе, начиная подозревать, что конфуз с боярышнями через денек-другой приобретет совсем другую интерпретацию и еще обратится ему на пользу. Эльфы благоразумно молчали. Похоже, они стали единственными из всей собравшейся на площади толпы, не считая меня, конечно, сумевшими понять, что княгиня не у всякого дракона в пасти поместится, а злополучному земноводному и вообще от их нечаянной встречи сразу не светило ничего хорошего. Уловив эпитет «слабая женщина», адресованный княгине, я прикусила губу, давась едва сдерживаемым хохотом. А несчастный крокодил выполз из соломы и попытался собственными лапами изнутри запереть изрядно покореженную клетку. Повстречаться с сей «слабой женщиной» повторно ему явно не хотелось!

Решив, что приключений с меня на сегодня достаточно, я подхватила под руку пунктирно передвигающегося Михася и, прикрывая лицо воротником кафтана, продуманно, короткими перебежками, отступила за временно опустевший театральный шатер. Во-первых, я опасалась, что меня, не ровен час, опознает кто-нибудь из конных дружинников, а во-вторых, начинала ощущать, что прыщ на носу ускоренно перешел в фазу бурной вулканической деятельности, вот-вот грозя разразиться спонтанным извержением. Ну и кроме того, меня почему-то сильно насторожил неприкрытый интерес, проявляемый пепельноволосям эльфом к моей прыщавой персоне. На мое счастье, в красавчика намертво вцепилась княгиня, а уж хватка у нее, даже не сомневайтесь, будет куда покрепче крокодильей.

Мы с Михасем добрались до бортика пивного фонтанчика и уселись на краешек, разглядывая оберточные бумажки из-под вяленых лещей, обильно устилавшие землю. Мой конопатый философ по инерции зачерпнул горсть влаги, намереваясь умыться, глотнул и закашлялся:

– Вот ведь г-г-гадость какая! И зачем эльфы фонтан испоганили?

– А они хотели как лучше, но получилось как всегда! – ехидно хохотнула я. – Впрочем, в качестве рекламного хода потянет. Но гости не учли главного – любовь к халяве у красногорцев неистребима, а поэтому запасы пива у эльфов быстро иссякнут! Наши дураки скорее до смерти упьются, но от фонтана по собственной воле все равно не отойдут.

– Слушай, княжна, почему умных так мало, а дураков – много? – почти риторически спросил оруженосец, утираясь рукавом.

– Ну, наверное, потому, что, пока умные думают, дураки размножаются! – пожала плечами я. – Другого объяснения придумать не могу.

– Ишь как оно все мудрено! – Михась забавно сморщился, приводя свои конопушки в интересный беспорядок. – Ты рассуждаешь почти как давешний эльфийский лекарь, назвавший подобные спорные утверждения каким-то странным словом. Дядямогией, кажется!

– Демагогией! – улыбнулась я. – Кстати, если ты уже отошел от общения с крокодилом, то моему носу тоже не терпится взглянуть на этого ученого лекаря.

– Так за чем же дело стало? – от всей души удивился Михась и, щедро окропляя меня пивными брызгами, махнул мокрым рукавом в сторону темного неброского шатра, притаившегося в тени развесистой березы. – Вот он, по соседству туточки!

Я поспешно вскочила с бортика фонтана, оправила кафтан и поддержнула сложившиеся в гармошку голенища сапог. Выглядеть распустехой мне не хотелось, потому что каким-то шестым чувством я поняла – в этом непритязательном шатре меня ожидает встреча с самой судьбой!

Король Халлагизель брезгливо оттопырил пухлую нижнюю губу и икнул от неожиданности. Библиотекарь печально усмехнулся и поспешно отступил назад, в густую полумглу, скапливающуюся у стены комнаты. Повелитель откинулся на спинку кресла, размышляя о том, что видение этого ужасного лица наверняка станет преследовать его всю оставшуюся жизнь, отравляя аппетит и прогоняя ночной сон. Подобная отталкивающая образаина ничуть не подходила представителю благородного рода лла-Аррастигов, бросая порочащее пятно на весь королевский двор... И не особо умный Хал уже собирался позвать стражу, чтобы избавить дворец от сего ужасающего убожества, как странный урод, по какому-то недосмотру судьбы случайно ставший его библиотекарем, вдруг спокойно уселся напротив короля, непринужденно закинул ногу на ногу и заговорил:

– До того как поселиться во дворце вашего величества, я занимал пост второго жреца Аолы в Храме Розы и являлся самым близким помощником великого Логрина...

Король сдавленно охнул и поперхнулся негодующим криком, так и не сорвавшимся с его уст. Он с каким-то новым ощущением, скорее страха, чем отвращения, повторно оглядел нахально развалившегося перед ним библиотекаря.

– А не слишком ли ты обнаглел, дружок? – нерешительно протянул он. – Я запросто могу приказать казнить тебя сей же час!

– Не прикажете! – уверенно усмехнулся Гедрон. – Я проверял вас, ваше величество. Главнейшая черта вашего характера – честолубие, что в короле весьма и весьма похвально. Превыше всего вы цените раболепие и преклонение перед вашим титулом. Поэтому сейчас я скажу вам нечто такое, после чего вы не только откажетесь от идеи умертвить меня немедленно, но и назначите своим первым советником!

– Ну-ну... – недоверчиво проворчал король, почти впавший в ступор от столь беспримерной наглости.

Гедрон крепко сплел свои кривые, похожие на паучьи лапки пальцы и обхватил ими колени. Ужасное лицо приблизилось к королю, обдавая кислым запахом несвежего дыхания. Бугристые синюшные губы растянулись в довольной улыбке, обнажая гнилые пеньки, оставшиеся от выбитых зубов. Король вздрогнул, но не смог отодвинуться, загипнотизированный блеском холодных черных глаз, яркими звездами сиявших среди сизо-багровых ожоговых рубцов и шрамов. Этот эльф, выглядевший так, словно его вниз головой окунули в пекло Нижнего уровня, пугал Халлагизеля почти до заикания. Но и притягивал не меньше...

Бывший жрец власть натешился произведенным на короля впечатлением и продолжил жарким шепотом:

– Но однажды я возмечтал стать первым у алтаря богини и захотел сместить Логрина. А для этого мне понадобились знания. Я воспользовался хранимыми в Храме артефактами, которые подчиняются лишь воле избранных – посвященных в тайны Великих Творцов, и отправился на Радужный уровень. Именно там находятся источники с живой и мертвой

водой, способной оживлять плоть и убивать душу. Я успешно прошел через порталы и попал в обиталище богов. Но, увы, бдительные ингвы и грифоны, стражи Галереи трех порталов, догнали меня и сбросили в Озеро живого огня. Я спасся лишь чудом, навсегда утратив присущую эльфам красоту. Дорога к источнику живой воды осталась для меня недостижимой, но зато я сумел вынести с Радужного уровня склянку с мертвой водой. Смотрите, ваше величество... – Библиотекарь извлек из складок своего златанного одеяния небольшой флакончик, до краев наполненный маслянистой темной жижой и плотно запечатанный.

Король зачарованно таращился на склянку, ощущая исходящее от нее холодное дуновение смерти.

– И зачем мне эта мерзость? – высокомерно поинтересовался он.

– О-о-о, – снисходительно усмехнулся Гедрон, – я знаю, что вы не просто так штудировали древние манускрипты. Вы искали что-нибудь непознанное, способное устранить короля Рагнарэля и всех его отпрысков. Я помогу вам. Белые очень любят читать и превыше всего в мире ценят хорошие книги. В моих архивах имеется редчайший трактат о войне, по преданию, написанный самими Великими Демиургами. Я подкину этот раритет во дворец Эль-сия, но перед этим пропитаю его страницы мертвой водой. Ручаюсь головой, король Рагнар и его сыновья не устоят перед искушением и не отрываясь прочитают редчайшую книгу. Но тот, кто прикоснется к отравленным страницам, умрет в течение трех дней, причем самые искусные маги и лекари окажутся не в силах создать спасительное противоядие...

Не дослушав коварного библиотекаря, король Хал восторженно хлопнул в ладоши:

– Великолепный план! Если все произойдет так, как ты задумал, я действительно дарую тебе титул своего первого советника. Но уверен ли ты в результате?

– Уверен! – Гедрон злобно ухмыльнулся. – Все предreshено! А кроме того, я знаю громадное множество других полезных для королевства тайн и сумею еще не раз верой и правдой послужить вашему величеству!

Халлагизель снисходительно потрепал по плечу своего свежееиспеченного советника, стараясь не касаться его ужасных рук или изуродованного лица. На губах короля блуждала мечтательная улыбка. Теперь он отчетливо осознавал, что час победы Синего клана близится!

Глава 5

Признаюсь – не везет мне хронически. Причем не везет не просто так, а чаще всего серьезно и основательно, с такими катастрофическими, печально-долгоиграющими последствиями. Всевозможные неприятности, досадные недоразумения и прискорбные случайности так и липнут ко мне, словно блохи к нашей дворовой шавке Жучке. Хотя, если разобраться, каждая случайность по сути является внезапно наступившей неизбежностью и всегда имеет свои объективные и закономерные предпосылки. Нужно ли добавлять, что по причине наличия весьма своеобразной психики и нестабильного эмоционального фона женщинам от жизни достается гораздо больше неприятностей, синяков и шишек, чем мужчинам? Михася можно в эту скорбную статистику не включать ввиду его застарелой детской психотравмы и целого набора неизлечимых комплексов. Меня же при дворе нашего державного князя-батюшки давно уже перестали считать девкой, но и к парням причислить отчего-то не торопились. Подозреваю, что в моем лице матушка-природа наконец-то изобрела некий нездоровый компромисс между непробиваемой женской антилогикой и несгибаемой мужской самоуверенностью, поэтому результат получился самым что ни на есть непредсказуемым, аукающимся мне при каждом мало-мальски удобном случае!

Что касается спровоцированных мною же самой предпосылок, то они регулярно имеют место быть и всегда служат предупредительным звоночком тревоги, который я неизменно слышу, но к которому почему-то никогда не прислушиваюсь. А вот почему – гoblin его

знает!

Показательным в этом отношении стал громкий конфуз, произошедший с участием меня, волхва Никодима, вонючего козла Оськи и самодержца нашего, князя-батюшки Елизара. Следует добавить, что я и до этого знаменательного события не питала должного пиетета к блудливому и трусоватому служителю Аолы, похотливому, будто племенной бык, и прославившемуся на весь Берестянский своими скандальными любовными похождениями. При этом это ничуть не мешало Никодиму строить благочинно-постную рожу и на каждом торжественном богослужении грозно клеймить наших столичных прелюбодеев и прелюбодеек всех мастей и ранжиров, призывая на их беспутные головы праведный гнев богини. Терпеть не могу лицемеров!

На этот раз объектом воздыханий дородного волхва стала малолетняя Стася, дочка княжеской поварахи Ефросинии. В свои неполные четырнадцать Стаська выглядела налитым краснобоким яблочком, этакая соблазнительная милашка, вся из себя будьте-нате и хорошенькая, ну прямо спасу нет. При виде красотицы Никодим неизменно ржал стоялым жеребцом и резво бил копытами, призывно болтая золотым знаком Аолы – пятиконечной звездой, висевшей на толстенной цепи у него на шее и постоянно скатывающейся вправо или влево с откормленного чрева, выпирающего не хуже чем живот у беременной бабы. Как волхв умудрялся преуспевать в постельных баталиях, для меня навсегда так и осталось неразрешимой загадкой, потому что при столь внушительных телесах Никодим должен был видеть свой детородный орган лишь с помощью серебряного офирского зеркала, да и то при условии, что зеркало окажется подходящего размера. Но поскольку слухи о подвигах Никодима ходили поистине легендарные, то приходилось смириться с фактами, которые, как известно, и топором не вырубить, да признать: наш божий человек – это что-то с чем-то! Малышку же Стасю волхв допек основательно, и она, будучи, по меткому определению моих братцев, еще «несовращеннолетней», однажды пала мне в ноги, заливаясь слезами и жалуясь на грязные приставания первосвященника-педофила.

Я тут же вспылала праведным гневом и не только обещала помочь несчастной жертве грязного сексуального домогательства, но и поклялась примерно проучить пожилого сластолюбца, к несчастью, напрочь забывая о своем вошедшем в привычку невезении. Итак, я велела Стаське завлечь волхва на сеновал и начала готовить грандиозное разоблачение, попутно (и сама того не желая) создавая предпосылки для возникновения очередной дурацкой случайности. Предостерегающие звоночки звонили вовсю, уподобляясь колокольному набату, но их не слушала. И, как оказалось, зря! Я легкомысленно не учла того факта, что своенравное везение почему-то не всегда оказывается на стороне тех, кто преследует благую цель, с пеной у рта отстаивая правду и справедливость.

Выражаясь конкретно, я намеревалась обставить всю сцену так, чтобы мой батюшка словно ненароком застукал уважаемого волхва на месте преступления, то бишь на Стасе, и в полной мере излил бы на него свое монаршее негодование. При этом требовалось пораскинуть мозгами и заманить самодержца на сеновал по какому-то совершенно нейтральному поводу. В качестве декорации мы выбрали сарай княжеского тиуна⁶ Тимофея, славившегося на всю столицу своей рачительностью и гениальной хозяйственной смекалкой. Прослышав, что тиун выпросил у князя воз сгнивших по дороге бананов, входивший в длинный обоз канагерийской делегации, в то самое время гостившей в Берестянке, я наплела батюшке, что умник Тимофей приспособился кормить негодными бананами своих коров, дающих на фоне такой заморской диеты неслыханно рекордные надои. Для пущего правдоподобия я загодя разбросала банановые шкурки по тиунскому сараю и села в засаду, поджидать прибытия князя, сильно заинтересовавшегося сим новаторским подходом к животрепещущим проблемам отечественного скотоводства. Того, что батюшка притащит за компанию еще и чернокожих гостей из жаркого Канагера, я в тот момент даже не

⁶ Здесь: домоуправитель и советник по хозяйственным вопросам.

предполагала.

Подговоренная мною Стаська, целую неделю бесстыдно строившая волхву глазки и доведшая его до состояния тихого помешательства на почве нереализованного инстинкта размножения, послушно забралась на чердак сенника, разделась догола и в томной позе растянулась на ароматной, свежескошенной траве, поджидая распаленного воздержанием возлюбленного. Кроме того, опять же по моему наущению, девчонка заранее напела Никодиму о своей девичьей жажде романтики и уговорила его устроить не просто обычный акт совокупления, а провести модную ныне в столице костюмированную игру. Услышав предложенный сценарий необычного эротического действия, озабоченный волхв возбудился не на шутку. По моему замыслу, Стаська должна была изображать похищенную чернокнижниками королевну, запертую на вершине неприступной башни, а Никодим – великого святого, спасающего благодарную красавицу и изгоняющего из нее злого духа. В чем заключался сам акт изгнания – понятно и без комментариев. Волхв, всегда выставляющий себя поборником сил Света и ратующий за борьбу с Тьмой, согласился с восторгом. Для пущего антуражу Стаська презентовала возлюбленному необъятный черный плащ, сплошь изукрашенный знаками богини Аолы, который Никодиму полагалось вздеть на голое тело, не обременяя себя рясой и исподним. И этот жест также пришелся по вкусу нашему герою-любовнику, милостиво избавленному от заморачивания с раздеванием и одеванием. А чтобы спасти девицу от реального ущерба ее чести и достоинству, мы затащили на сеновал дворового козла Оську, зело резвого и бодливого, как самый злобный демон. Козла намазали светящейся краской, талантливо изобразив на его вонючей шкуре череп с костями, и укутали мешковиной, поручив мне выпустить его в самый подходящий момент. Обсудив детали и малость прорепетировав, мы начали свою игру, даже не подозревая о сюрпризах, приготовленных нам коварным невезением!

Казалось бы, все происходящее вокруг вполне благоприятствовало успешной реализации нашего хитроумного замысла. Вечерело. Солнце плавно скатывалось к неровной линии горизонта, постепенно окрашивая небо в лирические, бледно-фиолетовые тона. С сенокоса возвращались невменяемо усталые косари, мечтавшие о миске наваристого свекольника со сметаной, кружке холодного пива и теплой бабе под боком. Романтично звенели комары, заставляя обнаженную Стаську то и дело хлопать себя по ядреной ляжке и изрекать некие грубые слова, весьма слабо вписывающиеся в сцену мелодраматического любовного свидания.

– Молчи! – сердито шипела я, почти задыхаясь от близости благоухающего мускусом козла.

Подлый Оська сдавленно мекал сквозь забитый ему в пасть кукурузный початок и пребольно лягался, пытаясь сбросить душный мешок.

– Так ведь кусаются же! – таким же недовольным шепотом виновато оправдывалась Стаська, грациозно почесывая в подмышке и томно сморкаясь.

– Терпи! – в свою очередь огрызалась я. – Мне тоже несладко!

По моим подсчетам, все складывалось более чем удачно. Никодим должен прибыть с минуты на минуту, да и батюшка-князь уже где-то на подходе. И в этот самый момент щеколда сарая тихонько приподнялась. Через порог перешагнула грузная фигура волхва, до пят укутанная в эксклюзивный плащ.

– Ты здесь, радость моя? – спросил сопящий и тяжело отдувающийся Никодим, не привыкший к дальним пешим прогулкам. – Это я, твой герой, твой черный плащик!

– Здесь! – в голос возопила до полусмерти заеденная комарами королевна, в данную минуту совершенно позабывшая о надвигающейся угрозе своему девству и имевшая единственное страстное желание – побыстрее избавиться от домогательств настырных кровососов. – Иди же ко мне скорее!

Никодим засопел еще громче и растерянно огляделся в поисках лестницы, ведущей на сенник. Лестница отсутствовала.

Я озаренно хлопнула себя по лбу и тихонько выругалась. Ну надо же, какая невезуха! К гадалке не ходи, и так все яснее ясного – лестницу унес наш старательный подельник Михась, ...цать минут назад подсаживавший на сеновал меня, Стаську и козла. Конопатый оруженосец всегда отличался самым закоренелым педантизмом и имел вымуштрованную привычку все ставить на свои места.

Никодим приуныл.

– Да как же идти-то? – с обидой на судьбу озадачился он, нервно теребя плащ.

Не стоит во всем винить Стаську, доведенную комарами почти до истерики. Ведь ко мне, напуганные козлиной вонью, они и на метр не приблизились, зато с остервенением набросились на молодое, призывно оголенное тело.

– Ой, моченьки моей больше нет, шаз умру! – знойно взвыла до волдырей искусанная Стаська, ужом вертясь на завлекательно шелестящем сене. – Сил не осталось терпеть!

Услышав подобное откровенное признание, Никодим принял его на свой счет и бурно возликовал. Предвкушая, какие неземные блаженства ожидают его наверху, он споро отбросил за плечи широкий плащ и, эротично посверкивая голыми ягодицами, схватил корзину, водрузил на нее ведро, потом ящик, а затем еще какой-то подвернувшийся под руку хозяйственный скарб. Торопливо составив неустойчивую импровизированную лесенку, волхв начал бодро карабкаться наверх, подбадривая стонущую и повизгивающую Стасю воплями о приближающемся спасении. Между тем злые духи (сиречь комары) доставали королевну все пуще, извлекая из ее горла поистине невероятные рулады. Толстая рука волхва уже показалась над краем сенника, как неожиданно шаткая конструкция предупредительно скрипнула, качнулась и рассыпалась, словно карточный домик. Никодим обреченно взвыл, ощутив, что летит, а плащ за его плечами неожиданно распаивается и наполняется тугими потоками свистящего в ушах воздуха...

То, что произошло дальше, запечатлелось в моей памяти навсегда!

Дверь сарая широко распахнулась, и в него торжественно вступил не совсем трезвый батюшка, дипломатично пропуская вперед двух монументальных, угольно-лоснящихся канагерийских послов. В тот же миг их барабанные перепонки чуть не лопнули от рвущего душу мужского крика, а на хорошо утоптаный земляной пол, прямо перед носом остолбеневших от неожиданности чернокожих гостей, обрушился здоровенный полуголый волхв – жутко поблескивая белками закаченных под лоб глаз. При этом Никодим не просто свалился с сенника, а эффектно гукнулся всем полноценным центнером живого веса и мученически отключился в позе раздавленной телегой курицы. Его напряженный, не желавший сдаваться мужской орган гордо вздымался к стропилам сарая. Гости отступили на шаг и содрогнулись.

– Ты чего это там делал? – подозрительно спросил князь, пиная волхва сапогом и более всего кручинясь не о здоровье первосвященника, а о падении престижа государства.

– Демонов изгонял! – честно выдал Никодим и отключился повторно, уже всеми органами тела и сознания.

Услышав страшное слово «демоны», послы взвизгнули, по-бабьи пронзительно и суеверно задрожали своими налитыми мощью бицепсами.

Но это оказалось еще не все. Практически свихнувшаяся от комариных ласк Стаська, решившая выяснить причину внезапно установившейся тишины, тихонько подкралась к краю сеновала, заглянула вниз и... внезапно поскользнулась на одной из разбросанных там и сям банановых шкур. Вниманию растерянных гостей предстало странное, жутко красное и опухшее лицо, оглушительно верещащее и стремительно промелькнувшее над настилом сеновала.

– Демон! – в один голос взвыли впечатлительные гости, позорно утрачивая последние остатки мужества. Они дробно застучали зубами и плавно приземлились на свои черные ягодицы. – Великий краснокожий демон пустыни!

Батюшка недовольно крякнул. По его державным меркам, в сарае творилось гоблин

знает что! Волхв в отключке, канагерийцы в шоке, да еще какие-то иноземные демоны по родному, исконно берестянскому сеновалу скачут. Непорядок!

– А ну, кто там есть, подь сюды! – пьяно потребовал самодержец, грозя зажатым в кулаке обкусанным малосольным огурцом. – Тебе сам князь приказывает!

– Нельзя грозить демону, демон отомстит! – вразнобой косноязычно залепетали послы, умоляюще хватая батюшку за руки, отбирая огурец и настойчиво пытаясь усадить князя рядом с собой.

– Кому, мне, самодержцу красногорскому? – ерепенился Елизар, гордо выставляя грудь колесом. – Да я этому демону самолично задницу надеру!

И тут к представлению подключился козел Оська. Пользуясь тем, что я, увлеченная всем происходящим, ослабила бдительность и перестала обращать на него внимание, подлый козел перегрыз-таки кочерыжку, выдернул голову из привязанной к ней веревочной петли, учуял вкусный княжеский огурец и с отчаянным меканьем сиганул вниз. К тому времени стемнело окончательно. И нужно представить себе панику, охватившую канагерийских гостей, да и моего пьяненького батюшку, увидевших, как из темноты на них выпрыгивает костлявый светящийся демон, выставивший вперед длинные острые рога. Проявив невиданную прыть, гости бросились врассыпную. Оська, до этого вечера никогда в жизни не встречавший чернокожих, а посему напуганный не меньше них, хорошенько наподдал рогами первому попавшемуся, коим оказался мой батюшка. Потом ухватил зубами вожака малосольный огрызок, чуть не оттяпав палец главному послу, и молнией вылетел из сарая, попутно сметая часть хилой, плетеной из ивняка стенки. За ним, громко крича и взывая к милости Аолы, вывалились иноземные гости, пришедший в себя волхв и князь в рваных штанах. А я сидела на сеновале и ржала в голос, обхватив руками в кровь закусанную Стаську...

На следующий день, прихрамывающий и держащийся за седалище князь при огромном скоплении народа и в сопровождении поминутно заикающихся канагерийских дипломатов долго и витиевато возносил монаршую благодарность частично загипсованному волхву Никодиму, отмечая проявленную им храбрость в деле изгнания из Берестянского коварных демонов и прочих врагов рода человеческого. Уж не знаю, каких именно врагов он еще имел в виду, но Стаська после вышеупомянутого романтического приключения заметно сдала морально, так и не став прежней бесшабашной девчонкой. Она поспешно вышла замуж за пожилого провинциального купца, присмирела, обабилась, родила дочку и благополучно растолстела. А я, уже не впервой, крепко задумалась о причинах своего тотального невезения и зареклась когда-либо впредь испытывать судьбу столь сложными ролевыми постановками! Впрочем, как выяснилось позднее, судьбе до моих скоропалительных обещаний не было никакого дела...

Итак, я в нерешительности застыла на подступах к эльфийскому шатру. С одной стороны, меня здорово подзадоривало не на шутку разыгравшееся любопытство, а с другой – сильно тормозило осознание собственной невезучести. А вдруг как опять?.. Но конец моим размышлениям положил негромкий голос, донесшийся из-за прикрывавшего вход полога:

– Заходи же, княжна, мы ждем именно тебя!

Я коротко и беззвучно помолилась, прося богиню о снисхождении, протянула руку, отодвигая дорожную ткань, и смело шагнула вперед...

Внутреннее пространство шатра оказалось неожиданно высоким и вместительным, по большей части заставленным различными непонятными предметами, о назначении доброй половины коих я даже не догадывалась. В центре импровизированной комнаты находился круглый стол, за которым расположились двое. Первый, вернее, первая имела облик обманчиво молодой женщины – стройной, смуглой, с прозрачными, как вода в реке, голубыми глазами. Глазами старыми, будто лед на высокогорном леднике. Одета в роскошное платье эльфийка восседала в удобном кресле, неторопливо тасуя колоду потертых карт, составленную из необычных, ярко расписанных золотом и серебром

картинок. Рядом с ней, небрежно облокотившись на спинку кресла, стоял мужчина зрелых лет, с неожиданно мальчишескими и задорными глазами. Пряди седины, мелькавшие в его каштановых волосах, казались нарочито придуманным декоративным украшением. Я насмешливо прищурилась, тотчас уловив искусный визуальный обман.

– Здравствуйте, старшая госпожа! – Я низко поклонилась, приветствуя молодую эльфийку.

Мужчина и женщина быстро переглянулись, обменявшись многозначительными улыбками.

– Не каждый способен сразу распознать то, что скрыто под иллюзией, а не лежит на поверхности, – мелодично произнесла женщина. – Мой сын правильно предупредил меня, доказывая, что избранной деве присущи многие необычные качества. Как ты догадалась?

– Сама не знаю точно! – Я неопределенно пожала плечами. – У вас молодое лицо, а глаза, как у древней старухи. Но женщины всегда придают значение своей внешности. А у него, – я повернулась к мужчине, – юные глаза и слишком броская, для того чтобы оказаться натуральной, седина. Скорее всего, он лекарь и намеренно старит свою внешность! Ведь пациенты склонны доверять пожилым и опытным...

– Bravo! – Эльфийка ребячливо захлопала в ладоши. – Поэтому – долой маски!

В воздух взметнулось ароматное облачко тумана, а когда оно рассеялось, я увидела красивого юношу в расцвете лет и старую безобразную каргу, морщинистую и сгорбленную. Мое изумление не имело предела:

– Но ведь эльфы не стареют?

– В обычных условиях – да, – подтвердила старуха, возобновив перебирание карт. – Но за все нужно платить, в том числе за силу и знания. Поэтому маги и правители редко остаются молодыми.

– Заклинания забирают вашу жизненную энергию! – догадалась я. – Но тогда вы должны быть очень сильной магичкой?

Эльфийка рассмеялась:

– Я не волшебница, милая девочка! Я – Смотрящая сквозь время, служительница королевы Смерти, а время беспощадно даже к тем, кто научился повелевать и управлять им. И я ждала именно тебя.

– И я! – в унисон подхватил лекарь. – Но моя миссия невелика, всего лишь подправить твой внешний облик...

– Зачем? – испуганно отшатнулась я. – Достаточно избавить меня от прыща...

Лекарь улыбнулся:

– Ты странная девушка, княжна. Неужели ты не мечтаешь о красоте?

– А как же фраза: «За все нужно платить»? – иронично усмехнулась я.

– Bravo! – повторно произнесла Смотрящая. – Подозреваю, судьбе не удастся так просто согнуть или сломать тебя, ей придется изрядно потрудиться...

– Это вы о чем? – настороженно поинтересовалась я, подходя ближе к столу и с любопытством таращась на картинки.

– О твоём знаменитом невезении! – каверзно сморщилась старуха, собирая свою сухую мордочку в невероятно отталкивающую гримасу. – И обо всех вас!

– Нас? – не поняла я.

– Садись! – Смотрящая почти насильно усадила меня напротив себя и подвинула ко мне колоду карт. – Вот это, – она любовно погладила толстую стопку картинок, – Колода Судьбы, один из величайших артефактов нашего народа, некогда хранившийся в Храме Розы. Но много сотен лет назад пророк Логрин почувствовал, что в мир придет избранный человек, способный изменить непрочную ткань бытия с целью предотвратить поджидающие нас несчастья. И тогда он отдал мне волшебные карты, поручив помочь этому избранному богами воину понять смысл своего предназначения. Пророчество Логрина сбылось, теперь мы точно знаем, что этот долгожданный спаситель мира – ты!

– Я? – Я ошарашенно вылупила глаза. – Не-е-ет, не верю ни единому вашему слову! Я

просто младшая дочь князя, некрасивая и невезучая...

– Вот! – поучительно подняла кривой ноготь эльфийка. – Смотри... – Она сжала ладони, прошептала несколько слов, развела руки, и... из ее пальцев на стол выпрыгнула хорошенькая беленькая мышка, забавно поблескивая черными бусинками глаз.

Я восхищенно вскрикнула. Старуха щелкнула пальцами, и под лапками мышки появилась узкая атласная ленточка, начавшаяся двигаться со все увеличивающейся скоростью. А мышка немедленно и вынужденно побежала по ленточке, вытянув в струнку тонкий хвостик и отчаянно перебирая розовыми лапками. Я следила за животным, задумчиво наморщив лоб. Лента двигалась все быстрее и быстрее, мышка начинала уставать. Что-то мне это напоминало...

– А если мышка остановится? – шепотом спросила я, скрипя пересохшим от волнения горлом.

– Она умрет! – жестоко ответила старуха, не сводя с меня напряженного взгляда. – Ты понимаешь смысл увиденного, княжна?

– Кажется, да, – неуверенно произнесла я. – Лента похожа на непрерывный поток жизни, сойти с которого можно лишь одним способом. Поэтому мы все бежим и бежим, выбиваясь из сил и соревнуясь в скорости со смертью...

– А теперь смотри дальше, – довольно приказала старуха, дунула на стол, и на ленте появился камушек.

Мышка запнулась о препятствие и кубарем покатила назад, чуть не свалившись с узкой полоски жизни... Я сочувственно вскрикнула:

– Бедняжка, как же ей не повезло!

Смотрящая хищно ухмыльнулась. Но мышка вдруг резво вскочила, сердито пискнула, упрямо тряхнула усами и побежала еще резвее, чем раньше. Я буквально остолбенела, осознав скрытый смысл произошедшего.

– Достаточно, – попросила я. – Я все поняла!

Эльфийка махнула рукавом, и иллюзия пропала. Лекарь участливо наклонился ко мне и подал стакан воды. Я выпила залпом.

– Камешек – это невезение, встречающееся нам в жизни. Сломайся, остановись, испугайся – и ты умрешь. А научись его преодолевать – и ты станешь сильнее любой случайности, научишься извлекать уроки из своих ошибок и перестанешь быть рабом судьбы... – вслух рассуждала я.

Смотрящая благосклонно кивнула:

– Видишь, теперь ты поняла смысл выпадающих на твою долю невезений. Правильно понятое и принятое невезение несет куда больше блага, чем постоянная удача. Избранный должен закалиться физически и духовно, не бояться бед и испытаний. Лишь изменивший свой разум человек способен изменить судьбу, причем не только собственную, но и чью-то еще. Ибо тогда он сможет свершить предначертанное богами и исполнить пророчество.

– В одиночку? – не поверила я.

– Конечно нет, – поспешил утешить меня добросердечный лекарь. – Тебе суждено обрести друзей.

– Сейчас мы все узнаем. – Старуха взяла колоду и протянула ее мне. – Выбери одну из картинок.

Я послушно просунула пальцы в глубь лежащей вверх рубашками стопки бумажных квадратиков и вытянула первую же, случайно подвернувшуюся под руку. Смотрящая перевернула ее рисунком наружу и показала мне:

– Светлая Дева!

И правда, карта изображала девушку, нарисованную золотой и алой красками, остриженную до плеч и одетую в мужское платье. Я недоуменно скривила рот и погладила свою длинную косу.

– Назови любе число! – потребовала эльфийка.

– Шесть! – наобум брякнула я.

– Хорошо, – потер руки лекарь, – значит, вас будет шестеро.

– Необязательно, – поспешно поправила его старуха. – Возможно, к ним присоединятся помощники, но Воинов Судьбы и вправду наберется шестеро! – Она быстро, не глядя, выбрала пять карт, добавила их к Деве и разложила их на столе. – Это, – еще шесть карт легли выше, – ваше прошлое. Это, – шесть карт поместились ниже, – ваше будущее. Это, – она выбросила три карты слева от себя, – то, что вам противодействует. И еще три карты справа – то, что вам поможет. А теперь достань карту, знаменующую итог исполненного пророчества! – категорично приказала она.

Я вздрогнула всем телом.

– А может, вы сами это сделаете? – затравленно попросила я, не осмеливаясь принять на себя столь тяжкую ответственность.

Но Смотрящая сквозь время возмущенно замотала седыми патлами:

– Я не полномочна вмешиваться в судьбу избранного. Твоя жизнь всецело в твоих собственных руках, девочка!

Тогда я закрыла глаза и мысленно сказала себе, что вовсе не хочу кому-то навредить или причинить страдание. И если мне суждено вытащить плохую карту, то пусть вся ответственность за такой неудачный выбор падет только на меня... Я потянулась к колоде, и мне показалось, что последняя карта сама прыгнула ко мне в ладонь! Я поспешно положила ее на край стола, ибо простой кусочек картона жегся сильнее головешки...

– Ну что, открываем Расклад Судьбы? – Старуха смотрела на меня вопросительно.

Я плотно сжала зубы и решительно кивнула.

Обычно любое разумное и свободомыслящее существо ошибочно полагает, что в жизни существуют всего лишь две вещи, дарованные нам свыше, а не выбранные по собственному желанию или прихоти. Эти пресловутые вещи – родители и родина. С тяжеловесными фактами фатальности этих понятий спорить бесполезно, ибо они не подлежат опровержению, являясь непоколебимой догмой. Но, к несчастью, есть и нечто третье, способное доставить нам гораздо больше хлопот и неудобств. И называется оно – имя. Да-да, то самое имя, что сразу же после рождения дают нам наши любящие родители. И, наверное, одним только Пресветлым богам известно, какими соображениями они при сем наиважнейшем действе руководствуются. Не стоит смеяться или необдуманно махать рукой – да ну, мол, имя! Поменял его, и делов-то! И нам кажется, что это можно совершить в любой удобный для нас момент, да вот лучше – не надо бы и пытаться. Потому что истинное имя несет в себе огромный пакет законсервированной до нужного времени информации, потихоньку выходящей из спячки в течение всей жизни своего физического носителя и способной оказывать влияние на его судьбу, служить специфичной артефактной защитой и даже предопределять будущее. А смени имя на какое-то другое – и, возможно, вся твоя жизнь нарушится и, хуже того, пойдет под откос! Одни лишь высшие маги способны безболезненно изменять данное родителями именем, испросив благословения богов и заложив в физическую оболочку, претерпевшую подобную ментальную трансформацию, новую, тщательно откорректированную судьбу. Ибо имя является такой же неотъемлемой нашей частью, как нога, голова или сердце.

Тре́й сердито раздувал крылья широкого носа, сосредоточенно нюхая сырой лесной воздух. Поругавшись с друзьями, он первое время слепо пер напролом, совершенно не разбирая дороги и стремясь как можно скорее очутиться подальше от Ори́на и Скуме́ра, в очередной раз жестоко и обидно высмеявших Тре́я. А еще друзьями называются! Но только выпади удобный случай, сразу забывают их совместные ночные прогулки, купания в озере и прочие проделки, милые шепутным мальчишеским сердцам, и начинают подлизываться к этому безмозглому пузану Шеше́ку, первому здоровяку и силачу. Буквально в рот ему смотрят! Да какие из них после этого друзья, так, случайные приятели просто... Тре́й сгоряча двинул плечом, снося невысокую сосенку. Пусть он пока папу ростом не догнал, да и до толстяка Шеше́ка ему далеко, но все равно – метров десять в Тре́е уже набралось. А

возможно, и десять с гаком!

Размер, пожалуй, являлся сейчас второй наиважнейшей ценностью, постоянно занимавшей мысли Трея и вызывавшей у него повышенный интерес. Именно размер, а отнюдь не красота. Лишь мощная стать и широкий разворот плеч могли немного исправить создавшееся невыгодное положение, добавив Трею толику веса и уважения в кругу яростно борющихся за авторитет сверстников. А также – компенсировать его дурацкое имя!

«А во всем мама виновата! – Трей печально вздохнул, в глубине души понимая, что мать вовсе не желала ему вреда, а наоборот, хотела сделать как можно лучше. – Удружила, нечего сказать! Ладно хоть не уродом родила, и на этом спасибо».

К красоте Трей не стремился никогда, да и вовсе не к лицу воину и сыну повелителя клана думать о подобных суетных мелочах. Забота о внешности – удел девчонок, особенно если они такие пригожие, как его младшая сестренка Ларра. Испытываемая к сестре любовь приятно согрела душу, вызывая в памяти ее милую улыбку и необычайно прекрасные синие глаза. А сам Трей... Тут мальчишка поднапряг мозги, пытаясь представить себя со стороны, и ненадолго задумался.

Нет, оценивая себя объективно, Трей не смог бы претендовать не только на звание красивого, но даже симпатичного. Его грязный, серовато-коричневый окрас немного оживлял пышный черный гребень, тянувшийся вдоль спины и хвоста. Но на этом плюсы внешности заканчивались, а общее впечатление от достаточно пропорциональной фигуры сильно портили граничащая с худобой поджарость и надломленный передний клык. След былых драк. Неплохое впечатление производили большие черные глаза, впрочем совершенно теряющиеся на фоне оторванного и еще как следует не приросшего лоскута чешуи, неопрятно болтающегося над правой глазницей. Наверное, так и не заживет до конца, навсегда шрам останется. Хотя на это Трею тоже давно уже наплевать. Не красавец, как самовлюбленный серебристый Орин, но и не урод. Это если не слушать придурка Шешека, который любил сравнивать Трея с безобразным гоблином и частенько сыпал подколками типа той, что когда коричневый уродец был еще совсем маленьким и играл в песочнице, то даже кошки находили его столь страшным, что пытались закопать. Но нет, Шешек врет – у Трея самая обычная для молодого дракона внешность. И точка, хватит на этом нюни распускать, чай, не девчонка!

А первоначальной причиной неудач, неотступно преследующих Трея с самого момента вылупления из яйца, стала нежная мамочка, давшая долгожданному первенцу труднопроизносимое и донельзя пышное имя – Вольвентрейм. Старики покачали головами, почесали в затылках и успокоились. Ну и подумаешь, что от имени сына владыки Рэндона у них языки о зубы спотыкаются и дыхание перехватывает. Раз родители так захотели, то пусть будет этот, как его, Вальвер... Вольтвен... тьфу, Вольвентрейм! В конце концов, не им ведь с таким дурацким именем жить, а ему, сыну повелителя клана. Рэндон и сам со временем понял, что зря он в таком важном вопросе пошел на поводу у жены, но было уже поздно.

Вольвентрейма дразнили многие, переименовав его имя самым невообразимым и несуразным образом. А хуже всего стало после того, как один излишне тяготевший к чтению книг по естествознанию умник начал именовать сына повелителя Вульвентреймом, раззвонив на весь оазис о забавном названии человеческого женского органа, легшего в основу нового обидного прозвища Трея. Теперь уже над жалким неудачником потешались все без исключения, даже ранее невозмутимые старейшины, и жизнь мальчишки превратилась в нескончаемую череду издевательств и унижений. Помочь Трею отныне, кроме него самого, не мог никто, включая могущественного отца. Юный дракон до глубины души возненавидел свое нелепое имя, навсегда заменив коротким и звучным сокращением, напоминающим смертельный удар тяжелого хвоста – Трей. Он научился драться, когтями и зубами отстаивая право оставаться самим собой. Пусть не сыном владыки и будущим владыкой, но существом дерзким и свободным, стоящим выше пустых обид и глупых предрассудков.

Любить Трея после этого не полюбили, но бояться стали, тщательно скрывая под язвительностью инстинктивное уважение и зависть, невольно внушаемые им молодым гордецом. Ведь Трей смело противопоставил себя всему клану, да к тому же он еще и летал куда лучше всех остальных драконов. И взрослых и молодежь чрезвычайно раздражала посадка головы Трея, всегда высоко вскинутой к столь любимому им небу, нахальный взгляд с прищуром, да еще вызов, ясно читающийся в черных глазах, обращенный ко всем и вся. Разве же таких любят? Скорее всего, со временем ему предстояло-таки снискать уважение у сородичей, причем именно то, которого добиваются ценой собственной мудрости и доблести, а не получают по наследству. И, вероятно, в будущем из Трея получился бы самый знаменитый правитель, способный в веках прославить весь драконий род, если бы в ход событий случайно не вмешалось слепое провидение, щедро приправленное изрядной дозой невезения, в корне изменив судьбу молодого дракона. Вот к чему в итоге способно привести необдуманное отторжение и изменение имени...

Такому выдающемуся летуну, как Трей, ничего не стоило, поругавшись с друзьями, подняться на крыло и запросто пересечь песчаное побережье Ундоры, с ее зелеными оазисами, облюбованными драконами в качестве постоянного места проживания. Вдосталь насладившись горячей влагой Моря Туманов, Трей перемахнул через половину Антеи и лишь слегка выдохся, достигнув прохладного и лесистого склона Младшей сестры. Холодноовато, конечно, особенно для привычного к жаркой Намбудии дракона, но зато имеется стопроцентная гарантия – до гоблина надоевших сородичей здесь уж точно не встретишь. К тому же окружавшие Хрустальную долину горы всегда казались Трею довольно милым местечком, полным всевозможных еще не разгаданных тайн и приятных неожиданностей. Дракон неторопливо выбрался из чащобы, словно таран пробороздив хилый подлесок, а затем отыскал отлично прогретую солнцем глубокую низину и завалился спать, уютно устроившись в густых дебрях пышно разросшегося орешника. И спалось Трею довольно-таки сладко до тех пор, пока его не разбудили два громких голоса.

Первой реакцией не до конца проснувшегося дракона стало естественное желание вылезти из низинки и призвать к ответу шумных наглецов, банально накомостилав им по шеем. Но уже минутой спустя Трей мысленно возблагодарил Пресветлых богов, предусмотрительно даровавших ему окрас, столь гармонично сливающийся с землей и ветками кустарника. Ибо разглядеть его в пестрой цветовой гамме низины оказалось практически невозможно. А среди двух согласно сплетающихся голосов молодой дракон безошибочно опознал густой отцовский бас, преисполненный неожиданно мягкими и любезными интонациями. Обычно так разговаривают лишь с близкими друзьями. Второй голос, восхитивший Трея своей необычайной напевностью и музыкальностью, принадлежал, судя по всему, эльфу. Дракон с любопытством отвел ветку, закрывающую обзор, и пристально всмотрелся в собеседников. Эльф, обладающий необычным голосом, производил убойное впечатление, ввергая в шок своей противоречивой, поистине фантасмагоричной внешностью. В первый раз в жизни Трей увидел столь парадоксальное сочетание сияющей красоты и вопиющего уродства. Эльф, без сомнения, подвергался нападкам ничуть не реже самого Трея и поэтому мгновенно вызвал в последнем спонтанно вспыхнувшее чувство искренней симпатии. Невезучий встретил невезучего.

Едва сдерживая овладевший им восторг, Трей внимательно выслушал разговор, касавшийся сватовства к красногорской княжне. А вернее, его отец принял заказ на похищение девицы, обязавшись доставить ее прямоком в выжидательно распахнутые объятия горбатого эльфийского красавца. Трей хихикал и потирал лапы, чуть не вертясь на месте от распиравшего его энтузиазма. Едва дождавшись ухода заговорщиков, он ужом выполз из низины и с громкими воплями радости лихо закувыркался на мягкой траве. Наконец-то справедливая судьба решила исправить причиненные Трею неприятности, с лихвой вознаградив за проявленные терпение и стойкость! О нет, он ни за что не уступит отцу столь почетную миссию – раздобыть прекрасную княжну и привезти ее в Хрустальную

долину. Он сам немедленно отправится в Красногорье и мастерски выкрадет девушку из тщательно охраняемого княжеского терема. Этой отчаянной проделкой Трей не только заработает дружбу и благодарность принца Тая, но и докажет всем драконам свою храбрость и умение совершать самые рискованные поступки.

«Кто не рискует, тот не пьет игристого вина!» – любят повторять горазды на всякие умные изречения эльфы. Но при этом они лукаво умалчивают об одной важной мелочи: что же на самом деле вреднее для здоровья, вино или неоправданный риск. Об этом Трей как-то не подумал...

Даже самые могучие маги остерегаются попусту заглядывать в будущее, конечно, если для этого не возникнет особо веских причин, ибо зачем себя расстраивать лишний раз? Кому, к примеру, приятно знать точную дату своей смерти, да еще со всеми животрепещущими деталями и подробностями? Но с другой стороны, жизнь – штука суровая, а на компромиссы жадная. С жизнью возможны всего два варианта взаимодействия: не привыкнешь к ее выкрутасам – подохнешь, не подохнешь – привыкнешь. Подыхать мне не хотелось категорически, для столь печального исхода событий я была еще слишком молода. Кстати, если разобраться, излишками дурного оптимизма, так мешающими формированию нормального инстинкта самосохранения, я не страдала никогда, прекрасно понимая, что самым жизнелюбивым является отнюдь не тот, кто первым крикнет «ура», а тот, кто последним скажет «хана». Но вот что прикажете делать с неисправимыми и обязательными чертами любой бабской натуры – въедливостью и любопытством? И поэтому, абсолютно подтверждая мудрую истину, называющую молчание единственным золотом, не ценимым женщинами, я, хоть и отдавала себе отчет в опасности подобного решения, чисто из вредности открыла рот и выдавила хриплое «да».

Смотрящая сквозь время кисло улыбнулась и начала кропотливо переворачивать карты...

– Так, – бормотала она себе под нос, ни к кому конкретно не обращаясь, – посмотрим, что нам выпало. – (И тут я поняла, что мучающее эльфийку любопытство ничуть не уступает моему, ведь она тоже принадлежала к числу представительниц женского пола). – Каких Воинов Судьбы нам преподнесет волшебная колода? – Старуха переворачивала цветасто размазанные квадратики и прилежно размещала их ровным рядком.

Первой рядом с изображением Девы появилась картинка, явившая моим потрясенно расширенным глазам нечто когтистое, крылатое и хвостатое.

– Чудовище! – уверенно пояснила старуха.

Второй открылась карта с отвратительным обликом несуразного, сгорбленного человека.

– Урод! – прокомментировала эльфийка.

Третья картинка показала женщину в плаще.

– Ведьма! – объявила Смотрящая, мрачняя все больше.

На четвертой карте красовался величественный мужчина, пугающий противоречивым контрастом огромных оскаленных клыков и роскошной короны на голове.

– Высший коронованный вампир! – уже не сдерживая овладевшего ею отчаяния, громко ахнула эльфийка. Она испуганно зажала между колен дрожащие от ужаса руки и посмотрела на меня, как на приговоренную к казни преступницу.

Я прикусила губу и сама открыла последнюю, шестую карту. На ней оказался нарисован черноволосый красавец с красными глазами.

– Злодей! – каркнула старуха.

Две женщины, молодая и старая, сидели друг против друга, с отвращением взирая на разложенные между ними карты.

– Никогда не видела более худшего расклада, – печально призналась Смотрящая. – Шесть персонажей: Дева, Чудовище, Урод, Ведьма, Высший вампир и Злодей! Из всей колоды они менее всего подходят на роль Воинов Судьбы! Пресветлые боги, хотелось бы

мне знать, почему нам не выпали прекрасные рыцари и светлые маги?

Я посмотрела на старуху с немим отчаянием во взоре и шмыгнула носом, на глаза напозлали слезы горечи и обиды. Мне что, не повезло в очередной раз? До такой степени не повезло? Ну-у-у, это уже нечестно...

– А переиграть нельзя? – робко поинтересовалась я.

Эльфийка глянула на меня жалостливо, будто на стукнутую по голове идиотку:

– О чем ты там лепечешь, девочка, это же Расклад Судьбы!

Я шмыгнула носом еще громче.

– Ну ладно, – обманчиво бодро провозгласила Смотрящая, – давай откроем ваше прошлое и будущее, авось там проявится что-нибудь хорошее... – И, не тратя понапрасну времени, она перевернула карту, лежащую над Девой. – Троль! – ликующе рассмеялась старуха, демонстрируя мне изображение косматого воина с дубинкой. – Ай да Логрин, не ошибся-таки!

Я недоуменно свела брови на переносице:

– А он-то ко мне каким боком относится?

– Это твой настоящий отец! – торжественно объявила эльфийка.

Я протяжно присвистнула. Скажем прямо, особого шока я не испытала. Ходили при княжеском дворе всяческие слухи о том, что, мол, батюшка Елизар мне не родной, а я ему дочка не кровная, а приемная. И что матушка моя и не человек вовсе... И, дескать, так она с батюшкой и не ужилась, а отправилась вскорости после моего рождения к одной лесной лекарке раны долечивать, да так и не вернулась. А что с ней далее приключилось – никому не ведомо. К батюшке с такими вопросами я соваться не осмеливалась, замечая, как темнеет его лицо при малейшем упоминании имени Феррис, но еще с десяти лет дала себе клятвенный зарок – в нужный час разобраться во всей этой смутной истории. И вот, похоже, нужный час настал...

– Ну если мой родной отец столь непригляден собой, то понятно, откуда у меня взялась этакая гадкая склонность к прыщам! – неловко пошутила я.

Лекарь у меня за спиной одобрительно хмыкнул и легко прикоснулся к кончику моего носа своим точеным ухоженным пальцем. Нос тут же перестало печь. Я благодарно кивнула.

– Венец повелителя! – Не отвлекаясь на мои шуточки, старуха перевернула карту, лежащую над Чудовищем. – О-о-о, – многозначительно протянула она, – наш зверь происходит из царского рода!

Уж не знаю, как самой Смотрящей, а мне этот факт не прояснил ничегошеньки. Скорее, запутал меня еще сильнее.

Над Уродом разместились карта блуда, над Ведьмой – незаконченной учебы, над Высшим вампиром – потери близкого человека, над Злодеем – убийства (что выглядело вполне логичным). Эльфийка откинулась на спинку кресла и издали полюбовалась незаконченным раскладом. Саркастично так полюбовалась.

– Мило! – буркнула она, смотря куда угодно, но только не на меня. – Одним словом, мило! Прямо не Воины Судьбы, а, скорее, кучка наемного отребья самого вульгарного пошиба!

– Мама, – строго одернул ее лекарь, – не пеняй на судьбу. Ты ведь сама не раз мне говорила, что ничего в жизни не дается так дешево, как нам того хотелось бы. А просто так даже кошки не котятся. К тому же грехи прошлого не всегда омрачают будущее.

– Ну-ну, – желчно проворчала старуха, – не верю я что-то в это светлое будущее! – Она тяжело вздохнула и начала открывать карты, лежавшие ниже Воинов Судьбы.

Под Девой (то есть подо мной) оказалась свадьба, под Чудовищем – перерождение, под Уродом – бесконечность, под Ведьмой – карта, имевшая, по словам эльфийки, два значения – Костер и Сила, под Вампиром – власть, а под Злодеем – потеря себя.

Теперь уже растерялся и озадачился даже неизменно верящий в удачу лекарь, а я так и вообще категорически отказывалась понимать хоть что-нибудь мало-мальски значимое. Все происходящее здорово смахивало на глупую и очень жестокую игру. Смотрящая обреченно

махнула морщинистой рукой и, торопясь досмотреть расклад, рывком открыла лежащие справа от нее карты. На нашей стороне оказались: Дружба, Боги и Случай.

– Ну это еще ничего, – немного оживилась старуха. – Коль Пресветлые боги на вашей стороне, то еще можно надеяться на благоприятный исход задуманного предприятия. А вот что против вас. – Она неохотно перевернула размещенные слева карты. – Чернокнижник, Невезение и... О, спаси нас Аола! – Смотрящая мертвенно побледнела и, пребывая в состоянии близком к обмороку, уронила на пол последнюю из трех картинок.

Лекарь бросился к матери и начал расторопно хлопотать, умело массируя ей виски и поднося к носу склянку с каким-то остро пахнущим зельем. Пользуясь суматохой, я быстро нагнулась и подняла кусочек картона, путано залитый концентрическими сгустками непроницаемо-черной краски...

– Что это? – Я вертела карту так и сяк, не способная самостоятельно идентифицировать диковинное изображение. – Похоже на бесформенную кляксу или ураган...

– Это Ветер Инферно! – глухо простонала Смотрящая, приходя в себя. – И не стану обнадеживать тебя попусту, во всей колоде нет карты страшнее. Я не знаю, что она означает на самом деле, но рядом с ней даже Смерть – мелочь, ерундовый пустяк. По сравнению с Ветром Инферно быстрая и безболезненная смерть покажется милостью судьбы. Еще ни разу эта ужасная карта не выпадала ни в одном раскладе, а теперь...

Откровения старухи неожиданно прервал громкий женский голос, выкрикивающий угрозы и сыплющий отборными ругательствами. Полог шатра стремительно взлетел вверх, чуть не оторвавшись напроць, и во входном проеме картинно нарисовалась необъятная туша, неряшливо обтянутая запачканным мукой передником. В толстых руках разгневанной бабищи угрожающе покачивалась увесистая, потемневшая от длительного употребления скалка, более смахивающая на багор. Увидев нежданную посетительницу, эльфийка испуганно икнула и мгновенно приняла прежний вид, вновь став молодой и привлекательной. Я заинтересованно замерла.

– И где эта ваша калдовщица демонова, чтоб ее наизнанку выворотило и торкнуло?! – требовательно взревела баба, воинственно колыхая гороподобным бюстом и топорща самые настоящие усы, украшавшие ее верхнюю губу. – Да я из нее самой шаз волшебное зелье сварганю! – Слова выразительно подкрепил смачный шлепок, возникший от соприкосновения скалки и широченной веснушчатой ладони. – Елфы недоделанные, едрить их через коромысло! – Вторая реплика полетела в сторону лекаря, тоже струхнувшего не на шутку и робко жмущегося к креслу.

– Что случилось, уважаемая дама? – вежливо спросила Смотрящая, изо всех сил стараясь не выказывать своего панического страха.

– Вот уж я тебе шаз дама так дама! – скандально пообещала баба, с трудом протискивая свои обросшие глыбами жира бедра в узкий входной проем.

У эльфийки даже уши побелели от негодования.

– Неужели средство не помогло? – недоверчиво спросил лекарь, пятясь и жертвенно прикрывая собой растерянно вросшую в кресло мать.

– Отчего же не помогло, еще как помогло! – похоронным колоколом прогудела бабища, обрушивая на стол могучий удар скалки.

Стол протестующе закрипел. Расклад Судьбы посыпался на пол...

– Так чего же вам от нас еще нужно?! – тоненько завопила эльфийка. – Муж-то ведь вернулся?

– Вернулся! – злобно провыла баба. – Первый с кладбища вернулся, пять лет назад как похороненный...

Элфы дружно взвизгнули. Баба зарычала голодной волчицей и с ненавистью набросилась на несчастную эльфийку, метя скалкой ей в голову. Лекарь лающим голосом выкрикнул какое-то заклинание... По всей округе жутко завывали растревоженные собаки... Баба перевернулась на лету, стремительно превращаясь во что-то мелкое, мохнатое и зубастое... Я свалилась со стула и пребольно ударилась о ножку стремительно

разваливающегося стола, успев подобрать карту, которая (как мне казалось) лежала последней в Раскладе Судьбы и должна была обозначать итог всего. Тайком от всех, краешком глаза, я взглянула на картинку. На ней красовалось пробитое стрелой сердце.

«Любовь! – с восхищением поняла я. – Ну ради этого стоит рискнуть собственной жизнью и побороться с вашим страшным Ветром Инферно...»

Меня отвлекла иступленная перебранка эльфов.

Лекарь стоял подле обломков стола, одной рукой держась за голову, а второй поднимая за хвост взъерошенную черную крысу, остервенело щелкающую оскаленными челюстями.

– Убей немедленно эту гримзу! – негодуяще топала ногами Смотрящая. – Тварь с таким омерзительным характером просто недостойна жить на белом свете!

Услышав сей беспощадный приказ, крыса заверещала еще отчаяннее и принялась вырваться с удвоенным старанием.

– Не могу! – жалобно отнекивался лекарь. – Я ведь не некромант, я давал клятву лечить и спасать, а не убивать!

– Тогда я сама это сделаю, – кровожадно заскрежетала зубами эльфийка. Она выхватила крысу из рук сына и ловко размахнулась мохнатой тушкой, намереваясь разmozжить ее дурную голову об угол стола...

Но я практически в самое последнее мгновение успела перехватить тушку несчастного животного, вырвала из пальцев Смотрящей и опустила в нагрудный карман своего потрепанного кафтана. Поняв, что сейчас я являюсь ее единственным защитником, крыса благодарно замолкла, прижимаясь ко мне всем тельцем и лихорадочно дрожа.

– Забираю на перевоспитание! – Я заговорщицки подмигнула лекарю. – Нарекаю Гримзой!

Эльф коротко, понимаяюще хохотнул. Смотрящая недовольно надула губы.

– Ты, Дева... – Ее острый взгляд оценивающе скользнул по моей растрепанной фигуре, подмечая все: и драный под мышкой кафтан, и грязные сапоги, и разлохмаченные, словно соломенные жгуты, косы, и сабли за спиной. – Не очень-то ты на нее похожа!

Я и сама отлично понимала, что более всего смахиваю сейчас на безродную оборванку, а отнюдь не на избранницу судьбы, которой предназначено собрать свою пусть маленькую, но все-таки боеспособную армию и спасти мир от грядущей гибели. Поэтому я решительно вскинула подбородок и дерзко улыбнулась.

– Не ты ли обещала мне помощь богов, Смотрящая сквозь время?

– Я! – оторопело подтвердила эльфийка, буквально обомлев от моей вызывающей наглости.

– Вот и благослови тогда, я готова стать Воином Судьбы!

Я нахально подставила лоб, и Смотрящей не оставалось ничего другого, как коснуться его осторожным напутственным поцелуем. Гримза высунула из кармана черную мордочку и сварливо пискнула. Я хмыкнула, упихнула крысу обратно, на прощание благодарно улыбнулась доброму лекарю и вышла из шатра.

А эльфийка долго смотрела вслед княжне, обеспокоенно качая головой. Ее пальцы импульсивно гладили поднятую с пола карту. Настоящую карту, обозначающую окончание Расклада Судьбы, а вовсе не ту, которую по ошибке подобрала Рогнеда...

Глава 6

В княжеских хоромы царили тишь, гладь да божья благодать. Опосля обеда времени миновало не боги весть сколько, до ужина оставалось еще часа четыре, поэтому делать было совершенно нечего. По закрывающей окно слюдяной пластине рассеянно ползала не полетному сонная муха, оглашая палаты монотонным сердитым жужжанием. Вторым звуком, удачно сочетающимся с однообразными мушинными руладами, стал храп престарелого боярина Акакия, мирно почивавшего на скамье в углу, полулежа навалившись на тяжелый

резной посох. Высоченная горлатная⁷ шапка давно съехала боярину на нос, обеспечивая хороший резонанс и придавая храпу недостающую задухновенность и звучность. Исполнение обязанностей дежурного по княжеской палате среди бояр всегда считалось чрезвычайно важным и престижным. Да и нужной, как ни крути. А иначе кто по надобности князю-государю яблочко моченое поднесет али кваса ковш? Хотя если дряхлого и хромого Акакия за квасом послать, то немудрено и от жажды помереть, пока дождешься. Поэтому боярина не будили и за нерадивость не совестили. И то лучше храп слушать, чем его бесконечные разговоры про времена стародавние да славные.

За накрытым камчатой скатертью столом (симметрично заляпанной липкими потеками сладкого эльфийского вина) сидел сам светлый князь Елизар, по-домашнему вольготно сдвинувший на лысеющий затылок изукрашенный лалами⁸ и яхонтами⁹ венец. Ворот шелковой, лимонно-желтой рубашки не сходился на мощной шее, красный, отороченный куньим мехом кафтан небрежно сброшен на пол. Округлое сытое брюшко представительно оттопыривает дорогой шелк. Сафьяновый сапог нетерпеливо постукивает по полу, поджидая, когда княжич Елисей осмелится сделать следующий ход. А княжич сидит ни жив ни мертв, треплет свои геройские бинты да думу тяжкую думает – куда бы поудачнее фигурку на игровой доске передвинуть, чтобы батюшка остатки его армии в углу не зажал, партию не выиграл и заслуженный щелбан Елисею не отвесил. Ибо и проигрывать зазорно, и уж дюже тяжелая у батюшки рука!

С самого утра (разумеется, с перерывом на обед) от безделья и лени превеликой в княжеских палатах шла игра в любимые Елизаром «Сапоги и лапти», а играли, вестимо дело, на щелбаны. Разгромленные в пух и прах братья-близнецы Будимир и Святомир скромно притулились на приступочке трона, покаянно почесывая отбитые лбы. Ох и силен же был князь-батюшка в «Сапоги и лапти» дуться! Княжичи синхронно потирали одутловато распухшие чела, украшенные одинаковыми, надо признать, весьма изрядными шишками. Только у Будимира – справа, а у Святомира – слева. Елисей иногда тревожно вскидывал томные ресницы, с печальным предчувствием поглядывал на проигравших, слабонервно сглатывал и задумывался еще пуще. По палате, лихорадочно топча красную ковровую дорожку, маятником слонялся еще один княжич – Гвидон, следующий претендент на разгром и шишку. Близнецы Гвидона недолюбливали в открытую, резонно считая чистоплюем и неженкой.

– Эй ты, Ган... тьфу, Динь-Дон, прекрати шарашиться туда-сюда! – глумливо прикрикнул Святомир, свирепо зыкая в сторону младшего брата. – Вертишься, понимаешь, как вошь на гребешке, а у меня и без тебя в голове гудит, аки на храмовой звоннице!

Княжич остановился, заученно куртуазно отставил тонкую лодыжку, затянутую в модные эльфийские штаны в облипочку, и язвительно усмехнулся:

– Звенит – значит, это у тебя там пустота образовалась!

– Ты мне поговори еще, сопляк! – обиженно рывкнул Будимир. – Взяли, понимаешь, эльфийскую моду на бесстыжие штаны, смотреть противно! У одного портки до колен кожаные, перьями да рюшками кружевными обшитые, у другого – трусы красные поверх синих рейтуз... Тьфу на вас, охальники! – Но плюнуть Будимир не решился, побоявшись испачкать парадный красный ковер.

– Ой-ой, кто бы выступал! – мстительным речитативом завел Гвидон. – Забыли, что ли, как батюшка дал вам, сыновьям старшим, по стреле, вывел в чистое поле да велел стрелять

⁷ Традиционный головной убор знатного боярина, сшитый в форме высокого цилиндра из куньего или собольего меха.

⁸ Рубин.

⁹ Здесь: сапфир.

куда глаза глядят, невест себе искать? Все равно, мол, на всех принцесс не напасешься. Так ладно Всеволод попал на боярский двор, а Добромир – на купеческий. Ты же попал в свинарник, а Святомир и вообще тебе в мягкое место...

Услышав упоминание о своем позоре, близнецы с кобелиным рычанием вскочили на ноги.

– Фу, сидеть! – властно гаркнул князь. – Не видите, что ли, брату думать мешаете!

Елисей что-то жалобно промычал, на носу у него повисла крупная капля пота.

– Лошадью ходи, надёжа-княжич! – напряженным шепотом на всю палату подсказал чародей Ерофил, один из двух княжеских советников, бдительно следивший за партией.

– Не слушай его, краса-княжич! – тут же взвыл Никодим, чисто из чувства соперничества и желания насолить давнему недругу. – Латника выдвигай!

Елисей растерянно завозился на лавке. Капля сорвалась с носа и упала на доску. Князь хохотнул густым басом и под столом несильно, а более для острастки пнул сына жестким носком сапога:

– Ходи уж, рохля!

Елисей зажмурил глаза, схватил всадника и от балды, вслепую, переставил на несколько клеток вперед.

– Болван! – мстительно констатировал отец. – Мой копейщик бьет твоего всадника. Ловушка тебе и разгром! – Он беспощадно вытянул толстые пальцы и одарил княжича полновесным трескучим щелбаном.

Елисей плаксиво взвыл и свалился со скамьи.

– А ну, подь сюды, сынку! – Князь поманил к себе Гвидона, видимо еще не исчерпав запланированный лимит фофанов.

Но княжич боязливо моргнул, поежился, сбледнел с лица и опрометью бросился вон из палат. Елизар запрокинул голову и бурно заржал, донельзя довольный собственной удачей.

– Это все чародей виноват, он подсказал! – оправдывался с пола Елисей, по лбу которого медленно расплывалось большое синюшное пятно.

– От служителей Смерти одно зло! – высокомерно изрек первосвященник Аолы, надменно оттопыривая слюнявую губу.

– Да уж конечно! – вредно хмыкнул чародей Ерофил. – Мы, служители королевы Смерти, наделены могучей магией и знаниями. Умеем превращать воду в вино и глину в хлеб! А другие, – он обвиняюще ткнул кривым мизинцем в сторону волхва, – только и могут, что кислород в углекислый газ, да пищу в г...

Толстый волхв обиженно засопел, хватая на изготовку свой посох, увенчанный звездой – знаком богини Аолы. Тощий, но высокий и жилистый чародей Ерофил ответно вскинул свой, с черепом на конце.

– А ну тихо, длиннополые! – сердито прикрикнул князь. – И чего вас вечно мир не берет? Ведь служите двум сестрам-богиням, а лаетесь ежедневно хуже дворовых псов. Быстро помиритесь!

Волхв демонстративно нагнул голову, сквозь зубы на всякий случай проклиная ненавистного чародея. А служитель Смерти дождался, пока первосвященник отвернется, и смачно харкнул ему на подол ряссы.

– Ну, значит, закончим с развлечениями! – решил самодержец, нехотя отодвигая доску.

К «Сапогам и лаптям» он пристрастился давно, самолично и вполне удачно переделав на упрощенный лад правила известной, но шибко заумной эльфийской игры. Приказал выточить из дерева две армии, состоящие из латников, лучников, всадников, копьеносцев, воевод, а также двух князей и княгинь. Одну армию обули в сапоги, другую – в лапти. Дюже завлекательно получилось. И теперь в требующую неслабой смекалки игру резалось все Красногорье, увлеченно двигая фигурки по расчерченной на клетки доске.

– Перейдем к делам государственным! – важно изрек Елизар. – Чего у нас там неотложного накопилось?

– Да вот, челобитные, – подал связку бумаг Никодим. – Глянь, батюшка!

– Опять, поди, сплошные жалобы на княжну Рогнеду? – догадливо хмыкнул Елизар, скорбно шелестя бумагами.

– Не без этого, князюшка! – наветливо поддакнул Ерофил.

Ретивая княжна уже всем плешь начисто проела, одинаково изобретательно доставая обоих священников, постоянно издеваясь над их фанатизмом и строя всяческие каверзы. Особенно сердился на шепутную девицу Никодим, не без оснований подозревавший ее в причастности к пикантному происшествию на сеновале.

Князь хмуро глянул в челобитные, сердито смял свитки и обреченно подпер голову кулаком.

– А вы чего посоветуете? – устало спросил он у священников.

Волхв и чародей переглянулись. В отношении княжны они всегда отбрасывали свои обычные разногласия и действовали на удивление слаженно.

– Замуж ее отдать надобно! – хором провозгласили Ерофей и Никодим.

– Сам знаю, чай, не тупой! – разочарованно крикнул князь. – Тоже мне, умники, открыли Ундору. Да вот за кого? От нее ведь женихи как наскипидаренные бегают... Рогнеда у нас та еще невеста! Хотя за эльфа ее, ха-ха, – князь кисло усмехнулся, – сватай!

– Батюшка, – в унисон завывали близнецы Святомир и Будимир. – Сейчас как раз посольство эльфийское в столице гостит. Дык ты уж окажи нам божью милость, сосватай за нас пару самых что ни на есть завалящих эльфиечек, уж больно они все смазливые да пригожие.

– И мне! – обделенно вякнул из-под стола Елисей. – Я тоже хочу!

– Цыц, жеребцы озабоченные! – гневно прикрикнул отец. – Да кто ж их за вас отдаст-то, за остолопов!

– Негоже это, людям да с эльфами! – обличающе стукнул посохом волхв.

– Стыд и позор! – согласно поддержал чародей, по-козлиному вредно тряся жидкой бороденкой. – Не по закону это!

Княжичи отчаянно заканючили.

– Пшли вон, паскудники! – рыкнул Елизар, бесцеремонно выставляя сыновей за дверь. – Совсем вы мне со своими эльфийками надоели... А вот, однако, видал я вчера на ярмарке, – он покраснел и дернул ворот рубахи, будто ему внезапно не хватило воздуха, – зеленоглазую одну! Ох и хороша девка, доложу я вам! Глазищи – во, что твои плошки, коса землю метет, платье словно вторая кожа – ничего не скрывает, а сама бедрами так и вертит...

– Срамота! – шумно сглотнул Ерофил, тяжело ворочая выпирающим кадыком. – Как есть искушение демоново! А перси-то у нее большие ли?

– Точно, перси у бабы – самое главное достояние! – авторитетно поддержал его Никодим, громко сопя, натужно дрыгая упитанным чревом и сжимая ноги так, словно у него резко засвербело в чреслах.

– Да в двух руках не поместятся! – наглядно показал Елизар, оттягивая на себе рубаху.

Священнослужители восхищенно расширили глаза.

– Так, может, мы себе это, позовем эльфиечек-то? – похотливо подмигнул князь. – Только, чур, при княжичах молчок, ни слова об эльфийских девках!

– А-а-а! – в три рыла обиженно взвыли подслушивающие под дверью княжичи.

Елизар ругнулся, лично подбегая к порогу и хлопая тяжелыми дубовыми створками прямо по отбитым лбам.

Княжичи табуном ломанулись по переходу в свой флигель. Вскоре издалека донеслись рассыпчатые переборы гармошки, сопровождавшиеся лихим треньканьем балалайки, а молодой и звонкий голос издевательски завел охальную частушку:

Наш священник Никодим —
Диковат и нелюдим!
Ох не любит он народ,
Баб же любит только в... —

последнее слово заменил громкий издевательский свист.

Ерофил язвительно хмыкнул и с чувством огромного личного превосходства покосился на неприлично обсмеянного волхва. Первосвященник сердито набычился. А задорный голос продолжил:

А священник Ерофил —
Чародей и некрофил!
Ох не любит он народ,
Он лишь трупы любит в... —

финальный свист поднялся на два тона выше.

Отомщенный Никодим показал чародею язык. Князь насмешливо фыркнул, покровительственно поглядывая на обоих священнослужителей. И тут донельзя обнаглевший голос вдруг покусился на святое:

Ну а князь наш Елизар
Про эльфиек вел базар!
Да забыл один момент —
Он давно уж импо...

— Чего?! — истошно завопил князь, возмущенно топая ногами. — Ну нет, это уже ни в какие ворота не лезет! Я же запретил петь сочиненные княжной бесстыжие частушки! Так кто посмел меня ослушаться? Схватить баламута, батогами на конюшне отодрать...

И тут дверь великокняжеских палат с грохотом распахнулась. На пороге застыл востропанный боярин, еле переводящий дух после быстрого бега:

— Князь-батюшка, к тебе эльфийские послы!

— Зачем? — недогадливо изумился государь. — Я же с ними третьего дня все обсудил. И ярмарку, и поставки вин, и закупку шелков...

— Так говорят, что княжну Рогнеду сватать! — потрясенно выдохнул боярин.

Самодержец рухнул на трон, хватаясь за сердце и роняя с головы венец. Волхв и чародей шокированно уставились друг на друга, лупая вытаращенными глазами. В княжеских палатах происходило что-то доселе неслыханное, невиданное и поистине невероятное!

Началось сущее столпотворение. Сетка сизых прожилок на носу князя налилась кровью, выдавая овладевшее им волнение. Самодержец подпрыгнул на троне, рывком застегнул ворот рубахи, напялил кафтан, водрузил на место усыпанный камнями венец и торопливо вытащил из-под трона малость запылившиеся скипетр и державу, имевшую вид оплетенного крупными жемчугами шара, выточенного из цельного сапфира. Через заднюю дверь в палату рысцой вбежала вереница пригожих длиннокудрых отроков, одетых в одинаковые белые кафтанчики. Рынды¹⁰ торжественно выстроились по обе стороны от княжьего трона, чинно упирая в пол топорики на длинных ручках и сложив губы бантиком. Оба священнослужителя вытянулись по правую и левую руку от государя, до этого несколько минут привычно пихая друг друга локтями да выясняя, кто где должен стоять. Правый фланг, как обычно, отбил дюжий волхв — запросто столкнувшийся более худосочного и легкого соперника с прикрытой ковром ступеньки. Бояре и княжичи степенно рассаживались по стоящим вдоль стен лавкам. И наконец в хоромы установилась торжественная тишина, омрачаемая лишь все тем же монотонным жужжанием надоедливой мухи, которая не ведала ни стыда ни совести, а поэтому так и не смогла проникнуться

¹⁰ Рынды — личная почетная охрана государя из молодых дворян или бояр знатных фамилий.

важностью момента. Князь Елизар повелительно взмахнул рукой, собравшиеся трепетно затаили дыхание...

Престарелый боярин Акакий благолепно во всю ширь распахнул расписанные красными петухами и белыми единорогами створки великокняжеских врат, достигающие самого потолка.

– Благородный эльфийский посол, ближний родственник короля, лорд Денириэль-эль-Таваор со свитой! – объявил он дребезжащим от волнения голосом.

– Проси! – представителью надул щеки красногорский самодержец.

Поначалу из недр дворцовых коридоров доносилось лишь нескончаемо певучее позвякивание, а затем в палату ворвалась целая россыпь ослепительно-ярких солнечных зайчиков, рассеиваемых лучезарной персоной титулованного гостя. Братья Будимир и Святомир потрясенно отвалили небритые челюсти, княжич Елисей завистливо вздохнул. Источником режущего глаза света оказалась тончайшая, сплетенная из золотых нитей кольчуга, элегантно обнимающая тонкий стан чужеземного гостя. Лорд Денириэль шел упругой, пританцовывающей походкой, мелодично позвякивая об кольчугу двумя изогнутыми клинками чудной, доселе невиданной в Берестянке работы. Постукивали серебряные подковки на высоких сапожках, посмеивались прекрасные зеленые глаза, искусно подведенные толченым нефритом и от того казавшиеся еще краше. Настолько, что княжичи и думать забыли об эльфийках, уже вполне согласные и на эльфа. Только, чур, именно вот на этого самого, и ни на какого другого! Пепельноволосый посол (тот самый, что повстречался Рогнеде на ярмарке), изящно отвел рукой густую, спускающуюся ниже пояса волну крупно выющихся локонов и отвесил князю церемонный поклон. Сопровождавшие лорда дворяне воспитанно подмели пол княжеских палат пышными плюмажами своих шляп. Государь Елизар милостиво кивнул, незаметно выпрямляя спину и втягивая живот.

– Поздорову ли вы себя чувствуете, господин посол? – дипломатично начал самодержец. – Клопы по ночам не кусают?

На солнцеподобном лице эльфа отразилось легкое недоумение.

– Никак нет, ваше величество! – учтиво ответил он. – Все замечательно!

– А шелка ваши как, мошь не испортила ли? – ележно продолжил князь.

– Да нет, с товарами тоже все в порядке! – еще более удивленно доложил посол.

– А пиво... – нудно завел Елизар, как вдруг его неожиданно прервал мощный бас старшего сына Радомира:

– Батька, кончай kota за хвост тянуть! Отдавай эльфам княжну, и дело с концом!

Князь осекся и закашлялся. Лорд Денириэль тонко улыбнулся, опустил на одно колено и заговорил высоким, певучим голосом:

– От имени моего повелителя, короля клана Белой розы, великого владыки Рагнарэля-эль-Таваора, предлагаю заключить вечный и нерушимый союз между двумя нашими народами. А в подтверждение дружеских намерений нашего владыки прошу для него руку вашей прекрасной дочери, княжны Рогнеды...

– Но, – потерянно охнул князь, беспомощно оглядываясь на обоих священников, – тут такая закавыка образовалась неловкая! В общем, княжна наша не то чтобы особо прекрасная и не совсем воспи...

– Невеста не лопата, ничего, что кривовата! – издевательски ввернул Будимир, небрежным движением ладони изображая что-то невообразимо корявое.

По рядам бояр прокатилась волна издевательского хихиканья.

– В детстве ее няньки из люльки уронили, а на личике демоны горох молотили! – принял восхвалительную эстафету Елисей, намереваясь разом отомстить сестрице за все перенесенные от нее насмешки и подколки.

– Рогнеда наша бела кожей, да, увы жениху, не вышла рожей! – со скоморошным прихрюкиванием подхватил Святомир, строя оскорбительную гримасу.

– Цыц, кобели! – разгневанно надул щеки князь-батюшка. – Вы мне щаз всю малину обломаете! Не слушайте его, господин посол. Стало быть, все честь по чести делать нужно.

У вас молодой купец – а у нас красный товар...

При упоминании молодого купца бояре, наслышанные о возрасте эльфийского короля, начали игриво перемигиваться, отпуская не совсем приличные реплики.

– Да знаю я про ваши зававыки! – благодушно рассмеялся эльфийский посол. – Нам уже не понаслышке известно, что ее светлость не слишком соответствует своему официальному портрету и, мягко говоря, – тут гость замялся, – не обладает куртуазными манерами, подобающими будущей владычице эльфов. Но, тем не менее, предложение моего повелителя остается в силе. И еще, – гость лукаво усмехнулся, – мы не просим за княжной никакого приданого...

Бояре взволнованно загудели. Князь сыто шурился, словно объевшийся сметаны кот. Волхв и чародей бросились обниматься, радостно поздравляя друг с друга с избавлением от несносной девчонки. Княжичи устроили бурную овацию.

– Ой, гости дорогие, да забирайте вы ее хоть сегодня! – всплеснул руками самодержец.

– Тогда не откажитесь подписать брачный договор! – Эльф, видимо решивший ковать железо, пока горячо, достал из бархатной сумки обвешанный печатями пергамент и протянул его князю.

Государю немедленно поднесли перо и чернильницу. Монаршая длань уже взметнулась над договором, торопясь документально утвердить дочкино счастье, как вдруг с противоположной стороны палат донесся зычный женский голос:

– Ишь как разбежались-то зело борзо, дипломаты гоблиновы! А ежели княжна не пожелает пойти за вашего короля?

Князь-батюшка так и замер с пером в руке, округлив губы и выкатив глаза. Эльфийский посол нервно вздрогнул и затравленно схватился за рукояти мечей, ибо с обитой парчой лавки гневно поднялась княгиня Зоя, намертво сжимавшая в руках вяло обвисшего белого кролика.

– Не дам произвол творить и девку неволить! Меня саму без спросу замуж выперли! – Алмазные подвески на кокошнике звенели куда как повнушительнее эльфийской кольчуги. – Ишь чего, ироды проклятые, удумали!

– Окстись, кисонька, и чего это ты так взвилась да взбеленилась? – постарался успокоить супругу княжич Радомир, строя ей глазки и подобострастно обнимая за необхватную талию. – Али я тебе не люб?

– Накося выкуси! – Зоя одним взмахом могучей длани быстро отделалась от навязчивого муженька, отправив его в долгий полет по направлению к приоткрытой двери, и так шарахнула кулаком об стену, что обширная горница заходила ходуном, щедро сыпая на голову эльфийского посла труху и застарелую штукатурку.

– Не позволю принуждать Рогнеду, пока из ее собственных уст согласия не услышу! – приговором жажнула княгиня, демонстрируя завидную женскую солидарность, внушительно топая ногами и монолитной стеной надвигаясь на испуганно поникшего Елизара. – Не позволю!

Самодержец громко помянул гоблинов и в сердцах швырнул на пол испачканное чернилами перо. По парадному ковру немедленно расплылось безобразное черное пятно.

Прикорнувший в углу Михась незаметно прошмыгнул в щелку между неплотно затворенными дверными створками и, не чуя под собой ног, резво помчался в покои княжны.

Я тихой мышкой сидела у себя в горнице и кормила крысу. Грымза благовоспитанно умостила на задние лапки, стыдливо подогнув хвостик, а передними чинно брала кусочки белого хлеба, окунала в молоко и отправляла в рот. Попав ко мне в светелку, крыса первым делом хозяйски пробежалась по столу, вытянула из шкатулки нитку голубого бисера, вздела себе на шею и кокетливо посмотрелась в мутное зеркало, которое я крайне редко баловала отражением своей сиятельной персоны. Спасибо стараниям умелого лекаря-эльфа, из сварливой толстой бабы получилась такая симпатичная крыска, что прямо ни слова не вымолвить против, ни глаз не отвести. Сама черная, лоснящаяся, с симпатичной остренькой

мордочкой, сметливыми глазками-бусинками и аккуратными розовыми лапками. Я положила подбородок на ладони, любуясь уморительными повадками потешного зверька.

– Вот видишь, какая ты у нас милушка, да к тому же еще и умница-разумница! – похвалила я Грымзу, доходчиво намекая, что трансформация явно пошла ей на пользу, обратив количество в качество.

Крыса благосклонно кивнула, пошевелила хорошенькими ушками и отправила в пасть новый кусочек хлеба, манерничая пуше любой благородной барышни-боярышни.

– Да ты, никак, меня понимаешь? – не поверила я.

Крыса кивнула еще выразительнее и тоненько пискнула.

– Вот чудо! – Я осторожно погладила зверюшку по черной спинке. – Так, может, пойдем обратно к эльфам челом бить да просить вернуть тебе прежний облик? А то негоже разумному существу, да в звериной оболочке обретаться...

Но, даже не дослушав меня до конца, Грымза возмущенно заверещала и протестующе замахала всеми четырьмя лапками, роняя хлеб и заваливаясь на бок. На ее острой мордочке отчетливо проступила высшая степень негодования.

– Не хочешь, – поняла я. – Но почему?

Вместо ответа крыса снова уселась в чопорно-кокетливую позу, поправила бисерное ожерелье и, стреляя глазками в угол горницы, красноречиво приложила лапку к пасти, давая мне понять: «Молчи, не вспугни». Я недоуменно проследила за ее взглядом и прыснула в кулак...

И как я раньше не замечала? В обшивке стены, изготовленной из ароматных лиственничных дощечек, четко просматривалась крысиная норка, расположенная над самым полом. А из неровного отверстия лаза уже высунулась толстая бурая мордочка, взирающая на Грымзу с сугубо собственническим мужским интересом. Крупная шнобелина возбужденно ходила из стороны в сторону, усы залихватски топорщились.

– Все ясно, – шепнула я, – от тебя же в прошлой жизни муж ушел! А тут этаким завидный кавалер нарисовался. Похоже, сами того не желая, эльфы дали тебе второй шанс на счастливую семейную жизнь. Иди же, знакомься! – Я легонько подтолкнула Грымзу ладошкой, всецело одобряя ее выбор. – Удачи тебе, красотка!

Крыса на выданье счастливо пискнула и прыгнула со стола. Я деликатно отвернулась, не собираясь вмешиваться в непредсказуемые перипетии первого свидания. Ведь каждый, кто бы он ни был – и таракан, и крыса, – имеет право на личную жизнь. Одна я никому не нужна, сиротинушка неприкаянная... Я жалобно всхлипнула, уже готовая оплакивать свою безрадостную судьбу, как вдруг дверь светелки распахнулась, грянулась о стену и протестующе закачалась, чуть не слетев с петель. На пороге моей горницы возник взлохмаченный Михась, бешено вращающий вытаращенными глазами:

– Рогнеда, там это, эльфы к князю пришли. Сватают тебя за своего короля!

– Чего? – оторопело вскинулась я. – Кого, меня?

– А у нас в Берестянке других княжон вроде бы не наблюдается! – нахально выдал мой оруженосец, плюхнулся на скамью и залпом допил оставшееся после крысы молоко.

Я задумчиво подергала себя за полурасплетенную косу:

– Белые эльфы? – зачем-то уточнила я, и так прекрасно понимая, что никакие иные представители Первой расы на данный момент не присутствовали ни только в столице, но даже и в ее ближайших окрестностях.

– Они самые! – криво ухмыльнулся Михась. – И учти, батюшка уже согласился. А посему быть тебе, Рогнеда, эльфийской королевой!

И тут меня будто кувалдой огрели. Я внезапно вспомнила страницу из архивных записей Нарронской академии, увековечивающую портрет этого самого легендарного Белого короля. Волна дрожи прокатилась по спине, пробирая до самых костей. Упасите Пресветлые боги, но ведь ему еще до моего рождения стукнуло столько годков, что такая невероятная цифра просто не укладывалась у меня в голове. К тому же облик он имел на редкость отталкивающий – как есть стародавний Кощей Бессмертный из сказок выдумщика Баяна...

Оценив масштаб грозящего мне несчастья, я широко разинула рот и истошно завопила:

– А-а-а, дык он же страшнее демона! Не согласная я! Вот пусть батюшка если хочет, то сам за него и выходит...

– Ну-у-у не знаю, как батюшка, – ехидно хихикнул мальчишка, – а братцы твои эльфийского посла так глазами и ели...

– Да хоть бы до костей обглодали! – в сердцах припечатала я. – Король стар и уродлив, и ничего тут не попишешь. Так что не согласная я!

– Тихо! – неожиданно шикнул на меня Михась. – Слышишь, лестница вдалеке поскрипывает, не иначе сваты по твою душу идут...

И правда, щелястые, сто лет как рассохшиеся половицы, ведущие в мою горницу, издавали тонкое, предательское потрескивание. По переходу явно кто-то шел.

– Мама-а-а, – я заметалась по горнице, – что делать то?!

Оруженосец критически осмотрел мою нечесаную голову, простецкую рубаху, криво подпоясанную веревкой, замызганные штаны и огромные домашние лапти на босу ногу. В его расширенных зрачках билась ясно читаемая фраза: «Такая, как ты, ночью приснится – можно и с кровати свалиться от ужаса». Я сердито щелкнула на нахального мальчишку по-упыринному оскаленными зубами. Михась громко икнул и, чуть заикаясь, начал вполголоса творить оградительную молитву, прося Аолу избавить его от моего дурного глаза. Но я понимала, что сватов так просто не запугаешь – от них требовалось подстраховаться. Гоблин их знает, этих эльфов. Да они же никогда ранее не вступали в брак с представителями иных рас. А вдруг как их король извращенец?

– Мама-а-а! – истерично подвывала я. – Не хочу замуж!

– Княжна, да не паникуй ты раньше времени-то! – принялся усиленно увещевать меня верный оруженосец. – Правда, их посол, ну тот самый пепельноволосый, что с княгиней на ярмарке знакомился, сказал, что, дескать, им твоя внешность неважна, но, подозреваю, он тогда тебя плохо рассмотрел и толком испугаться не успел...

Как известно, лучшим поводом к панике является призыв ей не поддаваться. А после того, как Михась ошарашил меня подробным рассказом о широком жесте сватов, отказавшихся от приданого, я окончательно поняла, что дело плохо, и заревела в голос.

Дверное кольцо стукнуло... С отчаянным воплем в стиле «Пропaday моя молодость!» я выпрыгнула в окно и побежала в курятник, прятаться.

Стратегическое мышление никогда не являлось сильной стороной моей безусловно многогранной, но совершенно нескоординированной натуры. Следовало изначально предположить, что курятник не очень-то подходит для столь ответственного мероприятия. По предательской наводке няньки Матрены, обладавшей невероятным чутьем в отношении моих хулиганских выходов и знавшей свою подопечную как облупленную, нашли меня довольно быстро.

– Лучше слезай оттуда сама, подобру-поздорову! – не предвещающим ничего хорошего тоном потребовал отец, сконфуженно разглядывая мои разношенные лыковые лапти.

На побагровевшем от гнева лице князя красноречиво проступали все пришедшие на ум, но благоразумно не высказанные вслух эпитеты, характеризующие его отношение к внешнему виду и поведению будущей эльфийской королевы. Стыд и позор всему Красногорью!

Но несговорчивый «позор» судорожно вцепился в спасительную балку и отрицательно помотал взъерошенной головой:

– Фигушки, мне и тут хорошо. Так что живой не дамся, не слезу, и не надейтесь! – строптивой скороговоркой пробормотала я, окончательно порушив идею уладить все миром, без применения грубой силы.

Рядом нахально восседал Михась, снова и, кажется, уже бесповоротно впавший в вызванное волнением заикание. У входа в курятник заинтересованно переминались эльфийские сваты, похоже испытывавшие огромное удовольствие от всего происходящего.

Увидев пепельноволосого красавца, засветившегося в скандальной истории псевдоспасения княгини Зои, я скорчила недовольную мину. Ишь как прямо спину держит – словно кол проглотил, да еще и важничает, спасу нет. Такой не отступится! И я молчком, про себя, от всей души послала благородного гостя к разэтаким гоблинам, порекомендовав убраться подобиру-поздорову. Словно сумев каким-то неведомым способом прочесть крутящиеся у меня в голове мысли, красавец окинул довольным взглядом мою раскоряченную на стропилах тушку, радостно потер руки и расплылся в сладкой улыбочке.

– Снимите княжну с этого... – восхищенная улыбка стала еще ослепительнее, – с этого насеста. Мы ее берем!

Батюшка заморенно вздохнул и приказал позвать дружинников...

Короче, нужно отдать должное моей отчаянной храбрости, держалась я стойко, до последнего. Извлечь из-под крыши курятника меня сумели одним-единственным способом – выпилив вместе с изрядным куском балки, к которому я приклеилась, будто муха к патоке. Княжеские дружинники бережно опустили на земляной пол получившийся при распилке чурбан, на котором восседала взбешенно ругающаяся королевская невеста, предоставив сватам, уж если на то будет их горячее желание, вести меня под венец в обнимку с бревном. Эльфийский посол подошел еще ближе и иронично воззрился на меня сверху вниз, очевидно в полной мере смакуя и заношенные штаны, и лапти, и обсыпанные прошлогодней соломой косы. Понимая, что выгляжу совершенно нелепо, я нахально хмыкнула и протянула эльфу свою измазанную грязью ладошку. Посол мягко сжал мои пальцы, помогая подняться на ноги.

– Лорд Денириэль к услугам вашей светлости. Надо полагать, вы меня помните?

– Нет, я не злопамятная, – ехидно шмыгнула носом я. – Да к тому же подозреваю, что и в будущем относительно вас у меня тоже не сложится хоть сколько-нибудь хорошее мнение! Так что, может, честь по чести отвалите домой, пока не поздно, и доложите своему повелителю, что я скоропостижно скончалась на месте от радости, услышав его предложение руки и сердца?

Денириэль расцвел улыбкой облегчения:

– Могу констатировать, что вы не блещете красотой, зато находчивы и остроумны даже сверх меры. Хотя если вас приодеть, подкрасить, причесать, – он задумчиво прикоснулся к моей толстой косе, – то вы перестанете выглядеть дурнушкой...

– Ну-ну, ты руки-то не распускай! – Я звонко хлопнула по его ухоженному маникюру. – Уж какая есть, да не про твою честь!

– Да, ваша светлость, – поклонился эльф, пряча улыбку. – Из вас получится весьма неординарная королева...

– Как бы вам не пришлось уехать отсюда несолоно хлебавши, – поспешила пригрозить я, – я ведь еще не согласилась!

У нас за спинами сердито засопел батюшка.

– Зря вы сомневаетесь, княжна, – почти подхалимски замурлыкал посол, видимо весьма сведущий как в тонкостях дипломатии, так и в тактике уламывания несговорчивых девиц. – Ну подумайте сами, что вам делать в этом захолустном Берестянке? Лапти плести, – он иронично покосился на мои ноги, – или коров пасти? И так всю жизнь? Брр... А в Хрустальной долине вы увидите много интересного...

Это случайное упоминание о стране эльфов воскресило в моей памяти размышления о загадочных картах, предрекших мне судьбу спасительницы мира.

– А в ваших краях что-нибудь знают о Ветре Инферно? – требовательно спросила я, хватая Денириэля за рукав роскошного кафтана.

Эльф дернулся и возмущенно охнул:

– Клянусь Пресветлыми богами, вы меня пугаете! Такая необразованная девчонка и вдруг оказалась посвящена в одну из наших страшнейших тайн? Не верю, – Денириэль отчаянно мотал пышной шевелюрой, стараясь внушить себе, что он ослышался, – не может этого быть!

– Ну так как? – настойчиво напирала я. – Предлагаю пойти на компромисс и заключить сделку. Вы рассказываете мне о Ветре, а я выхожу замуж за вашего короля. Договорились?

Эльф подозрительно прищурил зеленые глаза.

– Ой, что-то здесь нечисто, – медленно произнес он, сверля меня враждебным взглядом. – Я чувствую подвох! Что вы задумали?

– Ничего! – как можно искреннее ответила я. – Предлагаю в последний раз: информация в обмен согласия на брак. Ну так что, идет? Соглашайтесь, пока я добрая!

– Хорошо, – нехотя процедил красавец. – Я согласен. Но церемония состоится сегодня же!

Я одобрительно кивнула. В моем мозгу созрел дерзкий и неожиданный план.

– Ваше родное Красногорье граничит с маркграфством Эйсен, – начал рассказывать эльф, поглядывая на меня все так же недоверчиво. – Добрую половину графства занимают непроходимые болота, заканчивающиеся глухим лесом. Я слышал легенду, повествующую о том, что в самом центре этих чащоб много лет назад поселилась странная, очень старая женщина и зовут ее фрау Осса. Трудно сказать определенно, к какой расе она принадлежит и каким богам служит. Возможно, она магичка, ведьма или опальная жрица – но именно Осса хранит тайну Ветра Инферно и знает о Колоде Судьбы гораздо больше, чем кто-либо другой. Старуху боятся и люди и звери, а дорога к ее жилищу проклята...

Ух ты! У меня даже дух захватило от восхищения. Вот это сказочка так сказочка! Однако...

– А вы, часом, не брешете, господин посол? – лукаво прищурилась я.

– Я?! – возмущенно поперхнулся лорд. – Да будет вам известно, все эльфы отличаются повышенным чувством справедливости, безупречной честностью, образованностью и блестящими умственными способностями.

– Ой ли? – критически хмыкнула я. – А если проверить?

– Проверяйте! – расщедрился Денириэль.

– Отгадайте простенькую загадочку, господин посол, – предложила я. – Когда эльфийка ногу поднимает, то что она видит? Подсказка: слово из пяти букв, начинается на «п»...

Эльф уставился на меня шокированно выпученными глазами и чего-то растерянно завохтал. Цвет его лица неспешно приобрел насыщенный оттенок переспелого помидора, постепенно сменившийся синюшной бледностью.

– Княжна, – с ханжеским заиканием начал он, – да как вы можете говорить такие вещи?! Вы же девушка... аристократка... невеста...

Я вздохнула как можно печальнее, стараясь не рассмеяться:

– Пятку свою она видит! Пят-ку! А вы что подумали?

Лорд Денириэль простонал что-то нечленораздельное и оторопело прикусил нижнюю губу. За его спиной весело гоготали до предела раскрепощенные князьки дружинники.

Я довольно улыбнулась. Пока точно не уверена, в чем заключается суть моего обычного невезения, но теперь я определенно знаю, что везение – это умение извлекать пользу из всего, даже из самых неприятных жизненных коллизий. Самоуверенный эльф может обманываться и заблуждаться. Пусть он утратит бдительность, готовит свадьбу и строит в отношении моего ближайшего будущего какие-то свои радужные планы, ведь отныне меня это не касается. Потому что сейчас я поняла, куда мне следует отправиться в первую очередь.

Глава 7

Одним уверенным движением клешнястой ладони Гедрон лла-Аррастиг отогнал конденсирующийся над котлом туман и нагнулся к неистово кипящей жидкости, напряженно всматриваясь в ее черные глубины. Вроде бы все правильно – рецептура соблюдена точно, и колдовское варево должно удалиться на славу. Он еще раз быстрой скороговоркой перечислил необходимые ингредиенты, смешанные в требуемых пропорциях. Кажется, ничего не забыл:

слезы действительно принадлежали девственнице, мандрагора свежая, а могильный прах, наоборот, взят из безымянного захоронения, которому не менее ста лет. К счастью, теперь к услугам чернокнижника предоставлялись всевозможные декокты, эликсиры и снадобья, порой даже самые отталкивающие и невообразимые, которые только возможно достать за деньги. Хотя основную часть важнейших компонентов Гедрон предпочитал заготавливать сам, дополняя их магическую силу своей жизненной энергией. Присланные Халлагизлем помощники послушно стаскивали короба, корзины и бутылки в новые, весьма обширные покои, отведенные свежееиспеченному королевскому советнику. И вскоре работа закипела, как кипело зелье в водруженном на огонь огромном золотом котле. Доведя варево до нужной кондиции, чернокнижник выкрикнул гортанное заклинание, испрашивая помощи у могучих демонов Нижнего уровня.

– Как ты смеешь беспокоить меня, жалкий червяк?! – оглушительно загрохотал под сводами комнаты нечеловеческий голос. Темное помещение прорезала ветвистая сиреневая молния. – Чего тебе нужно?

– Твоей милости, великий гранд-мастер! – Гедрон низко поклонился. – О всемогущий принц демонов – высшее средоточие Зла, умоляю, дай силу всевидения моему зелью, а еще одари своего никчемного раба властью над жизнью и смертью разнообразных земных созданий!

– Вот это размах, ты на мелочи не размениваешься! – иронично хохотнул голос, и в сгустившейся полупрозрачной дымке на миг мелькнули продолговатые золотистые глаза, белокурые локоны и свободно распахнутые черные крылья. – Запрошенные тобой возможности стоят очень дорого!

– Я готов платить! – с радостным нетерпением воскликнул чернокнижник, отбрасывая покров со стола, на котором обнаружилось крепко связанное тело.

Молодая девушка человеческой расы силилась кричать, но плотный кляп надежно закрывал ее окровавленный рот с разорванными губами.

– Кровь! – жарко выдохнул демон, взволнованный видом предложенной жертвы. – Без нее я бессилен в вашем мире!

– Сейчас! – Эльф выхватил тонкий стилет и безжалостно полоснул по хрупкой девичьей шейке.

Жертва вздрогнула и обмякла, яркая алая струя обильно забила в специально подставленную чашу. Гедрон широко размахнулся и, не скупясь, одним умелым движением густо окропил полупрозрачную фигуру демона. Чудовище ухнуло, сыто рыгнуло и в тот же миг приобрело более явственные очертания. Теперь стали заметны его мощные плечи, поджарый живот, впечатлявший четким рельефом пресса, и длинные ноги в щегольских штанах, сшитых из серебристой парчи. Демон гордо хмыкнул, любясь своими холеными пальцами, заканчивающимися черными когтями. Он прошелся по комнате, молодецки постукивая высокими каблуками добротных сапог. Принц оказался красив до немыслимого совершенства, каким и полагается быть конечному звену в многоступенчатой иерархической цепочке, путь даже служащей не Добру, а Злу. В конце концов, кто сказал, что Тьма безобразна?

– Хорошо! – тварь протяжно зевнула и потянулась, разминая затекшие мышцы. – Проклятые Творцы! Из-за поставленных ими заслонов мы можем появляться в Верхнем мире совсем ненадолго и лишь после кровавой жертвы. Давно я не дышал чистым воздухом, не испорченным зловонием серы и примесью пепла...

– О да, – Гедрон угодливо поклонился, – мне довелось посещать Нижний уровень, и я знаю, как тяжела ваша тамошняя жизнь, мастер!

– Ого! – недоверчиво хохотнул демон, слегка уязвленный соболезнаваниями чернокнижника. – Я вижу, ты и на Радужный уровень просочился, да к тому же не миновал встречи с ингвами¹¹ и водами Озера живого огня.

¹¹ Ингвы – двенадцать хранителей равновесия между Добром и Злом, стражи Обители затерянных душ –

– Верно, – сквозь зубы прошипел лла-Аррастиг, передергиваясь от неприятных воспоминаний о пережитой им боли и испытанном унижении, – но, клянусь, я поквитаюсь с Творцами и созданными ими бездушными богами... С вашей помощью, конечно!

Демон задумчиво пошевелил крыльями:

– А ты смел, чернокнижник! Я подумаю над твоими словами. А пока раздобудь для меня кровь и получишь желанную помощь.

– Море крови! – щедро развел руками бывший жрец. – Я обещаю вам море крови, покровитель!

– Хорошо! – снова хохотнул демон. – Я стану твоими глазами и устами, я дарую тебе власть над образами...

– Над образами? – не понял Гедрон.

– Ты слышал о темной магии н'гуду, практикуемой шаманами Намбудии? – высокомерно осведомился демон, усаживаясь в мягкое кресло и вальяжно закидывая ногу на ногу. – Нет? Так я думал. Ну тогда слушай...

Черный коготь гранд-мастера вонзился в лоб чернокнижника, нанося болезненную рану, но Гедрон стерпел. В его мозг вливался бурный ментальный поток, несущий информацию о страшных обрядах и диковинных заклинаниях. Но демону это далось нелегко. Его силуэт неумолимо бледнел и истончался буквально на глазах, вновь расплываясь в неясную дымку.

– Помни, – прошелестели на прощание последние слова гранд-мастера, – я помогу, но жду обещанного, иначе моя месть достигнет тебя в любом укрытии...

– Я не подведу вас, покровитель! – обрадованно вскричал Гедрон. – Вы не пожалеете...

Ехидный смешок возвращающегося на Нижний уровень демона донесся последним отзвуком уходящего эха. Дымка растворилась и исчезла без следа.

Лла-Аррастиг уверенно поднялся на ноги, теперь уже совсем по-другому, более твердо и властно взирая на окружающий мир. Теперь он стал не только советником короля, но и могущественным господином над жизнью и смертью – мыслящим совсем другими реалиями, обладающим тайными знаниями, доступными не многим. На его уродливом лбу пронзительно чернела похожая на клеймо метка, метка демона.

Витка небрежно плюхнула в колодец помятое жестяное ведро и отпустила рукоятку ворота, предоставив веревке возможность размотаться на всю длину. Солнце припекало немилосердно, а вода со дна глубокого колодца все равно оставалась столь холодной, что аж зубы ломило. Девушка подняла голову и, прикрывая глаза растопыренной ладонью, всмотрелась в небо. Ишь синь какая бескрайная, ни одного облачка мимо не проплывет, лишь жгучие полуденные лучи щедро заливают широкий двор княжеского детинца. И на дворе, кроме Витки, ни души. Да и кому же охота выползть из приятной тени в такую гоблинову жару? Девушка взялась за железную, нагретую солнцем рукоять и, размеренно вращая тяжелый ворот, засмотрелась на окошки высокого флигеля, в котором расположились хоромы неженатых княжичей. Ее алые губы непроизвольно сложились в лукавую улыбку, а огромные голубые глаза шаловливо прищурились. Вон в том правом углу – горница княжича Елисея. Кожа у красавца белая-белая, словно молоко, и нежная, как шелковый платок, им же и даренный. А черные, густые, будто частокол, ресницы, пожалуй, длиннее, чем у самой Витки. Голос у Елисея – звонче соловьиного, а ухоженные пальцы (более привычные не к луку тугому да мечу вострому, но к ванночкам из ромашки), ловкие и проворные. Даже лишку проворные. Так и норовят Витке под сарафан забраться. Ой и хитер же княжич! Приманит Витку на скамью, выставит на стол кренделя сахарные да пряники печатные, а сам тем временем так и лезет под подол, забираясь прохладными пальцами все выше и выше по ноге. А Витке щекотно, любопытно и немного боязно. И чего это у красавца-княжича вдруг трепетно расширяются зрачки, становясь бездонными и пьяными

без вина? А девичье сердце шибко бухает под батистовой рубашкой, заставляя перси вздыматься сильнее и чаще. Елисей не сводит глаз с трепещущей девичьей груди и, забывшись, страстно вздыхает, пытаясь обнять Витку и завалить на скамью. Но девушка сердито хмурит брови и отодвигается. Уймись, княжич! Батюшка-князь велел и близко вас всех к себе не подпускать! А Елисей кручинится все пуще и жалуется Витке платки шелковые да перстеньки бирюзовые. Да и прочие братья от него не отстают! Девушка переводит глаза на окошко княжича Гвидона и насмешливо прыскает. Совсем у Гвидона ум за разум зашел! Надо же было ей в подарок столько тканей эльфийских на ярмарке закупить! Аль она боярыня какая, платья по пять раз на дню менять? Да что там Гвидон, сам наследник престола – старший княжич Радомир нет-нет и зажмет Витку в углу терема тайком от княгини Зои да как примется целовать... Давеча вон серьги брильянтовые подарил и на сеновал зазывал – вопреки всем батюшкиным запретам. Все девки в столице из-за княжичей Витке завидуют. А пуще того завидуют ее косам золотым, очам наипрекраснейшим, точеным плечикам и пикантно вздернутому носику. Но Витке и сладко – и боязно. Сердце так и рвется из груди, аки серая горлица в поднебесье, так и просит княжеского запрета послушаться да поддаться на сладкие уговоры могучего Радомира, но душа отговаривает – боится, сворачивается в клубок, ровно робкая кошечка. Ибо строг князь-государь, гневлив да на расправу скор!

Ох зря приказал князь Елизар нарисовать с Витки ту злополучную парсуну, ох зря! Можно подумать, этим несчастную судьбу обманешь да женихов к княжне приманишь. Женихи, они ведь тоже не дураки, соображают, что к чему! Нет, княжна Рогнеда девушка хорошая и Витке нравится. Справедливая, веселая, не привередливая. Никем не командует, никому не приказывает. Всем улыбается, всех величает уважительно. Вот только уж больно она себе на уме. Нет чтобы в сарафан парчовый нарядиться, венчик серебряный на чело вздеть, брови насурьмить, щеки нарумянить. А после – сесть, как княжне и положено, у окошка в своей светелке девичьей кошелек бисером вышивать али семечки лузгать. Тогда глядишь, и присватался бы к ней какой добрый царевич-королевич из страны заморской. Так только куда там! Княжна Рогнеда, вот стыдоба-то какая, все сарафаны сенным девкам раздала, а сама штаны мужские надела, сабли на спину нацепила и скачет по двору с дружинниками батюшкиными, в искусстве воинском совершенствуется, аки отрок какой безродный. Барону Рогвальду из Эйсена нос кистенем расквасила, виконта Фредерика Нарронского на забор с позором загнала, а шляхтича Миклоша, коий из Рюнхенского маркграфства прибыл, ударом копья вместе со скакуном его породистым наземь опрокинула. Ущемила их гордость мужскую, на посмешище всеобщее выставила. И с тех пор женихи на двор красногорского князя – ни ногой!

Вполне довольная собственной мудростью в делах сердечных, избалованностью и неоспоримой девичьей привлекательностью, Витка перелила воду в широкогорлый фарфоровый кувшин и, не зная куда девать ощущение безграничного счастья, переполнявшего ее настолько, что оно грозило выплеснуться за пределы души, негромко запела:

Ай, как выйду я во двор молодешенька,
Солнцу-батюшке лучистому радешенька,
А на небе тучки резвые кучкуются,
Уж как мною добры молодцы любят...

Неожиданно Витка замерла на середине куплета, некрасиво приоткрыв рот. На небе и правда появилась одинокая, но совсем не белая тучка. Тучка стремительно приближалась, увеличиваясь в размере и обретая очертания страшного крылатого чудовища, размахивающего когтистыми лапами и извергающего пламя из усаженной зубами пасти. Сама не осознавая, что она делает, Витка выронила из рук дорогой кувшин, так и брызнувший во все стороны водой и осколками, и истошно завопила.

– Ложись, воздух! – метались по двору бестолковые крики, сея смятение и панику. – Это же дракон!

– Идиоты, прекратите орать, немедленно несите мне стрелы! – перекрыл всеобщий вой резкий, командный голос княжны Рогнеды. – Лук мне, лук! Девки, да не мельтешите вы, прячьтесь в погреб...

Повинуясь княжеской дочери, Витка подхватила подол нового сарафана и бросилась к приоткрытой двери ледника, как вдруг ощутила, что ее подхватывает мощная лапа и круто возносит вверх. Колодец начал резко уменьшаться в размере, уплывая куда-то вбок. Девушка увидела крышу княжеского терема, ставшие игрушечными фигурки людей во дворе и в окошке светелки княжну, натягивающую лук. И тогда Витка завизжала. Отчаянно, пронзительно, с подвыванием – как не визжала еще никогда в жизни...

Демон не обманул. Заглянув в свой магический котел, обретший всевидение Гедрон понял, что получил возможность наблюдать за той, которая интересовала его короля более всех на свете – за красногорской княжной. Едва сдерживая обуревающие его чувства, он увлеченно наблюдал за сценой в шатре Смотрящей сквозь время. Отсутствие звука с лихвой компенсировалось выразительной мимикой всех участников. Чернокнижнику повезло, он не только сумел, ехидно фыркая и ухмыляясь, подсмотреть роковую ошибку Рогнеды, но и узнал истину, ухитрившись разглядеть поднятую эльфийкой карту, на самом деле завершающую Расклад Судьбы.

Клекочущий смех вырвался из горла торжествующего чернокнижника. По его твердому убеждению, основное отличие разума от глупости заключалось в доминирующем умении осознанно делать пакости как своим ближним, так и дальним. Без каких-либо скидок на пол, возраст и социальный статус. В данном случае провидение сыграло на руку Гедрону, втавив дерзкую девицу в крупные неприятности и ловко подсунув ей фальшивую пустышку. Княжна поверила в возможность стать избранной, осмелилась бросить вызов страшному пророчеству и Раскладу Судьбы. Как говорится, каждый сам кузнец своего несчастья. А где-то рядом с ее проблемами таилась и корыстная заинтересованность коварного чернокнижника. Личная выгода важнее всего, особенно когда итогом твоих усилий становятся богатство, власть и уважение. Ну или, на худой конец, – не уважение, а боязнь. Что касается власти, то к ней чернокнижник и сейчас стремился ничуть не меньше, чем во времена своего служения в Храме Розы. Только теперь Гедрон поумнел, утратил юношеский запал и начал понимать – риск, может быть, дело и благородное, но совершенно не оправданное. Он давно уже перестал верить в дружбу и предпочитал действовать в одиночку. Он обрел могучего покровителя, но не собирался реально вмешиваться в промысел слепой судьбы, страхась получить новых, куда более сильных чем он сам, врагов. Ведь жизнь такова, что друзья приходят и уходят, но враги не исчезают никуда, а, напротив, имеют нездоровую тенденцию к накапливанию... Бороться с врагами хлопотно и опасно, они ведь не тараканы, всех тапкой не перебьешь. Для этого ему понадобится более мощное средство... Враги умны, несговорчивы и непоколебимы будто скалы. Не стоит упрямо лезть на каждую попавшуюся гору, ведь гор много, а здоровье одно...

Тут лла-Аррастиг неосознанно вздрогнул и провел рукой по своему лицу, словно пытаясь отогнать преследующие его кошмары. Но наваждение и не собиралось уходить, снова и снова пробуждая в памяти страшную картину событий многолетней давности. Он видел себя – молодого, наивного и неопытного. Красивого юношу, одетого в белоснежный жреческий плащ. Аристократичные пальцы прижимают к груди флакончик с мертвой водой. Они сошлись на узком мостике, перекинутом через Озеро живого огня, стройный эльф и огромный ингв с опущенным забралом шлема, закованный в темные латы, а рядом с ним – угрожающе рычащий грифон. Гедрон бросился обратно, но на противоположной стороне моста появился второй воин-ингв, облаченный в белые доспехи. Ингвы, также зовущиеся хранителями равновесия, защитниками богов, стражами Обители затерянных душ, не ведали милосердия и угрызений совести не страшились. Выстоять в битве против них у Гедрона не

имелось ни малейшего шанса. И все-таки он хотя бы попытался. Но немногочисленные доступные ему заклинания бессильно разбились о щиты Света и Тьмы. Его грубо схватили, а для острастки ударили пару раз по лицу забранными в железные перчатки кулаками, рассекая кожу и уродуя изысканно-хрупкие черты. Ни с чем не сравнимое унижение, взбучка для нашкодившего щенка, посмеявшегося не только сойти с отведенного ему места, но и восстать против своего законного хозяина. Выступить против правления справедливых, но отстраненно-равнодушных богов, возжелать другой, лучшей доли. Ведь самые кровавые битвы – это всегда битвы за власть. Ингвы не стали марать об эльфа свои мечи, не сочли его достойным быстрой смерти, предназначенной лишь воинам и героям. Они хотели наказать Гедрона, будто взбунтовавшегося раба, продлить его агонию, а потому спокойно перевалили через перила истекающего кровью пленника и сбросили в ревущее пламя Озера живого огня. А потом ушли, даже не обернувшись и не поинтересовавшись участью обреченного на страдания отступника, не заслуживающего и капли снисхождения.

Гедрон падал долго... Пылающее озеро из расплавленной лавы приближалось постепенно и томительно медленно, ярко озаряя стены каменного жерла глубокого вулкана, являвшегося сердцем Радужного уровня. О, то был удивительный мир, созданный по бредовой прихоти Великих Творцов. Черные, удобренные человеческим пеплом поля Смерти, полные блуждающих и бездомных душ, ожидающих повторного возрождения. Политые кровью холмы, заросшие бледными бутонами асфоделя, чередовались там с засыпанными снегом долинами вечного холода. Многоструйные водопады, низвергающиеся со скалистых отрогов и перетекающие в прохладные озера, замораживали взор и пленяли разум, повергая его в пучину безумия. На одном из таких пиков, согласно легендам, и располагалась недоступная обычному смертному Обитель богов, на другой – древний Храм Света, существующий параллельно в двух измерениях – на горе Ранмир, самой высокой точке Безымянного острова, и на Радужном уровне. Край обетованный, заповедник богов! Ничего красивее и ужаснее Радужного уровня Гедрон не видал ни до, ни после этого единственного посещения, оплаченного столь дорогой ценой. И спасибо благой удаче, что после того, как он «увидел» Радужный уровень, ему удалось сохранить хотя бы зрение. Зрение, но не красоту...

Источаемый лавой жар все нарастал, обволакивая тело горячими, плотными потоками удушья и забвения. Висящее над озером марево колыхалось с голодной суетливостью, иногда выстреливая тонкими язычками огня – грозя поглотить, пожрать. Воздух стал почти осязаемым, превратившись в вязкую субстанцию – прилипающую к коже, выжимающую сначала пот, а затем кровь и лимфу, отрывающую связки и дробящую кости. Но чернокнижник терпел, продолжая падать и копить силы. Заклинание набирало мощь, плелось неторопливой цепочкой, нанизывая слово на слово, упрочняясь звено за звеном... И он успел. Уже над самой поверхностью озера почуял – заклятие готово, чудом извернулся, оберегая упрятанный за пазуху флакончик, но все же зачерпнул лаву руками, задел лицом – и, воя от нестерпимой боли чудовищного ожога, свечкой взмыл ввысь. Сумел-таки обыграть смерть, прошел мимо – по самому краю. Он выжил, но красоты уже не вернуть...

Сильный действует с помощью силы, умный – умом, а хитрый – посредством их обоих. На недостаток хитрости чернокнижник не жаловался. Отныне задача поквитаться с богами стала важнейшей целью его жизни. Он прекрасно отдавал себе отчет в том, что нельзя дважды войти в одну и ту же реку, а вот не наступить второй раз на одни грабли – вполне выполнимо. Поэтому не следует лезть в гущу событий, нужно оставаться в тени, концентрируя в своих руках ниточки, ведущие к истокам, причинам и следствиям поступков других людей, даже не замечающих его незримого присутствия. Но для этого необходимо совершить почти невозможное, а именно – научиться манипулировать сильными и умными, вершить судьбу мира через их мысли, чаяния и деяния. И это желание начинало сбываться...

Магия н'гуду основанная на технике энвольтирования¹², захватила Гедрона целиком, вызвав шквал ранее недоступных его сознанию эмоций. Это оказалось поистине невообразимое и сказочное действо, дававшее почти нереальную власть, поставившее чернокнижника над, нет, скорее, вне всего прочего примитивного земного мира. Он стал почти богом, сжимающим в кровожадно скрюченных пальцах жизни и смерти нескольких существ, разительно отличавшихся друг от друга и принадлежавших к разным расам. О нет, отныне – принадлежавших только ему, Гедрону!

Тяжело дышащий от возбуждения чернокнижник неуклюже опустился в высокое кресло – плавая в дурмане открывшихся перед ним возможностей, натужно борясь с желанием схватить кинжал и вонзить, убить, растерзать. Но нельзя, слишком это неразумно и расточительно – так бездарно истратить выпавшую ему удачу. Он ведь и сам говорил, что пакости нужно совершать осознанно. А горячиться сейчас не стоит, потому что месть – именно то блюдо, которое подают холодным. Его смакуют. Им наслаждаются.

Гедрон утер потный лоб и постарался успокоиться. Полно, к чему теперь спешка? Они полностью в его власти!

Лла-Аррастиг в последний раз перебрал сделанные им вольты¹³, убеждаясь в их удивительном сходстве с живыми оригиналами. Он использовал глину и дерево, ткани и меха, кожу и воск – потратив на изготовление шести кукол уйму драгоценного времени. Но полученный результат намного превзошел его самые смелые ожидания. И теперь они лежали перед ним на столе, выстроившись в безупречно ровную шеренгу. Шесть фигурок, обозначавших Воинов Судьбы, предсказанных колодой волшебных карт. Дева – это княжна Рогнеда. Гедрон сумел мастерски воспроизвести и ее длинные косы, и сабли за спиной. Крылатое чудовище с распахнутыми крыльями, горбун, ведьма в черном плаще, вампир с короной на голове и злодей с красными глазами. Он собрал всю армию, предвосхитив их встречу, еще только предстоящую в реальной жизни. И вот они все полностью готовы и лежат перед ним – беззащитные и пока ничего не ведающие. И, кажется, ничего не стоит играючи протянуть руку и свернуть тонкую шею, оборвать крылья, выколоть глаза... Но нет, пожалуй, не стоит совершать глупости и лишать себя заслуженного удовольствия, которое можно растянуть на дни и месяцы...

Гедрон с трудом уgomонил часто бьющееся сердце и отвел уже протянутые к вольтам пальцы. Восхитился собственной силой воли и порадовался проявленной мудрости. Поколебался несколько мгновений и решился сделать первый ход.

Он взял фигурку чудовища и прошептал заклинание, подсказанное ему гранд-мастером. Поднес горящую свечу к пасти кукольной твари и резко дунул, порождая столб пламени. А затем вложил фигурку девы в лапы крылатого монстра и резко подкинул к потолку комнаты столь странный, составленный по его желанию дуэт. Послушное магии н'гуду летучее существо неподвижно зависло в воздухе, а куколка, изображающая княжну Рогнеду, внезапно выскользнула из его когтей и, кувыряясь, устремилась вниз...

Красногорье Трею не понравилось. Слишком холодно, тенисто и сыро. Куда там этому лесистому краю до его родной, насквозь прожаренной солнцем Намбудийской пустыни. Летишь бывало над золотистыми дюнами и наслаждаешься причудливыми движениями песчаных барханов, плавно меняющих очертания под порывами горячего ветра. И можно провести в небе полдня, не приметив внизу ни одной живой души. Трей частенько забирался в самое сердце пустыни, любуясь непостижимыми, грубо вырубленными из камня статуями

¹² Энвольтирование – магическая манипуляция, производимая с целью оказать дистанционное воздействие на какого-либо человека.

¹³ Вольт – фигурка, олицетворяющая объект энвольтирования (человека или другое одушевленное существо).

и фрагментами крепостных стен, почти полностью разрушенных песком, жарой и временем. Когда-то здесь высился великолепный город, от которого ныне остались одни лишь руины. Ах да, и еще воспоминания, запечатленные в запутанных легендах, нараспев читаемых шаманами племени умбуту. Дракон умел сливаться с темнотой и песком, становясь незаметным и невероятно бесшумным. Свернувшись в плотный клубок, он зарывался в склон бархана и, выставив наружу чуткие уши, слушал гортанные песнопения и заклинания, доносящиеся из шатра старого, морщинистого Нгубуду, верховного шамана этих темнокожих детей пустыни. О, замотанный в ветхие тряпки старик знал много интересного, о чем и рассказывал теплыми летними ночами, запалив костер из сухих ветвей саксаула и собрав вокруг себя всех мальчишек племени. Будущим воинам положено знать имена своих богов. Увешанный костяными амулетами великий Нгубуду и сам походил на изрядно потрепанный жизнью саксаул, внушая невольное уважение своими еще вполне крепкими, обглоданными ветром мощами, обернутыми обрывком леопардовой шкуры. А Трей, к счастью, пока не настолько изжил из себя все детское, чтобы пренебречь знаниями, предназначенными для бережно пестуемых шаманом будущих воинов и вождей, пусть и не перешагнувших возраст безусого отрочества. Рассевшиеся вокруг костра мальчишки за гипнотизированно тарасились на суставчатого, будто саранча, старика, словно губки впитывая слетающие с его губ откровения и взволнованно постигая нелегкие премудрости жизни. Вместе с ними учился и Трей.

Затаив дыхание, он слушал предания о страшных богинях-сестрах, олицетворяющих Рождение и Смерть, о троих их братьях, а также об обитающем на Нижнем уровне могучем демоне Амбопу, покровительствующем шаманам племени умбуту и научившем их тайной магии н'гуду. Магии, совершенствованию в которой Нгубуду посвятил долгие и долгие годы. Наверное, будучи совсем не глупым, старик догадывался о присутствии странного ученика, прозорливо выбирая для своих уроков удобные Трею места. Частенько, освободившись от тяжелого бремени песка и вытряхивая его из складок крыльев, дракон находил заботливо приготовленную для него высушенную и выдолбленную изнутри половинку тыквы, наполненную прохладной водой и бережно накрытую широким пальмовым листом. То было подношение шамана, считавшего драконов любимыми детьми богов. Трей благодарно опустошал объемистую посудину, но и сам, прилетая в очередной раз, всегда оставлял у входа в шатер Нгубуду связку сладких, произрастающих в их оазисе бананов или же тушу только что изловленного пустынного джейрана, имевшего не только острые, винтом закрученные рога, но и сочное, мягкое мясо. Нгубуду принимал подарки с неизменной радостью, низко кланяясь в сторону скрывавшего Трея склона и призывая милость судьбы на его зубастую голову. Трей тихонько посмеивался, дивясь чутью шамана, никогда не ошибавшегося и всегда правильно угадывавшего бархан.

Изо дня в день, расправив огромные крылья и отбрасывая четкую тень, Трей часами парил над просторами величественной пустыни, заинтересованно наблюдая и изучая все происходящее внизу. Иногда ему встречался торговый караван, направляющийся от побережья в сторону скрытого в центре Намбудии города Руксора, процветающего под управлением молодого фараона Джигеха. Цепочка невозмутимо пережевывающих жвачку верблюдов и суетливо семенящих мулов лениво змеилась между дюн, на горбах и спинах покачивались тюки с дорогими эльфийскими шелками, бивнями слонов из Канагера и выкованным в Нарроне оружием. Торговля испокон веков оставалась делом прибыльным, но чрезвычайно трудоемким и опасным, требующим проявления недюжинной храбрости, смекалки и расчетливости. Отчаянные ликерийские пираты обнаглели до того, что отваживались заплывать даже в теплое Море Туманов, беспрестанно терроризируя все ундорское побережье. Впрочем, весьма тяготевший к роскоши фараон Джигех платил полновесным золотом, поэтому среди торговцев нередко отыскивались настоящие сорвиголовы, готовые пуститься во все тяжкие и осмеливавшиеся ради благосклонности руксорского владыки рисковать собственной свободой, жизнью и грузом.

Налетавшись всласть, Трей возвращался в родной оазис и с ликующим воплем восторга

обрушивался в воды рокочущего водопада, щедро вливавшего свои прозрачные струи в голубую гладь прекрасного озера. На галечной отмели нежились десятки драконов, вполголоса обмениваясь сплетнями и ведя неторопливые беседы. Стройные пальмы склоняли отягощенные кокосами верхушки к поверхности животворящей влаги, цветки лотоса нежно розовели в тихой заводи, и Трею казалось, сама жизнь течет здесь неторопливо и однообразно, ничуть не меняясь на протяжении часов и столетий.

– Холодно, – сердито ворчал Трея, размеренно взмахивая крыльями, – до чего же здесь холодно! И подумать только, это в самый-то разгар лета. А чего уж говорить о холодной красногорской зиме, когда реки встанут и покроются толстой коркой льда, а с неба полетят белые снеговые мухи?

Нет, тогда он, как и положено каждому уважающему себя дракону, вернется домой, в пустыню, или, на худой конец, выберет пещеру поуютнее, набьет ее сухой ароматной травой и завалится в сладкую зимнюю спячку. С раскатистым похрапыванием до самой весны!

Морда предвкушающего отдых Трея озарилась широкой улыбкой довольства. А весной он выйдет из облюбованной пещерки, произведет разведку с воздуха да найдет себе королевство побогаче. Сначала до заикания зашугает местного правителя, потом слопают парочку задиристых баронов поупитаннее, прихлопнет половину армии и наложит щадящую контрибуцию в виде ежедневной коровы...

«Не-е-ет, коровы мне маловато! – Дракон плотоядно облизнулся. – Пусть добавят пару молодых барашков для ровного счета, и тогда я, так уж и быть, смилостивлюсь да оставлю людишкам в целости и сохранности их жалкие поля и домишки. Не стану жечь посевы, не разрушу города. Ну, может, чисто ради выпендрежа, еще поднапрягусь и украду несколько девиц помоложе да посимпатичнее. Пусть они мне пещеру прибирают, с барашков шкуру снимают...»

Мечта о барашках незамедлительно вызвала продолжительный приступ голодного урчания, отчетливо донесшийся из пустого драконьего живота. Трея поморщился от горько привкуса понапрасну выделяющейся желчи. Его здоровый, молодой организм срочно требовал калорийного питания, ибо война (то бишь совершение запланированных подвигов) войной, а обед – по расписанию! Но сейчас настоятельное желание кого-нибудь немедленно съесть пришлось отодвинуть на задний план, подчинив первоочередной цели посетить Красногорье и выкрасть тамошнюю княжну. А вот потом можно и поесть вволю. Тут главное не сорваться, не пойти на поводу у прожорливого желудка и не слопать эту самую Рогнеду...

Между тем чувство голода стало поистине нестерпимым, а разыгравшийся аппетит наполнил драконью пасть густой, тягучей слюной. Трея облизнулся и удрученно вздохнул. Эх, пожрать бы сейчас! Ну хоть что-нибудь, хоть кого-нибудь...

– Уй! – неожиданно вскрикнул он, удивленно бултыхаясь в воздухе, хлопая себя лапой по морде и чуть не сбиваясь с курса. – Что это? Меня укусили? Меня?!

Сама идея о нанесенном дракону укусе выглядела ненормальным бредом. Какой смельчак, пребывая в здравом уме и твердой памяти, осмелится покуситься на подобного гиганта?

Трея возмущенно свел глаза к носу, потрясенно рассматривая густое облачко каких-то настырных насекомых, во множестве роящихся вокруг его головы. Дракон испытал настоящий шок, поняв, что каждый крохотный нахал имеет тонкий и острый хоботок, так и норовящий вонзиться в нежные и весьма чувствительные драконьи ноздри. Это знаменитые красногорские комары, отличающиеся воистину невероятными размерами и волчьей кровожадностью, обнаружили монументальную летающую жертву и смело набросились на столь роскошный обед.

– Ой! Ай! – Дракон юлой вертелся в воздухе, бешено отмахивался хвостом и всеми четырьмя лапами, но комары бесстрашно лезли под веки, набивались под язык, влетали в уши и кусались, кусались, кусались...

Совершенно озверевший Трей издал трубный рев негодования и внезапно увидел под собой ранее незамеченный из-за насекомых город, пестревший разноцветными крышами домов, золочеными куполами храмов, и вздымавший к облакам высокий шпиль стройной кирпичной колокольни. Учув падającego с неба дракона, истерично залаяли собаки. Народ внизу бросился наутек, рассыпаясь во все стороны, будто горох из прохудившегося решета. Трей уже растопырил лапы, выискивая удобное место для посадки, как вдруг обнаружил богатый двор с трехэтажными хоротами, а во дворе – бревенчатый колодец, возле которого застыла она, потерянно топчa черепки разбитого кувшина и недоуменно хлопая стрельчатыми ресницами. Трей узнал ее мгновенно. Да и с кем еще можно было спутать эту красавицу с гордо посаженной аккуратной головкой, с золотыми косами до колен, голубыми, панически расширенными глазами, наряженную в роскошный шелковый сарафан? В ушках девушки посверкивали крупные бриллианты. А кто, кроме княжны, способен пойти по воду в таких дорогих серьгах?

Трей довольно хохотнул, на бредущем полете скользнул над самой землей и ловко сгреб в загодя выпущенные когти хрупкую девичью фигурку.

– Не ту девку схватил, дурень! – отчаянно заорал чернокнижник Гедрон, негодуя запуская пальцы в свои блеклые волосенки и вырывая их целыми пригоршнями. – Идиот! Скотина тупая, невезучая! – Эльф кричал эти оскорбительные слова в самое жерло магического котла, наклоняясь к кипящей жидкости совсем близко и рискуя обвариться волшебным составом. – Брось ее, брось! Это не княжна!

Но Трей его не слышал. Тогда лла-Аррастиг поспешно взметнул руки к потолку комнаты и торопливо зашептал новое заклинание.

«Нет, совсем наши бабы сбрендили, – мысленно ворчала я, словно корова на продажу влекомая по переходу в родную светелку. Меня окружала целая толпа боярышень, возглавляемых дородной теткой Матреной, бережно подхвативших под локти новоявленную невесту и восторженно гомонящих. – Дорвались, называется, до бесплатного развлечения!»

Во дворе срочно растапливали баньку, а на мою аскетичную кровать с тощим, комковатым тюфяком уже вывалили непомерную гору изысканнейших и роскошнейших нарядов. Чего там только не было! Подбитые соболем бархатные опашни, высокие кики, усыпанные самоцветными камнями, сафьяновые сапожки на безумно тоненьких каблучках, в которых я и шагу ступить не сумею, нательные рубашки из бесценного эльфийского шелка, батюшкина парадная мантия и прочее, и прочее. «Да-а-а, похоже, бабы от радости совсем с ума спрыгнули!» – Я вытянула из кучи тряпок парчовую офирскую тогу, не иначе как от щедрости душевной присланную княгиней Зоей, и озадаченно уставилась на балахонистое одеяние, по размеру подошедшее бы и необхватному волхву Никодиму.

– Бабы! – гневно рявкнула я, хамски комкая тогу и метко швыряя ее в самый грязный угол горницы. – Я вам что, пугало огородное?! Да ни в жизнь я эти претенциозные шелка не надену!

– Так ведь свадьба же! – заполошно всплеснула руками тетка Матрена. Потом глянула в мое красное от возмущения лицо и лстыиво затараторила, явно намереваясь не мытьем, так катаньем усмирить и умаслить свою сумасбродную воспитанницу: – Ох уж ты милушка, княжна наша, ты только не противься! Мы-то ведь в подобных делах толк знаем. Сейчас мы тебя в баньке напарим, косы твои долгие в березовом отваре промоем, луковой шелухой подзолотим. Разоденем тебя в наряды приглядные, аки паву! Да посол эльфийский от твоей красоты язык свой медоточивый проглотит! Глазоньки ясные угольком подведем, бровки соболи насыруем, а ланиты-то бледные мы тебе, лебедь белая, нарумняем!..

Нянька шустро вытащила из кармана своей душегреи здоровенный буряк, споро разрубила найденным на столе ножом и в качестве наглядной демонстрации приложила к своим толстым щекам половинки злополучного корнеплода. Затем старательно потерла и горделиво продемонстрировала мне полученный сногшибательный результат. На

откормленной Матрениной ряхе немедленно расплылись два безобразных багровых пятна. Я досадливо поморщилась. Да если лорд Денириэль увидит на моем лице подобный вульгарный румянец, то, думаю мне, он сей же миг сбежит куда подальше, решив, что я подцепила скоротечную чахотку. То-то батюшка кипеж поднимет! Не-е-ет, а ну-ка на фиг этих не в меру толковых сводниц вместе с их модными прибабасами и свекольным макияжем!

– Знаете-ка что, бабы, – категорично начала я, кончиком сабли поддевая шелка и вместе с жемчугами бесцеремонно спихивая их с кровати, – а катились бы вы куда подальше...

Но тут мои невежливые излияния прервал истошный, полный животного ужаса вопль, донесшийся со двора. Я мгновенно прыгнула к окну и по пояс высунулась наружу.

Над княжеским двором с видом злоумышленника завис серо-коричневый дракон, не шибко крупный – сразу ясно, что еще молодой и не опытный, – но, похоже, настроенный весьма воинственно и успешно отпугивающий батюшкиных ратников тонкими струйками огня, то и дело вырывающимися из его оскаленной пасти. Внизу царила беспросветная паника. Народ бестолково носился туда-сюда, выли женщины, лаяли собаки. Дворовый козел Оська сдуру ломанулся в заросли репейника, понятно, тут же завяз в здоровенных стеблях и сейчас истошно мекал так, словно с него живьем сдирали его блохастую вонючую шкуру. И в довершение ко всему возле колодца недвижимо застыла оторопевшая Витка, бесцветностью побледневшего лица сейчас сильно смахивающая на прекрасную мраморную статую.

– Принесите мне лук со стрелами! – ультимативно потребовала я, и Михась сей же час подал мне все испрошенное.

Я наложила на тугую тетиву полновесное древко с острым наконечником величиной не менее чем вполладони, прицелилась и выстрелила. Стрела свистнула в воздухе и впилась дракону точнехонько под крыло. Чудовище взревело, а я злобно заорала в унисон с ним, потому что разглядела, как тварь протянула правую переднюю лапу и алчно сгребла обморочно обмякшую Витку.

– Отпусти девку немедленно, тварюга подлая! – со всей мочи заголосила я, угрожая дракону новой стрелой.

– Не отдам княжну, она моя! – нахально ответила тварь, презрительно прищуривая глаза. – Фигу тебе с маслом, мымра задрипанная!

– Да какая же она княжна?! – искренне возмутилась я. – Княжна – это я, а она простая дворовая девка!

– Не ври, лахудра лохматая! – ехидно отбрил дракон. – Я видел портрет, это – княжна Рогнеда собственной персоной! А ты сама-то себя в зеркале давно ли зрела? Да из тебя княжна, как из меня павлин!

– Нет, ты не павлин, ты – тупой самодовольный индюк! – Я погрозила дракону кулаком и снова прицелилась.

На этот раз стрела попала ему в подбровную впадину, лишь чудом не задев глаз. Чудовище рассвирепело окончательно. Не отпуская несчастную Витку, оно широко распахнуло пасть идохнуло огромным клубком жгучего пламени. Я успела вовремя отшатнуться от окна. Мимо меня пронеслась сама смерть, в угли испепеляя вековые лиственничные бревна и, словно бумагу, прорывая толстые сосновые балки. Светелка запылала. Дико завизжали бабы. А в небе ликующе хохотал дракон, будто тряпичную куклу перекидывая из лапы в лапу совершенно не сопротивляющуюся Витку.

Я заскрежетала зубами от обуревавшей меня бессильной ярости. Хорошо, что хоть я не растерялась и не поддалась царившему вокруг смятению. Я шепнула несколько слов Михасю, обрадованно увидев, что он отреагировал точно так, как я велела, – выпрыгнул в окно, приземлился на наш коронный стог и растопырил руки, приготовившись ловить баб. Первой я вытолкнула из горницы оглушительно визжащую няньку Матрену, предоставив бегающим по двору ратникам возможность полюбоваться ее колоколом раскрывшимся сарафаном и ядреными ляжками в заграничных цветастых панталонах. Баба смачно ухнула в

сено, чуть не до самого низу пробив немаленький стог своими увесистыми, откормленными телесами. За ней, правда, не без моего посильного подпिनывания и подпихивания, последовал десяток боярышень одна другой дороднее...

– Рогнеда! – кричал Михась. – А как же ты?!

Я свесилась через подоконник и тут же отшатнулась назад, вспомнив про крысу. Окрест вовсю бушевало пламя, опалая мне брови и подбираясь все ближе. Из-под стола выскочила панически попискивающая Грымза и, шустро цепляясь коготками, вскарабкалась по моей ноге и животу, прячась в спасительный нагрудный карман кафтана.

– Эх, не повезло нам с тобой, красавица! – призналась я, рукавом прикрывая любопытную крысиную мордочку от летящих искр. – Боярышни-то стог совсем развалили, придется так прыгать, но ведь ноги-руки переломаю...

– Доченька, – завопил мечущийся по двору князь-батюшка, – прыгай, не бойся! Мы тебя на скатерть споймаем...

Я вскарабкалась на тлеющий подоконник. В небе неподвижно завис подлюга-дракон, с кривой ухмылкой заинтересованно взирающий на устроенный им беспорядок. Бегавший с ведрами народ старательно тушил пожар, перекинувшийся уже и на центральный корпус княжеских палат. А вот моя горница, кажется, пропала окончательно.

«Неужели это знак? – испытывая странное спокойствие, удивилась я. – Знамение свыше, недвусмысленно подсказывающее, что отныне моя дорога лежит прочь из отчего дома?»

Наверное, со стороны это выглядело настоящим сумасшествием. Пламя ревело, пожирая остатки добротного просмоленных стен, а я задумчиво сидела себе в оконном проеме, чего и в лучшие-то времена не делала, сосредоточенно поглаживала Грымзину мордочку и выпренно размышляла о будущем, которого у меня и вообще могло уже не быть...

– Рогнеда, прыгай!

Многоголосый призыв вывел меня из транса. Я взглянула вниз, кашляя от вонючего дыма, разъедавшего глаза и легкие, и стараясь не дышать очень уж глубоко.

Братцы притащили толстую камчатую скатерть, до этого застилавшую стол в батюшкиных хоробах, и сейчас выстроились в круг, что есть сил растягивая между собой плотную, расшитую узорами ткань.

– Ну держись, Грымза! – сказала я и прыгнула...

Мимо промелькнули обугленные стены моего флигеля, изумленно расширенные драконьи глаза, а потом... излишне туго натянутая ткань, удерживаемая в две дюжины богатырских рук, упруго спружинила, отбрасывая меня обратно в огонь.

По двору прокатился всеобщий вопль ужаса...

Пламя вновь ринулось мне навстречу, грозя надежно принять в свои губительные объятия – и на этот раз уже точно не отпускать. Я зажмурилась, не имея смелости посмотреть в лицо приближающейся смерти и мучительно пытаюсь вспомнить, чего там волхв Никодим рассказывал о возрождении в Обители затерянных душ, как вдруг мой полет закончился резким ударом драконьей лапы.

Чудовище поймало меня возле самого пожарища, небрежно подцепив когтем и крепко сжав в чешуйчатом кулаке.

– Сам не пойму, почему не могу допустить твоей гибели! – растерянно посетовал дракон, приближая ко мне свою громадную, стеснительно ухмыляющуюся морду. – Хм, будем считать, что я тебя спас! Ну или что-то типа того...

Глава 8

– Ты, ты меня спас?! Это с чего вдруг крыша-то поехала?! – возмущенно выдвинула претензию я, брыкаясь и лягаясь. – Да у тебя вообще нет ни стыда ни совести, так бы и повыцарапала твои наглочие глаза! Ты батюшкин терем попортил, мою светелку дотла сжег, баб до заикания перепугал, Оську в бурьян загнал, а Витку... – тут у меня аж горло

перехватило от негодования, – а Витку немедленно верни туда, откуда взял!

– И не подумаю, можешь даже не верещать! – ультимативно отчеканил дракон. – Она мне еще пригодится. А ты, – он сжал лапу чуть покрепче, показывая, как сильно его раздражают мои пусть и справедливые, но нудные обвинения, – помолчала бы лучше, а не то...

– А не то чего? – язвительно переспросила я. – Ты меня съешь?

– Зачем? – опешил дракон. – Я девушек не ем принципиально, из джентльменских соображений!

– Ага, ага, – с деланой убежденностью закивала я. – Так я тебе и поверила. Все маньяки поначалу это утверждают, типа они не при делах. Зато потом отрываются по полной программе...

– Что-то я тебя не понимаю. – И, поскольку обе передние лапы у него оказались заняты мной и Виткой, чудовище вытянуло заднюю конечность и задумчиво почесало ею в затылке, демонстрируя поистине невероятные чудеса гибкости и высшего пилотажа. – Вроде бы, согласно правилам всеобщего языка, двойное согласие не означает отрицание?

– Ну да, коне-е-е-ечно! – ничуть не растерявшись, выдала я.

Дракон весело заржал и кувыркнулся в воздухе, переворачивая нас вверх ногами.

– Слушай, а ты мне нравишься, – снисходительно объявил он. – Как тебя зовут на самом деле? Ты, конечно, на вид страшенькая, с небольшими физическими недостатками, но по характеру очень забавная!

– Дубина ты стоеросовая! – ответно нахамила я. – Рогнедой меня зовут, Рогнедой! И еще, по-моему, лучше иметь небольшой физический недостаток, чем небольшое физическое достоинство...

– Это ты о чем? – поначалу не понял гигант. – Ой, это ты о... – Он жутко смутился.

– Во-во, – гнусно хихикнула я, – поменьше задними лапами размахивай!

– Вредина! – оскорбленно взвыл дракон. – Да как ты смеешь намекать?! Да я, к твоему сведению, по этой части самый настоящий эталон и идеал, воплощение, так сказать, завидного мужского начала!

– А ты уверен, что именно начала? – подозрительно хмыкнула я, нескромно скашивая глаза. – М-да-а-а, негусто...

Дракон раскрыл пасть, намереваясь выдать новую отмазку, и вдруг успокоился:

– Знаешь, – печально, словно читая некролог, произнес он, – кажется, я погорячился насчет того, что не ем девушек... Хотя от такой заразы, как ты, можно запросто язву желудка заработать!

– Хилое оправдание у тебя получилось. Знаю я этот ваш пресловутый мужской шовинизм! – склочно фыркнула я. – Откуда в тебе столько предрассудков? Женщина, она тоже человек...

– Не уверен! – мотнул башкой дракон, явно намереваясь продолжить диспут. – Вот ты точно никакой не человек, а сама настоящая, первостатейная стерва!

– Кто, я?! – немедленно взбунтовалась я, не соглашаясь с выданной им характеристикой.

– Ты, ты! – издевательски поддакнул дракон. – Неужели сразу не понятно? У тебя что, острая интеллектуальная недостаточность?

– Слушай, ты по себе-то всех не суди, – язвительно посоветовала я. – Думать – процесс сложный, поэтому гораздо проще записаться в судьи...

Дракон несколько мгновений пытался подобрать достойный ответ, но, видимо, не нашел нужных слов и вместо этого усиленно замахал крыльями, поднимая нас на высоту обитания стрижей.

– Что, съел?! – самоуверенно торжествовала я. – Своим-то умом приятно даже до банальности дойти!

Чудовище посмотрело на меня с нескрываемой гадливостью, будто на надоедливое и весьма кусачее насекомое, имеющее нехорошую привычку вгрызаться в наиболее нежные

места.

– Да-а-а, недаром папа говорит, что женщины – существа, предназначенные для создания видимости недолговечного кайфа и последующего разоблачения иллюзий, – философски процитировал он. – Сомневаюсь, что такую ведьму, как ты, полюбит какой-нибудь приличный мужчина...

Последняя фраза крылатой твари уязвила меня в самое сердце.

– Ах так?! – возмутилась я. – Тогда я с тобой больше не разговариваю! И вообще, убери свои вонючие лапы и отпусти меня немедленно!

– Да пожалуйста! – нахально подмигнул дракон и демонстративно разжал когти, выпуская меня на свободу.

– Ой, мамочки! – До меня наконец-то дошла вся рискованность моего положения, но было уже поздно.

Всем известно, что притяжение земли – штука совершенно непреодолимая, бороться с которой глупо и бесполезно. Увлеченный моим феминизмом, дракон интенсивно махал крыльями на протяжении всей бурной, но весьма недолгой беседы, постепенно поднимаясь все выше и выше, к самым облакам. И вот оттуда-то я сейчас и падала, оглашая воздушное пространство славного града Берестянска утробным, переходящим в завывание стоном категорически не желавшего расставаться с жизнью существа. И правильно, кому же хочется умирать в двадцать-то с небольшим лет? Ветер свистел в ушах, норовя сорвать кафтан, и звучно наполнял мой разинутый рот – создавая отличный аэродинамический эффект. Меня оригинально согнуло на лету, и в какой-то момент я поймала себя на том, что пристально смотрю себе между ног, да в придачу и слюни туда же пускаю. Струей восходящего воздушного потока меня едва не вывернуло наизнанку, крючком искривило шею, аки былинному гусю-лебедю, и чуть не оторвало голову. Свободное падение длилось столь долго, что я вполне успела сделать все необходимое: насладиться невесомостью, подумать о вечном и прийти к выводу, что уж если не инфаркт, то перелом позвоночника мне гарантированно обеспечен. Хотя о чем это я? После таких падений не выживают...

Земля приближалась. Я продолжала орать.

– А-а-а! – Мимо промелькнул высоченный шпиль нашей колокольни.

– А-а-а! – Совсем близко от меня пронеслась крыша храма богини Аолы.

– А-а-а! – Я увидела щекастое бабье лицо, растерянно застывшее в окне третьего этажа богатого терема и не выпускающее из зубов откушенный кусок сдобной баранки.

– Ой! – Меня боком приложило обо что-то мягкое и вонючее.

– Ай! – Снова подбросило и отшвырнуло на мостовую, прямо под копыта опрометью несущихся коней, запряженных в груженную горшками телегу.

«Смерть сама по себе не страшна, – мысленно прощалась я с жизнью, – страшно то, что это уже навсегда!»

Всхрапывающая тройка скакунов, управляемая чьей-то умелой рукой, чудом отвернула в сторону, слегка зацепив меня ободом колеса и немного протащив по дороге. Интересно, и кому это в голову пришло абсурдное утверждение, что земля круглая? Нет, это неправильно. Она грязная, невкусная и на зубах скрипит...

Остатками затухающего сознания я еще успела различить – вот меня бережно сгребают в кучку, подхватывают на руки и поднимают с мостовой...

«Что, опять вверх?! – рефлекторно ужаснулась я. – Нет, только не вверх!»

И я отключилась.

Если разобраться с определениями и вдуматься в суть фактов, то невезучему человеку терять совершенно нечего, потому что невезение уже само по себе является потерей всего наиболее ценного и значимого! К такому немудреному выводу я пришла в тот самый момент, когда ощутила на своих ребрах железные объятия драконьих когтей. Оставалось проверить мой идефикс – являлся ли пресловутый серо-коричневый летун тем роковым

чудовищем, появление которого пророчила Колода Судьбы. Ведь для того, чтобы попасть в ряды моего потенциального воинства, дракон должен обладать крайней степенью безбашенности, да еще невезучестью, ничуть не уступающей моей. Следует признать, в общем и целом все мои ожидания оправдались полностью, и даже с лихвой. С достойным лучшего применения упорством тварь настырно лезла на рожон, одновременно с этим проявляя невероятные чудеса глупости и невезучести. Я не ожидала лишь одного – своего бесславного низвержения с небес на землю, как в прямом, так и в переносном смысле. Согласно моему хитрому замыслу, выведенный из себя гигант (по причине молодого возраста и вопиющей житейской неискренности абсолютно не способный победить в споре с ушлой девицей) был просто обязан высадить свою языкатую собеседницу в каком-нибудь близлежащем месте, рассорившись и расплевавшись с ней вдрызг и на веки вечные. Под вредной оппоненткой я, естественно, подразумевала себя. То, что чудовище не позволило мне погибнуть, спасая от языков пламени, лишь подтвердило особо подчеркиваемое сказками и легендами мнение о том, что драконы существа отнюдь не злобные, а наоборот, зачастую отличаются редкостным здравомыслием и поразительной склонностью к философским рассуждениям. А посему, начитавшись умных книг, переполнявших полки библиотеки Нарронской академии, в плачевный вариант оказаться сожранной я не верила изначально. Но я совершенно не могла предположить и столь неожиданного развития событий – меня выбрасывают, словно надоевшую игрушку, и я, кувыкаясь, лечу с высоты небес, попутно размышляя, кто же из нас оказался более нездоровым на голову, дракон или я. Хотя, да, каюсь, довела я дракона конкретно, до ручки... Нет, ну он тоже хорош, чего сразу стервой-то обзывать? А впрочем, на что я жалуясь, ведь летать учатся все. Вот только одни – во сне, а другие – в реальности, попутно набивая многочисленные синяки и шишки...

– Интересный, однако, у нас парадокс нарисовался! – оторопело протянул красногорский государь, князь-батюшка Елизар, провожая недоуменным взглядом размашисто удаляющегося дракона. – Э-э-э, а куда он девок-то, спрашивается, попер? Ну ладно Рогнеда, она ведь моя дочь, за нее выкуп можно потребовать... Но на кой ляд ему еще и Витка понадобилась?

– А Витка красивше, тут и спору нет! – опечаленно констатировал молодой княжич Елисей, трагически заламывая холеные белые руки. – Может, он на нее того, глаз положил...

– И на кого же ты нас покинула, краса ненаглядная! – заунывно поддержал брата Гвидон, скорбно размазывая по лицу сопли и слезы.

– Ох уж горе горькое, ай-люли, ай-люли! – дружным припевом и неопишимо горестно, будто плакальщицы на поминках, выдали близнецы Будимир и Святомир.

Рядом растерянно покачивался с носка на пятку здоровяк Радомир, особой сообразительностью никогда не отличавшийся.

– Цыц, кобели брехливые! – гневно прикрикнул князь. – Надоели вы мне со своим юношеским либидо хуже горькой редьки! Вам бы все плоти потакать, об утехах блудодейских думать, а мне перед сватом эльфийским ответ держать надобно, объяснять, куда же это королевская невеста перед самым обрядом венчания подевалась. А ну как лорд Денириэль решит, что мы ее от него прячем?

– А это уже пахнет серьезным международным конфликтом! – по-козлячьему противно проблеял чародей Ерофил, ударяясь в оголтелое кликушество. – А с эльфами воевать – почитай что самоубийством заниматься!

Князь ругнулся, нутром предчувствуя назревающий дипломатический скандал.

– Не люблю я этих эльфов, – мрачно басил толстяк Никодим. – Уж больно они на словах обходительные, а в манерах не по-нашенскому сложные да верткие. Такие мягко стелют, да спать жестко придется. Как же, подись, не чета нам, а Старшая раса! Ведь в случае чего рука не поднимется им в морду с размаху дать, а потом отпеть за упокой со всем уважением...

Над княжеским двором постепенно сгущались тоска и печаль. Князь кручинился о

возникших матримониальных неурядицах. Княжичи коллективно тужили об утрате общепризнанного яблока раздора, никому из них в итоге так и не доставшегося, а священнослужители сокрушались о непростом этническом симбиозе двух разумных рас, бездарно погибшем в самом начале и накрывшемся с пропажей княжны медным тазиком. И неизвестно, к чему привели бы столь сложные душевные процессы, если бы в ворота вдруг не ворвалась взмыленная тройка гнедых скакунов, запряженных в опасно перекошенную и заполненную битыми черепками повозку. Отбросив вожжи и притормозив жеребцов, сидевший на облучке рябой, взъерошенно-чубатый мужик покаянно взвыл, с размаху ваясь в ноги князю-батюшке:

– Не вели казнить, государь, вели слово молвить! – Трясущиеся руки цеплялись за красные княжеские сапоги.

– Да что случилось-то? – недоумевал Елизар, вырываясь из крепкого захвата белугой ревушего мужика. – Убили? Ограбили? Война началась? На столицу мор напал?

– Хуже... – только и сумел вымолвить рябой.

– Да уж куда хуже-то! – раздраженно крикнул повелитель. – Ты давай мне тут не хлюпай, а по существу излагай...

– Не вели казнить, государь! – истошнее прежнего надрывался мужик. – Я дочку твою, княжну Рогнеду, энто... того...

– Чего?! – матерым медведем взревел державный отец, даже не дослушав всхлипывающего горемыку. – Да ты как посмел, ты, мужик-лапотник! Ты глянь на себя-то – ведь голь перекатная, худоба сермяжная! Она – княжна, а ты кто? Да ей по статусу своему высокому только с царями-королями спать полагается... Так как же ты посмел почем зря поднять на нее свой?.. – И князь в запале ввернул столь непристойное слово, что у всех присутствующих чуть уши не увяли.

Мужик растерянно таращил выпученные глаза, наливаясь багровой краской смущения.

– Батюшка, да ты что, боги с тобой! – чуть слышно промямлил он. – Нет, я бы на такое не осмелился! Я энто, того, княжну телегой переехал...

– Как телегой? – осекся Елизар. – Только телегой и все?

– И все! – честно хлопнул глазами мужик. – Аолой клянусь!

– Тьфу! – в сердцах плюнул самодержец. – Так чего же ты раньше-то не сказал?

– Так я и говорил... – мял шапку в руках мужик.

– И где она сейчас? – снова нахмурился князь.

– Да вот туточки же, – засуетился чубатый, подбегая к телеге и подобострастно указывая на глиняное крошево, – в горшках у меня...

Все, кто находился во дворе, сорвались с места и бросились к повозке горшечника, жадно вытягивая шеи да пытаясь заглянуть за низкий бортик.

На россыпи вдребезги расколотенных горшков тихонько лежала княжна, с головы до ног измазанная чем-то вонючим и густо усыпанная красной глиняной крошкой.

Поняв, что его жизни теперь уже точно ничего не угрожает, мужик, бурно жестикулируя и заикаясь от волнения, подробно живописал детали невероятного полета, исполненного будущей эльфийской королевой:

– А мы-то со сватом Ефимом как протрезвели после вчерашнего, так благословились, коняшек своих взнуздали и товары с утреча по прохладе на рынок повезли. Он – телегу с навозом, а я, значит, с горшками. Да однако взвыло вдруг что-то дико в небе, запищало, заухало жалостливо, и прогремел над нами трах-тарарах страшный, никем ранее неслыханный и невиданный! Ну тут мы со сватом струхнули не на шутку и давай богам молиться усердно – решили, низверглась с престола Аолы молния лучезарная, грешников карающая... Ибо я-то еще ничего, а вот сват Ефим как есть грешен – упер вчерась у тещи своей Меланьи из погреба изрядную бутылку с первачом... Ан нет, то не молния оказалась огненная! Это княжна неожиданно с неба обрушилась, да прямехонько в Ефимову телегу и угодила, а уж оттудова рикошетом ко мне под колеса. А я, как ни старался, но княжну объехать не смог, придавил трошки ее светлость и все горшки, значит, перебил...

– Заплатите ему за ущерб! – небрежно скривился самодержец. – И уберите с глаз моих долой! А Рогнеда-то живая ли?

– Живая она, невестушка наша! – радостно заголосила нянька Матрена, вскарабкиваясь на телегу и усиленно тормоша пребывавшую в бессознательности воспитанницу. – Сейчас мы ее в баньке от навоза отмоем, нарядим, нарумяним – и станет она у нас будто новенькая!

– Ну-ну, – неопределенно отреагировал князь. – А стоит ли отмывать-то? Она ведь через час опять в какие-нибудь новые неприятности вляпается...

– Никогда ничего не бойся! – неоднократно поучал меня опытный и жизнью жестоко потрепанный воевода Нелюд. – Не бойся чужой силы – против нее всегда найдется сила еще большая. Не робей ума – отыщутся и помудрее. Не страшись хитрости – видали и понаходчивее. А если бояться все-таки придется, то ни за что не выказывай своего страха перед другими. Ибо враги твоего страха не оценят, а друзья не поймут. Не бойся переоценить врага – станешь осторожнее, не бойся недооценить друга – станешь счастливее. Помни, пожалуй в беде способен и враг, а вот истинный друг познается лишь в радости. Сумел понять, принять, разделить твое счастье как свое собственное, не позавидовал, не поспешил урвать кусок для себя – значит, боги даровали тебе настоящего друга. Не бойся за такого стоять горой и делиться с ним последним куском хлеба. Но самое главное – никогда не бойся ничего заранее, ибо это есть величайшая человеческая глупость и слабость...

«Ай да и спасибо тебе за науку, дядька Нелюд! – размышляла я, медленно ковыляя по устланному коврами переходу, ведущему в главный княжеский терем. – И вроде бы впитала я ее вместо материнского молока, разумом осознала, сердцем усвоила! Да вот поди ж ты, никак у меня не получается ее на практике правильно применить! Эвон как оно все на деле-то поворачивается – не прямо, не вдоль, а только неудобно, ребром! Ох и не пошла мне впрок твоя наука, дядька Нелюд! Ведь понимаю же я, что неблагоприятное это занятие бояться незнамо чего, но при этом все равно – боюсь, боюсь, боюсь...»

Переход между флигелями казался бесконечным, потому что шла я мелкими шажками, едва переставляя подкашивающиеся ноги, буквально подгибающиеся под тяжестью навешанных на меня украшений. Ой и оторвались же все-таки бабы! Подло воспользовались моей слабостью, ухватились за то, что я пребываю в малость замутненном сознании, и навздевали на меня чуть ли не всю княжескую сокровищницу! Венец батюшкин парадный, пудовый, о семнадцати золотых зубцах, пятью лалами величиной с кулак и еще гоблин знает чем изукрашенный. Тогу офирскую парчовую, сверху платье бархатное уррагское с разрезными рукавами до полу. На платье – душегрею атласную, лисой чернобурой подбитую. На душегрею – ризы и бармы великокняжеские из чеканного золота, символами Пресветлых богов изукрашенные. А поверх всего – еще и мантию, пошитую из горностаевых животиков, да из шелка багряного, эльфийского. Шею в семь рядов обвили нитью розового жемчуга, а каждый палец отяготили парой колец. На ноги натянули сапожки с такими высоченными каблуками, на которые даже братец Елисей встать не решился бы. Косы же заплели так туго, что мои глаза уподобились эльфийским, став почти такими же удлиненными и раскосыми, а сама я ни вздохнуть, ни моргнуть не могла. И только от свеклы дурацкой я отвертеться умудрилась.

И вот брела я сейчас, покачиваясь на этих гоблиновых каблуках, и боялась лишь одного – как бы не упасть. Ибо если рухну, то точно пол насквозь прошибу ризами да бармами, в досках намертво застряну и сама встать уже ни за что не смогу. На потеху всем зевакам. Но ничего, я крепкая, выдюжу, я все перетерплю, а страх свой предательский на дно души спрячу. Давайте – смейтесь, пойте, зерном меня обсыпайте, как по свадебному обычаю положено. Любуйтесь княжной красногорской, невестой эльфийского короля, любуйтесь напоследок – недолго уже вам всем моими страданиями тешиться осталось. Ибо попомните вы еще эту свадьбу... А я – я потерплю. И вот брела я сейчас: чернобуркой недобитая, жемчугом недодушенная, с животиком горностаевым, на ходулях сафьяновых, в сползающем на нос венце, накрытая красной кисейной фатой, – и в моем сердце наряду со

страхом крепла уверенность в правильности принятого решения. Ибо замуж-то выйти я согласилась – потому что это одно, а вот на житье со старым да нелюбимым мужем – согласия не давала. Ведь это, извините, совсем другая история...

Не спешите делать добро. Поспешишь – людей насмешишь, а посему делать добро нужно медленно, с чувством, толком и расстановкой, причем так, чтобы это заметили и оценили все окружающие. Конечно, в том случае, если вы хотите, чтобы ваш поступок именно оценили, а не занимаетесь благотворительностью или ударяетесь в бескорыстный альтруизм. И наоборот – зло нужно причинять молниеносно, да к тому же столь тонко и неуловимо, чтобы даже самые сопричастные к нему персоны не смогли уловить терпкое послевкусие, остающееся после совершения зла. Но между тем добро и зло не способны жить друг без друга. Они словно две взаимосвязанные грани одного явления, аверс и реверс одной монеты, искусство правильно созидать которые дано немногим из нас. Творить подобные чудеса – верша чистое добро либо абсолютное зло – способны лишь настоящие волшебники или герои. Создавать же безликую, неопределенную серость, иногда называемую справедливостью, дозированно отмеряя равные, идеально пропорциональные доли белого добра и черного зла, умеют только боги. И каждый раз, сталкиваясь со столь сложными процессами, формирующими основу бытия, такими как любовь и ненависть, смерть и рождение, невезение и удача, мы неизбежно задумываемся, добро или зло несут нам эти явления. Подводим их под шкалу собственных моральных ценностей, стараемся адекватно квалифицировать, но все равно – ошибаемся слишком часто... А ведь эти ошибки и становятся нашей судьбой!

Король Рагнарэль умирал... Его сухие, обвитые узловатыми венами руки, еще вчера достаточно крепкие для того, чтобы прочно удерживать непосильное бремя власти, вяло поникли и обвисли, напоминая крылья старого, распластанного на простынях орла. Еще вчера, собрав в кулак остатки воли и самообладания, повелитель возглавлял траурное шествие, провожая на родовое кладбище гробы с телами своих старших сыновей. А сегодня настал и его черед... Мысли не слушались, ворочались неподъемными жерновами, безрезультатно пытаясь разогнать черный туман смерти и отсрочить приход тьмы, – но отступали, терпя поражение. Мозг владыки не желал сдаваться без борьбы, продолжая работать, сопоставлять, анализировать... но жизнь утекала из него капля за каплей, он все глубже проваливался в паутину небытия...

Король слишком поздно нашел решение загадки и понял – виной всему оказался старинный трактат о войне, неизвестно откуда появившийся в его спальне. Несколько дней назад Рагнар обнаружил незнакомую книгу, водруженную на чеканный серебряный пюпитр и заботливо открытую на затейливой гравюре. Король заинтересовался, прочитал абзац, затем другой, постоянно смачивая слюной палец и с трудом перелистывая тяжелые, слипшиеся от сырости страницы. Он и не заметил, как на одном дыхании проглотил половину чудесного манускрипта, безмерно удивляясь мудрости его автора. Как могло подобное сокровище, по совершенно непонятой причине ранее ускользнувшее от недреманного ока владыки, случайно попасть в королевскую опочивальню? Хотя нет – не случайно, а преднамеренно, в этом и сомневаться не стоит. Наверняка личностью, озабоченной потаканием увлечению господина, стал не кто иной, как добросовестный библиотекарь, нашедший редкостную книгу в дальнем углу чрезвычайно разросшегося архива и поспешивший обрадовать своего повелителя этим нечаянным открытием. Впрочем, трактат стоил любых извинений! Забыв о времени, не замечая опустившейся на землю ночи и рефлекторно затеплив магический светильник, Рагнар упоенно читал о великих битвах прошлого, прогремевших над судьбами сгинувших цивилизаций. Стиль повествования захватывал, язык – восхищал, заставляя до самозабвения окунаться в ауру давно ушедших эпох и исчезнувших народов. Ни одна из ранее прочитанных им книг не обладала подобной полнообъемной зрелищностью, властно вовлекая короля в самую гущу описываемых в ней

событий. Трактат рассказывал о неповторимом потрясателе вселенной – монголе Темучине, позднее названном основателем Золотой Орды – могучим Чингисханом. О бесстрашном сыне македонского царя Филиппа – златокудром Искандере, сумевшем завоевать половину мира. И немудрено, ведь мать легендарного воителя, прекрасная гетера Олимпиада клялась, что зачала царевича вовсе не от хромого пропойцы мужа, а от верховного бога Зевса, плененного ее красотой и во плоти явившегося ей на тайном свидании. В книге говорилось и о славном правителе новгородских земель – молодом князе Александре, за полководческое искусство и мужество, проявленные в битве на реке Неве, прозванном Невским...

К утру у короля зудели и слезились глаза, в висках тяжело ломило от недосыпания, но волшебная книга не отпускала... Он прочитал ее целиком, всю, от корки до корки. А в тот самый момент, когда усталый, но довольный Рагнар перелистнул последнюю страницу, в его спальню ворвались два старших сына, спешивших пожелать отцу доброго дня. Юноши дружно вцепились в удивительный раритет, поочередно вырывая его друг у друга и восторженно зачитывая вслух строки и целые абзацы. Король с доброй улыбкой наблюдал за тянущимися к знаниям непоседами, немного обижаясь на самого младшего своего отпрыска, принца Тайлериана, скорее всего, опять не вылезающего из кровати очередной смазливой пассивности. Но, как выяснилось чуть позднее, тяга к чтению не всегда является благом, оборачиваясь иногда самым чудовищным злом.

Первым заболел средний сын, и так не отличавшийся крепким здоровьем и от рождения имевший крайне субтильное телосложение. Мгновенно заподозривший неладное отец спешно провел строгое расследование, выясняя причины столь скоропалительного недуга. Предположив изначально, что причина болезни кроется в книге, он с пристрастием допросил библиотекаря и всю дворцовую прислугу. Но расспросы не дали ничего, а главный архивариус клялся и божился в том, что не имеет ни малейшего понятия, откуда сей странный манускрипт объявился в королевских покоях. И более того, повторно книгу уже не нашли – она исчезла таким же загадочным образом, каким и появилась.

Маги и лекари оказались бессильны. Чувствуя себя нездоровым, Рагнарэль упрямо проводил дни и ночи у ложа мечущегося в бреду принца, обреченно следя за его быстрым угасанием. А вскоре схожие зловещие симптомы проявились и у старшего наследника престола. Беспощадная смерть забрала юношей одного за другим, оставив безутешного отца проливать слезы отчаяния у свежевысеченных из мрамора надгробий. Династия угасала. Жив и здоров оставался лишь самый последний ее представитель – уродливый красавец, горбатый распутник, легкомысленный поэт принц Тайлериан, давно прославившийся своим вошедшим в поговорку невезением и выдающейся неспособностью к управлению государством.

Распластанный на смертном одре король Рагнарэль кусал губы от безысходности, отчетливо понимая, что вынужден верить судьбу своего народа в столь ненадежные и неподходящие для подобной роли руки. Но иного выбора у него просто не оставалось.

Принц Тайлериан бездейтельно сидел у себя в комнате, излишне заумно и весьма высокопарно размышляя о неоднозначной природе добра и зла. Так сказать, маялся от личностной невостребованности. Во дворце творилась проклятая гоблинова суматоха, охватившая всех и каждого. Всех – кроме принца. Тай мерзко ругался и порывался распустить руки по отношению к тупым слугам, но даже подобная вопиюще грубая крайность не возымела ожидаемого эффекта. К отцу юношу не пускали категорически, опасаясь дальнейшего распространения неведомой заразы, поразившей членов королевского рода. Хотя то, что его батюшка находится при смерти, от Тая не скрывали. Чего уж там сантименты разводить – до этикета ли сейчас?

«Вот именно, а до чего им сейчас? – Пальцы принца нервно пробежались по струнам любимой гитары, извлекая из нее не музыку, а какой-то заунывный стон, полностью соответствующий его нынешнему сумбурному настроению. – Да знаю я до чего! – Тай конечно же подразумевал батюшкиных советников. – Небось сидят себе в зале совещаний да до онемения в мозгах прикидывают так и этак, какое же злобное провидение подсунуло им в

качестве следующего правителя самого бездарного представителя древнего рода эль-Таваор? И что доброе из всего этого может в итоге получиться?»

– Да ничего! – подвел самокритичный итог Тай, вслух резюмируя свои долгие размышления. – Ну не хочу я становиться королем, не хочу! Считаю отчетливо замаячившую впереди перспективу трона самым страшным невезением в своей и так до жути неудавшейся жизни! Вон, оба моих покойных брата, да примет их Обитель затерянных душ, с радостью уцепились бы за подобную возможность, представься она любому из них, и без колебаний поспешили бы возложить отцовский венец на свою голову. А мне этакой судьбы ни за деньги, ни бесплатно не надо. Я-то догадываюсь, что хорошо не просто там, где нас нет, а там, где нас никогда не было и не будет!

Принц вполне отдавал себе отчет в том, что страх – чувство весьма неприглядное, и поэтому признавать себя трусом открыто, да еще перед всеми окружающими не стремился никогда. «Не бойся ничего!» – властно приказывал рассудок, приводя доводы один весомее другого и особенно напирая на чувство долга, совесть да ответственность перед семьей и страной. Но шквал неуправляемых эмоций, порожденных острой неуверенностью в себе, снова возобладал над здоровой логикой, вызывая низменное желание забиться в самый темный угол дворца, спрятаться, испариться, провалиться сквозь землю, исчезнуть, сбежать навсегда... Принц не понимал, что подобная всепоглощающая неуверенность происходит от полнейшего незнания своих сил, точно так же, как слепая уверенность в себе случается от незнания сил чужих.

Тайлериан, не без расхолаживающего участия семьи, привык считать себя самым младшим, никчемным и невезучим. В общем, тем, кому до сегодняшнего дня разрешалось потакать малейшим своим прихотям и жить, руководствуясь лишь одним принципом – «Я это хочу», начисто забывая о двух других, гласящих: «Я это могу» и «Я это должен». В конце концов, героями не рождаются. Становиться таковыми нас заставляет жизнь. Но до тех пор, пока коварный случай не выпнет нас на путь совершения подвигов, мы обычно остаемся ничем не примечательными персонажами, не способными без подсказки судьбы адекватно оценить то, что мы можем, и абсолютно не желающими совершать то, что должны. К лени, достатку, сытости и безоблачному счастью, как, впрочем, и ко всему хорошему, мы привыкаем быстро. А вот как можно привыкнуть к обязанностям, долгу и тяжелой, кропотливой работе, направленной во благо других людей? О-о-о, для этого требуется особая форма мужества, являющегося не чем иным, как умением искусно скрывать от посторонних глаз испытываемый нами страх. И это вполне естественно, ибо опасениям подвержены все, и одни только мертвые не боятся никого и ничего.

И, возможно, если бы Тай понял это еще тогда, то все последующие события его жизни пошли бы совсем по-другому... Но, увы, подобным предположениям было суждено навсегда остаться всего лишь ничем не подтвержденной и не опровергнутой на практике теорией, более уместной не в жизни, а в красивом философском трактате. Потому что жизнь рассудила иначе и повела самостоятельную игру, не гнушаясь непорядочных шулерских приемов. Все оказалось predetermined заранее, ведь нужные карты уже выпали, а уйти от Расклада Судьбы пока еще никому и никогда не удавалось...

Насколько мне помнится, столичный храм богини Аолы закрыли на реставрацию лет так пять назад, а возможно, и того поболее. Да так с тех самых пор и не сподобились открыть. Гневно брюзжащему волхву Никодиму теперь приходилось читать свои ежедневные проповеди в крохотном боковом приделе, там же отправляя и частые брачные церемонии. Одно дело, что для венчания членов боярских семей стены щелястой боковушки завешивали серебристым офирским ковром. Вот и вся отличительная разница от свадьбы купцов или простолюдинов. Плачевное состояние главного берестянского святилища являлось предметом незатухающего раздора между моим отцом и дородным, несдержанным на язык первосвященником богини. И вечно-то у князя какие-то увертливые отговорки находились, оправдывающие затянувшийся ремонт: то год выдался неурожайным и поток

налогов, поступающих в государственную казну, истощился до тоненького ручейка, а то пришлось разориться на прием очередной иноземной делегации. Самодержец прижимисто хмурил брови и раз за разом предлагал красному, до хрипоты накричавшемуся волхву проявить положенное божьему человеку смирение и подождать до лучших времен. Исчерпавший все дозволенные цензурой аргументы Никодим обиженно замолкал и отступался, обещая потерпеть еще. Вот так и ждали год за годом, пока не дождались...

Князь Елизар гневно пыхтел, аршинными шагами меряя узорчатый ковер, устилавший пол главной палаты. Дородный первосвященник, давно уже замучавшийся вертеть головой вслед порывистым движениям своего государя, устало опустился на скамью, с натужным кряхтением потирая жирную шею. Да уж, спорить со вспыльчивым монархом, это тебе не послушным прихожанкам подолы на голову заворачивать, тут одними посулами и благословениями не отделаешься. К тому же тяжеленное парадное облачение, вздетое по случаю бракосочетания княжны Рогнеды, ничуть не способствовало успешному проведению негаданной противоостеохондрозной разминки.

– Это ты во всем виноват, Никодим! – разъяренно шипел самодержец, тоже порядком запыхавшийся от своей бестолковой беготни. – С твоей дурной подачи богомаз Фрол все понял неверно и слишком прямолинейно воспроизвел на стене храма содержание заказанного ему эпического полотна «Голубые дали»... Вот и пришлось непотребную фреску срочно соскребать, а само святилище закрывать на реставрацию...

– Помилуй, государь-батюшка! – возмущенно всплеснул руками несчастный волхв, шокированный столь явным поклепом. – А не ты ли сам выдал бесстыжему Фролке аванс в виде штофа крепчайшего гномьего самогона? Откуда ж там было благолепию-то взяться?

– Молчать! – взбешенно рявкнул монарх. – Не смей мне перечить! А не то я вас всех в поруб посажу – и тебя, и Фрола...

– И кто же тогда княжну венчать станет? – елеинным голоском спросил смиренный Никодим, усмехаясь хитро и злокозненно. – Али Ерофил?

– У-у-у, вражины треклятые!.. – тоненько и совсем не державно взвыл окончательно отчаявшийся государь. – Уйду я от вас, злые вы все! Мне государственная ноша уже вот где сидит! – Он выразительно постучал ребром ладони по своему крепкому загривку, густо заросшему курчавыми седыми волосами. – Уж лучше я в монастырь какой благонравный постригусь, доживать свои дни в тиши да умиротворении, чем продолжу этим приютом для умалишенных командовать, кой по ошибке Красногорьем прозывается...

– А и уйди, батюшка! – угодливо поддакнул молчавший до сих пор чародей Ерофил. – И я с тобой вместе отбуду. Вон, взять, к примеру, женский монастырь королевы Смерти в излучине реки Лыбедь, что в Белоозеро впадает. Обитель тихая, спокойная и благочестивая. Чем не приют для двух отвергших суетный мир смиренных схимников?

– А-а-а, – язвительно протянул Никодим, – не тот ли это печально знаменитый святой уголок, в котором позапрошлым летом после твоей инспекции каким-то чудом пять младенцев родилось?

– Брехня! – протестующе взревел чародей, заливаясь предательским румянцем. – Да все служители Смерти, к твоему сведению, дают нерушимый обет безбрачия!

– Ну-ну, – насмешливо поддел волхв. – Свежо предание, да верится с трудом. Поздно теперь импотентом притворяться...

– Да уж конечно, мне до твоего притворства слабо! – запальчиво выкрикнул Ерофил. – От импотенции, к твоему сведению, еще никто не рождался, правда, никто и не умирал, как от ваших лекарств!

– Не ври! – в свою очередь бурно возмутился Никодим, тоже напрочь забывая и о проблемах с храмом, и о предстоящем венчании княжеской дочери. – Мы лечим во славу богов и грехи так же отпускаем...

– Грехи, говоришь... – нехорошо прищуриваясь, протянул Ерофил, обеими руками поудобнее перехватывая свой увесистый посох и принимая позу опытного бойца. – То-то у Маньки-вдовы твое отпущение греха уже на нос полезло, а через месяц-другой, глядишь, и

на свет белый появится да титьку запросит...

– А-а-а! – пронзительно завизжал волхв, мгновенно исцелившийся от ломоты в шее и хищно закружившийся вокруг давнего недруга. – Подло это – чересчур сурово слабость мужскую осуждать, там в экстазе все приключилось...

– В экстазе? – мстительно не поверил Ерофил. – А Манька клянется, мол, в сарае!

– А ты докажи сначала, что тот нагулыш мой! – разъяренным жеребцом притопнул волхв.

– Щаз, разбежался и кинулся доказательства искать. А может, тебе еще и ключ от хаты выдать, где девки визжат?! – упрямо нагнул голову чародей.

– Какие тебе еще девки? – ревниво парировал блудливый первосвященник. – Ты же сам минуту назад признался, что импотент и посему не ведаешь утех плоти!

– Уймись, боров раскормленный! – оскорбился Ерофил. – Типа, ты много знаешь. Да на самом деле то, что у тебя оргазмом считается, просто бронхиальная астма!

Внимательно следивший за перебранкой князь удивленно приподнял бровь, кажется тоже сделав для себя какие-то неожиданные и весьма неприятные выводы.

– А ты не строй из себя умного, – между тем продолжал наступать волхв. – Я-то свою организму лучше тебя знаю...

– Умный всегда во всем сомневается, – язвительно хохотнул слуга Смерти, – и только идиот уверен в чем-то полностью...

– Ой ли? – чутко встрепенулся князь. – Вы за это поручитесь?

– Абсолютно! – наперебой, стараясь перекричать друг друга, заголосили священники, а потом поняли, что выставили себя на посмеище, оскорбленно взвыли и бросились в драку.

С громким треском столкнулись крепкие посохи и не менее крепкие лбы... Повинуясь жесту князя, рынды побросали топоры и кинулись разнимать сражающихся.

– Ох и надоели же вы мне, несвятые отцы! – осуждающе покачал головой князь, печально опускаясь на ступеньку трона. – Да от вас проблем больше, чем от всех гулящих девок в веселом квартале! Нет чтобы о делах государственных радеть...

Разнятые поединщики нехотя разбрелись по углам, подсчитывая боевые ранения в виде синяков, шишек, ссадин и сильно попорченных парадных одеяний. Государь намеревался продолжить воспитательную проповедь, как вдруг дверь княжеских палат торжественно распахнулась. На пороге стоял один из эльфов.

– Его светлость лорд Денириэль просил сообщить, что, согласно обычаям клана Белой розы, венчание должно состояться не в храме, а на открытом пространстве и при большом скоплении народа. Так чтобы каждый житель столицы мог засвидетельствовать правильность проведения обряда.

– Ну слава Аоле! – с облегчением всплеснул руками безмерно обрадованный государь. – Ерофил, хватит кукситься! А ты, Никодим, чего расселся? Ну-ка живо мобилизуй своих адептов и выноси алтарь богини на двор! – Он вскочил на ноги и радостно заплясал на месте, лихо похлопывая ладонями о голенища сапог. – Боярин Акакий, поди узнай, готова ли невеста. Быстро скликайте княжичей да сгоняйте народ на наш двор! Хватит из пустого в порожнее переливать, пора уже честным пирком да и за свадьбу!

Глава 9

Жизнь жестока. И чем больше с годами ты о ней узнаешь, тем сильнее удивляешься тому, что до сих пор еще жив. Ибо жизнь уважает лишь сильных и смелых, остальных же выбраковывает грубо и беспощадно, пытаясь убить всеми мыслимыми и немыслимыми способами. К столь разумному выводу я пришла прямо сейчас, кое-как ковыляя на подворачивающихся каблуках и задыхаясь под неподъемным ярмом пятислойных нарядов. Умереть не встать, ну и беспрецедентное испытание на прочность мне досталось! Впрочем, все собравшиеся во дворе гости о трудностях выживания среди себе подобных даже и не задумывались, легкомысленно наслаждаясь бесхитростными прелестями

сегодняшнего дня. В княжеских палатах царило столь радостное оживление, что я только теперь в полной мере оценила многолетнее батюшкино терпение, позволившее мне просидеть в девках чуть ли не до первых седых волос. Шутки шутками, но у нас в Красногорье в шестнадцать лет нередко уже и матерями становятся, а в тридцать – бабушками. И как это батюшка до сих пор не сподобился сплавить меня замуж за какого-нибудь убогого свинопаса, раз уж я отвергла и виконта, и барона, и шляхтича? Но сейчас на лицах братцев читалось настолько неприкрытое ликование, красноречивее слов свидетельствующее о давно исполнившейся мечте – избавиться от моего обременительного присутствия, что мне оставалось лишь мысленно сетовать на нелюбовь родственничков да делать хорошую мину при плохой игре. Ну ничего, недолго уже терпеть осталось. Да и нашла из-за чего расстраиваться – и не родственники они мне вовсе. Хотя, нужно признать по справедливости, я, наверное, впервые поняла, как сильно прикипела душой и к приемному отцу, и к названным братьям, невзирая на их зачастую совершенно невыносимые характеры. А они, любили ли они меня хоть чуть-чуть? Сомневаюсь... Вот такая странная эклектика! Жизнь жестока. И с годами она демонстрирует это все откровеннее и явственнее, напрочь лишая нас дружелюбного чувства локтя, но враждебно заменяя его на весьма неприятное ощущение колена под задом. Оправдывая сию немудреную сентенцию, меня вежливо, но все-таки торопливо и настойчиво выпихивали из отчего крова. Причем выпихивали не куда-нибудь, а замуж.

Казавшиеся бесконечными переходы неожиданно закончились. Я тяжеломерно выплыла на красное крыльцо, с облегчением вдыхая чистый воздух, скудно просачивающийся сквозь плотную фату. Сопровождавшие меня боярышни выстроились вдоль златотканой ковровой дорожки, ведущей к установленному в лопухах алтарю богини Аолы. Величественная статуя вечно юной Пресветлой девы, отлитая из чистейшего серебра и держащая на вытянутых руках округлую жертвенную чашу, безразлично взирала на меня ничего не выражающими изумрудными глазами. Ну да, ей-то что, ей-то кручиниться не с чего! А вот невесте при расставании с домом полагалось грустить, поэтому нежный женский голос, мелодичный и исполненный глубокой скорби, затянул старинную свадебную песню. Я невольно прислушалась к хорошо знакомым, но сегодня несшим особый, по-новому осознаваемый мною смысл словам:

Конь ретивый у ворот
Громко ржет, копытом бьет,
Вот и юности конец —
Нынче ехать под венец.

Святы боги – я не рада...
Может, свадьбы нам не надо?
Мало девок ли других?
Ой, не мил мне мой жених.

Их хоромы так богаты,
Да в парчу одеты сваты,
А при входе в бабий кут,
На стене привешен кнут.

Он признался мне по пьянке,
Как на масленой гулянке
Полюбил вмиг за красу
Да за длинную косу.

И не надо девок прочих,

Лишь мои он видит очи,
Мол, бесценны, словно лал...
Он с тех пор ночей не спал.

Только что тут, боги, скажешь,
Видно, сердцу не прикажешь...
Что бы он ни говорил —
Но не мил он мне, не мил...

В доме нашем небогато,
Он купил меня за злато,
Сговорился, тать, с отцом,
Что стоять мне под венцом.

Свет души моей изгажен...
Свадебный обоз снаряжен,
На лицо кладут покров,
Не видать мне отчий кров.

Да ведут под белы руки
Для утехи мужней скуки.
Ох и тяжек страшный крест
Приневоленных невест...

Ух ты, похоже, девушек только так замуж и выдают — уговорами да принуждением. К горлу подкатили злые слезы. Я громко зашмыгала носом под непроницаемым слоем красного кружева. Бабы довольно перемигивались, сигнализируя друг другу — надо же, наконец-то и нашу несгибаемую Рогнеду проняло! А я продолжала старательно вздыхать, незаметно злорадствуя — так им и надо, пусть все верят в мою готовность стать примерной женой и послушно исполнить отцовскую волю. Так даже лучше, не вызову у эльфов никаких подозрений, и поэтому особо сторожить меня никто не станет. Надеюсь, что подобное им и в голову не придет!

С противоположной стороны на котовую дорожку не менее важно и чопорно вступил лорд Денириэль, кажущийся немного напуганным моей копнообразной фигурой. Он на этот раз обошелся без своей золотой кольчуги, нарядившись в неброский, обманчиво простецкий белый костюм. Кое-как приспособившись к частому плетению своей фаты, я с трудом рассмотрела, что наряд эльфа сшит из змеиной кожи и облегает красавца столь плотно, что издали жених кажется раздетым. Нужно признать, выглядело это совершенно обалденно! У наших боярышень натурально челюсти поотпадали. Но самовлюбленному моднику и это хоть бы хны, идет себе спокойненько, мило так улыбается да раскланивается приветливо направо и налево. А еще говорят, что сила женщины в ее внешней красоте, точно так же как физическая сила является красотой мужчины... Оказывается, ничего подобного! Нет, все же мужская привлекательность — страшное оружие, а уж красивый эльф — это и вообще что-то невозможно убийное и судьбоносное. Похоже, сегодня во дворе не осталось ни одного человека, не влюбленного в лорда Денириэля. А братцы-то как воодушевились, глядя на его накрашенные розовым перламутром губы...

Я язвительно хмыкнула, вполуха выслушивая шепот, стелющийся по толпе, увлеченно сплетничающих о легендарных постельных подвигах Старшей расы и даже о том, что вроде бы каждый эльф носит на своем теле не только изысканные клановые татуировки, но и золотое кольцо в пупке! Ну ничего, уж я-то точно буду не я, если при первом же удобном случае этому пижонистому лорду пирсинг из пупа не повыдеру...

— Княжна, дорогая моя невеста! — нежно мурлыкнул эльф, учтиво прикасаясь к моей

безрадостно обвисшей руке. – Я очарован вашим утонченным, – тут он иронично фыркнул, наслаждаясь удачно подобранным каламбуром, – одеянием. Но заклинаю вас Аолой, подайте знак, что под фатой скрываетесь именно вы. А то мне очень не хотелось бы по ошибке или преступному умыслу оказаться обвенчанным с какой-нибудь безродной сенной девкой...

– О-о-о, дорогой мой жених, так вы боитесь, что вам под шумок подсунут дешевку! – стервозно усмехнулась я в ответ. – Сомневаетесь в моей подлинности? А хотите, я вам загадку загадаю?

– Нет! – возмущенным шепотом почти закричал лорд. – Хватит с меня ваших загадок, я ими и так уже сыт по горло. Они... они слишком неприличные и непристойно двусмысленные!

– Эх, жаль, я не догадалась обрядить в это шмотье своего конопатого оруженосца. Представляю, какая веселенькая брачная ночь у вас получилась бы!

Эльф рассмеялся с облегчением:

– Без сомнения, это вы! Только наша неподражаемая будущая эльфийская королева умеет столь добросердечно и любезно ответить на уважительное приветствие...

– Отвалите, лорд! – сердито оборвала я. – Вы вроде бы умный мужик. Ну или, во всяком случае, выглядите таким на первый взгляд. Так с чего вдруг вздумали учить меня хорошим манерам? Ведь вы и женихом-то моим являетесь лишь условно.

Денириэль взглянул на меня донельзя обиженно, но замолчал, прикусив свой болтливый язык. В конце концов, он не хуже меня осознавал, что, если женщина называет мужчину самым умным, значит, понимает – второго такого дурака ей уже не найти!

Дальше венчальный обряд пошел как по маслу. Эльф собственническим жестом сцапал мое холодное запястье, сжимая его с многозначительным намеком – никуда ты от нас теперь не денешься, влюбишься и женишься. Вернее – замуж выйдешь. Я мстительно стиснула зубы: «Ну это еще вилами на воде писано, это мы еще посмотрим!» Чуть не лопающийся от важности волхв Никодим трижды обвел нас вокруг алтаря богини, заставляя вытаптывать развесистые лопухи и выгонять из кустов тучи комаров, жадно накинувшихся на нас отнюдь не с поздравлениями и застольными здравицами. Мы с Денириэлем смешали кровь в жертвенной чаше, после чего он церемонно объявил, что от имени своего повелителя короля Рагнарэля берет меня в законные жены, и я с этой минуты становлюсь полновластной властительницей клана Белой розы, ее величеством королевой Рогнедэль-эль-Таваор. Первосвященник Аолы от лица богини велеречиво благословил наш брачный союз, а батюшка вернул эльфам подписанный и скрепленный печатями свадебный договор. А потом лорду торжественно поднесли небольшой кожаный ларчик. Едва касаясь его кончиками подрагивающих от волнения пальцев и, возможно, даже не дыша, Денириэль откинул крышку и извлек тонкое колечко, как мне показалось, изготовленное из черного стекла.

– Это, – муж высоко поднял драгоценность, демонстрируя всем собравшимся, – величайшая святыня нашего народа, магический перстень «Звезда ночи». Он олицетворяет законную власть эльфийской королевы и никогда не согласится украсить руку девушки, недостойной столь высокой чести...

Кольцо приблизилось и замерло вблизи моей кисти.

Со смешанным чувством восхищения и недовольства я любовалась изящным ободком, внутри которого вспыхивали и гасли мерцающие огоньки черных искорок. Лорд опустил на одно колено и плавным движением надел кольцо на мой безымянный палец. Магическая реликвия тепло скользнула по коже, придась идеально впору. Я удивленно повертела тонкое колечко, излучавшее ровное, приятное тепло. Перстень плотно сел на палец и не снимался... Эльф растерянно дернул бровью, но потом спохватился и приветствовал меня низким, верноподданническим поклоном:

– Волшебный артефакт принял княжну Рогнеду, признав ее законной королевой эльфов!

Собравшаяся во дворе толпа ответила бурными криками радости, подбрасывая в воздух шапки и славя молодоженов. Прикрыв руку краем фаты, я в кровь раздирала суставы и

фаланги, пытаюсь стащить гоблинов перстень. Но, увы, у меня так ничего и не получилось, раритет сидел как влитой, намертво застряв на моем пальце.

Это случилось поздно ночью. Утомленный неопределенностью и предчувствием чего-то страшного, Тай незаметно для себя задремал, неловко уютив голову на сложенные на столе руки. Возможно, он случайно выбрал крайне неудачную позу, неосмотрительно передавив сосуды, снабжающие кровью головной мозг, или же причина его странных сновидений оказалась не столь банальной, но так или иначе, а приснившийся ему сон стал настолько живым и пугающим, что принц пробудился внезапно, от собственного громкого крика. Магический светильник погас, и с детства привычная комната утопала во мраке, производя впечатление совершенно чужой и нереальной. Неизвестно откуда взявшиеся струйки холодного воздуха просачивались в вырез легкой рубашки, оглаживая грудь юноши липкими лапами вязкого тумана. Волна дрожи пробежала по спине принца. Он внезапно осознал, что в спальне кроме него находится кто-то еще. Тайлериан рывком спрыгнул с кресла, испуганно хватаясь за висящую в изножье кровати рапиру. Лунный свет, серебристым потоком беспрепятственно вливающийся в не зашторенный оконный проем, начал уплотняться и сгущаться, концентрируясь в центре комнаты. До слуха насторожившегося Тая долетел негромкий ироничный смешок. Эльф помянул гоблинов и бросил оружие на пол. Возникшая из лунного света фигура, высокая и угловатая, облаченная в белый плащ, подняла необычайно тонкую руку и откинула широкий капюшон.

– Ты избрал весьма странный способ для нанесения визита, пророк Логрин! – недовольно проворчал принц, тем не менее склоняясь в низком поклоне. – Чем я обязан твоему вниманию?

– Наследник, сбавь нахальный тон! Не различить, где явь, где сон... – мрачно проскрежетал жрец, поворачивая голову в сторону принца, и Тай с ужасом заметил, что глаза пророка остаются закрытыми.

– Еще только шатающегося по дворцу лунатика мне и не хватало! – обреченно вздохнул он. – Старик, я подозреваю, что твои пророчества уже и так натворили немало бед!

Сизые губы Логрина растянулись в нехорошей улыбке.

– Смерть проредит державный ряд, всему причиной станет яд... – равнодушно изрек он.

Тайлериан вздрогнул.

– Я тоже подозреваю, что мои братья скончались отнюдь не по естественной причине. – Принц бессильно хрустнул пальцами. – Какая участь уготована мне, жрец?

Тебе дана иная роль,
Шесть воинов составят ряд.
Хранитель ты, а не король,
Так Карты судеб говорят! —

почти по слогам отчеканил Логрин.

– Стоп, стоп! – торопливо вскинул руку Тайлериан. – А вот с этого момента, пожалуйста, поподробнее. Какие карты, какие воины?

Но пророк мрачно молчал, видимо не зная ответа или же намеренно не желая отвечать на слишком прямолинейный вопрос. Принц опустил голову на грудь и ненадолго задумался. Он и сам не собирался становиться королем, но вот уже второй раз Логрин упорно называл его Хранителем, ничего не объясняя и не подсказывая. Ох как не любил принц всех этих жрецов и магов с их туманными намеками и непредсказуемыми заклинаниями!

– Пойми, пророк, – эльф произнес эти слова с тираническим нажимом, намертво вколачивая их в упрямую голову незваного гостя, – я намереваюсь стать менестрелем и путешественником. И никем другим!

Когда сплетишь стихи баллад,
Из песни тоже выйдет толк.
Тогда наступит в жизни лад,
Чтоб смерти стон жестокий смолк, —

согласно кивнул головой Логрин.

— Уф, — с облегчением усмехнулся принц, — ну хоть на этом спасибо. Значит, песни не запрещаются?

Жрец неопределенно пошевелил пальцами, не отвечая ни «да», ни «нет».

— Ну а прямо сейчас-то что мне нужно сделать? — жалобно спросил Тай, уже изрядно уставший от всех этих дурно срифмованных намеков и невразумительных иносказаний.

Скончался воин и мудрец,
А некромант сплетает сеть,
Покинь немедленно дворец
И верный путь себе наметь.

Пускай любовь тебя ведет,
Вращая обод колеса.
Решенье верное найдет
Лесная старая оса...

— Н-да-а-а, — разочарованно протянул принц. — На этот раз ты превзошел самого себя! Произнесенное у храма пророчество казалось куда как более логичным и понятным. Колеса, осы... — Тайлериан прошелся по комнате, пытаясь решить предложенный Логрином зубодробительный ребус. — Однако осы у нас не водятся, одни только бабочкины пчелы... Жрец? — Юноша повернулся, вскрикнул, дернулся и... проснулся, чуть не свалившись с кресла.

Тай обвел обширное помещение одурманенным спросонья взглядом, но пророк исчез, оставив вместо себя серебристое пятно света, загадочно расплывающееся по разноцветным мраморным плитам.

— Гоблины проклятые, ну и фокусы! — скороговоркой бормотнул юноша, поднимаясь и разминая затекшие ноги. — И кто теперь разберет, во сне мне Логрин привиделся или же побывал здесь на самом деле?

Принц выглянул в настежь распахнутое окно, охлаждая потную шею потоком прохладного ночного ветерка. Разлившаяся за стенами замка ночь оказалась чудо как хороша, навеяв мечты о безоблачном счастье и страстной любви, складывающиеся в строки и четверостишия. Да, в такое благоприятное время суток не шарады разгадывать пристало, а писать романтические сонеты или же упоенно лобзать алые губки возлюбленной. Тай сладко зажмурился, будя воспоминания о золотых кудрях и голубых очах прекрасной красногорской княжны, похитившей его сердце. Где-то внизу, в густой траве королевского сада звонко стрекотали цикады, наверное, тоже в кого-то влюбленные. Возможно, вон в тех беспокойных светлячков, ритмично помаргивающих на ветках раскидистой сирени. Принц невольно залюбовался стройными башнями Эль-сила, изящными колоннадами, вздымающимися из роскошных кущ всевозможных цветов и кустарников. Воистину, нет в мире второго такого места, превзошедшего бы по красоте и утонченности столицу клана Белой розы. А над крышей главного дворцового корпуса, как раз вровень с покоями владыки эльфов, висела необычайно крупная и яркая звезда, окрашенная в пугающе багровый цвет.

— Отец! — испуганно вскрикнул Тай, прижимая руку к учащенно заколотившемуся сердцу. — Логрин сказал: скончался воин и мудрец... О нет, только не это! Отец...

— Ваше высочество! — Тяжелые, усиленные железными перчатками кулаки тревожно заколотили в дубовые створки, прикрывавшие вход в его покои. — Король Рагнарэль при

смерти. Он желает видеть вас немедленно...

«О боги, сжальтесь над моим отцом!» – подумал принц, распахивая дверь и опрометью выскакивая в коридор. Увы, он слишком быстро отошел от окна и поэтому не успел заметить, как висящая над дворцом роковая звезда внезапно сорвалась и стремительно покатилась вниз...

Шаги нескольких десятков ног громыхали страшно и несогласованно, внося разрушительный сбой в размеренный и отлаженный ход времени. Тай непроизвольно вслушивался в эти отчаянные «бум-бум», понимая, что сейчас выносится смертный приговор его некогда беззаботной юношеской жизни. «Бум-бум» – так поднимается на плаху суровый палач, так изменяется веками устоявшийся бой дворцовых курантов. «Бум-бум» – кажется, именно с таким звуком заколачивают крышку гроба, хороня все – молодость, надежды, жажду приключений. Зарево от полыхающих факелов металось по стенам длинного коридора, высвечивая то напряженные, с траурно сжатыми губами лица придворных, то гербы на камзолах, то золотые шпоры на ботфортах. Справа промелькнула вереница фамильных портретов, взирающих на принца с молчаливой укоризной. «Предатель!» – буквально кричали расширенные от гнева зрачки предков, в свете факелов казавшиеся жутко живыми и налитыми кровью. Такие глаза, наверное, бывают у вампиров, чувствующих приближение беззащитной жертвы. Тай неуютно поежился, отменяя негативную энергетику, так и струящуюся с картин.

«А идите-ка вы все к гоблинам! – мысленно пожелал он, в свою очередь отвечая родне нахальным взглядом в упор. – Вам меня не захмутать! Да и к тому же Логрин признал, что корона и престол – не для меня!» Принцу очень хотелось верить, что произнесенное жрецом пророчество стало объективной реальностью, а вовсе не плодом его усталого воображения. И эта наспех придуманная отговорка принесла его душе силы и успокоение. Пусть и не надолго.

Тайлериана вежливо, но настойчиво отконвоировали до высоких, изукрашенных золотой гравировкой врат опочивальни повелителя, распахнули чеканные створки и втокнули в величественный покой. Еще совсем недавно здесь растерянно суетились маги и лекари, пытаясь спасти недужного владыку, но теперь королевская опочивальня опустела. Рагнарэль выгнал всех, предпочитая истратить оставшиеся у него силы на беседу с наследником, а не на бесполезные заклинания и бессмысленные процедуры. Колени принца подогнулись, и он бессильно рухнул на пол, утыкаясь лицом в прикрывавшие короля простыни. Рагнар, чей цвет лица уже мало чем отличался от куска небеленого полотна, хрипло вздохнул, последним мучительным усилием приподнял полупарализованную руку и ободряющим жестом опустил ее на растрепанную шевелюру сына. Тай хрипло глотнул, пытаясь сдержать рвущиеся из груди рыдания.

– Ну-ну, – ласково шепнул отец, – ни к чему это все. Запомни: короли не плачут!

– Здесь только один король, вы, батюшка! – Тай приник губами к холодной словно лед ладони старого владыки. – Прошу вас, не умирайте!

– Я славно пожил, – признался повелитель. – Груз столетий давит на меня, я заслужил свою долю отдыха и спокойствия...

– О нет! – отчаянно выкрикнул сын. – Ни один король прошлого и будущего не сравнится с вами в мудрости и справедливости!

– Вот и стань лучше меня! – мягко предложил Рагнар. – Возможно, тебе предстоит пройти трудный путь, полный испытаний и неожиданностей, но такова уж твоя судьба!

– Отец, я не знаю, что мне делать, научите меня! – молил Тай, словно за спасительную соломинку цепляясь за пальцы умирающего.

– Слушай сердце и разум, они подскажут! – посоветовал владыка. – Но знай, короли могут позволить себе многое, почти все – кроме любовной слабости. Короли не женятся по любви, ибо уже женаты на своей стране...

– О! – печально выдохнул принц, сдерживая негодование.

– Ты должен исполнить пророчество и соединиться с княжной Рогнедой, – продолжал наставлять умирающий. – В этом залог выживания нашего народа.

– Я согласен! – пылко воскликнул Тайлериан, только и помышляющий о златокудрой красногорской чаровнице.

– Лорд Денириэль скоро привезет ее сюда, – голос короля становился все тише и тише, – прими княжну как предназначенную судьбой супругу и окажи все почести, полагающиеся нашей королеве...

– Обещаю! – с безусловной готовностью сдержать клятву обнадежил отца Тай.

– Возьми! – Рагнар стянул с пальца тоненькое колечко и надел его сыну. Перстенок на мгновение полыхнул зеленым светом и затих, согревая руку принца теплом верного слуги, обретшего долгожданного хозяина. – Это величайшая святыня клана Белых эльфов, носящая имя «Душа леса». Второе подобное кольцо, «Звезда ночи», предназначено твоей жене, королеве Рогнедэль... – Последние слова Рагнара превратились в едва различимый шепот.

Тай взволнованно крутил перстень, размышляя, кто же первым привезет ему невесту – верный друг Денириэль или отправленный на ее поиски дракон Рэндон?

Неожиданно король вздрогнул, вытянулся на кровати и затих. Тайлериан склонился к губам отца, пытаясь уловить хотя бы один слабый вздох. Однако все оказалось напрасным, Рагнар перестал дышать, его черты заострились, затвердели и приняли отстраненное выражение. Юноша потерянно стоял на коленях, глядя умершего по седым волосам и горестно повторяя его имя. Но отец не отзывался...

Потом принц ощутил, что его почтительно поднимают, отрывают от одра усопшего и ведут в другую комнату. Бубнящий заклинания верховный маг настойчиво втиснул в дрожащую ладонь юноши массивный золотой скипетр, а на голову ему возложили отцовский венец, украшенный геральдическими белыми розами.

– Король Рагнарэль умер! Да здравствует король Тайлериан!

Приветственные крики бьют по ушам, почти лишая Тая сознания. А сам он, спрятав руку за спину, все пытается стащить с пальца магическое кольцо, которое почему-то кажется ему совершенно чужеродным и неуместным на его руке предметом. Но перстень не снимается...

Смеркалось. Видневшийся за окном небольшой кусочек неба, косо перечеркнутый переплетом рамы, стремительно наливался фиолетовой краской, зажигая запутанную россыпь бледных звезд. Судя по всему, предстоящая ночь обещала стать необычайно темной и тихой. Хорошо! Я даже облизнулась от предвкушения задуманной пакости, а возможно, и от терзавшего меня голода, поскольку дурацкая фата мешала не только дышать, но и есть. Под шумок стянула со стола блюдо с жареной курицей и предусмотрительно увязала его в вышитый платок, во время свадебной церемонии подаренный мне лордом Денириэлем. Ну вот, теперь у меня появился запас провианта, найдется чем в пути червячка заморить. Да не платком, конечно, а поджаристой, аппетитно благоухающей укропом и чесноком курицей. Хотя платок тоже ничего – фасонистый, белый, искусно расшитый серебряными нитями. Жаль, что я его жиром уляпала... Вид пахучего сока, проступившего сквозь тонкую ткань узелка, вызвал такой острый приступ голода, что я поспешила запихнуть заначку под пышную юбку брачного наряда, мысленно на все лады костеря своих старательных костюмеров. Сами-то, поди, лопают и не подавятся...

Я в очередной раз прищурилась, пытаясь через плотное плетение этой до гоблинов надоевшей фаты рассмотреть находящихся в палате людей. Вокруг чавкали и хрупали в сотни здоровых челюстей. Свадебный стол ломился от немыслимого обилия разнообразных яств и горячительных напитков. Батюшка не поскупился на угощение, стараясь не ударить в грязь лицом перед изнеженными эльфами да удивить и потешить желудки дорогих гостей. Впрочем, сами гости ели мало, но вот наши красногорцы... Я с отвращением покосилась в сторону братьев, за обе щеки уминавших целиком запеченного поросенка. Подбородки неразлучных близнецов Святомира и Будимира, украшенные жидкими юношескими

бородками, лоснились от сала, и даже весьма озабоченный тонкостью своей талии Елисей и тот увлеченно уплетал золотистые шкварки. Волхв Никодим, икая и сыто порыгивая, горой завис над жареным павлином, солидно трясая застрявшими в бороде перьями и поглощая куски мяса вместе с костями такими громадными порциями, что они не посрамили бы и аппетит средней величины дракона. Прочие княжьи люди тоже не отставали от моих ненаглядных родственничков. Я насмешливо фыркнула – пусть себе едят. Недаром, видно, воевода Нелюд говорит – чем толще наши морды, тем теснее наши ряды. Не уверена насчет рядов, но вот кольчуги кому-то после моей свадьбы точно расставлять придется.

Порядком поддатый государь, пьяно покачиваясь и опираясь на услужливо подставленное плечо чародея Ерофила, неустойчиво поднялся с почетного места и сгреб со стола полуведерный жбан с крепчайшей орочьей водкой.

– Жи-ы-ыстока... – невразумительно начал Елизар.

Я радостно встрепенулась. Да неужто до батюшки наконец-то дошло, что он поступил несправедливо, выдавая меня замуж за нелюбимого?

Но князь, так и не осилив сложное слово, застрял на середине фразы. Он покачнулся и уткнулся носом в посудину. До моих ушей донеслось шумное хлюпанье... Эльфы смотрели на самодержца осуждающе, недовольно переговариваясь вполголоса. Батюшка вынырнул из водки, хитро подмигнул эльфам и вежливо отсалютовал недопитым жбаном напряженно замершему лорду-новобрачному:

– Жи-ы-ыстока тока начинается, и я желаю вам прожить ее счастливо!

Гости разразились бурными аплодисментами. Эльфы милостиво закивали. Я обиженно надула губы. Батюшка оказался неисправим. Ну что ж, тем хуже для него...

Денириэль благонаравно отщипнул кусочек сладкого яблочного пирожка, выпил кубок светлого вина и сейчас увлеченно беседовал с князем о международной политике, иногда искоса поглядывая на свою подозрительно притихшую супругу. Эльф волновался. В его душе зрело твердое убеждение, что новоиспеченная королева замышляет что-то на редкость нехорошее. Причем в самое ближайшее время. Но вот что именно? Слишком уж смирно она себя ведет, старательно прикидываясь безобидной овечкой. А ведь от этой сумасбродной девицы можно чего угодно ожидать... Посол сердито кусал губы, маскируя нервную гримасу под вежливую улыбку, но поделать пока ничего не мог. Сидел, маялся подозрениями и дулся на новобрачную, как мышь на крупу. Да и что тут поделаешь? Волшебный перстень надежно оберегал свою владелицу, закрывая ее мысли от вмешательства эльфийских магов. Чтобы понять, что у жены на уме, требовалась иная, черная, более агрессивная магия. Так что придется лорду положиться на бдительность охраны, коей приказано глаз с королевы не спускать и следить за каждым ее шагом, даже если Рогнеде в отхожее место отлучиться приспичит. Во избежание любой неожиданности, так сказать. Потому что береженого и Аола бережет! Денириэль обязался доставить Рогнеду в Хрустальную долину в целости и сохранности, собственной головой и честью поручившись за благополучный исход сватовства. Причем поручившись не перед кем-нибудь, а перед самим королем Рагнарэлем, его родным дядей и повелителем. Но теперь в сердце лорда поселилось предчувствие скорой беды, своими кривыми коготками скребущее почище верткого хорька и вовсю кусающееся острыми зубками. Предчувствие, вразумительного объяснения которому так и не находилось. Поэтому эльф усмехнулся еще безнадежнее и снова бросил в сторону новобрачной недоверчивый, косой взгляд...

«Ишь как зенками зелеными мыргает старательно, вражина! – неприязненно подумала я, уловив все нарастающее волнение подсадного супруга, тесно прижавшегося к моей ляжке своим стройным, теплым бедром. – Давай еще пуще возись и дергайся, словно у тебя заноза в сиделище застряла, лупай глазками изумрудными, кусай губки алые – ничего тебе не обломится!»

Я отчего-то втемяшила в свою вредную голову, что лорд Денириэль намеревается

провести со мной первую брачную ночь. А с чего я так решила, не ведали даже Пресветлые боги. Может, надеялась-таки в глубине души, что первым мужчиной, которому достанется моя невинность, станет не старый и уродливый, будто болотная коряга, король, а вот этот молодой, ослепительно красивый щеголь...

«Брр, как бы меня и в самом деле не угораздило в него влюбиться! – Я строптиво вздернула подбородок, напуская на себя нарочито неприступный вид. – Фиг тебе, кукла смазливая, не дожدهшься. Я тоже гордая!»

Словно прочитав мои фривольные мысли, Денириэль тяжело вздохнул, обеспокоенно хлопая длинными ресницами. Я радостно прищелкнула пальцами от внезапно пришедшей в голову грандиозной идеи, торжествующе хмыкнула и наклонилась к уху сидевшей рядом со мной няньки Матрены:

– Матушка-нянюшка, – самым серьезным тоном прошептала я, – а слышала ли ты о том, что лоскуток от свадебного наряда эльфийского лорда является сильнейшим на свете приворотным средством?

– Да ну? – Доверчивая баба удивленно выкатила глаза, позабыв про исходящую паром кулебяку с осетриной.

– Ага! – убедительно заявила я. – Мне о том один опытный маг на ярмарке поведал! Баял, мол, если женщина али девка заполучит хоть крохотный обрывок такого одеяния и станет носить его за пазухой, то перед ее любовными чарами не устоит ни один мужчина, будь он даже сам князь!

– Пресветлые боги, вот удача-то нечаянная! – восхищенно взвизгнула Матрена и скоренько нагнулась в сторону ближайшей к ней боярышни, спеша поделиться тайным знанием.

По цепочке баб прокатилась волна торопливого шушуканья и ликующих поахиваний...

Под покровом непроницаемой фаты я довольно потеряла руки и зловредно хихикнула. Ну, муженек, держись теперь. Будет и на мой улице праздник!

Глава 10

Перед свадебной церемонией я неожиданно огорошила государя-батюшку одной-единственной просьбой. Нет, я просила не подарки, а слезно вымолила у него разрешение устроить первую брачную ночь (какой бы она ни получилась) своей единственной дочери в покоях, ранее принадлежавших моей безвестно сгинувшей матушке. Не выносивший даже малейшего упоминания имени Феррис князь долго отказывался, но в итоге сдался, в обмен потребовав с меня клятвенное обещание вести себя смирно да примерно и не портить свадьбу никакими шепотными выходками. Следует ли упоминать, что свою часть уговора я выполнила безупречно, весь вечер напролет безвылазно просидев за пиршественным столом и держась тише воды ниже травы. Всеми необходимыми сборами за меня занимался верный Михась, никого особо не интересовавший, в том числе и бдительных эльфов, приставленных ко мне лордом Денириэлем. Но, как выяснилось впоследствии, пресловутое высокомерное попустительство вышло эльфийским гостям боком, да причем таким, что впору локти кусать от досады. А произошло следующее...

От матушки мне досталось настолько скромное наследство, что на него не позарился даже вороватый, будто сорока, княжич Елисей, безмерно падкий на всяческие безделушки и финтифлюшки. Смешно сказать, но все материно достояние составляла небольшая кожаная шкатулка, а в ней – клочок исчерканной странными каракулями бумаги да несколько бронзовых и костяных вещиц ценой в два медных гроша. Наибольший мой интерес вызвал один довольно массивный предмет, выточенный, кажется, из рога или кости какого-то огромного животного и изрядно смахивающий на замысловато зазубренный рыболовный крючок. Ну или на что-то подобное в этом же роде. В общем, с побрякушками я пока толком не разобралась, а вот потертый бумажный обрывок берегла как зеницу ока, потому что нанесенные на нее прерывистые линии оказались не чем иным, как планом всеми давным-

давно позабытого подземного хода, ведущего из матушкиной светелки за пределы городской крепостной стены. Таким образом, я являлась единственным человеком, посвященным в тайну исчезновения княгини Феррис. Как ей удалось разузнать про этот заброшенный ход, ума не приложу. Впрочем, что однажды помогло матери, отлично сгодилось и для дочери.

Ближе к полуночи меня тихо-мирно препроводили в старательно приготовленную и прибранную комнату. Выставили у дверей охрану в десяток эльфов, поскольку все княжеские дружинники перепились до состояния едва тепленьких трупчиков, успокоились и пришли к твердому убеждению, что деваться мне, собственно, некуда. Ведь сквозь стены я проходить точно не умею... Вернее, так думали и говорили две высокопоставленные особы – мой вдрызг пьяный батюшка и абсолютно трезвый лорд Денириэль. Хотя надо бы им помнить, что думать, конечно, не вредно, но трудно. А говорить то, что думаешь, не трудно, но больно. Думать же о том, что сказал, не больно и не вредно, но поздно... В общем, хитрецы перехитрили самих себя, с заумным видом разглагольствуя о моей неспособности испариться из накрепко запертой горенки, где даже окна закрыли прочными дубовыми ставнями... А мне-то ведь именно это и нужно было! Я немного поупиралась для виду на пороге свадебной светелки, в душе поздравляя себя с удачно проведенной операцией, но в итоге позволила-таки вежливо и настырно впихнуть опечаленную новобрачную в увешанные коврами хоромы. Теперь оставалось ждать прибытия псевдомужа, просто обязанного уж если не продублировать короля Рагнарэля на брачном ложе, то лично убедиться в том, что со мной ничего дурного не случилось. Ну или хорошего – это уж кому как больше нравится...

В центре комнаты возвышалась огромная кровать, устроенная на белоснежных березовых чурбанах, снопах необмолоченного хлеба, кадушках с медом и солью да застеленная поверх всего это добра отборными собольими шкурками. Старинный красногорский обычай, призванный ниспослать молодым семейное согласие, достаток и многочисленное потомство.

– Ага, щаз, разбежались, деток им подавай! – вздорно пропыхтела я, стаскивая до гоблинов надоевшую фату. – Перетопчутся!

Я быстренько освободилась от неудобного многоярусного наряда, оставшись в одном легоньком шелковом сарафанчике. Теперь следовало позаботиться о собственной неприкосновенности. Я выхватила из печи уголек и подрисовала под глазами безобразные черные круги. Полюбовалась на себя в зеркало, ножом скovyрнула со стены кусок штукатурки и щедро припорошила лицо самодельной импровизированной пудрой. Натерла глаза солью, мужественно перенося вызванное ею жжение. Следует признать, что сейчас, едва освещенная слабым огоньком единственной свечи, я производила по-настоящему жуткое впечатление. Ни дать ни взять голодная упырица, сбежавшая с ближайшего погоста. Аж самой страшно стало! Для усиления отталкивающего впечатления я засунула под венец кусок меда в сотах, моля Аолу, чтобы он не потек раньше времени. После чего снова накрылась фатой и смирнехонько взгромоздилась на краешек высокой кровати, поджидая дальнейшего развития событий, не заставивших себя долго ждать.

Через несколько минут входная дверь бесшумно приотворилась, и на пороге возник лорд Денириэль собственной расфуфыренной персоной. Решился-таки! Я скрипнула зубами, негодуяще таращась на эльфа сквозь фату.

– Ваше величество, – красавец галантно преклонил колено и коснулся моей покрытой цыпками руки легким, почти невесомым поцелуем, ничуть не напоминающим лобзание пылкого влюбленного, – позвольте засвидетельствовать вам мое верноподданническое почтение!

Я с облегчением перевела дух. Похоже, эльф и в мыслях не держал покушаться на мое девство. Что ж, нам же легче, возможно, удастся обойтись и без травмирующего давления на психику несчастного лорда... Но в следующее мгновение Денириэль произнес нечто, вызвавшее у меня чувство глубочайшего разочарования.

– Дорогая моя королева, – заботливо промурлыкал лорд, усаживаясь рядом со мной, – рад вам сообщить, что на рассвете мы немедленно отбудем по направлению к Хрустальной

долине, спеша как можно скорее доставить вас в объятия нашего мудрого повелителя. Должен признаться, что ваше благополучие чрезвычайно важно для моего народа и является залогом выживания всего клана. Поэтому данную ночь я проведу в этой комнате, охраняя ваш сон и покой...

Я чуть не застонала вслух, проклиная злополучную эльфийскую предусмотрительность. Что, мне опять не повезло? Ну уж нет, на этот раз я не сдамся так просто и ни за что не уступлю коварной судьбе. Следовало каким-то образом немедленно изгнать лорда прочь.

– Не советую вам ночевать поблизости от меня, я страшно храплю! – извиняющимся тоном пробубнила я под покровом своей красной фаты.

– Не критично, я храплю еще громче! – успокоил меня Денириэль.

– Да, но я имею привычку неожиданно кричать во сне, пугая половину домочадцев! У меня из-за этого оруженосец заикой стал, а нянька и вообще спонтанным энурезом мается!

– Ничего, я на нервы не жалуюсь, – заранее извинил меня эльф.

– Я хожу во сне! По крыше! Босиком!..

– Хотите, я привяжу вас к кровати? – мило предложил лорд.

«Еще только этого мне не хватало!» – сердито подумала я. А вслух сказала, доверительно понижая голос:

– Открою вам тщательно скрываемый нашей семьей секрет: я с детства страдаю аллергией на запах духов, а вы благоухаете, как целая парфюмерная лавка...

– И в чем же выражается эта болезнь? – вежливо поинтересовался красавец. – Мне кажется, вам здорово мешает эта фата, она сильно приглушает и искажает голос. Давайте я помогу ее снять...

– Вы недослушали. – Я отстранилась от его протянутой руки. – Приступ аллергии начинается с быстрого загнивания кожи на лице и воспаления глаз. Затем из корней волос начинает выделяться тягучая слизь... Не исключен и летальный исход. Подумайте, стоит ли рисковать моим здоровьем, еще даже не добравшись до дворца вашего владыки? Я и так слишком долго просидела рядом с вами на пиршестве и сейчас ощущаю приближение зловещих предвестников очередного приступа болезни...

Эльф вздрогнул всем телом, невольно отпрянул с ложа и сделал нервный шаг назад, но потом наигранно рассмеялся и потянул за край моей фаты:

– Не выдумывайте! Ни за что не поверю в эту детскую сказку... – Он неожиданно замолчал на середине фразы.

Его устремленные на меня глаза начали медленно вылезать из орбит, а волосы на голове встали дыбом. Лорд истошно завизжал, покачнулся на каблуках, упал на четвереньки и, не поднимаясь с пола, резво попятился к дверям... Ну еще бы! Зрелище, представшее эльфу в скудном свете воскового огарка, могло напугать кого угодно. Из-под спавшей фаты на него смотрело мертвенно-бледное чудовище с огромными черными провалами глазниц, из которых страдальчески щурились крохотные, красные, будто кровь, глазенки. Потoki мутных слез прокладывали извилистые дорожки, непрерывно скатываясь по шершавым щекам... Я мученически вздохнула, подняла руку и словно невзначай поправила венец, умышленно надавив на подложенные под него соты. С моего лба немедленно засочились длинные нити желтой вязкой жидкости...

– А-а-а! – потрясенно взвыл чувствительный эльф. – О-о-о, это омерзительно! Надеюсь, мой уход снимет эти гадкие симптомы... – Он шустро распахнул дверь и метнулся за порог.

Я бодро прыгнула с кровати и всем весом навалилась на толстую дубовую створку, изнутри задвигая массивный засов...

До моего слуха долетела негромкая перебранка гостей, решавших, как им следует поступить – немедленно вызвать магов-целителей или же просто позволить мне спокойно выспаться... Вдруг к осторожному шепоту эльфов примешались возбужденный женский визг, топот десятков ног, растерянные крики охраны и треск разрываемой на куски одежды. Но, намного перекрывая все прочие звуки, в воздухе висели истошные и жалобные вопли

беспощадно раздеваемого лорда Денириэля, судя по всему, быстро лишившегося своего щегольского наряда. Я с хохотом сползла по двери, догадавшись, что это подкараулившие красавца боярышни страстно боролись за желанную долю своего нелегкого бабьего счастья...

В углу комнатки раздалось осторожное поскребывание. Я сноровисто сняла несколько фальшивых облицовочных дощечек, удачно имитирующих обшивку стены. За ними открылся темный провал глубокого лаза, из которого немедленно выкарабкался сердито сопящий Михась.

– Ну твоя милость и учудила, – мрачно пожаловался он, поглядывая на меня с некоторой опаской. – Я сначала не понял, что же за ерунду ты несешь, а как узрел в щелку между дощечками этот кошмар, – он обвиняюще указал пальцем на мое лицо, – так чуть в штаны от испуга не наделал. А если бы знатного эльфа кондрашка на месте хватил?

– Не ворчи, не хватил же! – рассмеялась я, выливая воду из стоящего на столе кувшина в расписной серебряный таз и наспех стирая свой поистине сногшибательный макияж.

– Надо же, – продолжал упоенно вещать конопатый оруженосец, подавая мне узел с загодя приготовленной одеждой, – как посол-то сдрейфил. А еще вчера выглядел таким ловким и выносливым...

– Таких ловких и выносливых ловят и выносят! – задиристо хохотнула я, заходя за кровать и споро переодеваясь в привычный мужской наряд. – Недаром воевода Нелюд учит: коли не смогли взять врага силой, то берите хитростью и изворотливостью!

– Ага! – с умным видом поддакнул Михась, извлекая из другого свертка мои неразлучные сабли, которые я как всегда приспособила на спину.

– А то, что я просила, ты принес ли? – Я протянула раскрытую ладонь.

Мальчишка скривился и вытащил из кармана Грымзу. Животное радостно пискнуло, резво перепрыгнуло ко мне на плечо, ласково потерлось шелковистым бочком о мое ухо и шустро сбегало вниз, прячась в излюбленный нагрудный карман кафтана. Я погладила крысу по мордочке и улыбнулась. Надо же, и когда я успела так сильно привязаться к этой нахальной животинке?

– А ножницы? – сурово потребовала я.

– Да вы что, ваша милость, одумайтесь, – торопливой скороговоркой зачастил Михась, от волнения переходя на «вы», – богов побойтесь. Грех это и срам, девичьей гордости самой себя лишать...

Грымза удивленно дернулась и обеспокоенно высунулась из укрытия, недоумевая, чего же такое несусветное я задумала. Чего-чего я там себя лишить собралась?..

– Ножницы! – повторно потребовала я. – И не спорь, мне лучше знать!

– Ну как хотите, – сдался Михась, обреченно шаря в кармане. – Вам виднее, вы умная, а мы что, неграмотные, академиев не кончали... – Он жалобно моргнул, вытянул из кафтана здоровенные ножницы для стрижки овец и нехотя отдал мне.

Я запрокинула голову, щелкнула стальными лезвиями и... чуть ниже плеч решительно, напроць отхватила свою толстую черную косу. Отрезанные волосы беззвучно упали на пол, обвиваясь вокруг моих ног длинной, блестящей змеей. Голове сразу стало легко и бездумно.

– Эх, – со слезами в голосе протянул мальчишка, – такую красотищу зазря загубили! Да вы же ее всю жизнь ро стили! Это ж главнейшее украшение невесты, безволосых-то и взамуж никто не берет! Ой и стыд же это великий, косу отрезать...

– Не ной! – сердито рыкнула я. – Вот и хорошо, надо было вообще под корень пластануть! Замуж я не хочу и не пойду. А в путешествии за волосами тяжко ухаживать.

Я собрала волосы в короткий хвост, стянув черной ленточкой. В последний раз попыталась содрать с пальца эльфийский перстень, но кольцо не поддавалось ни в какую, очевидно не желая расставаться с беглой эльфийской королевой.

– Ну и гoblin с тобой! – в сердцах плюнула я, натягивая на руку перчатку с обрезанными пальцами, скрывающую магический раритет от любопытных глаз.

Я подобрала с ковра отрезанную косу и мстительно водрузила ее на кровать, прямо на подушку, мысленно представляя выражение глаз убитого горем лорда Денириэля, после того как наутро эльфы ценой долгих усилий сломают-таки прочную дверь и увидят, что комната опустела.

А затем я пропихнула вперед себя Михася, все еще сомневающегося в правильности сделанного им выбора, спустилась в подземный ход и ладно пристроила на прежнее место дощечки, маскирующие вход в потайной лаз. Ну вот и все, можно считать что мосты за спиной триумфально сожжены, а я начинаю новую жизнь, полную опасностей и приключений. Жизнь, напророченную мне Раскладом Судьбы!

Давно заброшенный ход оказался сырым, вонючим и ужасно узким.

– Крысы, что ли, его копали... – неразборчиво ворчал Михась, при каждом очередном извие тесного прохода натужно брыкавшийся и чуть не заезжавший каблуком мне в лоб. – Вот застрянем здесь намертво, сгинем безвинно, и никто даже косточек наших не найдет...

– Авось выберемся! – напористо пыхтела я, целенаправленно протискиваясь сама и волоча за собой испачканные землей ножны с саблями. – Думаю, что такая участь все равно лучше, чем первая брачная ночь со старым королем...

– И чего я тебя послушался? – наверное, в сто пятьдесят пятый раз нудно поплакался оруженосец. – Сидел бы сейчас себе на теплой печке и горя не знал, баранки с молоком лопал да слушал, как дед Ерон частушки под балалайку наяривает...

– Ага, – в унисон подхватила я, – а утречком эльфы обнаружили бы мою пропажу, нажалобились князю, а тот бы сдал тебя быстрехонько в Дознавательный приказ на предмет выяснения туманных обстоятельств того, куда это твоя непутевая госпожа запропастилась... Помнишь, поди, какие у братьев Битюговых в пыточной избе крюки по стенам поразвешаны?

Мальчишка на мгновение затих, мысленно, но будто воочию, во всей красе живописуя себе мускулистые да зело красные, поросшие редкими белесыми волосками лапы знаменитых берестянских палачей братьев Битюговых, по совместительству выполняющих и страшные обязанности пыточных дел мастеров. Старший, Хват, всегда носил при себе плетку-семихвостку, каждый ремешок которой заканчивался увесистой свинцовой гирькой, а меньшей, Рвач, обладавший более изощренным вкусом, предпочитал маленькие щипчики с острыми кончиками, позволяющими потихоньку отщипывать кусочки человеческой плоти. И хоть владели братья немалым имуществом, жили в сытости и достатке, но родителей, пожелавших бы выдать за них своих дочерей, так и не нашлось... Упоминание о палачах заметно подстегнуло Михася, придав его движениям беспримерную резвость. Локти оруженосца, упирающиеся в стены потайного хода, так и мелькали, а худое тело гибкой змейкой извивалось промеж свисающих со свода корней растений.

Не знаю, сколь долго длилось наше подземное путешествие, но через некоторое время я ощутила дуновение свежего ветерка, приятно овевающего мое разгоряченное лицо.

– Поднажми, Михаська, выход уже близко! – оживленно скомандовала я.

– А вдруг здесь нечисть водится? – ни с того ни с сего и к тому же громко стуча зубами, неожиданно спросил оруженосец.

– Тю, – рассмеялась я, – нашел когда спохватиться! Да мы почитай уже за городом.

– Вот за стеной она по слухам-то и водится! – паническим шепотом начал доказывать мальчишка. – А в столицу не суется, волхва нашего боится...

– Никодима-то? – иронично хмыкнула я. – Ну, пожалуй, тут ты прав, этого неконтролируемого мордоворота даже я иногда побаиваюсь...

– Ой! – шокированно взвизгнул мой конопатый оруженосец, шарахаясь назад и заезжая каблуком мне в скулу. У меня аж искры из глаз посыпались. – Там леший!

– Какой еще к вонючим гоблинам леший? – разозлилась я, на всякий случай прикрываясь локтем от михаськиных ног, лихорадочно сучащих в опасной близости от моего лица.

– А у меня корни под руками зашевелились... – почти кричал мальчишка, чуть не сядясь мне на голову и упорно подпихивая нас в обратном направлении.

– Дурак, это же дождевые червяки! – попыталась я урезонить впавшего в панику Михася.

– Такого размера?! – не поверил он.

Я ругалась самыми гадкими словами, которые только смогла вспомнить, пытаюсь заставить храбреца ползти вперед. Но Михась упрямо мотал головой, блестя на меня по-кошачьи расширенными зрачками, кажущимися невероятно яркими на испачканном землей лице.

«И зачем я его перед собой поставила? – тоскливо подумала я. – Застряли мы в этом проходе, а вдруг нас наверху уже хватились?»

Но на помощь мне внезапно пришла Грымза, до этих пор тихонько отсиживавшаяся в кармане. Она выставила наружу свою черную мордочку, мгновенно оценила ситуацию и что есть мочи цапнула тощий мальчишеский зад, плотно обтянутый полосатыми уррагскими штанами...

– Ой, нас леший, кажется, догнал! – трагическим шепотом объявила я, стараясь не ржать и благодарно подмаргивая умной крысе.

Совершенно потерявший голову от испуга Михась взвыл дурным голосом и, будто племенной рысак, шустро рванул вперед по проходу, обдав меня градом глиняных комьев. Он с размаху пробил густую поросль орешника, вывалился из отверстия резко закончившегося подземного хода и кубарем скатился по склону невысокого холма. Я осторожно выбралась вслед за ним, аккуратно спустилась в поросшую сочным клевером низинку и вопрошающе взглянула наверх.

Ночное небо дышало спокойствием, переливаясь четкими рисунками с детства знакомых созвездий. Я немного покрутила головой, выискивая нужное. Так, вон они, два потребных мне ориентира: Малая ладья и Большая ладья. Все верно, ведь на носу у Большой неугасимо сияет самая яркая путеводная звезда, спасение заблудившихся путников, называемая Якорем и неизменно указующая на север. Чуть ниже созвездий торчали острые зубцы крепостного частокола. По настилу прохаживались вооруженные бердышами княжеские дружинники. До меня донесся размеренный стук деревянной колотушки, издаваемый страдающим хронической бессонницей сторожем, уже пятый раз кряду обходившим городские улицы.

– Спите, почтенные жители столицы! В Берестянке все спокойно! – противно пронзительным голосом выкрикивал добросовестный старик, бдительно следящий за порядком.

– Все спокойно! – умиленно вдохнула я. – Пока спокойно...

– Ой, а чего тут через несколько часов начнется!.. – насмешливо фыркнул Михась, старательно обтряхивая свой изгвазданный травой и глиной кафтан.

– Поспешим! – поторопила его я. – Как бы эльфы погоню не снарядили.

– Так кто же знает-то, в какую сторону мы поехали? – пожал плечами вредный мальчишка. – Ты ведь даже мне этого еще не говорила.

Я свистнула, подзывая двух пасшихся невдалеке коней. Наскоро проверила седельные сумки, удовлетворенно подмечая, что Михась постарался на славу, собрав все необходимое, в том числе и маменькину шкатулку с непонятными побрякушками. Достала из кармана круто присоленный сухарь и угостила любимого жеребца. Ласково погладила белую звездочку во лбу своего вороного Орешка, перекинула поводья ему на холку и вскочила в седло, насмешливо наблюдая, как Михась неловко вскарабкивается на смиренного Гнедка. На всякий случай еще раз сверилась по звездам.

– А поедем мы, Михаська, не куда-нибудь, а в маркграфство Эйсен, искать загадочную фрау Оссу, про которую мне лорд Денириэль поведал!

– Что, и правда в Эйсен, к вампирам? – обалдел оруженосец, приоткрыв рот и взирая на меня со смесью обожания и недоверия.

– А я тебя и не неволю, кстати. Можешь дома оставаться. – Я тихонько дернула за поводья, и верный Орешек пошел размеренной, нетряской иноходью, слаженно переставляя длинные сухощавые ноги и так горделиво изгибая шею, словно ненавязчиво приглашал полюбоваться собственной красотой и статью. Недаром его отец происходил из породы несравненных эльфийских скакунов.

– Ну уж нет, я туточки не останусь! – протестующе завопил вихрастый оруженосец, прищипывая Гнедка. – Мне тоже небось занятно на вампиров поглядеть...

Я незаметно улыбнулась самым краешком губ, дружелюбно подмигивая сиявшему над головой Якорю. Отныне перед нами расстилалась бесконечная дорога странствий – маня, искушая, соблазняя и властно приказывая следовать по ее причудливо извивающемуся полотну навстречу непредсказуемой судьбе и неуловимой удаче! И мне очень хотелось верить, что вместе с отчим домом я оставляю позади и свое извечное, изрядно опостылевшее невезение!

За последние два дня Тайлериан возненавидел всех и вся. Он безвылазно сидел в личных покоях, мрачный, неумытый и непричесанный, нахохленный, будто больной сыч-падальщик. Стихи не писались, футляр с гитарой покрывался слоем пыли, уровень настроения упал ниже плинтуса. Принц – ах, извините, уже почти король – демонстративно отказывался от еды и питья, тайком перебиваясь бутылкой светлого виноградного вина, заныканной в корзине с грязным бельем, да водой из аквариума с безвинно страдающими от подобного наглого произвола золотыми рыбками. Впрочем, Тай подозревал, что еще через пару дней голодовки его элементарно свяжут и начнут кормить силой. Причем не просто кормить, а откармливать как на убой, словно гуся, призванного украсить своей сиятельной тушкой праздничный стол...

– Коронационный! – вслух признал невезучий принц, икнул и расплакался пьяными слезами. Полфужера вина, влитые в абсолютно пустой желудок, действовали безотказно.

Позавчера в Эль-силь вернулся лорд Денириэль. Сконфуженный, обескураженный, пришибленный и виноватый.

– Ваше величество! – Пепельноволосый красавец собственноручно распахнул высокие чеканные створки, закрывающие вход в тронную залу, и торопливой походкой преодолел немалое расстояние, отделяющее двери от королевского трона.

Сегодняшний странно неопрятный внешний вид закоренелого педанта Дени являл настолько разительный контраст с его обычно безупречно уложенной прической и идеально подобранным нарядом, что впору было усомниться, пребывает ли главный государственный дипломат в здравом уме и твердой памяти. Волосы Денириэля растрепались, повисли сальными, давно не мытыми сосульками и пришли в ужасающий беспорядок. Всклопоченное жабо из бесценных серебристых кружев неряшливо висело на двух черных нитках. Правый сапог разорвался по боковому шву. Покрытый пылью и грязью камзол усеивали пятна неопределенного происхождения. Прекрасное лицо осунулось и посерело, а рассеянно блуждающий взгляд наводил на мысль о неизлечимом умопомрачении, внезапно поразившем сиятельного лорда.

– Сир! – почти простонал лорд, плашмя падая к подножию трона и не смея поднять глаз. – Мой повелитель, я заслуживаю самой жестокой кары, потому что не оправдал вашего доверия и бездарно провалил порученную мне миссию!

Сидевший на троне Тайлериан негромко кашлянул.

Несчастный Денириэль вздрогнул всем телом, приподнял голову и уставился на короля ошалело вытаращенными глазами.

– Ты? – только и смог вымолвить лорд. – Какого гоблина?!

Тай кашлянул снова, на этот раз еще беспомощнее:

– Поверь, дружище, мне бы и самому хотелось знать какого.

Денириэль мгновенно вскочил на ноги, продолжая недоверчиво рассматривать кузена, кривовато закутанного в королевскую мантию и в самой неловкой позе скованно

восседающего под пурпурным балдахином.

– Что здесь происходит?

– Отец скончался, – уголки ярких губ Тая скорбно опустились, лицо исказила нервная судорога, – как и оба моих старших брата. Меня провозгласили королем, видят боги, без малейшего моего на то желания...

– Как они умерли? – отрывисто спросил Дени.

– Яд! – не намереваясь скрывать правду или щадить чувства королевского племянника, коротко бросил Тай.

Лорд сжал кулаки:

– Вне всякого сомнения, в этом страшном злодеянии повинен Халлагизель!

Тайлериан печально кивнул:

– Больше никому! Но, боюсь, он на этом не остановится...

– Война? – вопросительно приподнял бровь Дени, безотчетно хватаясь за кинжал.

– О, пока ничего подобного не наблюдается, – поспешил успокоить его принц, – однако я не сомневаюсь, что экспансия Синих всего лишь вопрос времени...

– Так вот о чем говорил пророк Логрин! – вполголоса пробормотал лорд. – Выживание любой ценой! А та, которая является залогом нашего благополучного будущего, исчезла...

– Исчезла?! – Сидящий на троне Тай даже подпрыгнул от неожиданности. – Как исчезла?!

Денириэль снова бухнулся на колени, покаянно склоняя голову.

– Княжна Рогнеда оказалась совершенно неуправляемым и непредсказуемым созданием. Это просто ураган какой-то, стихийное бедствие, а не девушка! Она умудрялась ежедневно будоражить и скандализировать свое родное Красногорье, постоянно пребывая в эпицентре каждого происшествия и злключения. Видел бы ты, как лихо она разгромила нашу ярмарку! Да еще эти ее загадки... – Дени возмущенно закатил глаза. – Вообще ни в какие ворота не лезут...

– Какие загадки? – запутался принц.

– У княжны имеется чрезвычайно дурная привычка, – терпеливо начал объяснять лорд, – загадывать неразрешимые загадки, причем всегда имеющие на редкость похабный или оскорбительный смысл. Согласись, неприятная черта, вовсе не украшающая молодую девушку!

– Странно, – пробормотал Тай, недоверчиво поглядывая на вытасченный из кармана портрет, – а на вид она само смирение...

– Это? – Дени вихрем взлетел по ступенькам трона и выхватил картинку из рук принца. – Это не она! Ее отец обманул всех соискателей руки княжны, приказав изобразить на портрете совсем другую девушку, обычную дворовую девку из простонародья!

– О-о-о, – разочарованно протянул Тайлериан. – Почему?

– Княжна Рогнеда некрасива! – прямолинейно констатировал посол. – Этакая плечистая черноволосая смуглянка с нахальными синими глазами. Очень рослая, на полголовы выше тебя, широкая в кости, грубая и мужиковатая. Характер у нее прескверный, манеры отвратительные. К тому же она ругается как сапожник, дерется как кочевник, носит мужскую одежду и отличные уррагские сабли. Короче, кошмарная баба...

– А вторая девушка? – Голос Тая едва ли не звенел от охватившего принца возбуждения. – У нее все благополучно?

– Сомневаюсь, – безразлично отозвался Дени. – Ее утащил какой-то наглый дракон. А зачем, никто так и не понял...

Сердце Тайлериана громогласно, точно боевой барабан бухало, то проваливаясь в пятки, а то вновь возвращаясь обратно в грудь и победным гимном отдаваясь в каждой клеточке, в каждом нерве. Золотоволосую красавицу унес дракон? Неужели у Рэндона получилось?

– Тай, после смерти твоего отца Рогнеда принадлежит тебе! – внушительно напомнил лорд, грубо вырывая влюбленного горбуна из сладостного мира грез и мечтаний.

Принц обреченно скрючился на троне.

– И где же это чудовище? – придушенным голосом поинтересовался он.

– Да говорю тебе: княжна пропала! – взбудораженно выкрикнул Дени. – Эта подлая девка обвела меня вокруг пальца, обманула, словно глупого, наивного дурачка! Прикинулась послушной и благонравной недотепой, дала согласие на брак, позволила совершить свадебную церемонию, а в первую брачную ночь – сбежала в неизвестном направлении!

– Фу-у-ух! – с нескрываемым облегчением выдохнул Тай. – Какое счастье!

– Счастье?! – взбешенно заорал Дени, хватая принца за руку и непочтительно стаскивая с трона. – Ты сказал – счастье?! Да эта подлая человеческая мерзавка всех нас погубила и обрекла на смерть!

– Но не меня! – безалаберно отмахнулся Тай. – Я не имею ни малейшего желания жить рядом с этим гоблином в женском обличье. Я люблю совсем другую девушку...

– Другую? – Дени вцепился в плечи легкомысленного друга и возмущенно затряс его, что было сил. – Ах ты, ловелас горбатый! А о своем народе ты подумал?

– Я в короли не набивался! – не менее гневно возразил Тай, тщетно пытаясь вырваться из сильных рук родича. – Меня принудили! Не женюсь я на Рогнеде, и не просите!

– Женишься! – во всю глотку орал лорд.

– Не женюсь! – бараном уперся влюбленный принц.

– А я говорю, женишься! – Дени резко дернул принца за руку, и два тесно сплетенных тела кубарем покатались по ступенькам трона, вздымая тучи пыли, мутузя друг друга и не переставая рьяно переругиваться...

Стража шокированно взирала на высокородных господ, дерущихся не хуже склочных ярмарочных петухов. Наконец братья обрушились на пол, отцепились друг от друга и замерли в нелепых позах, синхронно потирая отбитые места.

– О-хо-хо! – сипло застонал Дени, медленно поднимаясь на четвереньки. – Ты, похоже, мне обе ноги переломал!

– Ну сломать не сломал, – усмехнулся Тай, ощупывая подозрительную припухлость под своим правым глазом, – но погнул, кажется, основательно!

– Смейся-смейся, – беззлобно поддразнил лорд, – ты с детства любишь пройтись насчет моих якобы кривых ног...

– Мир? – Тай лучезарно улыбнулся и протянул призывно раскрытую ладонь.

– Мир! – Дени ответил крепким рукопожатием. – А ты будешь теперь короноваться из-за меня с огромным фингалом под глазом!

Принц насупился:

– Ты куда как лучше подходишь на роль короля – умен, красив, честолобив. Да и воин отменный!

– Только после тебя! – шутливо отсалютовал Дени.

– После меня... – Тай замолчал, о чем-то размышляя.

Денириэль подобрал отлетевший в сторону королевский плащ и снова набросил его на плечи Тайлериана. Потом уважительно поклонился:

– Сир, клянусь, рано или поздно мы отыщем княжну Рогнеду и привезем ее к вам. Я вижу на вашей руке перстень «Душа леса», а княжна носит второе магическое кольцо – «Звезду ночи». Это означает, что ваши судьбы отныне связаны неразрывно и воссоединение двух обладателей священных раритетов обязательно произойдет, хотя бы того или нет. Позвольте мне вас покинуть, пойду составлять план поимки нашей беглой королевы. Увидимся на коронации в Храме Розы...

Тайлериан задумчиво смотрел в спину другу, твердой походкой покидавшему тронный зал. На губах принца играла язвительная улыбка...

Его личные покои располагались на третьем этаже громадной королевской резиденции правящего рода эль-Таваор. Четыре полукруглых, красиво утопленных в арках окна, а под ними – узенький, всего-то в один кирпич шириной, декоративный бордюр, опоясывающий

здание по периметру. Если на него встать, прижаться лицом к холодной стене, впиться ногтями в щели между камнями и не смотреть вниз, то можно попробовать добраться до медной водосточной трубы, спускающейся к самой земле. А там, перебегая от куста к кусту, прикрывая лицо и драпируясь в плащ, обмануть караул, правильно отзываясь на сегодняшний пароль. Если повезет, если поможет Аола, то это единственный шанс незаметно выбраться из дворца и сбежать из Эль-силя. Ибо другого пути нет. Двери бдительно охраняют, а раздумывать уже некогда. Главное – не бояться, поверить в свои силы и не смотреть, ни за что не смотреть вниз!

Тай прижал коленом упорно не желавшую закрываться дорожную сумку и с силой затянул ремешок. Вот и все сборы! Сумка с золотыми монетами, тяжелый кинжал на поясе, сменная рубашка, теплый плащ и футляр с неразлучной гитарой. И никаких кружев, только прочные сапоги выше колена, штаны из темного сукна, удобная, неброская рубашка и отличный кожаный колет. Скромный костюм благоразумного путешественника. Принц выглянул в раскрытое окно и прислушался. Часы на главной дворцовой башне пробили двенадцать полновесных ударов. Полночь. Пора! Коронация состоится на рассвете, а дорога до Храма Розы не займет много времени. Да вот только не собирается Тай ехать в Хрустальную долину и принимать в свои руки нелегкие бразды правления кланом Белых эльфов. Его руки, они совсем для других дел предназначены!

Принц заинтересованно вперил пристальный взор в свои белые ладони. Вот эти маленькие круглые мозоли на подушечках пальцев – след серебряных гитарных струн. Тонкая полоска, сбегающая в ложбинку между указательным и большим пальцем – линия жизни. Невероятно длинная, переходящая на запястье. Внутренняя поверхность ладони сплошь исчерчена замысловатым рисунком из мелких полосочек и морщинок – значит, судьба у него будет запутанной и нелегкой. А линия любви, хоть и имеет множество крохотных ответвлений, всего одна – глубокая и ясная.

«Ну и подумаешь, что она не княжна, – демократично решил Тай. – Мне плевать даже на то, что она вообще не благородного происхождения! Я ее люблю! Я разыщу дракона и добьюсь благосклонности этой удивительной красавицы. И ее любовь для меня отныне важнее всего в жизни! А трон...»

Принц вытянул с полки чистый свиток гладкой воощеной бумаги, привычно щелкнул пальцами, создавая магическое перо, склонился над столом и размашисто написал, одновременно зачитывая вслух:

– Завещаю трон Эль-силя и свой королевский титул моему двоюродному брату Денириэлю эль-Таваору. По собственной воле отрекаюсь от наследия предков, власти и любых полномочий. Мою супругу перед лицом Пресветлых богов – королеву Рогнедэль эль-Таваор, в прошлом красногорскую княжну Рогнеду – также оставляю Денириэлю. Бескорыстно и безвозмездно. – В эту ехидную фразу Тай с огромным удовольствием вложил немалую дозу злорадства. – Под чем подписываюсь: принц Тайлериан эль-Таваор.

– Неплохо получилось! Молодец! – прозвенел насмешливый девичий голосок. – Но совету добавь: меняю белого коня на любого другой масти. Достали!

– Кайра! – радостно расхохотался принц. – Где же ты пропадала так долго? Я уже начал подозревать, что ты меня забыла!

– В казарме, конечно, – спокойно ответила девушка, продолжая висеть на фоне настержь распахнутого окна, ловко уцепившись за прочную веревку. Она качнулась и запрыгнула в комнату, мягко приземлившись на обе ноги. – Тебе этот разговор, случайно, ничего не напоминает? – лукаво спросила телохранительница, выразительно пихая ногой так до сих пор и валяющийся под креслом сверток с портретами отвергнутых невест. – Мужчины постоянно страдают то от недостатка женского внимания, а то от избытка. Но чаще всего – просто фигней!

Тайлериан фыркнул:

– Это ты на что намекаешь?

– Да всего лишь на очередную задуманную тобой глупость! – беспощадно припечатала

Кайра. – Думаешь, я не догадалась, что ты задумал устроить побег, причем самым бесперспективным способом? Выбраться из комнаты и пройти по каменному бордюру... Но ты же всегда пренебрегал занятиями по физической подготовке, а поэтому сорвешься через пару шагов, грохнешься вниз, все кости раздробишь, да еще и выставишь себя на посмеище...

Принц обиженно засопел:

– Хорошенького же ты обо мне мнения!

Девушка посмотрела на него почти по-матерински снисходительно, бормотнула себе под нос что-то на тему: «Мужчины – большие дети, разница только в величине и стоимости игрушек», подошла к собранной сумке, подняла ее и оценивающе взвесила в руке.

– Нормально, ничего лишнего не напихал. Но и многие из нужных в дороге вещей туда тоже не вошли! Впрочем, я об этом позаботилась...

– Э? – не понял Тай.

Кайра вызывающе прищурила карие глаза:

– Ты что, и вправду решил, будто я способна бросить тебя на произвол судьбы, а-а-а, твое некоронованное величество? А между тем я отлично понимаю – тебе власть и корона не подходят, не способен ты государством управлять. Вот и решила я тебе подсобить ну и в путешествии, ясно дело, сопровождать да охранять! – Девушка очень выразительно прикоснулась к рукояти своей рапиры.

– Кайра, спасительница ты моя! – восторженно завопил Тай, хватая ее в объятия и вместе с ней кружась по комнате.

– Но-но, без вольностей! – Телохранительница поспешно отстранилась, не доверяя собственному сердцу, бездумно приказывающему ей покорно обвить руками шею принца и целовать его до самозабвения. – Нашел за что благодарить. Скорее всего, я просто отсрочу твою гибель, а возможно, сделаю ее еще более мучительной...

– Не относись к жизни слишком серьезно, сестричка! – цинично усмехнулся Тайлериан. – Живыми нам из нее все равно не выбраться.

Девушка ощутила внезапный прилив холода, вызванный столь пугающими словами. А что, если принц не чужд провидческого дара?

– Не шути так мрачно, – настороженно попросила она, недовольно мотая головой и усилием воли отгоняя нехорошие предчувствия. – Может, еще не поздно отказаться от побега?

– Ну уж нет! – Тай торопливо размотал тонкую веревку, обвязанную вокруг талии девушки, прикрепил один ее конец к ножке вмурованной в пол кровати, а второй – выбросил за окно. – Я здесь не останусь. К тому же человеку свойственно совершать ошибки, и он пользуется этим свойством часто и с удовольствием...

– О-о-о, – демонстративно простонала Кайра, страдальчески возводя глаза к потолку. – Как же мне надоела твоя скучная философия! Иногда в твоей взбалмошной голове рождаются совершенно непереносимые мысли! Я пойду первая. – Она подхватила сумку принца, уселась на подоконник, взялась за веревку и гибко соскользнула вниз.

Секунду спустя до уха Тая донесся негромкий свист, сигнализирующий о том, что Кайра благополучно достигла земли.

– Да уж, мои мысли – мои скакуны, пристрелить не поднялась рука... – Принц опасливо перегнулся через подоконник, вглядываясь в темноту, а затем подергал за веревку, совершенно не зная, как к ней подступиться.

Он оглянулся в сторону оставленного на столе письма, вовремя вспомнил про кольцо у себя на пальце и ругнулся, так и сяк пытаясь стащить магический перстень. Но раритет и не думал поддаваться. Тогда Тай схватил и надел валяющиеся в кресле перчатки для верховой езды, скрывая кольцо от посторонних глаз. Перекинул через плечо ремень футляра с гитарой и чуть ли не мешком вывалился в оконный проем, неловко съезжая по веревке. Приземлился он крайне неудачно, ударившись коленом и чуть не сбив с ног Кайру, пытавшуюся смягчить его крутой спуск.

– Душа душой, но о теле тоже заботиться нужно, – наставительно ворчала девушка, уводя принца незаметной тропкой, петлявшей между пышными кустами белых роз. – Начну, пожалуй, давать тебе в пути уроки фехтования...

– Или я тебе – поэзии? – проказливо хихикнул Тай, хромая и подволакивая ногу.

– Ты неисправим! – Не сдержавшая улыбки Кайра шутливо стукнула его по плечу.

Они успешно пересекли сад и пролезли через отверстие, образованное предусмотрительно отогнутыми стержнями кованной дворцовой ограды. В тихом, сонном переулке, не освещенном ни одним фонарем, их поджидали привязанные лошади. Телохранительница заботливо придержала стремя, помогая принцу взобраться в седло.

– Куда мы отправимся? – деловито спросила она, отбирая у Тая гитару и прикрепляя ее к надежному ремню.

– В Эйсен! – так же немногословно ответил беглый повелитель.

Кайра восхищенно присвистнула:

– Да, достойное начало нашего путешествия! Знаешь, мне как-то довелось выслушивать такие несусветные небылицы об эйсенских вампирах, что прямо и не верится...

– Вот и проверим! – геройски предложил Тайлериан, закутываясь в плащ и надвигая на глаза шляпу. – К тому же там меня никто не знает!

Он незаметно улыбнулся самым краешком губ, дружелюбно подмигивая сиявшему над головой Якорю, самой яркой путеводной звезде, украшавшей ночной небосклон. Отныне перед ним расстилалась бесконечная дорога странствий – маня, искушая, соблазняя и властно приказывая следовать по ее причудливо извивающемуся полотну навстречу непредсказуемой судьбе и неуловимой удаче! Таю хотелось верить, что вместе с отчим домом он оставлял позади и свое извечное, изрядно опостылевшее ему невезение!

Принц пришпорил скакуна, снова и снова повторяя строчки, почему-то пришедшие на ум именно сейчас и оказавшиеся идеально подходящими для начала удивительных приключений, на встречу с которыми ему так хотелось надеяться:

Тебе опять не повезло,
Вся жизнь твоя – богов ошибка!
Но на лице, врагам назло,
Сияет дерзкая улыбка...

Чернокнижник Гедрон лла-Аррастиг разочарованно отскочил от волшебного котла, неистово потрясая сжатыми кулаками, угрожая всему миру. Он возмущенно завопил, схватил первую попавшую под руку склянку и яростно запулил ее в противоположную стену. В комнате противно запахло чем-то вонючим. Но, не замечая отвратительных миазмов, взметнувшихся над осколками, колдун скрежетал кривыми зубами, изрыгая проклятия и угрозы:

– Не понимаю, каким чудом княжне и принцу удалось избежать многочисленных препятствий, встающих у них на пути? Не иначе как на их стороне действительно выступают Пресветлые боги и благой случай... Но ничего, – Гедрон обернулся к шести разложенным на столе вольтам, точно соответствующим шести Воинам Судьбы, – я не отступлюсь! Бойтесь, жалкие марионетки, потому что у меня заготовлен не иссякающий запас всяческих неприятных сюрпризов, и, клянусь демонами Нижнего уровня, я не успокоюсь, пока не израсходую его целиком и не отправлю в Обитель затерянных душ вас всех, одного за другим...

Он зловеще завис над куклами и плотоядно пошевелил крючковатыми пальцами, выбирая, на кого из Воинов Судьбы ему надлежит направить следующий подлый удар...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава 1

Эльфийский, бесспорно, является самым красивым и певучим из всех языков, употребляемых на бескрайних просторах обширного Антейского материка, чрезвычайно богатого на народы и наречия. Жители Нарроны чересчур акают, причем чем ближе к столице, тем явственнее. Рохосцы протяжно пришепечивают, намеренно привнося в свою речь немалую долю слащавости, напоминающей приторный вкус золотистой арахисовой халвы. Веселый красногорский говорок почти не отличим от задорного треньканья балалайки, колоритно сдобренного мелодичными напевами вальяжной гармонии. Чванливые офирцы разговаривают донельзя жеманно, постоянно пересыпая и так кажущиеся непомерно затянутыми фразы излишне вычурными величаниями, настойчиво вязнущими в зубах. Славящийся нагромождением труднопроизносимых согласных звуков уррагский язык не запоминаем совсем, а экзотический канагерийский изобилует архаичными, давно устаревшими оборотами. Грубоватый выговор маркграфства Рюнхен здорово напоминает отрывистую переключку бравых солдат, зато сложный, но мелодичный язык эйсенских вампиров, значительно упрощенный рядовыми селянами и горожанами этого необычного края, хорош до безобразия. Торговцы и путешественники, непрерывно кочующие из страны в страну, предпочитают изъясняться на всеобщем, впитавшем слова и фразы из всех существующих в мире наречий. Но как ни крути – всем им весьма и весьма далеко до изящного эльфийского, идеально подходящего для написания стихов, а также отменно пригодного для составления тонко завуалированных дипломатических посланий да сочинения названий для городов, озер, рек и прочих географических достопримечательностей.

Впрочем, эльфам даже не пришлось слишком долго напрягать свои мозги, чрезвычайно поднаторевшие в задачах такого рода, придумывая имена для двух полноводных сестер, являющихся самыми крупными в Антее реками. И если широкая и величавая Рона течет плавно и неспешно, в полной мере соответствуя эльфийскому «Гордая», то и шумная, звонко перепрыгивающая с камешка на камешек Лиара ничуть не отстает от сестры, идеально оправдывая меткое, когда-то удачно данное ей название – Смешливая.

Не скупясь на бурные весенние половодья, простушка Лиара щедро питает роскошные заливные луга, составляющие значительную часть прекрасного маркграфства Эйсен. Здесь практически нет гор и глубоких скалистых ущелий, зато на севере имеются сырые, практически непроходимые перелески, густо населенные разнообразным и не всегда безопасным зверьем. Здесь раскинулись самые прохладные в мире долины, затененные спокойными изгибами зеленых холмов, поросшие благоуханными левкоями и оплетенные ветвями раскидистых ив. Здесь чуть ли не на каждом шагу распростерлись многочисленные маленькие озерца, незаметно переходящие в обманчиво безобидные болотца. В этих местах не знают войн, быт тут размеренный, а уклад – патриархальный. Именно в этих краях трепетно блюдут преданья старины глубокой... Везде царят основательность, порядок и тишина, ибо здесь проживают вампиры, не очень-то уважающие бестолковую суету и модные, шумные нововведения.

Хотя стоит сразу упомянуть о том, что презрительную и неправильную кличку «вампир» в отношении благородных эйсенских дворянских родов употребляют не все, а только вздорные соседи, поселившиеся в непосредственной близости от границы этого славного маркграфства и испытывающие к хозяевам благодатных земель острую зависть, круто замешанную на отчаянном страхе. Ведь как можно любить того, кого боишься до дрожи в коленках? А эйсенских вампиров опасались все, даже долгоживущие эльфы.

Следует признать – владыки Эйсена мало чем уступали повелителям Синего и Белого кланов, обладая не меньшим долголетием, внешней красотой, мудростью и могуществом. К тому же их семьи представляли собой силу, не считаться с которой было невозможно. Правда, сила эта носила особое, не поддающееся примитивному осмыслению свойство. Телепатическая по природе, она давала своему владельцу поистине непреодолимую власть

над разумом и эмоциями любого мыслящего существа, позволяя ментальным путем поглощать жизненную энергию и досуха опустошать умирающую в мучениях жертву. Поэтому на самом деле эйсенские дворяне являлись эмпирами, по собственному желанию питающимися мыслями и помыслами своих подданных, разумеется – радостными и приятными. К счастью, подобным ужасающим умением обладали лишь отдельные, сильнейшие особи, образующие элиту тридцати дворянских эйсенских родов. Прочее же население маркграфства составляли обычные люди, вполне процветающие под мудрым управлением эмпирского владыки. Но так в государстве обстояло ранее, вплоть до сегодняшнего дня...

Маркграфиня Элейн в бешенстве рванула ручку тяжелой оконной рамы, распахивая массивные, плотно закрытые створки. На пол посыпались осколки разноцветного стекла, но женщина не обратила на это ни малейшего внимания, второй рукой терзая овальную агатовую камею, скреплявшую ворот ее элегантного платья. Точно так же как и рама, драгоценность не устояла под яростным натиском белых пальцев и с жалобным стуком упала на паркет, откатившись под самшитовый комод. Элейн душил гнев.

– Мерзавец, какой же ты все-таки мерзавец! – возмущенно выкрикнула она, позволив ворвавшемуся в окно ветру унести оскорбительные слова и обрушить их на ничего не подозревающий белостенный город, безмятежно раскинувшийся у подножия высокого холма.

Того самого холма, на котором стоял его замок. Того самого холма, у подножия которого располагалась его столица. Замок и столица, так и не ставшие ее собственностью – в итоге не доставшиеся ни ей, ни ее родному сыну Зоргану.

– Ну кто же мог знать, что этот мерзавец успеет составить завещание... – бессильно простонала графиня, имея в виду усопшего накануне мужа и возмущенно разрывая ворот своего траурного одеяния.

Элейн так и не решила, из-за чего именно ей не хватает воздуха – из-за закрытого окна, тугого платья или злобных укусов нестерпимого разочарования. Ведь ради избавления от опостылевшего супруга она не только стала соучастницей страшного преступления, но и, что волновало ее намного больше, обрекла себя на ненавистный титул «вдовствующая маркграфиня», нарядившись в платье столь нелюбимого черного цвета. И все впустую, все оказалось впустую...

Хотя вот уж о чем о чем, а о платье Элейн переживала совершенно зря. Ей, ослепительно прекрасной брюнетке, чья несравненная красота воспевалась всеми миннезингерами Эйсена, обладающей матово-белоснежной кожей, черными, будто ночь, и гладкими, словно шелк, волосами, привыкшей носить изысканные туалеты красного или зеленого цветов – черное шло необычайно. А сейчас, в пышном траурном одеянии, Элейн казалась совсем юной девушкой – хрупкой и ранимой. Кто же мог заподозрить это небесное создание в организации покушения на собственного мужа, великого Эдмунда дер-Сольен, маркграфа Эйсена?

Немного успокоившись и отдышавшись, вдова с любопытством выглянула в окно, с мрачным торжеством любуясь черными стягами, развевающимися над городскими стенами. Столица маркграфства, огромный Эйсенвальд прощался со своим усопшим повелителем, послушно отдавая ему последнюю дань уважения. Завтра на закате гроб с бренными останками Эдмунда опустят в подземелье фамильного склепа, навечно вручая не подверженное разложению тело эмпира холодным объятиям его покровительницы – королевы Смерти. Траур по владыке продлится сорок дней, и лишь по истечении отведенного срока столица расцветится яркими огнями праздничных фейерверков, приветствуя нового повелителя, того, кому согласно завещанию покойного правителя и отойдет верховная власть. Его родному сыну – Вольдемару дер-Сольен, следующему маркграфу Эйсену! А ведь мог, мог бы упрямый покойник завещать трон и старшему племяннику – Зоргану, сыну Элейн от ее первого мужа, единоутробного младшего брата

Эдмунда, Альфреда. Ведь это после его безвременной кончины молодая красавица-вдова, оставшаяся совершенно беззащитной с двумя крошками-детьми на руках, сумела соблазнить старшего из братьев Сольен и стать полноправной маркграфиней. Первая супруга Эдмунда скончалась при родах, так и не подарив мужу второго ребенка. Элейн мгновенно воспользовалась подвернувшейся возможностью, ловко отправив в Обитель затерянных душ наивного Альфреда, влюбленного в жену до безумия и доверчиво принявшего яд из ее прекрасных рук. Наверное, жаль, что ее брак с Эдмундом остался бездетным... Хотя нет, нет – ни одного ребенка или мужчину на свете она не смогла бы полюбить столь страстно и пылко, как своего единственного сына Зоргана! Это именно для него она любыми средствами добивалась трона, всеми силами очаровывая Эдмунда, усыпляя его бдительность и осторожность. И вот, когда ей уже казалось, что желанная цель достигнута, а владыка поклялся исполнить заветное желание Элейн и, по его словам, составил завещание в пользу племянника, она измучила его своими лживыми ласками, позволив Зоргану погрузить в ухо утомленного мужа длинный и тонкий, как игла, стилет. Маркграф Эдмунд Эйсенский скоропостижно скончался. Но когда вскрыли завещание и зачитали его перед лицом всех дворян графства, то оказалось, что покойник перехитрил убийц и не поддавался соблазну изменчивых женских чар, назначив своим приемником и наследником родного первенца – Вольдемара. Вдова и ее сын дважды просчитались...

«Эх, маркграфство маловато, разгуляться мне негде!» – любила говаривать Элейн, с хозяйским видом алчно обозревая окрестности замка Сольен. Граф Эйсен выслушивал амбициозную жену и недовольно хмурился. О нет, он отнюдь не являлся слабым, безвольным подкаблучником, давно уже раскусив, какие честолюбивые замыслы обуревают его нахрапистую супругу. Красавица рвалась к власти, готовая при необходимости пройти и по головам, и даже по трупам. Благородный Эдмунд не учел одного – когда-нибудь она отважится перешагнуть и через его собственный труп. А некоторое время назад, после того как Зорган вступил в пору половой зрелости, у владыки зародились определенные подозрения – слишком страшные и невероятные для того, чтобы уверовать в них немедленно. Элейн и Зорган... Но ведь он же ее сын! Да, маркграфиня потрясающе хороша собой, да к тому же выглядит младшей сестрой своей дочери Иллы, но все равно – все фибры аристократичной души графа Эйсена брезгливо восставали, отказываясь верить в возможность подобных противоестественных отношений! Эдмунд установил слежку, кропотливо собирая малейшие доказательства кровосмесительной связи своей жены, долгие месяцы упрямо отвергая очевидные факты и признаки. Слишком долгие месяцы... Но ведь истина такова – что на своей груди пригреешь, то всю жизнь шипеть и будет! Гадюка по имени Элейн шипела-шипела, да и укусила совершенно неожиданно... Эдмунд погиб бесславной смертью, к счастью, сумев и из гроба отомстить коварной гадине. Однако он не понимал, какой ужасающий клубок змей расшевелило его завещание, поставив Вольдемара перед необходимостью противостоять хитроумным врагам, умело скрывающимся под маской любящих родственников. Отныне наследник, отличающийся крайней мягкостью характера и широтой совершенно не воспринимающей зла души, оказался обречен последовать за отцом. К тому же Вольдемар давно уже прославился своим легендарным невезением, слухи о котором облетели даже самые отдаленные уголки весьма обширного маркграфства.

Появившись на свет пятью годами раньше кузена, виконт Зорган с отрочества усиленно третировал и унижал чрезвычайно щепетильного Вольдемара, называя его ущербным толстым мутантом, опозорившим правящий род Эйсена. Сын маркграфа Эдмунда и правда обладал столь тихим и скромным нравом, что никогда не участвовал в шумных мальчишеских играх и, по саркастичному определению Зоргана, «родился настолько стеснительным, что до четырнадцати лет боялся посмотреть, мальчик оно или девочка». Но к шестнадцати годам Вольдемар вытянулся и замечательно постройнел, а к восемнадцати и вообще расцвел удивительно, восхищая окружающих своей смугло-золотистой кожей,

каштановыми кудрями и добрым взглядом янтарно-коричневых глаз. Убедившись в превосходящей красоте кузена, Зорган возненавидел его во сто крат сильнее, поклявшись любым способом рано или поздно известить ненавистного конкурента, устранив его со своего пути к ступеням дядюшкиного трона.

Они и внешне отличались весьма сильно – Зорган и Вольдемар, ничуть не походя на близких родственников. Оба высокие, но жгучий брюнет Зорган оказался куда как шире в плечах, мускулистее и коренастее. Особенно обращали на себя внимание его худощавое лицо с впалыми щеками и загнутым крючком носом, черные угли глаз да роскошная копна вороных волос, спускающихся ниже лопаток. Неукротимость вспыльчивого нрава виконта вошла в поговорку, сильно сократив число желающих не только стать его друзьями, но и просто случайно встретиться на узкой городской улице. Виконт Эйсен неплохо владел рапирой, но еще лучше он умел строить козни и заговоры, достигнув на этом нелегальном поприще беспримерных высот. Зоргана откровенно не любили и неприкрыто побаивались. Он слыл нелюдимым и злопамятным, грубым и жестоким, на самом деле являясь кем-то куда более худшим – настоящим злодеем и законченным мерзавцем, утратившим малейшее представление о чести, совести и порядочности. Таков был Зорган. Как эмфир он представлял собой довольно опасного противника, обладая возможностями заметно превышающими средний уровень, но предпочитая до нужного момента скрывать истинный потенциал своих сил и ограничиваться кратковременным воздействием на разум человека, приводящим к сильным головным болям без заметного ущерба здоровью жертвы. Подпитываться чужой жизненной энергией он тоже умел довольно хорошо, но прятал и эти навыки – чаще всего считая достаточным лишь портить настроение и насылать кратковременный неприятный морок. Впрочем, подавляющее большинство прочих эйсенских эмпиров обладали намного более скромными ментальными ресурсами. Но вот Вольдемар разительно выделялся на фоне всех остальных своих соотечественников.

В отличие от своего отца, всемогущего маркграфа Эдмунда, молодой наследник не умел выкачивать из человека все жизненные соки, за считанные мгновения превращая цветущего взрослого мужчину в ссохшуюся седую мумию или доводя его до безумия и самоубийства. Достигнув четырнадцати лет и научившись управлять своими возможностями, Вольдемар заметно обогнал отца по степени эмоционального воздействия, но он манипулировал не положительными, а только негативными энергетическими потоками, забирая из разума людей горести, уныние и заботы. Находясь рядом с ним, печальные – веселили, больные – здоровели, отчаявшиеся – обретали уверенность в себе. В присутствии молодого наследника жизнь немедленно начинала играть тысячей ярких красок, становясь чрезвычайно приятной и увлекательной. Вокруг него всегда пели птицы, улыбались младенцы и смеялись девушки, хромы пускались в пляс, и даже само солнце, кажется, начинало светить жарче и приветливее. Надо ли говорить, что Вольдемара обожало все маркграфство. Ненавидели же его только двое – графиня Элейн и ее сын Зорган.

Они встретились за ужином. Илла сослалась на мучительный приступ нехоти разыгравшейся мигрени, а скорбящий по отцу Вольдемар молился над его гробом, выставленном в парадной зале замка Сольен. Поэтому припозднившуюся трапезу сервировали всего на две персоны, поставив серебряные столовые приборы на противоположных концах длинного дубового стола, застеленного хрустко накрахмаленной скатертью. Любого посторонний человек, попади он в этот красивый покой, элегантно декорированный поставцами со старинной посудой, не заметил бы ничего подозрительного. Он увидел бы мужчину и женщину, церемонно разделенных по крайней мере доброй парой метров заставленного блюдами стола, вкушающих изысканные яства с безукоризненной сосредоточенностью, присущей обладателям хороших манер. Графиня Элейн погрузила вилку в блюдо с маринованной спаржей и аккуратно наколола один стебелек, так и не поднимая глаз на сына, сидящего напротив нее. Зорган занимался тем, что старательно

разрезал бифштекс на ровные, идеально квадратные кусочки. На первый взгляд каждый из них интересовался исключительно содержимым своей тарелки, не обращая ни малейшего внимания не только на что-то вокруг, но даже на другого. Но на самом деле все обстояло иначе.

Эмпиреи не нуждаются в звуковом общении, нередко подменяя его общением телепатическим. При необходимости они способны ставить ментальные блокады, отсекая нежеланного собеседника и предотвращая его проникновение в свой мозг. Точно так же они способны и временно отключать воздействие своей силы, становясь существами, ничем не отличающимися от обычных людей. Вот и сейчас между двумя сидящими за столом эмпиреями шла эмоциональная, хоть и не заметная для чужого глаза беседа.

«Люблю!» – мысленно воскликнула Элейн, педантично расправляя расстеленную на коленях салфетку. Меланхоличное, немного печальное выражение лица прекрасной вдовы нисколько не вязалось с бурным накалом ее телепатического посыла.

Зорган, никогда не называвший графиню матерью, ответил короткой самодовольной улыбкой, не дрогнувшей рукой продолжая наливать вино в высокий хрустальный фужер.

Графиня спокойно разломала кусочек хлеба.

«Все пропало! – отчаянно просигнализировала она, невозмутимо запуская ложечку в баночку с белой горчицей. – Через несколько дней после похорон Вольдемар вступит в права наследования. А первым указом, что он подпишет, станет эдикт о нашем изгнании из столицы...»

«Не вступит и не подпишет», – успокаивающе прищурился Зорган.

«О, я не переживу прозябания в каком-нибудь захолустье вроде деревушки Ренби... – драматично продолжила графиня и, не имея возможности заломить руки, изо всех сил вонзила нож в перепелиную тушку. – Я создана для роскоши, балов и всеобщего преклонения!»

«Ты получишь все, что захочешь! – твердо посулил виконт, продолжая как ни в чем не бывало с аппетитом поедать отлично прожаренное мясо. – Ты подала мне занятную мысль, дорогая. Я слышал, что в этом самом Ренби проживает молодая начинающая ведьмочка, уже успевшая прославиться несколькими нелепыми пророчествами. Думаю, она замечательно впишется в мой оригинальный план...»

«Ты так умен, дорогой! – восхитилась Элейн, грациозно орудуя крючком для омаров. – Что ты задумал?»

«Увидишь! – лукаво усмехнулся Зорган. – Поверь, талант заговорщика заключается в умении обращать на пользу себе даже самые неблагоприятные и заведомо проигрышные обстоятельства. Это злополучное завещание может стать нашим наиглавнейшим козырем, конечно, при условии что мы правильно поведем свою партию и не спасуем в экстремальной ситуации!»

– Игристого! – вслух потребовала Элейн, всецело доверявшая удивительным способностям интригана-сына и привыкшая слушаться его безоговорочно.

И нужно отдать должное Зоргану, он еще ни разу не провалил ни одной тщательно спланированной операции, начиная с незаметного обворовывания государственной казны и заканчивая бесследным устранением неугодных им дворян. По части плетения злодейских замыслов он действительно не имел равных, нисколько не гнушаясь наиболее мерзких и отвратительных методов. Вот и теперь, убедившись в том, что виконт способен найти выход из тупика, в который они оказались загнанными, графиня повеселела и пришла в хорошее расположение духа. Она подозвала слугу и приказала принести бутылку игристого вина.

«Увидишь! – повторно посулил Зорган, поднимаясь из-за стола и церемонно раскланиваясь. – Доверься мне, молчи, плачь и изображай убитую горем вдову. Клянусь демонами Нижнего уровня, вскоре недотепа Вольдемар пожалеет о том, что вообще родился на этот свет!»

«Ты придешь?» – напоследок спросила прекрасная вдова, адресуя сей безмолвный вопрос обтянутой черным камзолом спине сына, неспешно покидавшего трапезную.

В ответ Зорган кивнул, не оборачиваясь, и в этом кивке Элейн прочитала обещание посетить ее опочивальню сегодня же ночью.

Маркграфство Эйсен, вытянутое наподобие узкой длинной ленточки, граничит сразу с четырьмя государствами: с Нарроной на западе, с маркграфством Рюнхен на востоке, с Красногорьем на севере и с Оркией на юге. И хотя аристократические роды эйсенских эмпиров и являются яркими приверженцами старинных, веками устоявшихся традиций, это не мешает им вполне успешно сочетать свое закоренелое ретрограство со всевозможными современными веяниями, проникающими из-за границы. Торговля с соседями процветает, ибо мудрые телепаты благоразумно не чураются чужеземных книг, магических и лекарственных достижений, а эйсенские дамы ревностно следят за последними ухищрениями заграничных мод и заслуженно слывут первыми кокетками и вертихвостками во всей Антее. А посему на многочисленных дорогах маркграфства можно встретить кого угодно: лихих нарронских наемников, наглых рюнхенских разбойников, богатых рохосских торговцев и даже орков с эльфами. На последних в Эйсене и вообще обращают не слишком-то много внимания – ведь поживи бок о бок с эмпирами, так, поди, и не к таким еще чудесам привыкнешь!

Принц Тайлериан, предусмотрительно обогнувший шумный Скилур, столицу территории орков и давненько покинувший знакомые места, в полной мере наслаждался замечательным путешествием, буквально упиваясь свободой и красотой окружающего пейзажа, несшего массу неизведанных ранее ощущений. В первое время у него частенько кружилась голова от обилия впечатлений да захватывало дух от бескрайнего простора расстилавшихся перед ним полей и долин, там и сям усыпанных симпатичными домиками чинных эйсенских селений. Местные пейзажи славилась вежливостью, гостеприимством, педантичной хозяйственностью и несравненной деловой хваткой. А царящие вокруг чистота и порядок потрясли принца до глубины души, сильно изменив его мнение о доминирующем превосходстве эльфийской расы. Ведь в Эйсене, как удачно подметила остроглазая Кайра, не только каждая розовощекая фрейлейн, но и каждая ухоженная корова носили недешевую атласную ленту. Причем носили с совершенно одинаковой гордостью и высокомерием! Тай зазря извел уже не один бумажный свиток, безуспешно пытаясь увековечить в бессмертных стихах восхитительную волоокость скромного взора эйсенских красавиц и воспеть воистину девичью статность элитных эйсенских коров. И впрямь было от чего терять голову!

Кайра с заботливой снисходительностью наблюдала за шаловливыми сумасбродствами своего вырвавшегося на свободу подопечного, не забывая при этом бдительно следить за их личной безопасностью и состоянием общего кошелька. От ее пронизательного взгляда также не ускользнуло и возникшее в маркграфстве нездоровое оживление, очевидно вызванное недавней кончиной правителя, о чем сообщали развешанные на придорожных столбах грамоты. Эльфийка подметила и то, что большая часть путников двигалась по направлению к столице, а цены на постоялых дворах и в трактирах, по слухам, возросли как минимум на треть. Чутко прислушиваясь к разговорам местных жителей, девушка пришла к однозначному выводу: дела со скоропостижной кончиной маркграфа Эдмунда обстоят далеко не так чисто, как всем того хотелось бы. И, похоже, времена в Эйсене грядут смутные да беспокойные. Нечего сказать, не слишком-то благоприятное стечение обстоятельств сопутствует их путешествию. Но, если вдуматься, ничего необычного в этом нет, ведь на то Тай и зовется невезучим!

– Тай! – требовательно окликнула Кайра, отвлекая принца от мечтательных размышлений. – У нас продукты заканчиваются. Осталась пара краюшек хлеба, немного подсохшего сыра, ломтик ветчины и пяток яблок. А еще надо бы прикупить овса для лошадей, потому что на одной-то траве они куда лучше животами бурчат, чем ноги переставляют...

Юноша поднял голову, двумя пальцами лихо сдвигая на затылок свою черную широкополую шляпу. Телохранительница пристально всмотрелась в лицо принца и радостно

улыбнулась, с удовольствием констатируя – путешествие явно идет ему на пользу! Бледная кожа Тая покрылась легким загаром, из глаз исчезла туманная поволока равнодушия и скуки, предплечья окрепли, общая в недалеком будущем обрасти недурственными мускулами, а посадка приобрела небрежность опытного наездника. Кроме того, принц умудрился прикрепить свой походный блокнот на переднюю луку седла, на скаку строча стихи и таким образом успешно сочетая приятное с полезным.

– Жарко! – Тай сдернул шляпу с головы и заморенно обмахнулся ее заливхвастски загнутыми полями. – Кайра, похоже, солнце достигло зенита, и если мы не хотим схлопотать тепловой удар, то самое время выбрать какое-нибудь прохладное место, промочить горло холодным пивком да и передохнуть часок-другой...

– Вполне разумное решение, – согласно кивнула девушка. – Хотя лично я предпочла бы ржаной квас. – И она ткнула пальцем в сторону изрядно заржавевшего указателя, криво прибитого на вкопанный у обочины столб.

– Корчма «Берлога», – напрягая зрение и привставая в стремянах, прочитал принц. – Многообещающее название. Вот тебе и подходящая возможность затариться съестными припасами.

– Фи, – недовольно скривилась Кайра, – да у них же там все втридорога! Но логика мне подсказывает, что поблизости от трактира должна обнаружиться какая-нибудь деревня. А в корчме все равно не мешало бы малость перекусить, конечно, если они не имеют поганой привычки обсчитывать усталых путешественников.

– Зато информация у них – задарма! – с намеком подмигнул Тай.

Девушка скептически хмыкнула:

– В шпиона поиграть захотелось? Спешу тебя разочаровать: скорее всего, ты найдешь здесь одни банальные деревенские сплетни, перевранные до неузнаваемости и извращенные до невозможности!

– Ну за неимением лучшего!.. – развел руками принц и подначивающе подмигнул. – А то мы так совсем от цивилизации отвыкнем.

Возможность приобщиться к непритязательным прелестям провинциальной цивилизации они получили минут через двадцать, спешиваясь у крыльца немного покосившейся корчмы, вросшей в землю до самых немытых окон.

– М-да-а-а, – неопределенно протянула Кайра, на всякий случай покрепче привязывая уздечку своего скакуна к неопрятной, кривой коновязи. – Та еще забегаловка! Как бы у нас здесь коней не сперли...

– А ты что ожидала увидеть? – насмешливо фыркнул Тайлериан. – Зато все честно. Написано же – берлога.

– Лишь бы не вампирья! – сквозь зубы процедила Кайра, нерешительно топчась на нижней ступеньке щелястого крыльца. – А может, ну ее, эту берлогу? Поищем местечко поприличнее...

– Да ты, отважная моя, никак, испугалась? – подзуживающе хохотнул принц. – Ты, лейтенант «Черных наездниц»... Ну, дорогая моя, это уже нонсенс!

– И вовсе я не испугалась! – уязвленно оскалила зубы телохранительница. – Просто ненавижу глупый риск!

– Испугалась! – продолжал напирать Тай.

– Нет!

– А я говорю, да!

– Тьфу на тебя, упрямец! – не на шутку рассердилась девушка. – Никого я не боюсь.

Приоткрылась тихо дверь,
На крыльцо выходит зверь.
Здесь берлога, не трактир,
А хозяин в ней – вампир... —

задерно продекламировал принц, одним прыжком взлетая на крыльцо и становясь в картинную позу оратора.

Кайра снизу показала ему кулак, давась нервным смехом. Внезапно дверь печально скрипнула и вправду начала медленно открываться...

– Ик, – тихонько выдавила из себя девушка, отступая назад, неудачно попадая каблуком в лужу, поскользываясь и чуть не падая. – А-а-а, чтоб тебя, остряк гоблинов!..

– Вау! – восторженно выдохнул Тай, от полноты чувств обнимая резной столбик входного навеса. – Неужто и впрямь вампир?

– Да боги с вами, добрые господа! – возмущенно взмахнул засаленным полотенцем невысокий пухлый человечек, вразвалочку выкатившийся на крыльцо. – Благородные эмпиры к нам редко заезжают, уж дюже далеко мы от столицы живем!

– А-а-а! – понимающе отреагировал Тай, с видом ценителя рассматривая колоритную фигуру хозяина. – А вот это уже стремно, мы-то на экзотику рассчитывали!

– А вы что, очередные экскре... эктри... ой!.. экстремалы? – шокированно отвалил небритую челюсть трактирщик. – Опять? Да сколько же можно? Разорите вы нас, как пить дать разорите! Мы ведь предыдущих покойничков-героев только на прошлой неделе похоронили, причем опять за счет общины...

– Уважаемый, вы это о чем? – угрожающе спросила Кайра, настороженно хватаясь за рукоять рапиры. – Мы помирать не собираемся ни в коем разе, даже и не надеетесь!

Принц с любопытством округлил глаза.

– Так все о маге том черном, неупокоенном, о чем же еще! – торопливо зачастил толстяк, испуганно отодвигаясь от воинственной девицы. – Много в наши места всяких рыцарей да храбрецов отчаянных заезжать в последнее время стало. Все норовят силой с магом мертвым помериться, что на пути к Лебнице засел. Силой, значит, помериться, а самого злыдня успокоить да сокровища его забрать...

– Что за маг?! – заинтересованно воскликнул Тай. – Мы о нем и слыхом не слыхивали. Потрясающий сюжет для баллады...

– Хм, что за сокровища? – тоже не осталась равнодушной Кайра. – Сразу скажу, не верю я в эти байки про бесхозное золото...

– Ой, так, значит, вы не из этих! – облегченно всплеснул руками хозяин. – Так вы тогда заходите, гости дорогие, чего же мы на пороге-то стоим!

Кайра с энтузиазмом приканчивала уже вторую порцию вкусной наваристой похлебки, бойко скребя ложкой по дну глубокой глиняной миски. Тайлериан задумчиво жевал кусочек хлеба с салом, не спуская глаз с суетившегося возле стойки хозяина. Кроме них в корчме не было почти никого, лишь за дальним столиком невозмутимо восседали два важных бюргера, чинно поглощая айнтопф – сосиски с тушеной капустой, традиционное эйсенское блюдо, – да неторопливо запивая его пенистым светлым пивом. Толстый трактирщик сосредоточенно протирал и без того чистую посуду, иногда бросая на Тая быстрые, умоляющие взгляды. Принц насмешливо фыркнул и отвернулся с деланным безразличием, неторопливо доводя хозяина «Берлоги» до нужной кондиции. Хитрый юноша продуманно тянул время, готовясь к выкачиванию нужной путешественникам информации. Прямых расспросов он избегал, предпочитая якобы случайную болтовню, так как не желал вызвать ненужные подозрения у опытного и ушлого трактирщика.

Внутри корчма оказалась намного симпатичнее, чем снаружи. Пол чисто подметен и посыпан мелкозернистым речным песком, столы и лавки довольно новые, стены завешаны парой непонятно чьих шкур и пучками сушеного зверобоя. А над камином красуется оскаленная медвежья морда, красноречиво подтверждая название уютного трактира. Да и меню, предложенное гостям, не разочаровало. Кайра немедленно получила огромную запотелую кружку с вожделенным квасом, а Тай попробовал местное, настоянное на лимоне пиво и благосклонно кивнул, восхищенно оттопыривая большой палец. Хозяин расцвел в

польщенной улыбке.

Неглупый эльф отлично знал подобную, легко различаемую породу людей, к которой принадлежал и их любезный хозяин. Таких водой не пои и хлебом не корми – только дай вволю почесать языком, потрепаться, посплетничать и выставить себя самым осведомленным во всей округе человеком. Поэтому он сознательно подвел небритого толстячка к критическому состоянию мучительно затянувшегося молчания, а затем неожиданно вытащил из кармана золотой шамуль и призывно постучал им по натертой до зеркального блеска стойке:

– А что, уважаемый герр... – Тай выжидательно прервал фразу, напуская на себя самый почтительный вид.

– Отто! – радостно подпрыгнул на месте корчмарь, чуть не выронив почти до дыр затертый бокал. – Герр Отто к вашим услугам!

– А что, уважаемый герр Отто, – елейным тоном продолжил принц, улыбаясь так лучезарно, будто в лице кургузого трактирщика он обрел давно потерянного родственника, – не водится ли в вашем славном заведении что-нибудь покрепче пива? Хотя, клянусь Аолой, пиво у вас отменное!

– Да как же не водится-то... – почти оскорбился хозяин, торопливо ныряя под стойку и победно извлекая на свет небольшой графинчик, наполненный искристой голубоватой жидкостью. – Вот, не побрезгуйте, извольте испробовать! Настоячка моя фирменная, по тайным семейным рецептам изготовленная...

– А ну-ка, ну-ка, – талантливо изобразил живейший интерес эльф, присовокупляя к первой золотой монете вторую. – Я, знаете ли, весьма уважаю подобные эксклюзивные напитки!

Герр Отто вдохновенно потер руки, выставляя на стол пару серебряных стаканчиков. Кайра лишь мрачно покачала головой, неодобрительно взирая на эти торопливые приготовления.

– Прогдегустируйте, окажите любезность! – Трактирщик на два пальца наполнил стаканы, один из них выжидательно пододвигая к Таю.

Принц решительно глотнул, прикрывая глаза и смакуя пряно благоухающую жидкость. Вопреки его опасливым ожиданиям, напиток ничуть не походил на грубый деревенский самогон, отличаясь тонким и изысканным вкусом.

– Великолепно, клянусь тремя божественными братьями! – совершенно искренне констатировал Тай, намекая на добавку. – Настояно на лесной малине и гречишном меду с добавлением мяты и тмина...

– Верно! – восхищенно хлопнул ладонью по столешнице хозяин. – Да вы, сударь, настоящий ценитель. А вот это сможете распознать и описать? – Он извлек другую бутылку и налил Таю золотистого, прозрачного как слеза вина.

– Бесподобно! – восхитился юноша. – Домашнее бузинное вино, слегка подкрашенное яблочным сиропом.

Герр Отто шокированно похлопал ресницами и выставил на стол целую батарею разнокалиберных посуды с напитками.

За бузинным вином последовала смородиновая наливка, за ней – водка на рябине, которую сменил восхитительный ликер из одуванчиков... Через час ставшие к тому времени закадычными друзьями Тай и Отто расчувствованно обнялись и дрожащими голосами затянули какую-то фривольную песенку, пьяно покачиваясь и похихикивая. При чем если не отстававший от принца трактирщик был пьян на самом деле, то эльф мастерски притворился, желая усыпить бдительность гостеприимного хозяина.

– А что, уважаемый герр Отто, – вкрадчиво начал Тай, не забывая подливать в стакан новоявленного друга, – не ходят ли в ваших краях какие странные слухи?

– Странные? – расширил глаза герр Отто. – Да это вы еще мягко сказали! Да у нас ого как... – И тут корчмаря прорвало.

Тайлериан слушал трактирщика внимательно, сурово нахмутив брови, не перебивая и

боясь пропустить хотя бы слово. Из сбивчивого потока новостей, неумолкающе изливающихся из уст болтливого хозяина, он узнал, что, по всей видимости, граф Эдмунд умер не своей смертью, а наследником объявили его родного и единственного сына – Вольдемара Эйсенского. Но в покоях будущего владыки внезапно обнаружился стилет, по компетентному мнению лекарей, испачканный кровью и мозговым веществом его отца, а виконт Зорган, племянник покойного графа, обвинил кузена в убийстве отца и приговорил к казни. И, кроме того, Зорган приказал привезти из далекой деревушки Ренби молодую, но уже успевшую прославиться своими пророчествами ведьму, дабы она подтвердила или опровергла вину Вольдемара. А в предвкушении невиданного судилища в столицу маркграфства город Эйсенвальд теперь стекаются толпы зевак. Помимо этого, в соседнем Красногорье старательно разыскивают улизнувшую с брачного ложа княжну, а в эльфийском королевстве – тщетно ловят удравшего с коронации принца. Но это еще мелочи, потому что на дороге к селению Лебнице засел призрак неупокоенного черного мага, запросто прихлопывающий всех соискателей его богатств, а над холмами маркграфства недавно видели самого настоящего дракона, повадившегося воровать скот. К тому же...

Но тут бурные излияния трактирщика неожиданно прервали вопли ужаса, оглушительный рев и странный шум, донесшиеся со двора. Лоб герра Отто мгновенно порылся крупными каплями пота, а схватившиеся за бутылку руки предательски затряслись. Тай недоуменно изогнул бровь.

– Не иначе опять чудище крылатое прилетело! – потерянно залепетал хозяин, трусливо оглядываясь в поисках укрытия. – Оно третьего дня у фрау Марты корову забрало, проезжего рыцаря чуть до смерти хвостом не забило, всех обругало непотребно и обещало наложить карательные сан... сан... – Хозяин жалобно расплакался.

– Санкции! – догадливо подсказал Тай и встал из-за стола. – Кайра, а не взглянуть ли нам на этого зарвавшегося дракона? – И, не дожидаясь ответной реакции верной телохранительницы, принц стремглав выскочил на крыльцо.

– Куда? Подожди, идиот! – благоразумно пыталась остановить его сыто расслабившаяся девушка, путаясь в ремнях отложенной на скамью перевязи с рапирой и теряя драгоценные секунды. – Остановись! Ты рискуешь жизнью! Ведь вполне вероятно, что это не Рэндон...

Но куда там, Тая уже и след простыл! Кайра свирепо бухнула разболтанной дверью корчмы, рысцой выбегая на улицу, и растерянно расширила зрачки, потому что нахальное чудовище, посмевавшее безнаказанно терроризировать окрестности «Берлоги», и впрямь оказалось совсем не Рэндоном...

Принц стоял возле коновязи, обратив к небу запрокинутое лицо и напряженно всматриваясь в парящий над ним силуэт относительно небольшого летуна. Крылатое существо тоже заметило эльфа и описало резкий полукруг, заходя на посадку. Когти твари пробороzдили землю в каком-нибудь метре от безрассудного юноши, увенчанная черным гребнем голова склонилась набок, пытливо вглядываясь в его черты.

– А ты смельчак! – ломающимся юношеским баском хохотнул дракон. – Осмелился в одиночку выйти ко мне навстречу! Возможно, ты непобедимый герой или могущественный маг? – В голосе чудовища прозвучала едва скрываемая издевка.

Тайлериан горделиво расправил плечи:

– Я принц, а в нашем роду не принято отступать перед кем бы то ни было!

– При-и-инц! – насмешливо протянул дракон. – Да ладно, не хорохорься ты попусту, я тебя и так уже узнал! Уверен, во всей Антее найдется только один горбатый принц. Кстати, я рад, что судьба оказалась на нашей стороне и свела нас столь быстро, потому что искал именно тебя...

– Зачем? – неподдельно изумился Тай.

Дракон довольно хмыкнул:

– Я сын драконьего правителя Рэндона, и зовут меня Трей. Я сумел опередить отца и выкрал для тебя золотоволосую девицу, проживающую в Красногорье...

– Выкрал? – не поверил своим ушам эльф. – И где же она находится сейчас?
– Да тут, поблизости! – небрежно мотнул гребнем Трей, наслаждаясь оторопелым видом принца. – Я ее в орешнике припрятал!
Тай протяжно присвистнул...

А в своих покоях, чернокнижник Гедрон лла-Аррастиг вновь бессильно сжал кулаки и проклял непредсказуемое стечение обстоятельств, сведшее вместе двух будущих Воинов Судьбы. Невезение, помноженное на невезение, непредсказуемым образом трансформировалось, приняв форму негаданной удачи.

«Ну ничего, – злобно подумал Гедрон, поднимая вольт принца и мстительно ухмыляясь. – От проклятия неупокоенного черного мага не уйти даже тебе...» Он сложил пальцы в некую зловещую фигуру, проделал пасс и начал выплетать заклятие неминуемой смерти, притаившейся на дороге, ведущей к деревне Лебнице...

Глава 2

К моему приятному удивлению, правда, смешанному с изрядной долей разочарования, знаменитые эйсенские вампиры ничуть не походили на тех омерзительных монстров, коими их неизменно выставляли многотомные Нарронские энциклопедии. Никаких тебе удлинённых морд с выпирающими наружу клыками, красных глаз, черных когтей и ужасающей худобы. А я-то надеялась на острые ощущения... Нет, в реальной жизни все оказалось совершенно приличным и обыденным. Люди как люди – с вполне презентабельной наружностью, изысканными манерами, тщательно следящие за модой и ведущие себя безупречно корректно. Никто из них на нас с Михасем не набрасывался, в темную подворотню не затаскивал и пить нашу кровь отнюдь не спешил. Жаль, ну никакой тебе романтики! Зато первый же встреченный нами вампир – вернее, эмпир, ибо, попав в Эйсен, мы тут же постигли огромную разницу, разделяющую эти понятия, – обворожил меня безмерно.

– Ишь какой холёный вампирчик, аж завидки берут! – ревниво бормотнул Михась, скептическим движением рыжих ресниц провожая спину удаляющегося вскачь всадника, эффектно задрапированную серым бархатным плащом. – То-то ты от него глаз оторвать не можешь!

– А зачем, скажи на милость, мне его глаз? – иронично хмыкнула я, сверля настойчивым взглядом стройный силуэт торопливо ретирующегося эмпира. Похоже, мы ему не понравились. – Хотя такую красотищу можно в золото оправить и на шею вместо кулона повесить...

– Вот! – уныло сморщился Михась. – А я-то уже размышлял – намеревался тебя от вампиров защищать, стать героем и прославиться на века. Но теперь думаю, как бы не пришлось вампирчиков от тебя того-с... А то повадишься: глазик – на кулон, зубик – на ожерелье...

Я беззаботно хохотнула:

– Так что зря ты на себя пуд железа навесил, местные эмпиры вовсе не кровожадные!

– Выходит, что зря! – разочарованно вздохнул мальчишка.

Следует упомянуть, что, едва попав в населённую местность и приметив какую-то захудалую оружейную лавочку, замаячившую на нашем пути, мой конопатый оруженосец тут же завернул под ее благодатную сень, не упустив возможности вооружиться до зубов. Я протестовала и спорила до хрипоты, но Михась не послушался, прикупив: рваную кольчугу, малость помятый шлем, топорик с кривой ручкой и покореженный круглый щит. Видимо, мальчишка излишне драматизировал ситуацию, поспешив принять близко к сердцу сомнительную вероятность смертельной угрозы, нависшей над моей сиятельной персоной. Но, увы, его героические надежды не оправдались! Эмпиры не обращали на нас ни малейшего внимания. Скорее наоборот, сторонились двух скромных, неприглядных

чужеземцев. Так что не нервничай, Михась, нужна я этим высокомерным эмпирам, как зайцу седло! Ведь по большому счету, там и смотреть-то не на что – сапоги у меня в пыли, кафтан безнадежно заурядный, вид обманчиво безмятежный, а конопушки уже на шею переползать начали, ибо погода стоит солнечная на загляденье, а тенистые леса в Эйсене – явление дефицитное. Обстриженные до плеч волосы теперь тоже не ахти как завлекательно смотрятся, но общей картины, кажется, не портят. В общем, самая что ни на есть обычная девка, коих в маркграфстве сотни, если не тысячи наберется, ничем на княжну не похожая. Но вот это как раз и хорошо, ибо нам же легче. Мы ведь не цацы какие, мы люди тихие, мирные, лишних проблем на свою пятую точку не ищем! А чего их искать? Да они и так за мной будто приклеенные таскаются...

– Княжна! – мгновение спустя позвал Михась, философски почесывая шлем в районе затылка, видимо, для активизации мыслительных процессов. – Так это что же получается, выходит, и тварь безбожная способна нормальным человеком прикинуться? А как же мне их тогда различать?

Я нехотя оторвалась от своих пространных размышлений. Не нужно обладать особенным умом, чтобы понять – карта из Колоды Судьбы, изображавшая вампира, на самом деле пророчила мне встречу с эйсенским эмпиром. Потому что иных в Антее просто не водилось, а высший эмфир мог происходить только из благородного рода. Впрочем, они все здесь благородные, причем настолько, что аж дух захватывает! В кого ни плюнь – все в каретах с лакеями на запятках или на сказочно красивых конях, с замысловатыми гербами, с замками и родословной до двадцать пятого колена... И правда, тьфу на вас, эмпи... э-э-э, то есть... гоблины проклятые, вот неразбериха-то! И как же я теперь одного, именно того самого нужного мне эмпира искать-то должна?

– Рогнеда! – просительно проныл настырный оруженосец, не собираясь отступаться от волнующей его проблемы. – Чем же твари от людей отличаются?

Я иронично прищурилась:

– А твари это кто?

– Ну как это кто?.. – оторопел мальчишка. – Дык, ясное дело, те, которые зло творят, людей убивают, Тьме служат...

– У-у-у, – критически поморщилась я, – так на такое и люди способны!

Михась засопел с сомнением:

– Тварь не по клыкам определяют, получатся?

– Верно, по делам и поступкам, – подтвердила я. – Нелюди, они и среди людей часто встречаются!

– А ежели они среди ваших Воинов Судьбы затешутся? – продолжил допытываться въедливый Михась.

– Твари или нелюди? – провокационно улыбнулась я.

– Совсем ты меня запутала! – скис оруженосец, раздраженно потирая нос и путаясь в диалектике с эклектикой. – Скажем так: нелюди в виде людей и люди в виде тварей...

– Возможно! – спокойно согласилась я, в душе безмерно удивляясь прозорливой мудрости безусого мальчишки. – Возможно...

Мои мысли все крутились вокруг недавней беседы со Смотрящей сквозь время. И внезапно меня осенило – не стоило судить по внешности и прошлому предполагаемых Воинов, следовало учитывать только их характер, принципы и убеждения. Ведь именно они определяют наше будущее и настоящее. Именно они позволяют бороться с невезением, изменять судьбу и спасать мир. Они сильнее неудачи и смерти, они перековывают зло в добро, ненависть в любовь и учат неотступно идти к нужной цели. Они делают нас людьми и настоящими бойцами... Хм, так-то оно так, однако не все настолько просто, как кажется. Даже если мы соберемся всей шестеркой и сумеем найти общий язык, прийти к взаимопониманию, то это всего лишь половина успеха, ибо впереди нас подстерегают Чернокнижник и Ветер Инферно! Сможем ли мы противостоять предстоящим испытаниям – достанет ли у нас сил, смелости и выдержки?

Кони шли неспешной трусцой, неся нас в сторону столицы маркграфства, великого города Эйсенвальда. Именно там, по моему мнению, нам и следовало искать напророченного картами эмпиря. Наш путь пролегал через крохотную деревушку, состоящую из десятка опрятных домиков, огороженных невысокими ухоженными заборчиками. Напротив одного из них, прямо посередине дороги, сидела упитанная черная кошка, хозяйски озирающаяся вокруг себя. Рядом с пушистой охотницей лежал трупик мышки, подозрительно смахивавшей на ту, которую показывала мне на ярмарке старая эльфийка.

– Мя! – неожиданно и агрессивно выдала кошка, встречаясь гипнотизирующим, холодным взглядом с моими решительно прищуренными глазами.

Вопль прозвучал угрожающе, неся оттенок наглого вызова. Кошка отнюдь не собиралась отходить, освобождая путь. Наши скакуны панически заржали, приседая на задние ноги и взбивая копытами желтую песчаную пыль. А мохнатая тварь злобно оскалила клыки, оказавшиеся слишком большими для столь мелкого животного. Ее глаза горели демоническим красным светом. Я вздрогнула – это противоестественное чудовище, кажется, являлось чем-то худшим, чем просто выжившая из ума домашняя любимица...

«Жизнь – штука сложная, – пыталась внушить мне черная тварь, переходя на низкое ворчание, напоминающее заунывный плач кладбищенского ветра. – Она подобна хитроумной ловушке, и все вы в ней – всего лишь мыши, беззащитные перед лицом неумолимой смерти!»

«Врешь, хищница! – протестуяще подумала я. – Я тебе не мышь. Меня не поймать!» – а вслух ответила не менее резко:

– Мя! – вопреки всему утверждая свои собственные жизненные заповеди: принципы добра и справедливости важнее смерти, а воля бойца сильнее зла и невезения!

Кошка возмущенно зашипела, поджала пышный хвост и затравленно попятилась, уступая мне дорогу. Злобное выражение усатой звериной морды мгновенно перешло в растерянное, превращая ее в подобие сморщенного лица какого-то человека, а скорее – мерзкого, искалеченного уродца... «Чернокнижник! – вспомнила я. – Смотрящая говорила о противодействующем нам Чернокнижнике! Неужели это он?» И я осенила тварь быстрым жестом пальцев, сложенных в знак богини Аолы. Кошка утробно взвыла и метнулась в подворотню. Я ликуя дернула поводья, направляя Орешка вперед, наперерез любому злу и наперекор любой опасности.

Гедрон лла-Аррастиг вынырнул из сознания почти до смерти перепуганной кошки, наконец-то отпуская на свободу измученное непонятной встряской животное, и устало опустил в кресло. Подобные магические эксперименты всегда отнимают необоснованно много сил, причем как у мага, так и у объекта, подвергнувшегося процедуре замещения разума. Все увиденное буквально ошеломило чернокнижника, заставив по-новому взглянуть на сумасбродную княжну. Девушка оказалась намного сильнее, чем он ожидал, а ее готовность бороться за свои убеждения вызывала невольное восхищение. И еще – это его обеспокоило... Похоже, справиться с ней будет не так просто, как это казалось Гедрону ранее. Сотворенный княжной знак ожег эльфа словно россыпь раскаленных углей, красноречиво свидетельствуя – сами Пресветлые боги выступили на стороне Рогнеды, защищая и оберегая! Ну что ж, это, конечно, неприятно, но преодолимо! И еще – нужно любым способом предотвратить встречу Рогнеды и остальных Воинов Судьбы. А это значит, что ему уже пора доставать из рукава все загодя припасенные козыри, вспоминать свои самые страшные заклинания и приниматься за дело всерьез!

Чернокнижник взмахнул широкими полами своей атласной хламиды, верша темную волшбу, и в комнате начал медленно закручиваться спиральный серый туман, постепенно принимая очертания тощей, сутулой фигуры, вызванной из посмертного небытия...

– Фу, ну и гадкое же болото нам попало! – нудно бурчала Кайра, длинной палкой осторожно прощупывая скрывающуюся под водой тропу. – И чего нас понесло в это гиблое

место? – Вопрос, произнесенный вслух, однако не адресованный какому-либо конкретному лицу, носил четко выраженный риторический характер.

Вонючая зеленоватая жижа лениво колыхалась под ногами, при каждом шаге заливая сапоги до самой щиколотки и поднимая со дна мутную взвесь из частиц гнилой травы, ила и бурой грязи. Узенькая, едва заметная тропка, отмеченная хлипкими вешками, петляла от кочки к кочке, уводя путников в самую глубь безымянного болота, поросшего чахлыми кустиками остролиста и пучками еще не успевшей вызреть клюквы. Унылая картина окружающего пейзажа отнюдь не радовала глаз, вызывая одни лишь неприятные ассоциации. Да и пахло здесь соответственно – на редкость омерзительно. Телохранительница остановилась, пытаясь откарабать обрывок мха, прилипший к пряжке сапога, слегка отклонилась от тропы и тут же провалилась по колено.

– И чего нас понесло в это поганое место? – процедила Кайра, медленно закипая и цепляясь за протянутую руку Тая.

– За подвигами! – ободряюще улыбнулся принц, вытягивая родственницу на безопасный и относительно сухой участок.

– Ой ли?! – скептически парировала девушка, стаскивая высокий ботфорт, выливая из него воду и подозрительно нюхая раскисшую обувь. – Фу! – сердито скривилась она, исключительно из вредности заикливаясь на одном и том же эффектном словечке. – Опять твоё высочество на постельные подвиги потянуло! Что, дома девками не натешился?

– Кайра, ты пристрастна! – беззлобно улыбнулся принц. – Спасти прекрасную деву – дело чести любого принца! К тому же вспомни, что нам рассказывали про мага...

– К гоблинам деву, к гоблинам мага! – хмуро ругнулась телохранительница, строптиво плюхаясь на пучок травы и надевая насквозь промокший сапог на воткнутую в землю палку. – Задрали меня твои героические идеи. Учти, пока ботфорты не высушу – дальше не пойду, не хватало мне ещё для полного счастья насморк заработать!

Признав справедливость её доводов, Тай сдался и уселся рядом, неторопливо прокручивая в голове прошедшие события сегодняшнего дня...

– Да тут поблизости она, твоя желанная! – небрежно мотнул гребнем Трей, наслаждаясь оторопелым видом принца. – Я её в орешнике припрятал!

Тай протяжно присвистнул:

– Ты её связал или зачаровал?

Дракон виновато хмыкнул:

– Незачем, нет в этом надобности! После того самого момента, когда я ту, вторую девицу, выбросил, а то уж дюже она меня своими придирами достала, твоя красавица как сознание потеряла, так с тех пор в себя и не приходит...

– То есть как это выбросил? – не поняла Кайра, внимательно прислушивавшаяся к путаному рассказу Трея.

– Да вот так, фьюить... – Когтистая лапа изобразила короткий взмах, должный означать трагическое падение с немалой высоты неведомого тела.

– А девушка что? – обалдело спросил принц, растерянно моргая.

– А ничего! – немного виновато прогудел дракон. – Может, убила, а может, нет. Да нечего её жалеть, она той ещё стервой оказалась. Летела себе и орала! Правда, перед этим меня основательно запутала, с пеной у рта доказывая, что это именно она является красногорской княжной Рогнедой...

– Ой! – возмущенно вскрикнула эльфийка, хватаясь за рапиру. – Ах ты, дурень!

– Ай! – огорчился принц. – Что же ты натворил!

– Ребята, да вы чего? – искренне удивился дракон. – Ну подумаешь, велика беда: стервой больше – стервой меньше!

– Так ведь она... – хором начали Кайра и Тайлериан, но договорить, посвящая дракона в смысл пророчества Логрина, они не успели, потому что дверь корчмы распахнулась повторно.

На крыльцо вывалились пивные бургеры, возглавляемые бледным от страха герром Отто. На голове бравого трактирщика, видимо, за неимением шлема, красовалась медная, до блеска начищенная кастрюля, а в судорожно сжатых пальцах угрожающе поблескивал здоровенный шампур для жаркого. Вооруженные обеденными ножами гости исполняли роль массовки, стараясь не дрожать коленками и не стучать зубами.

– Убирайся из наших мест, вымогатель проклятый! – пискляво выкрикнул хозяин «Берлоги», обращаясь к заинтересованному столь колоритным выступлением дракону.

– О, зер гут, динозаврен капут! – нерешительно поддержали бургеры, неосознанно переходя на давно устаревший, архаичный эйсенский диалект и скованно взмахивая столовыми ножами. – Эр ист гросс флюгшвайн!¹⁴

– Кем-кем вы меня обозвали? – склочно переспросил Трей, задними лапами взбешенно разрывая пышную траву.

Кайра медленно вытянула из ножен рапиру, задумчиво переводя взор с бургеров на дракона и обратно, но, видимо пока еще не решив, кого от кого требуется защищать.

– Оккупант! – на полтона выше взвыл трактирщик. – Нечего тут нашим коровам геноцид устраивать!

– А ты мне не хами! – почти миролюбиво предложил Трей, выпуская из пасти предостерегающее облачко дыма. – Я, кстати, в своем праве. Я, между прочим, пока в вегетарианцы не записывался!

Герр Отто покачнулся, презрительно фыркнул и шумно набрал в грудь побольше воздуха, похоже намереваясь изречь что-то судьбоносное.

Дракон зарычал.

– Трей, не надо! – торопливо предупредил Тайлериан, понимая, что сейчас случится что-то не поправимое. – Видишь, он же пьян в стельку! На таких грех обижаться... – Но принц не успел закончить увещевание.

– Да мы твое хваленое право вместе с тобой, – ехидно подмигнул герр Отто, – знаешь, где видели? – И поскольку гигант молчал, обомлев от подобной наглости, трактирщик подробно уточнил – где именно, совершенно не стесняясь в крепких выражениях.

Кайра стыдливо покраснела. Бургеры выкатили глаза. Тай ахнул...

Дракон помедлил секунду-другую, переваривая услышанное. А потом безмолвно распахнул зубастую пасть идохнул. Из его горла вырвался огромный клуб пламени, устремившийся к крыльцу.

Тайлериан прыгнул, будто дикая кошка, преодолевая все ступеньки, изворачиваясь на лету и сбивая с ног невменяемого трактирщика. Медная кастрюля с ужасающим грохотом скатилась вниз, прямо под лапы Трею. Дракон опомнился и дернулся в сторону. Сгусток огня изменил траекторию – минуя крыльцо, а также сплетенных в запутанный клубок эльфа и хозяина «Берлоги», но превращая случившуюся неподалеку стайку куриц-несушек в косяк поджаристых, румяных окорочков.

– Вир капитулирен! – панически орали бургеры, роняя ножи и поднимая руки вверх. – Виват динозаврен!¹⁵

Кайра с облегчением рассмеялась и убрала рапиру обратно.

– И не совестно тебе, крылатый? – пристыдила она Трея. – Такой большой, умный, а алкашей обижаешь!

– Нет, а че сразу я? – неубедительно оправдывался дракон, смущенно отворачивая хитрющую морду. – Называется, нашли крайнего. Да они же первые начали! К тому же еще неизвестно, кто сильнее – я или зеленый змий...

¹⁴ Полагаю, архаичный эйсенский произошел от немецкого языка. Поэтому в моем вольном переводе эти фразы звучат так: «О, очень хорошо, дракону хана! Он большая летающая свинья!»

¹⁵ Сдаемся! Да здравствует дракон!

Импровизированный стол накрыли на ближайшей поляне. На этом настоял дракон, возмечтавший непременно выпить на брудершафт с бравым трактирщиком, пришедшим в нормальное состояние и ведущим себя вполне адекватно. Против примирения никто не возражал, особенно с учетом того, что куда-то ненадолго смотавшийся Трей вскорости вернулся, таща в лапах объемистую, ведер этак на десять, бочку с мальвазией. Окончательно капитулировавшие бюргеры пили вино из знаменитой кастрюли, правда малость погнувшейся и закоптившейся, но, безусловно, лишь приобретшей после этого ценность редчайшего музейного экспоната. Вопрос, откуда в захудалой глухомани взялся раритетный напиток богов – скорее всего, нахально экспроприированный в ближайшем дворянском замке, – никого не волновал, а пресловутое не на словах отстоянное драконье право на левые делишки отныне считалось фактом непреложным и оспариванию не подлежащим.

– Вкусно! – Кайра зачерпнула второй кубок прямо из бочки, водруженной в центре поросшей лютиками полянки. – Позвольте полюбопытствовать, где же это такую деликатесную прелесть изготавливают? Уж не в этой ли вашей, как ее, Лебнице, кажется?

– Нет, что вы, прекрасная госпожа! – Герр Отто смачно закусил сочной курятиной, отлично прожаренной по фирменному драконьему рецепту, и с видом знатока элитных вин шумно отхлебнул из вместительной глиняной кружки. – Такие сорта ближе к столице производят, специально для стола сиятельного маркграфа...

– Ну вот, значит, и мы получили возможность в кои-то веки почувствовать себя дворянами! – лукаво ухмыльнулся Тай, заговорщицки подмигивая Кайре. – А что, уважаемый хозяин, можно ли из ваших мест побыстрее до пресловутого Эйсенвальда добраться?

– Да отчего же нельзя-то, – непонятно нахмурился трактирщик. – Вот только... – Тут он сосредоточенно подергал себя за мясистое красное ухо, неосмотрительно доводя его до состояния напрочь разварившегося вареника. Было заметно, что лихого герра одолевают какие-то затаенные, но весьма серьезные сомнения. – К столице две дороги ведут. Новая – длинная и безопасная, и старая – заброшенная да бурьяном заросшая, но зато короткая!

– Мы бурьяна не боимся, – снисходительно переглянулись эльфы.

– Ох, не поняли вы меня, господа хорошие, – раздосадованно кашлянул корчмарь, продолжая терзать ни в чем не повинное ухо. – Опасно по той короткой дороге ездить, дюже опасно...

– Бурьян озверел и на людей кидается? – иронично выдвинул дикое предположение Тай, бросая куриную косточку ластившейся к нему дворовой собачонке. – Ну, поди, с ним мы как-нибудь да справимся!

– А с магом неуспокоенным? – ехидно поддел хозяин, выразительно поигрывая мохнатыми, будто гусеницы, бровями. – Сомневаюсь, ибо он, кроме вас, уже человек двадцать до смерти заел...

– Оп-па! – недоверчиво отреагировала раздумывавшаяся Кайра. – Так уж и до смерти?

– Сам останки хоронил, вот этими самыми руками! – Герр немного хвастливо выставил вперед свои лопатообразные ладони. – Могилки показать?

– Да верим мы, верим! – лениво отмахнулся дракон, кверху пузом разнеженно валяющийся в лютиковой желтизне. – А вот лично мне здорово хочется на мага этого крутого вблизи посмотреть, понюхать, на зуб его попробовать... – И он, на редкость с самоуверенным видом демонстративно оскалил нехилые белоснежные клыки.

Бюргеры моментально поперхнулись несправедливо истребляемой мальвазией.

– И мне! – радостно встрепенулся Тай. – Я тоже приключений хочу-у-у!

– Не думаю, что билет на кладбище, причем выданный в один конец, может оказаться столь увлекательным приключением, каковым оно тебе видится! – неразборчиво пробурчала Кайра, прочно завязнув зубами в мясистой куриной ножке.

– А мы туда мага спровадим! – Дракон вопросительно посмотрел на принца.

– Точно! – бурно поддержал эльф, возбужденно блестя фиалковыми глазищами и

упиваясь предвкушением грядущей вылазки. – Ему, судя по всему, давно туда дорога!

– Да видно, не каждая дорога сразу ведет на кладбище! – шутливо подмигнул Трей. – Не откажусь послать его на ...!

Единомышленники, очевидно уже успевшие крепко сдружиться на почве обоюдной любви к приключениям, счастливо заржали.

– Спелись! – кисло констатировала Кайра, воспитанно отпивая из кубка. – И спились!

Трей обрадованно кивнул. Принц учтиво поклонился.

– Герр Отто, – вежливо обратился Тай к хозяину, – а не будете ли вы столь добры поведать нам с подробностями, что же все-таки приключилось с этим злополучным магом?

– Точно! – за компанию поддакнул любознательный дракон. – Чего ему спокойно на погосте не лежит?

– О-о-о, – драматично протянул добросердечный корчмарь, заранее утирая слезы сочувствия, – это такая печальная история...

– О, йа-йа, натюрлих!¹⁶ – плаксиво подхватили пьяненькие бюргеры.

– Печальные истории благотворно воздействуют на пищеварительную систему, – тонко намекнул принц, опираясь на локоть и приготовившись слушать.

– Рассказывай! – в приказном тоне рывкнул дракон, нисколько не уважавший изысканные эльфийские манеры. – Нечего тут негативную атмосферу нагнетать!

– Ну хорошо, – покладисто кивнул хозяин, которому, по правде говоря, и самому аж до зуда под языком не терпелось выложить всю подноготную. – Жил лет этак сто назад в наших местах один знатный маркиз, наплодивший ни много ни мало, а целых тринадцать сыновей. И стоял их замок как раз на полпути от нас до деревни Лебнице. Ясно-понятно, что на такую ораву парней никакого наследства не хватит, поэтому пришлось юношам по достижении зрелого возраста самим позаботиться о своем будущем. Сказывали мне, будто один из них в наемники подался, да там и сгинул, второй купцом заделался, третий – пиратом, ну а младшенький, как раз тринадцатый по счету, обнаружил в себе незаурядный талант к волшебству и уехал учиться в Наррону, к некромантам. Долгонько его в родном краю не видывали. А пикантная суть истории состоит в том, что полюбил этот ретивый колдунчик единственную дочку родовитого виконта, заносчивого как демон и богатого до ужаса. И якобы благородная девица не только ответила парню полной взаимностью, но и обещала ждать его столько, сколько потребуется. И вот, не знаю уж, скока там лет прошло, но юноша, ставший к тому времени взрослым мужчиной, вернулся домой, и впрямь имея при себе посох высшего некроманта. Он быстренько охмутил несговорчивого батюшку своей красотки, забрал возлюбленную и зажил с ней в отцовском замке, постепенно прибрав к рукам всю округу. И говорили люди, будто невиданное могущество этого мага заключалось в некоей волшебной вещице, выкраденной им из храма Нарроны, а храм тот принадлежал не кому-либо еще, а самой королеве Смерти. Но счастье колдуна длилось недолго. Вскоре из Нарроны прибыла целая делегация могучих и шибко злющих некромантов, потребовавших вернуть похищенный артефакт. Гордец, конечно, отказался, и такая тут война разгорелась, что будь здоров! Уж не ведаю, чего там с его супругой приключилось, но от замка остались одни развалины, а мятежного мага зверски убили, да еще и проклинали вдобавок, обратив в неупокоенную тварь, потому что искомый предмет из храма так и не нашли, хоть и старательно перерыли и просеяли землю вокруг замка. Вот и бродит теперь неупокоенный призрак этого колдуна по старой дороге и убивает всех, кто ему под когти подвернется. А сокровище его страшное, некромантам не доставшееся, так с тех пор и ищут всякие смельчаки безрассудные...

– Да-а, – очарованно вздохнул Тай, мечтательно закатывая глаза, – вот это сказочка, готовый сюжет для баллады!

– Сказочка?! – негодуя подпрыгнул герр Отто, расплескивая мальвазию. – Ах ты,

¹⁶ О, да-да, конечно!

балда, ой, извиняюсь, баллалист непутевый! Да правда это все, Аолой клянусь!

– А дорога та короткая – не через болото ли ведет? – с подозрением спросил Трей, требовательно заглядывая трактирщику в лицо.

– Точно, через оно самое! – ответил герр Отто, гадливо кивая. – Ох и паскудное же там место, доложу я вам...

Дракон смущенно чихнул, выжигая на траве ровный обугленный круг.

– Так это там ты девушку припрятал? – выдвинул предположение принц.

– Там! – нехотя буркнул Трей, невинно помаргивая. – Уж простите меня, ради богов, я же не знал про мага...

– Индюк тоже много чего не знал, пока в суп не попал! – обидно передразнила дракона Кайра, точно воспроизводя его тягучую, растерянную интонацию. – Везет тебе, как утопле... нет, – она даже пальцами прищелкнула от прозрения, – как Таю. Вы с ним два сапога пара по части всяких неприятностей и ошибок!

– Мы, – одновременно и абсолютно одинаково насупились «везунчики», – мы философы, поэты и, в конце концов, воины!

– Чего воины-то? – иронично фыркнула Кайра. – Против кого дружить будете?

Самопровозглашенные воины недоуменно переглянулись.

– Ничего, найдем против кого! – утешил дракона находчивый эльф. – Враги не водка, их мало не бывает!

Трей расцвел в радостной улыбке:

– Это точно!

– О-о-о, шнапс дас ист вундербар!¹⁷ – восторженно проскандировали в зюзю укушавшиеся даровой мальвазией бюргеры.

Кайра недоверчиво хмыкнула.

– Поторопиться бы нам, а? – тихонько сказал принц, поднимаясь с травы. – А то, не ровен час, как бы этот развеселый маг девушку прежде нас не нашел...

– Так летим! – любезно предложил Трей, с готовностью подставляя крыло.

– Идиоты! – печально припечатала телохранительница, деловито собирая нехитрые пожитки. – Вечер уже почти на дворе, чего мы там с воздуха-то разглядим? Трей, ты точно помнишь, где златовласку краденую прятал?

– Приблизительно! – сконфуженно шмыгнул носом дракон.

– Мы коней пока здесь оставим, – мгновенно сориентировался в ситуации принц, – сами же пойдем пешком, девушку искать... А уж там разберемся по обстоятельствам.

– Ага, разберутся они, как же... – вполголоса крикнул корчмарь, провожая сожаляющим взором торопливо удаляющуюся компанию. – Видали мы таких смельчаков! – Но вслед им гаркнул совсем другое, более бодрое и напутственное: – Вы там это, поосторожнее! Глядите, чтобы мне и вас хоронить не пришлось!

– Зи ист думмкопфс!¹⁸ – сурово припечатали бескомпромиссные бюргеры, поддерживая приговор Кайры.

Главный жизненный принцип, фанатично исповедуемый Зорганом, звучал так: «Если чего-то на всех не хватает, значит, нужно срочно уменьшить количество всех». Причем под «чем-то» он всегда подразумевал не что-то расплывчатое и неопределенное, а нечто конкретное, именно то, что ценил превыше всего на свете. К чему стремился всю сознательную жизнь, чего добивался с пылом и жаром, достойными гораздо лучшего применения. Что любил сильнее, чем золото, и увлеченнее, чем женщин. Что переросло для него в смысл земного существования, навязчивую манию и одновременно – в самое заветное желание. А называлась эта химера одним коротким, но благозвучным словом – власть.

¹⁷ О-о-о, водка – это прекрасно!

¹⁸ Они идиоты!

Власть, ставшую для него именно химерой, потому что путь к трону преграждал всего лишь один юноша – хрупкий и слабый, но зато чрезвычайно упрямый и живучий эмпир, молодой маркграф Эйсен, Вольдемар дер-Сольен. И именно ему предстояло сейчас в полной мере испытать на себе силу разрушительного принципа Зоргана, принципа, не знавшего пощады и не оставлявшего шанса выжить.

Снег лежал в узилище с прошлой зимы. Небольшой сугроб, наметенный у западной стены в дни затяжного декабрьского снегопада да с тех пор так толком и не растаявший. Настолько холодно и сыро оказалось в этом узком каменном мешке, уходящим намного ниже уровня фундамента замка, что даже снег здесь не таял. Желтый, вонючий, затвердевший, он казался измученному жаждой Вольдемару упоительно сладким, отдающим восхитительным привкусом сахарной ваты и невыносимо белым, ослепляющим его налитые кровью глаза. Истерзанное пытками тело болело невыносимо. Хотя нет, уже почти не ныло, потому что боль, еще пару дней назад воспринимавшаяся как острые сполохи жгучего пламени, пожирающего отбитые почки и легкие, сломанные ребра и правое колено, раздробленное палицей палача на допросе, поутихла, превратившись в не исчезающую сонную завесу, окутывающую отупевший рассудок.

Последних сил умирающего юноши едва достало на то, чтобы, изгибаясь, будто червяк, и судорожно извиваясь связанным телом, медленно проползти два шага и уткнуться своим опухшим от побоев лицом в эту жалкую кучку прошлогоднего снега. Лицом, еще несколько дней назад пленявшим изысканной, утонченной красотой, а сейчас обезображенным почти до неузнаваемости. Внешняя красота исчезла, уйдя в небытие. А от всей его предыдущей жизни, сейчас кажущейся нереальной, невозможной сказкой, остался только вот этот прошлогодний снег, испятнанный алыми каплями крови, скатывающимися с его изорванных раскаленными щипцами губ. Гримаса отчаяния на мгновение исказила безобразную маску из запекшейся крови, заменившую Вольдемару лицо, ломая ссохшуюся корку сукровицы и гноя, но юноша лишь едва слышно всхлипнул и отчаянно прикусил лохмотья губ, упрямо подавляя крик горя и отчаяния. Нет, гордость пережила красоту – она никуда не делась, осталась с ним навечно. Гордость – единственная роскошь, доступная ему в этой безысходной ситуации. Гордость – последнее украшение и достоинство низвергнутых владык!

Справившись с рыданиями, Вольдемар приоткрыл рот и, кривясь от боли в сломанной нижней челюсти, проглотил еще одну пригоршню снега, ставшего в последнюю неделю его единственной пищей. Всю эту ужасную, бесконечную неделю... Услужливая память немедленно оживила слегка подзабытые воспоминания, жестоко возвращая молодого эмпира в тот страшный день и час.

Это случилось на следующее утро после похорон отца. Вольдемар завтракал в своих покоях, запивая крепким кофе ванильное мороженое. То самое мороженое, чей аромат и воскресил крохотный клочок затхлого тюремного снега! Они вошли без спроса и приглашения, дерзко, будто хозяева, одним рывком распахнув высокие белые двери, ведущие в его апартаменты. Помощник главного эйсенского прокурора, а с ним несколько стражников. Вольдемар и опомниться не успел, как ему заломили руки за спину, связали, а на голову надели тяжелый гематитовый обруч, полностью блокирующий его уникальные способности. Эмпиры живучи, они способны заживлять раны, являющиеся смертельными для любого другого существа, читать мысли и внушать на расстоянии. Способны, но только не в гематите. Ошеломленный, ничего не понимающий молодой маркграф, еще вчера официально объявленный владыкой Эйсенвальда и всего маркграфства, потрясенно наблюдал за обыском, учиненным в его опочивальне. Невозмутимые стражники, игнорирующие его растерянную персону, перевернули содержимое шкафов, вытряхнули все ящики бювара и привели в состояние полнейшего хаоса вместительный стеллаж с книгами. Они взломали паркет, сорвали гардины и вспороли матрас на кровати. Да впрочем, это еще что, наглецы цинично рылись в его белье, отпуская сальные шуточки насчет шелка и кружев. Вольдемар онемел от изумления, категорически отказываясь поверить в

происходящий кошмар. Что они ищут?

– Нашел! – ликующе воскликнул один из стражников, осторожно извлекая из-под обивки кресла тонкий, длинный стилет с запачканным кровью лезвием.

– Милорд, – помощник прокурора и не думал кланяться, ставя молодого маркграфа перед свершившимся фактом, – мы имеем все основания подозревать, что именно этим кинжалом был заколот ваш отец!

Вольдемар лишь беспомощно разевал рот, смахивая на вытащенную из воды рыбину.

– Но... – слабым шепотом начал он, – я...

Жестокий слугитель закона отмел его робкие возражения сразу, одним коротким движением ладони, не терпящим оправданий и не принимающим каких-либо извинений жестом:

– Милорд, ваша вина уже доказана де-юре! И если она подтвердится де-факто...

– То что тогда? – по-прежнему не понимал Вольдемар.

Помощник прокурора скривил сухие губы в жестокой улыбке и выразительно провел ладонью по своей жилистой шее на уровне кадыка, некрасиво выпирающего над воротником темно-синего форменного сюртука.

Вольдемар чуть не задохнулся от ужаса, отлично поняв этот глумливый жест.

– Но это невозможно! – почти выкрикнул он. – Я не убивал отца! Ведь он же мой отец! – Он смотрел умоляюще, словно призывая всех присутствующих поверить столь весомому аргументу.

– Ну и что? – равнодушно пожал сутулыми плечами законник. – Недавно мы казнили женщину, зарезавшую и съевшую свою единственную новорожденную дочь... Помолодеть, дрянь, хотела. А ради трона, – он торжественно возвысил голос, – еще и не такое сотворить возможно!

– Бред! – сдавленно всхлипнул юноша. – Навет! Поклеп!

– Мы разберемся! – церемонно пообещал бюрократ. – Стиллет отдадут магам. И если они выяснят, что кровь на самом деле принадлежит графу Эдмунду, то, – он угрожающе прищурил свои и без того маленькие, бесцветные глазенки, – то храни вас тогда Аола, милорд...

Первые сутки заключения Вольдемар провел в относительном комфорте, запертый в спальне. А на второе утро к нему снова явился тот же крючкотвор, на этот раз настроенный уже далеко не так любезно. Ибо на лезвии кинжала маги действительно нашли кровь и частицы мозга покойного графа, а на его рукояти – отпечатки пальцев Вольдемара. Хотя чему тут удивляться? Ведь этот самый стилет принадлежал к обширной коллекции оружия, используемого для тренировок всех без исключения мужчин маркграфской семьи... Но против улик не поспоришь, и, как юноша ни сопротивлялся, его все-таки бросили в узкий каменный мешок, предназначенный для содержания самых опасных убийц. Допросами руководил Зорган, его завистливый кузен, самочинно объявивший себя регентом. О, теперь-то до Вольдемара дошло, кто стал истинным зачинщиком этого грубого фарса, нелепой пародии на справедливый суд. Но было уже поздно...

– Эй, родственничек, ты там еще жив? – Насмешливый, прилетевший откуда-то сверху голос вывел Вольдемара из полусонного забытья, оторвав от болезненных для души и тела воспоминаний. – Не помер ли, часом, мне на радость?

– Не дожدهшься, подонок! – сквозь зубы ненавидяще просипел юноша, поднимая голову. – Я еще тебя переживу!

– Ну это вряд ли! – злобно хохотнул Зорган, перегибаясь через край узкого глубокого колодца, прищуриваясь и пытаясь рассмотреть израненного пленника, скорчившегося на дне жуткого каменного мешка. – А ты, оказывается, не только невезучий ублюдок, но еще и безмозглый оптимист к тому же!

– Это ты убил отца?! – крикнул молодой маркграф, сейчас желая одного – узнать правду.

– Я! – без зазрения совести, погано усмехнулся Зорган, прекрасно понимавший всю выгоду своего положения и уверенный в безнаказанности откровенного признания. – И кинжал в твою спальню тоже я подбросил. Сначала я надеялся, что ты не вынесешь нечеловеческих пыток и сознаешься в том, чего не совершал. Но ты оказался крепким орешком и вытерпел все испытания. Потом я думал, что тебя убьют голод и холод этого подвала, но ты и тут не оправдал моих ожиданий. Признаюсь, братец, ты меня утомил...

– И что ты придумал еще? – хмыкнул пленник, невольно ощущая свое превосходство над мучителем.

– Ты, – ненавидяще шипел Зорган, – ты помеха. Ты стоишь на моем пути к трону, власти и величию, поэтому я избавлюсь от тебя любой ценой...

– Не обманывай себя, кузен, – пророчески пообещал Вольдемар, стараясь придать своему голосу всю доступную ему твердость. – Ты же сам понимаешь, что однажды я вернусь даже из Обители затерянных душ и спляшу танец мести на твоих гниющих костях!

– Ты?! – Зорган язвительно расхохотался, и гулкое эхо его издевки ураганной волной прокатилось по узкому проходу потайного узилища. – Ты?! Да ты уже почти покойник! Не тешь себя миражом спасения, это нереально. Ты обречен...

– Нет! – яростно откликнулся Вольдемар, не желая верить предателю. – Нет!

– Да, да! – почти ласково проворковал виконт, давась смехом. – Завтра утром тебя выведут на главную площадь Эйсенвальда. По моему приказу из далекой деревушки привезли молодую ведьму, уже успевшую прославиться несколькими сбывшимися пророчествами. Она подтвердит твою вину, а меня объявит спасителем маркграфства, несущим мир и благоденствие всей стране. И тогда тебя казнят...

– Не верю! – из последних сил отчеканил Вольдемар, пытаясь обуздать безысходное ощущение обреченности, сковывающее сердце непробиваемой коркой льда. – Не бывать этому никогда!

– Дурак! – холодно припечатал Зорган, отходя от колодца. – Ладно хоть мне повезло не родиться таким же доверчивым и благородным дураком...

– Я не дурак, – несговорчиво прошептал Вольдемар, расслышав последние слова своего палача. – Я – воин, и моя судьба еще не исчерпана...

Он и сам не понимал, что за странные мысли пришли в его голову, откуда они взялись и к чему породили эту столь непонятную, бесконечно загадочную фразу...

А Гедрон лла-Аррастиг прищурил свои и без того узкие глаза, задумчиво рассматривая три лежащих перед ним вольта, символизирующих Вампира, Злодея и Ведьму. Говоря откровенно, он и сам не ожидал, что именно по его черной воле их судьбы переплетутся столь крепко и неожиданно, свиваясь в тугую нить предназначения. И, надо признать, предназначения весьма неприятного и нежеланного для хитроумного чернокнижника. Но Гедрон ехидно усмехнулся и снова соединил пальцы в сложном магическом жесте, явно замышляя недоброе...

Неустойчивые весы капризной удачи начали склоняться в его сторону.

Глава 3

Герр Хайнц Беренбаум – бессменный староста небольшой деревеньки Ренби, расположенной на севере маркграфства Эйсен, всеми уважаемый и вполне зажиточный пейзажник, горестно вздыхал, сидя за крепким дубовым столом на кухне своего нового двухэтажного дома. Прodelывал он это донельзя основательно, на полном серьезе и даже с немалой долей врожденного, сугубо природного артистизма, что неподдельно свидетельствовало об одном: сие ответственное действо стало для него давно привычным, регулярным и не лишенным удовольствия. А ведь если копнуть поглубже и разобраться, то, по обыденным деревенским меркам, кручиниться старосте было совсем не от чего. Проблем с урожаем в этом году не намечалось. Свиньи плодились, будто кролики, а треклятые

кролики и того хлеще – оборзели вконец и грозили не только заполнить вместительный сарай до самых стропил своим не поддающимся исчислению приплодом, но и выплеснуться в конюшню. Любимая кобыла герра Беренбаума, носившая кокетливую кличку Бабочка, разродилась настолько замечательным по всем статьям жеребчиком, что приехать полюбоваться на будущего чемпиона деревенских скачек соизволил даже сам маркиз Вульштрасс, эмфир в тридцатом поколении и по совместительству хозяин близлежащего города Вилько. Восхищенно расхвалив шустрого гнедого стригунка, бодро гарцевавшего по загону, маркиз выразил абсолютную уверенность в блистательном будущем сего потенциального чемпиона. Дабы не лишать подрастающую гордость окружи счастливого жеребячьего детства, выражающегося, по мнению умного дворянина, в яслях, полных отборной пшеницы, он освободил старосту от уплаты всех налогов сроком аж на целых три года. Подобной щедрости в Ренби еще не видавали, как и столь беспрецедентного везения, так и сыплющегося на начинающую сесть голову дородного, благообразного герра Хайнца. В довершение ко всему к средней дочке Беренбаумов на днях посватался не абы кто, а именно он, кумир всех девиц на выданье, белобрысый Ганс, сын вильковского ювелира и первый жених в округе. Румяная, будто садовая роза, Хильке Беренбаум цвела тихой радостью, срочно закупая приданое и иногда обжигая родителей безмолвным, кротким, но выразительным взором голубых, обычно стыдливо потупленных очей. Здоровяк Ганс ходил гоголем, безмерно гордясь неоспоримой пригожестью своей длиннокосой, сноровистой невесты. Вот и день свадьбы уже назначили, по исконной эйсенской традиции: в первый осенний месяц, как раз на конец уборки урожая. И, казалось бы, чего же старосте желать еще – живи да радуйся! Ан нет – укрывшийся на кухне герр Хайнц продолжал вздыхать украдкой, старательно скрывая свои горести от дотошливых и безмерно любопытных соседей, справедливо побаиваясь их падких на сплетни языков.

Хотя односельчане и так время от времени потихоньку судачили насчет его семьи, правда, без особого усердия и злости. А впрочем, милости, словно из рога изобилия, щедро сыплющиеся на дом герра Хайнца, не удивили никого. А ведь как по-другому-то? Род Беренбаумов недаром считался самым старинным и крепким во всей деревне, да и сама фамилия старосты означала не что иное, как «первый человек в Ренби». Вот то-то и оно! Но, несмотря на все жизненные блага, герр Хайнц продолжал вздыхать, причем чем дальше – тем протяжнее и печальнее. Возможно, в его простодушном сердце затаилась какая-то страшная печаль, неведомая всем остальным?

От унылых раздумий старосту отвлек грохот нового чугунного горшка, только на прошлой неделе купленного на вильковской ярмарке, а потому еще толком не обожженного и к старому ухвату не приспособившегося. Староста осуждающе посмотрел на жену, внесшую шумный диссонанс в размеренный поток его неторопливых и чрезвычайно скорбных мыслительных изысканий.

– Ох и беда же у нас приключилась! – вполголоса простонал герр Хайнц, мелодраматично хватаясь за голову. – Ох и горе же!

Степенная фрау Мирца, верная жена герра Хайнца, увлеченно хлопотавшая у белоснежной, нарядно побеленной печи, пропускала стенания мужа мимо ушей, лишь изредка отвечая ему короткими «угу» или «ага». Достопочтенная фрау мыслила более приземленно и к тому же торопилась с обедом, потому что к трапезе ожидалась важные гости – жених Хильке Ганс со своим состоятельным батюшкой. А посему не только в данный момент, но и вообще больше всего на свете фрау Мирцу интересовали не сентенции супруга, а жареный гусь с яблоками, да волновало лишь одно – боязнь опростоволоситься и испортить важный обед. И впрямь, до мужниных ли тут вздохов?

– А ведь это ты, Мирца, во всем виновата! – внезапно возвысил голос герр Хайнц, сердито дергая жену за завязку передника. – Тебе выпендриться захотелось...

Хозяйка вздрогнула и неловко повела ухватом. Новый горшок будто живой вывернулся из железных лап немудреной кухонной утвари, поехал вбок и наклонился, густо окропляя щегольские штаны богоданного спутника жизни жирным, наваристым супом с клецками. По

кухне поплыл резкий аромат жареного лука. Фрау Мирца раздосадованно вскрикнула.

– А-а-а, чтоб тебя! – эмоционально выдал ошпаренный староста, обычно весьма сдержанный на язык и за двадцать пять лет вполне счастливого брака не оскорбивший супругу ни одним бранным словом.

Мирца в сердцах бухнула на стол ополовиненный горшок с первым блюдом, швырнула в угол провинившийся ухват, присела рядом с мужем и разревелась в голос.

– Да уж будет тебе, мать! – Герр Хайнц добродушно погладил жену по безупречно накрахмаленному чепцу, украшенному по случаю скорого прибытия гостей кокетливым кружевным бантиком. – Поплакала и хватит...

– Не хватит, – самозабвенно рыдала старостиха, покаянно бия себя кулаком в пышную грудь, – моя вина, все моя вина!

Муж философски пожал плечами. А что тут теперь скажешь?

– И какие демоны меня укусили? – продолжала виниться фрау Мирца, обильно смачивая слезами рукав парадной мужниной рубахи и приводя ее в полное соответствие с залитыми супом штанами. – Вот нет чтобы дать девчонке простое деревенское имя, так мне с какой-то дурости захотелось иное, с дворянским переподвыподвертом! – Она самокритично всхлипнула. – Поэтому и вышло все не так, как нужно! Вон смотри, какие у нас Хильке с Шанси девки завидные выросли – и красавицы, и работающие, и от женихов отбоя нет, а младшая – сплошное недоразумение! Одним словом, Лизелотта! – И старостиха вздохнула, ничуть не тише мужа.

Герр Хайнц задумчиво покрутил ухоженный ус. А что тут теперь скажешь? Недаром проверенная народная мудрость гласит – выслушай бабу и сделай все наоборот. Так почему же не сделал-то? А сейчас уже поздно что-либо менять – хоть кайся, хоть плачь, но итог один...

Староста оценивающе покосился на распухший нос супруги да ее зареванное лицо, пошедшее крупными красными пятнами, и неожиданно лукаво усмехнулся. Ибо, несмотря ни на что, он прекрасно знал: оба они нежно и трепетно любят свою младшую дочку, едва ли не больше, чем обеих старших, хоть и уступает Лиззи, тощенький последыш, ядреным сестрам во всем – и в красоте, и в хозяйственной сноровке. Не такая она какая-то, не от мира сего! Да что греха таить, Лиззи и впрямь родилась как-то случайно, а росла особняком, потому что оказалась она очень своеобразным ребенком, совершенно не похожим на всех прочих деревенских детишек. Было время, Хайнц и Мирца гнали от себя крамольную мысль, будто кормят подменыша, подсунутого к ним в дом сказочными лесными бабами-шишиморками. Но годы, однако, брали свое – всех рассудив и все расставив по законным местам. Ведь с возрастом все больше проступало в их младшей дочке что-то насквозь привычное, настолько родное и семейное, что при всей непохожести Лиззи на льенокосых, статных и румяных сестер, ни у кого не возникало и малейшего сомнения – эта худенькая, пепельноволосая, нахальная егиза и точно принадлежит к славному семейству Беренбаум.

Лизелотта Беренбаум с детства обожала всяческую живность, одинаково без разбору привечая и лесную, и домашнюю: с неиссякаемым терпением возясь с котятами и птенцами, белками и сусликами – леча, выхаживая и защищая. Куда бы она ни шла, невысокую востроглазую пигалицу, задорно потряхивающую двумя короткими, торчащими над головой косицами пепельных волос, неизменно сопровождали громкоголосые деревенские шавки, при одном приближении девчонки поднимавшие восторженное твяканье, больше смахивающее на откровенное признание в любви. Лиззи никогда не щипали гуси, не бодали козы, не царапали коты, а самые вредные коровы безропотно отдавали ей свое молоко, позволяя надаивать в два раза больше обычной нормы. К ее ногам подплывали рыбы, на ее протянутые руки без раздумий садились пугливые сойки. Белки приносили Лиззи орехи, олени – цветы, а злобные медведи – душистый липовый мед. Проступало в этой девочке нечто особое, невидимое глазом, зато сразу осязаемое сердцем, притягивающее к ней животных, но нередко столь же мгновенно отпугивающее людей.

У меньшей дочки старосты Беренбаума почти не водилось друзей, потому что

Лизелотта остро чувствовала ложь и фальшь, а выносить пристальный взгляд ее серых, кристально-прозрачных глаз умели не многие. Людям не хотелось врать в ее присутствии, и просто обойти Лиззи стороной оказалось намного проще, чем всегда говорить одну только правду. Лесное дитя – так называли ее в деревне, намекая на то, что, возможно, она родилась не совсем человеком, а каким-то неведомым и неподвластным пониманию образом являлась чем-то сродни природным духам-фэйри, обитающим в речной воде, в толстых стволах ив или в серебристых лучах лунного света. Местные охотники – отважные, заматерелые и ничего не боящиеся мужики – за версту обходили стоящий малость на отшибе дом старосты, предпочитая пройти лишнее, нежели заполучить камнем в глаз от рассвирепевшей поборницы прав животных. Жаловаться Хайнцу было бесполезно. Пошумев для приличия, герр Беренбаум ласково гладил дочку по макушке и незаметно смахивал скупую слезу умиления: «Ишь какая боевая растет!» И жизнь вроде бы шла относительно гладко до тех самых пор, пока Лизелотте не исполнилось семь лет. В этот-то знаменательный день все и началось...

Ночь опустилась на землю совершенно неожиданно, будто кто-то без предупреждения вдруг потушил насыщенный дневной свет, и на густо-синем бархате неба блекло замерцала горсть мелких словно семечки, недостижимо далеких звезд. Над вязкой поверхностью болота поднималась лениво колышущаяся пелена плотного тумана, сильно ухудшающего видимость, поэтому вокруг воцарилась непроглядная тьма. Темно стало так, что хоть глаз выколи. Кайра, идущая на шаг позади Тая, была вынуждена вытянуть руку и ухватиться за конец легкого шелкового шарфа, свисающего с плеча принца. А иначе они запросто могли потеряться и разбредиться в разные стороны, заблудившись в этом демоновом тумане. Изредка сверху доносились приглушенные расстоянием окрики дракона, будоражившего тишину ночи своим басовитым трубным голосом. Из клубящегося сумрака там и сям выступали различные зловеще-загадочные фигуры, при ближайшем рассмотрении неизменно оказывающиеся не жвалами или щупальцами неведомой твари, а всего лишь разлапистыми ветками бесформенно разросшихся кустарников. Изломанные непогодой, обвитые нитями гнилой травы и увешанные лохмами серого мха, они производили на редкость отталкивающее впечатление, заставляя телохранительницу частенько шараться в сторону, сильно сдавливая шею своего терпеливого поводыря скользкой поверхностью шарфа. Ведь любая, даже самая отчаянная смелость всегда имеет свои разумные пределы.

– Кайра, – наконец придушенно промычал Тайлериан, засовывая пальцы под шарф и немного оттягивая его от своего горла, – тебе не кажется, что скоро в комплект к неупокоенному магу добавится еще один, совсем свеженький экземплярчик, называемый неупокоенным принцем?

– А что, безвинно утопшая в трясине девушка лучше? – резонно возразила Кайра, неустойчиво балансируя на осклизлой кочке, обильно поросшей бледными поганками.

– Хм, интересный вариант! – всерьез задумался Тай.

– Ребята, вы там еще живы? – пронзительно заорал парящий в темноте Трей, на краткое мгновение освещая небольшой кусок болота спонтанным выбросом клубка пламени, вырвавшегося из его пасти. – Блин, да вы хоть скажите мне что-нибудь...

– Что-нибудь! – жизнерадостно откликнулся принц. – Доволен?

– Добрый ты, ну просто зашибись! – донеслось откуда-то сбоку, удаляясь в совершенно противоположную сторону и доказывая, что чернильная тьма дезориентировала даже сумасбродного летуна.

– А точно не зашибется? – преувеличенно заботливо спросила телохранительница.

– Этого, кажется, зашибешь! Не судьба! – иронично хмыкнул Тай, кашлянул и мелодично пропел: – Судьба, ты мне поворожи, на тропке жизни удержи...

– Упс! – внезапно выдохнула Кайра, сваливаясь с очередной кочки и звучно хлопаясь в вонючую болотную жижу. Спавший с плеч Тая шарф остался у нее в руках.

– Не удержала, – философски заключил юноша, вытаскивая родственницу из воды и

оценивающе рассматривая ее измазанный грязью наряд. – Судя по всему, нам срочно необходим привал. Вот только где?

– Там! – махнула рукой Кайра. – Смотри же!

Тайлериан вопросительно взглянул, напряженно щурясь, в темноту и увидел...

Топь закончилась внезапно. Она обрывалась сразу же за ближайшими кустами волчьей ягоды, резко переходя в широкую, правда, сильно заросшую бурьяном дорогу. Словно специально вышедшая из-за облаков луна озарила длинный извилистый тракт, плавной линией уходящий в сторону чернеющего невдалеке перелеска. В нескольких шагах от путников возвышался могучий, необхватный дуб, сильно смахивающий на одинокого часового, охраняющего подступы к какой-то запретной границе. Собственно, Таю даже померещилось, что он видит ее воочию – тонкую серебристую линию на траве, проведенную скупым лучом лунного света. А дальше, за этой иллюзорной гранью, начинался совсем другой мир – зыбкий и нереальный, насквозь пронизанный темной магией и эфемерным налетом нездорового полуночного мистицизма. Принц невольно вздрогнул и торопливо отвел взор.

– Да это же и есть та самая заброшенная дорога! – озаренно ахнула Кайра. – Вотчина неупокоенного мага!

– Тсс, тише... – Тай торопливо схватил ее за плечо, призывая к молчанию. – Чуешь?

О да, девушка тоже почувствовала это вполне явственно и осязаемо, но только на один краткий, словно вздох, миг. Беглый всплеск холодного, режущего как бритва ветра, заledenивший сердце чуть ли не до остановки, сведший скулы резким приступом непроизвольной судороги и поднявший дыбом светлый пушок на ее руках... А затем неприятное ощущение исчезло без следа, вызывая легкое недоумение и сомнения – произошло ли это на самом деле или всего лишь пригрезилось от усталости и недосыпания?

– Это магия, – безошибочно определил Тай, с антипатией поеживаясь и поигрывая желваками на челюсти. – Нехорошая, враждебная...

– Боишься? – не удержалась от шутилки подначки Кайра, сразу же вспомнив недавнюю комическую сцену на крыльце корчмы. – Ну признайся же...

Принц отрицательно покачал головой:

– Мне его жалко! Несчастливая ему выпала судьба...

– Пфе, нашел кого жалеть! – негодуя фыркнула девушка. – Он же черным жил и умер черным...

– Ну и что? – удивленно вздернул бровь принц. – Если исходить из принципа, что добро всегда побеждает зло, следует сделать вывод, что убившие его некроманты оказались добрыми...

– М-да! – оторопело выдала Кайра. – Как все запутано, однако. Ты не находишь, что судьба наказала этого неведомого мага слишком жестоко?

– Вот! – поучительно поднял палец Тайлериан. – И после такого наглядного примера посмей еще хоть раз назвать меня невезучим!

Полянка под дубом заросла мягкими лопухами и короткой, похожей на ковер травкой. Принц набрал сухих веток и разжег небольшой костерок, собираясь разогреть все тех же знаменитых куриц, совершенно безвозмездно положенных в их сумки сердобольным корчмарем герром Отто. Кайра со вздохом облегчения стащила изрядно подмокший камзол и прилегла рядом, соорудив импровизированное ложе из застеленной плащом травы. Тай заботливо подал ей прутик с нанизанным на него подогретым куриным окорочком.

– И чего нас трактирщик страшными байками пугал почем зря? – неразборчиво прочавкала девушка, наслаждающаяся запоздалым ужином. – Никакими неупокоенными магами и прочими сказочными персонажами здесь и близко не пахнет... Обычный лес, обычная ночь... Сейчас поедем и до утра спать завалимся. Еще не хватало в темноте по кустам шарашиться, рискуя здоровьем, да твою суженую искать! – Последние слова Кайра произнесла с некоторой толикой враждебности, которую ей так и не удалось скрыть.

Принц скептически хмыкнул, видимо отнюдь не торопясь принять за чистую монету поверхностное суждение насчет обычности окружающей их местности. Уж он-то оказался намного восприимчивее к магии, а она буквально до предела переполняла это загадочное место, пропитав полянку, как вода – губку. Но спорить с подругой он посчитал нецелесообразным, а просто извлек из футляра свою верную гитару и тихонько запел, адресуя новую балладу самым благодарным, безропотным слушателям – тишине и звездам:

Боль растворяется в ночи,
Лишая мир тепла и крова.
Я вижу только три свечи
Да край надгробного покрова.

Ты холоден, суров и наг,
Не различить черты лица,
Ты раньше был великий маг,
Стал – оболочкой мертвеца.

Какие страшные враги
Твою забрали жизнь и кровь?
Замкнули в черные круги
Мою погибшую любовь.

Ведь помню, как траву, косил
Ты в прошлом этих упырей,
Но не достало, видно, сил...
И Смерть шагнула из дверей...

Свербит в мозгу: «Окно закрой,
От ветра свечи тухнут вновь...»
Надежда – имя у одной...
Другим же – Вера и Любовь...

И, наклонившись над тобой
У страшной бездны на краю,
Я вижу – ты теперь другой,
И я тебя не узнаю...

Раскрылись бельмами глаза,
Дрожь прокатилась по рукам,
Бежит кровавая слеза
К твоим оскаленным клыкам...

Заволокло дождем луну,
Пылает в небе мрачный знак...
А в доме юную жену
Целует страстно мертвый маг...

– У-у-у! – проникновенно всхлипнула Кайра. – Как печально! Бедный маг, бедная девушка!

– У-у-у! – не менее душевно поддержал кто-то рядом. – Да-да, бедные они, несчастные...

– Кто здесь?! – тотчас насторожилась бдительная телохранительница. – Трей, чучело

крылатое, это ты подкрался незаметно?

– Не-э-эт, – слезливо признался красивый, негромкий голос. – Это я, Кристофер!

– Ну ничего себе, наглость! – чопорно возмутилась девушка. – Подкрался, понимаешь, из темноты и даже не отрекомендовался. Ну и воспитание у тебя!

Тай тихонько ухмылялся, не произнося ни слова.

– Ой, простите! – спохватился обладатель красивого голоса. – Разрешите представиться, я – Кристофер дер-Шульд. В настоящее время – призрак неупокоенного мага...

Кайра тоненько взвизгнула, хватаясь за рапиру:

– Покажись немедленно, гоблины тебя дери!

Молочно-белый туман, неподвижно окутывающий ствол дуба, вдруг быстро распался на отдельные завихрения, одно из которых начало стремительно сгущаться, принимая очертания хрупкой фигуры высокого, немного сутулого юноши. Несмотря на то что фантом так и остался полупрозрачным, эльфам удалось рассмотреть длинные локоны старомодно уложенных волос и огромные глаза послушного тельца, вззирающие на мир с затаенной обидой и детским недоумением.

– Ой, да он ведь жутко хорошенький и совсем не злой... – восхищенно протянула девушка, разглядывая мага, будто антикварную драгоценность. – Прелесть просто, что за призрак!

– Я так понимаю, что центральное определение в вашем лестном комплименте – жутко! – спокойно констатировал маг. – Наверное, поэтому меня все боятся, а при встрече пытаются убить...

– А нам недавно рассказывали, что ты чуть ли не сотню здоровенных рыцарей загрыз, съел и даже доспехами не подавился! – проникновенно поведал Тай, делая постное лицо святоши. – И что ты упырь, каких еще свет не видывал!

– Наглый оговор, вранье и провокация! – протестующе всплеснул руками Кристофер. – Я никого не грыз и не ел, я же призрак все-таки, а не каннибал! Ужас какое несмываемое пятно на моей безупречной репутации, хоть адвоката для защиты от этих клеветников нанимай! А вот по поводу свет не видывал – все верно. Я могу являться только ночью...

– Почему? – с хихиканьем любопытствовала Кайра, которую здорово насмешила мысль о неупокоенном маге, слоняющемся по дороге в сопровождении личного юриста, снабженного кучей правоохранительных бумаг и документов.

– Проклятие! – отчаянно бросил маг, закрывая лицо изящными, насквозь просвечивающими пальцами. – Наказание за то, что я возжелал получить власть, причем несправедным путем!

– А зачем тебе власть понадобилась? – искренне изумился принц, сам сломя голову сбежавший от тягот королевского трона. – От нее же одни неприятности!

– Знаю! – небрежно отмахнулся Кристофер. – Но что мне оставалось делать, если иного способа получить Люсьену просто не нашлось?

– Так, значит, я все-таки оказался прав, – непредвзято посочувствовал ему Тай, – всему виной любовь?

Маг протяжно вздохнул:

– Ты спел все настолько верно, словно наблюдал мою беду своими глазами! От этой унылой баллады мне стало удивительно легко и спокойно на душе, хоть у меня ее и отняли...

– А можно ли вернуть твою душу? – хором спросили Кайра и Тай.

– Можно, – словно через силу признался неупокоенный маг. – Тогда я тихо уйду в Обитель затерянных душ, соединюсь там с погибшей возлюбленной, и мы станем вместе дожидаться часа своего нового рождения. Они ведь ее на куски разорвали, мою прекрасную Люсьену... – В горле Кристофера родился животный рык гнева. – После этого я утратил ощущение реальности и убил многих из тех, кто обучал меня в Храме королевы Смерти... А ты, миннезингер... – Он благодарно протянул руку к Таю, но неожиданно резко отдернул пальцы, словно коснувшись жаркого светлого пламени. – О-о-о нет, – он широко распахнул

стрельчатые ресницы, – ты не бард! Ты, – от избытка чувств Кристофер даже прикусил костяшку своей полупрозрачной кисти, – я вижу отчетливо, ты один из шести Воинов Судьбы!

– Та-а-ак, еще один пророк на мою голову... – недоверчиво протянул Тай. – Не многовато ли вас будет на меня одного?

– Сам вскорости увидишь, что я прав во всем, – тихо промолвил маг. – Время твоих испытаний близится, и ты уже готов встретить Деву...

– А про душу-то расскажи! – продуманно, но якобы случайно прервала его Кайра, не переносившая упоминаний о других девушках, предназначенных для ее любимого.

Кристофер понимающе усмехнулся, уловив ревнивые интонации в ее нарочито невозмутимом голосе.

– Я знаю нужное заклинание, – признался он. – Оно способно вернуть мою потерянную душу, но для его воплощения крайне необходимы такие редкостные в наших местах ингредиенты, как кровь, чешуя и слюна дракона. Хотя о чем я размышлялся, дурак наивный! Увы мне, потому что это все абсолютно недостижимо! Ведь ни у вас, ни у меня нет знакомого дракона, к тому же находящегося совсем близко...

Тай и Кайра лукаво переглянулись.

– Есть! – без лишних колебаний, совершенно естественно лягнули они. – У нас-то как раз есть!

Призрак неупокоенного мага вульгарно вылупил грозившие выпасть глаза и ошеломленно разинул красивый рот...

Лиззи Беренбаум родилась на рассвете двадцать первого июня, ровнехонько в день летнего солнцестояния. В Эйсене испокон веков считалось, что дети, приходящие в мир именно в этот старинный праздник, наделены особыми качествами и способностями, позволяющими им запросто постигать все тайны белой и черной магии, недоступные обычному человеку. Возможно, это оказалось правдой.

Маленькая Лизелотта с младенчества не выносила шумные праздники и обильные застолья. Ухватив горбушку черного хлеба, она незаметно выскользнула за порог отчего дома, оставив захмелевших родителей распевать песни и веселиться в компании окончательно распоясавшихся гостей. А ведь они отмечали ее седьмой день рождения! Но какая же от этого радость, если малышке до отвращения претило зрелище раскрасневшихся и перекошенных лиц односельчан, более смахивающих на свиные рыла? Еще не полностью отдавая себе отчет в неясных ощущениях, бередивших ее душу, Лиззи между тем давно уже пришла к осознанию гениальной в своей мудрости фразы, приписываемой одному эльфийскому менестрелю и гласившей: «Чем больше я узнаю людей, тем сильнее люблю животных». А как же с ней не согласиться? Гости, собравшиеся в их доме, торопливо поздравили задумчивую крошку, вручили ей подарки и поспешили поскорее позабыть и о поводе для праздника и о самой имениннице, неумеренно предавшись греху чревоугодия да пагубному пристрастию к питию крепких алкогольных напитков, выставленных на стол щедрой фрау Мирцей. Лиззи окинула пренебрежительным взглядом совершенно утративших человеческий облик взрослых, острее чем обычно осознавая свою отдаленность от этих приземленных существ, и философски пожала худенькими плечиками, что в исполнении ребенка выглядело чуть ли не пугающе. Она их прощала и даже пыталась понять. А вот они ее?..

Желая избежать бессмысленных расспросов, девчушка змейкой выскользнула за дверь и помчалась на луг, проворно мелькая стройными ножками, обутыми в праздничные красные башмачки. Да и вся она сегодня выглядела необычно нарядной, облаченная в вышитое шелком платье да столичные белые чулочки, правда, сейчас сильно намокшие и потемневшие от сырости душистых луговых трав. Матушка утром потратила немало времени, разбирая на пряди пепельные волосики дочери, обильно смачивая их пивом и туго накручивая на деревянные папильотки. Но зато сейчас на голове Лиззи вились самые

настоящие кудри, красиво ниспадая на плечи и делая ее похожей на подростковую, симпатичную фрейлейн. Почти такую же, как ее старшие сестры. Ведь Хильке и Шанси уже где-то с год считали себя совершенно взрослыми и упоенно водили шашни с деревенскими мальчишками! И не то чтобы Лиззи испытывала обиду или зависть, безучастно наблюдая эти ухаживания, безусловно, важные для любой другой девочки, но обходившие ее стороной. Нет, ей было скорее неприятно, вот так, как это случилось вчера за овином. Толстый увалень Петер, сын неприветливого мельника Йозаса, зачем-то ущипнул ее сзади и тут же во всеуслышание заявил с ехидным смешком: «А у ведьмы Лиззи – попа костлявая!» Над этим открытием ржали все поголовно, начиная с четырнадцатилетнего красавчика Гендредра, гордо щеголяющего едва начинающими пробиваться усиками, и заканчивая двухлетней соплишкой Майей, явно делающей это просто за компанию. Но легче от этого Лиззи не стало. Впрочем, она уже давно привыкла к тому, что дети не берут ее в свои игры, а если рядом нет взрослых способны отвесить хлесткий подзатыльник, и вовсе называют ведьмой.

Заболоченный лужок, даже сейчас, в разгар жаркого полудня, утопающий в облачке синеватого туманного марева, казался Лиззи целой страной, загадочной и неповторимой. Серенькая скромница – болотная курочка – робко пряталась в тени сочного осота, выбирая укромное местечко для будущего гнезда. Полосатый камышовый кот, внушительного размера зверюга с острыми, будто кинжалы, зубищами, невозмутимо мышковал, проводив девочку благосклонным взором янтарно-желтых глаз. Огуречно-зеленый, почти не различимый на фоне травы тихоня-кузнечик трогательно подогнул складные ножки и быстрехонько вскарабкался на высокую камышинку, с любопытством рассматривая отважную малышку, совершенно не боящуюся забредать в столь опасное место. А плавающие в неглубокой лужице желтые кувшинки-неньюфары тут же распахнули пышные бутоны, мечтая украсить локоны нарядной девочки. Здесь Лиззи принимали как свою.

Именинница рискованно нагнулась над лужей, одной рукой шатко удерживаясь за ветку бузины, а второй с восхищенным вожделением потянулась к чудесному цветку. Но малютке не хватило роста, и поэтому неньюфар по-прежнему оставался недостижимым. Внезапно на Лиззи упала чья-то высокая тень, и обтянутые сморщенной кожей пальцы, худые, но вместе с тем аристократически изящные, ухватились за кувшинку и ловко оборвали толстый стебель, извлекая из воды благоуханный бутон. А затем сильные пальцы заботливо переставили Лиззи на сухую кочку и кокетливо укрепили цветок в ее пепельных кудрях.

– Вот так! – Мелодичный голос журчал серьезно и одобрительно. – Оказывается, тебе очень идут неньюфары. К тому же это излюбленный цветок всех магов и волшебниц...

– А вы, фрау, наверное, и есть лесная волшебница из сказки? – Малышка робко подняла ресницы, всматриваясь в стоящую перед ней рослую фигуру, до самых глаз закутанную в черный плащ.

– Конечно! – Покрытая загаром кисть высунулась из складок темной ткани и нежно погладила девчужку по щеке. – Я пришла сделать тебе подарок, ведь нынче твой седьмой день рождения – время обретения силы и...

– Какой такой силы? – невежливо перебила Лиззи, от волнения забывая все правила хорошего тона, усердно вдалбливаемые в ее головку старательными родителями. – Откуда вы все про меня знаете?

Фигура рассмеялась и распахнула плащ, превращаясь в высокую худощавую женщину с длинными седыми волосами, заплетенными в десяток обвитых жемчужными нитями косичек. Ее облик поражал странным контрастом между молодыми, незабудково-голубыми глазами и некрасивым морщинистым лицом, изборожденным глубокими рытвинами бесчисленного множества прожитых лет, сильно похожим на печеное яблоко.

– Меня зовут фрау Осса, – представилась женщина, гибко опускаясь на корточки и заглядывая в расширившиеся от изумления зрачки Лиззи. – А вернее, леди Оссанариэль из клана Белой розы...

– Эльфийка! – тоненько вскрикнула очарованная малютка, хватая фрау Оссу за

косички. – Волшебница!

Леди распрямилась, поднимая девочку, доверчиво прильнувшую к ее груди.

– Не просто волшебница, дитя мое. Я самая первая из Смотрящих сквозь время, служительниц Пресветлых богов. Много сотен лет назад наш великий пророк Логрин увидел во сне тебя, мой цветочек, одну из шести Воинов Судьбы и повелел мне ждать твоего появления, чтобы научить пользоваться дремлющей силой, передать знания и...

– И сегодня эта сила должна проснуться? – догадливо спросила Лиззи, обмирая в ожидании ответа.

– Да! – подтвердила волшебница. – Смотри внимательно! – Она раскрыла ладонь, на которой неожиданно заплясал узенький лепесток холодного синего пламени. – Вот она, жизненная сила мага! Подумай о своей, и она обязательно пробудится ото сна...

Лиззи изо всех сил сжала пальчики, больше всего на свете мечтая, чтобы подобное чудо расцвело и в ее крохотной ручке, а потом решительно раскрыла кулачок, изумленно наблюдая за едва заметной искоркой, неуклонно разгорающейся на фоне розовой детской кожи. И искра эта становилась ярче с каждой секундой...

– Приветствую тебя, будущая великая волшебница Лизелотта Эйсенская, одна из избранниц богов и хранительница пути королевы Смерти! – торжественно промолвила Осса, ласково целуя малолетнюю ученицу. – Обретение силы свершилось!

Вечером, сидя за ужином, Лиззи категоричным тоном объявила, что не собирается учиться на белошвейку или выходить замуж за одного из деревенских парней. Она станет колдуньей! Родители сначала посмеялись, но вскоре примолкли, с суеверным ужасом взирая на крупную алую розу, по велению малютки мгновенно выросшую прямо из потертой дубовой столешницы. Отныне герр Хайнц и фрау Мирца предпочитали не спорить лишний раз со своей непонятной и строптивой младшей дочкой, молча взирая на все ее причуды, безропотно снося ежедневные отлучки да предпочитая вздыхать украдкой, спрятавшись от вездесущих глаз дотошливых соседей. Что-то им подсказывало – их Лизелотту, с гордостью носящую свое необычное имя, ожидает столь же необычная судьба, в корне отличающаяся от их скромного деревенского прозябания. Их дочку ждало иное, высшее предназначение, что пугало и восхищало одновременно.

А между тем сама Лиззи с превеликой радостью приняла уготованную ей долю, все успешнее постигая новый мир, открывшийся ей во всей своей волшебной полноте. Их с фрау Оссой уроки стали ежедневными, принося массу положительных эмоций как наставнице, так и благодарной ученице. Время летело незаметно – услаждая новыми успехами, озадачивая трудными достижениями и свершениями. Эльфийка утверждала, что полный курс обучения займет не менее пятидесяти лет, но и за истекший период Лиззи уже добилась весьма впечатляющих результатов. Заклинания чередовались с изучением свойств камней и растений, уроки по впадению в магический транс – с приемами управления стихиями. Иногда критически настроенной девочке казалось, что ее ограниченный человеческий ум элементарно не способен вместить весь гигантский объем знаний, которыми бескорыстно делилась мудрая эльфийка, и что ничуть не ослабевающее с годами жизненное невезение начисто перечеркивает все свежеприобретенные магические навыки. Но каждый раз Лиззи решительно смахивала слезы отчаяния, упрямо сжимала зубы и приказывала себе не сдаваться, не отступать и настойчиво идти к желанной цели, пусть даже столь сложным и длительным путем.

Так миновало целых десять лет...

Глава 4

Лизелотта поправила кривовато надетый венок из ненюфаров и задумчиво подперла ладошкой острый, усыпанный веснушками подбородок. Рыжие конопушки, кое-кем романтично называемые поцелуями солнца, не сходили с ее лица круглый год, делая его похожим на пестрое перепелиное яйцо. Лиззи отлично знала, что не может похвастаться

броской девичьей красотой, в их семье целиком доставшейся старшим сестрам – Хильке и Шанси. Видимо, запас привлекательности тоже имеет какую-то конкретную величину, исчерпавшуюся прямо перед ее рождением. Поэтому Лиззи и получилась такой странной – невысокой, тоненькой и угловатой, большеротой, будто лягушка, и непоседливой, словно вот эта перепархивающая с ветки на ветку стрекоза. «Наша егоза!» – любовно называли ее родители. Но нынче девушку волновали вовсе не проблемы внешности, окончательно утратившие для нее свою актуальность еще лет этак в четырнадцать. Девушка расстроено вздохнула и только сейчас заметила, что служившая ей сиденьем кочка напилалась водой, замочив и подол льняного сарафана, и даже чулки с башмаками. Совсем как тогда, десять лет назад! Лиззи улыбнулась, с головой погружаясь в приятные воспоминания. Ведь сегодня тоже ее день рождения, только не седьмой, а уже семнадцатый. И все это время фрау Осса ежедневно учила свою прилежную воспитанницу, не пропуская ни одного дня. Она неизменно приходила на этот болотистый лужок и в холодные декабрьские утра, и в злую февральскую вьюгу, и в слякотную апрельскую распутицу, и в палящий августовский зной. А своенравная стихия безропотно смирялась перед властью и силой старой волшебницы, признавая ее превосходство. И так было всегда!

«Почему же сегодня она не пришла? – растерянно подумала молодая магичка, вертя в руках толстый стебелек кувшинки. – С ней что-то случилось или ее отсутствие означает что-то важное?» Девушка ждала уже долго, слишком долго. Лиззи отлично чувствовала время, да и сама природа давала ей вполне явные подсказки, показывая, что день близится к полудню. Солнце стояло высоко, заливая луг потоками жаркого, ослепительно-яркого света. Лизелотта прищурилась и невольно улыбнулась, любясь тонконогим куликом, важно вышагивающим с кочки на кочку. Девушка не осознавала, что добросердечная улыбка, нечасто украшавшая ее личико, имевшее форму сердечка, заканчивающегося заостренным подбородком, совершенно преобразует мелкие, но правильные черты, делая их почти красивыми. Русые брови поползли вверх, серые глаза беззвучно смеялись. Две короткие косы, повязанные зеленым лентами, задорно запрыгали по плечам. Лиззи хихикнула. Кулик замер, возмущенно вращая черными бусинами глаз и словно намекая – нечего над ним смеяться, он, между прочим, не на прогулку вышел, а занимается важным делом, высматривает возящихся в луже головастика. А если волшебница не понимает, то он сделает милость да подскажет ей – день сегодня самый что ни на есть особенный, весьма подходящий для всяческих важных дел!

Лизелотта уловила сбивчивую мысль птички, касающуюся важности сегодняшнего дня, и изумленно приоткрыла рот. И что же, скажите пожалуйста, сегодня такого необычного еще произойти может, не считая отсутствия наставницы? Она достала из кармана передника хлебную корку, захваченную из дома, и предложила ее общительному кулику. Птица с признательностью хлопнула крыльями, схватила угощение и торопливо засемила прочь, оглядываясь на ходу. А вдруг как волшебница одумается и заберет вкусный хлеб обратно?

Но Лиззи сразу же стало не до кулика. Она резво вскочила с кочки и провела ладонями по подолу, стряхивая крошки прямо в лужу. Прожорливые головастики радостно набросились на внезапно привалившее им пиршество. Голова девушки отказывалась работать вдумчиво, а ноги передвигались как-то машинально, сами собой неся ее в сторону деревни. Непонятное предчувствие надвигающейся опасности, раньше едва уловимое, но, тем не менее, преследовавшее Лизелотту с утра, наконец-то оформилось во что-то конкретное, молоточками стучавшее в висках и убедительно внушавшее: «Поторопись, Лиззи! Иначе опоздаешь и упустишь свой шанс!» Молодая волшебница ловко уклонилась от веток багульника, настойчиво преграждающих дорогу, отмахнулась от десятка стрекоз, летающих вокруг ее разгоряченного лица, перепрыгнула через колючие заросли можжевельника, настырно цепляющиеся за подол. На один краткий миг ей вдруг показалось, что это боги или природа пытаются ее предостеречь, остановить, уберечь от чего-то зловещего, подступающего со скоростью снежной лавины. И это приближающееся будущее имело отчетливо выраженный негативный оттенок. Но что-то неясное, похожее на чужую

волю – сильную и целенаправленную, продолжало подгонять запыхавшуюся Лиззи, приказывая бежать все быстрее и быстрее. И она бежала...

Небо над горизонтом начинало едва заметно окрашиваться в холодные, сиренево-блеклые тона. Последний предрассветный крик болотной выпи эхом прокатился над заброшенной дорогой и замер вдаль, переходя то ли в стон, то ли в смех. Тающий остаток ночи принес с собой промозглый утренний холод, посверкивающий крупными каплями росы на листьях старого дуба. Кайра плотнее закуталась в плащ, потерла глаза, но все-таки не устояла, сдалась на милость камнем навалившейся дремы, тихонько привалилась к боку гулко храпящего дракона и расслабленно засопела.

– Вот так-то лучше, – немного виновато потупился неупокоенный маг Кристофер, переводя взгляд на кипящий над костром котелок. – Не люблю долгих прощаний!

Тай посмотрел на него с изумлением, плавно переходящим в восхищение:

– Так ты специально их усыпил?

Маг кивнул:

– Сейчас я уйду, зелье почти готово!

Словно подтверждая правоту его слов, над котелком, в котором варился странный декокт, включающий помимо уймы трав и щедрые дары дракона, поднялось голубоватое облачко, источающее невероятно вонючие миазмы. Тай принюхался и поморщился.

– Самые действенные лекарства всегда отличаются гадким вкусом и запахом! – весело подмигнул призрак.

– А это сработает? – недоверчиво покривился эльф, отодвигаясь от напитка, смердящего почище вытяжки из желез сунса.

– Запатентованное средство, круче цикуты, – шутливо успокоил его Кристофер. – Знаешь, сначала я подумал, что вы меня разыгрываете. Нет, не так... – Он на секунду прикрыл глаза, словно до сих пор не решался поверить в реальность происходящего. – Наверное, я сразу проникся доверием к тебе, потому что бард, умеющий слагать такие баллады, не способен на ложь! Но, когда ты позвал и на поляну перед дубом опустился молодой дракон, – Кристофер кашлянул от волнения, – мне померещилось, будто я сплю и вижу сон. Ну словно я опять стал человеком и вернулся в родной замок... настолько ненастоящим показался мне твой крылатый спутник. Потому что, когда я был жив, драконы часто посещали наши края. – Он стеснительно улыбнулся, глядя на недоуменно вытянувшееся лицо принца, и спокойно объяснил: – Но ведь призраки не спят!

Тайлериан протяжно присвистнул.

– Даже самые опытные некроманты не способны призвать дракона и заставить его повиноваться себе! – подчеркнуто торжественно произнес маг, уважительно склоняя голову. – Ты великая личность, принц Тайлериан! Впрочем, это вполне естественно для одного из Воинов Судьбы...

– Трей не слуга, он мой друг! – хмуро бросил принц. – И я ему не приказывал, я просто попросил. Но лучше расскажи обо всем поподробнее, а то меня уже изрядно достали эти твои непонятные намеки на каких-то воинов...

– Прости, у меня совершенно не осталось времени! – Призрак полупрозрачным пальцем указал на занимающийся в небесах рассвет. – Но поверь мне, ты и сам все скоро узнаешь... – Он снял котелок с огня и залпом выпил кипящую жидкость. – Прощай, принц Тайлериан! – Голос Кристофера стал едва слышным, а силуэт истончился и таял как туман над лесным озером. – Спасибо тебе и твоим друзьям. Возможно, я тоже когда-нибудь сумею тебе помочь. О-о-о, теперь я счастлив и свободен, проклятие больше не властно надо мной. Прими же мой прощальный дар... – Слова затихли, растворившись в прохладном воздухе.

Тай стоял под дубом, подняв глаза к светлеющему на востоке небу. На мгновение ему показалось, что на голубовато-розовом занавесе рассветного пейзажа неожиданно возникли две золотистые тени – высокого сутуловатого юноши и прелестной девушки с роскошными волосами. Влюбленные протянули руки друг к другу, слились в страстном поцелуе и

медленно вознеслись к облакам, словно по ступеням поднимаясь по услужливо подставленным солнцем лучам. Принц смахнул некстати набежавшую слезу умиления и снова взглянул на небо, но там уже никого не было. «Наверное, это мне от недосыпания почудилось!» – успокоил себя эльф, в глубине души все-таки веря в благополучное окончание печальной истории об участии неупокоенного мага и его верной возлюбленной.

Юноша подошел к дубу, намереваясь разбудить Кайру и Трея, и уже нагнулся к сумкам с их немудреным скарбом, как вдруг его внимание привлек необычный предмет, небрежно лежащий в траве и отсвечивающий слабым серебряным светом. Эльф протянул руку и поднял небольшую чашу, целиком уместившуюся в его ладони. Сосуд нисколько не походил на заурядную бытовую посуду, ибо вместо устойчивого донца он имел идеально закругленную поверхность и оказался отлитым из какого-то загадочного, неизвестного принцу сплава. Чашу окружала сильнейшая магическая аура. По внешнему краю сосуда шла цепочка непонятных значков и также имелось два слова на старозельфийском.

– Эскугола Аларэта! – вслух прочитал Тай. – Туманное око!

– Точнее, Око смотрящее сквозь туман! – сонным голосом поправил его дракон, зевающий всей пастью и сладко потягивающийся. – Не ты один поднаторел в древних науках! – Трей хулигански подмигнул, но тут же скорчил жалобную морду обиженного сиротки и пискляво пожаловался: – И за что это меня, такого умного-разумного, совсем недавно свиньей обзывали?..

– Да ладно тебе приbedняться-то! – поддела его проснувшаяся Кайра. – Будь выше человеческой глупости.

– А я и так выше, – показал ей язык дракон. – Потому что я в небе!

– Мухи тоже летают, – не осталась в долгу эльфийка.

Трей дурашливо замахал лапами и зажужжал. Телохранительница по-девчоночьи хихикнула и чмокнула юмориста в морду. Дракон экзальтированно закатил глаза.

Но Тай не следил за разыгрываемой ими пантомимой, продолжая рассматривать таинственную находку. Он сразу понял, что найденная в траве чаша и стала тем прощальным подарком, о котором говорил Кристофер. Кажется, именно этот предмет он и выкрал из храма в Нарроне, а затем успешно спрятал от некромантов. Это не вызывало сомнения. Но эльф не улавливал главного – чем на самом деле являлся этот непонятный сосуд и для чего он предназначался?

Наша память имеет сходство с весьма обширным, но сильно захламленным чердаком, где в беспорядке свалена дикая мешанина из сумбурных воспоминаний, несбывшихся надежд, поломанных мечтаний и не пригодившихся или забракованных жизненных принципов. В общем, все то, чем нам так и не удалось воспользоваться. Но это еще терпимо. А ведь там же находится и то, что успешно использовалось нами – наши ошибки, комплексы и угрызения совести. И, словно толстый налет вездесущей пыли, нашу персональную ментальную свалку щедро покрывают заплесневелые пятна полученных знаний, неровная пелена приобретенного опыта и плотная, сложно переплетенная паутина разочарований. Ведь получить – еще не значит правильно применить по назначению. Хотите оспорить? Тогда аргументируйте!

Любого начинающего мага в первую очередь учат разбираться в богатых залежах собственного чердака-сознания, а затем и приводить его в порядок. Научись распоряжаться собой, понимать себя, и лишь тогда ты сможешь управлять судьбами других людей. На этом основана простейшая бытовая магия, часто называемая психологией. Порой мы торопимся заклеить ведьмой или ведьмаком того, кто совершает поступки, кажущиеся нам невероятно умными либо провидческими. А на самом деле он всего-то и совершил волшебного, что научился наблюдать, сопоставлять, анализировать и делать выводы. Наверное, каждый здравомыслящий человек – немного маг!

Но все это выглядит слишком условным и притянутым за уши, а обучение Лиззи условности исключало. Слишком уж они ненадежны. Ее учили конкретному – не захламлять

собственное сознание ненужной информацией, а ту, которая оказывалась полезной или необходимой, использовать целиком и полностью, с максимальной выгодой. Однако на словах все это звучит красиво и на редкость заумно, а вот на практике зачастую приводит к тому, что витающий в высших сферах сознания маг частично отрешается от своего земного «я», производя впечатление если уж не буйнопомешанного, то во всяком случае сильно неординарного человека. Стоит ли после этого напоминать, что Лизелотту в Ренби всегда считали, мягко говоря, весьма странной особой?

Лиззи летела по деревне не разбирая дороги, подол широкой юбки, бьющей ее по щиколоткам и путающейся между коленок, раздувался словно парус. Достигающие земли одеяния всегда оставались в Эйсене привилегией родовитых аристократок, а городских модниц не раз и не два штрафовали за неподобающую их социальному статусу длину наряда. Но сейчас юная магичка проклинала даже и такую свою крайне скромную юбку, изрядно снижающую скорость передвижения. Сменить бы платье на куда более удобные мужские штаны, так ведь в деревне этого не примут. Шум поднимут – стыда не оберешься!

– Провались к гоблинам их консервативные, патриархальные порядки! – сквозь зубы процедила Лиззи, воровато оглянувшись, подобрала юбку чуть ли не до бедер и неблаговоспитанно сиганула через невысокий соседский плетень.

Девушка была уверена, что односельчане не только не одобряют столь не вяжущийся с девичьей степенностью поступок, но даже и произносимых ею слов не поймут. Но, как Лиззи ни осторожничала, ей все-таки опять не повезло. В доме напротив чуть дрогнула белоснежная оконная занавеска, и многослойный накрахмаленный чепец, наподобие короны венчающий голову фрау Эльзы – первой в Ренби сплетницы и завистницы, укоризненно качнулся из стороны в сторону. Да и виданное ли это дело, чтобы взрослые и блюдущие собственную репутацию фрейлейн прыгали через заборы на манер диких коз? И фрау Эльза зловредно хмыкнула, уже предвкушая, как она непременно вынудит этого важного лицемера, их старосту герра Беренбаума, в ближайшую же субботу прилюдно проучить свою ретивую дочку, стегая ее гибкой хворостинкой на главной деревенской площади. Вот так – ни больше и ни меньше, что-то другое фрау Эльзу не устроит. Возможно, это немного собьет спесь с самого герра Хайнца и станет утешением за то, что богачей Ганс посватался к его Хильке, а не к румяной Ленке, единственной дочке фрау Эльзы. И надо признать, что совесть фрау Эльзу не заедала ничуть, потому что нередко так случается – под обманчивой маскировкой из внешней чистоты и кружев скрываются отъявленно черствые сердца, чернотой не уступающие самому закопченному горшку неопрятного бедняка.

А между тем Лиззи (абсолютно не подозревая о происках мстительной фрау) случайно вклинилась в безмятежно гогочущую гусиную стаю, внеся при этом жуткий переполох в ее спокойный, послеобеденный моцион. В воздух взметнулись пух и перья. Дородный вожак лишь шокированно разевал клюв, выдавливая недоуменный сип вместо командного «го-го-го». На его памяти, их горячо обожаемая Лиззи в первый раз вела себя столь необходимо. Но девушка досадливо махнула рукой, перепрыгнула через разлегшуюся посреди двора свинью и штурмом взяла второй забор, отделяющий ее от отчего двора. Как на беду, злополучная юбка миглом зацепилась за какой-то ржавый гвоздь, увязла на нем намертво и ни в какую не желала отцепляться. Будущая великая волшебница Лизелотта Эйсенская замерла на заборе, неустойчиво балансируя, боясь порвать добротный наряд и показывая кулак потрясенно осевшему в пыль гусаку, умоляя его молчать и не поднимать тревогу. И тут, видимо в продолжение всех Лизелоттиных бед, входная дверь родительского дома громко хлопнула, и на крыльцо белой лебедью выплыла сестрица Хильке, разряженная в пух и прах. Несколько секунд она, приоткрыв рот и вылупив подчеркнутые сажей глаза, пялилась на Лиззи, непринужденно восседающую на заборе и умело сплетающую венок из крупных желтых кувшинок.

– Хм, – растерянно начала Хильке, наотрез отказываясь понимать сумасбродное поведение чокнутой младшей сестры. Впрочем, не более сумасбродное, чем обычно. – Ты что, забыла, какой сегодня важный для всех нас день?

Лиззи, вовремя покопавшаяся на чердаке собственной памяти, отрицательно покачала головой, что означало – не забыла. Она вспомнила, что сегодня, якобы по случаю ее дня рождения, к ним должен прибыть сестрин жених Ганс в сопровождении своего степенного батюшки. И все эти расшаркивания довольно примитивно приурочили к поднесению подарка самой имениннице, на самом деле желая под приличным предлогом организовать встречу несчастных влюбленных, которым видется до свадьбы разрешалось лишь по особо важным поводам. Таковы обычаи. А день рождения Лизелотты – ну чем не повод? Хотя, по справедливому подозрению самой Лиззи, ее день рождения мало кого интересовал взаправду.

– Ага! – громко возликовала Хильке, упирая руки в стянутые корсетом бока. – Помнишь-таки, ну тогда слезай! Еще не хватало, чтобы мой жених, а того хуже – его герр отец увидели тебя в столь неподобающей позе. Можно подумать, ты парень, по заборам лазить...

Лиззи с готовностью дернулась, но треклятый гвоздь держал крепко. Тогда она улыбнулась сестре как можно наивнее, приставила ладонь козырьком к глазам и наигранно всмотрелась в даль.

– Чего же тут плохого? Я ведь именно твоего ненаглядного Ганса и высматриваю. А если что, заранее сигнал подам, чтобы ты носик припудрить успела!

Хильке разгневанно засопела. Столь некрасивые звуки только частично объяснялись ее недовольством поведением сестры и в гораздо большей степени – завязками чересчур тугого корсета, в чем невеста не созналась бы даже под пытками.

– Врешь! – холодно припечатала она. – Слезай немедленно!

Лиззи обреченно стиснула зубы.

Привлеченный бурными дебатами гусак заинтересованно взлетел на забор и уселся рядом со своей симпатией, настороженно косясь на раздраженно пыхтящую Хильке. Почувяв его поддержку, Лиззи миролюбиво просияла:

– Сестрица, не кипятись так. Да слезу я, слезу, как только коляска с Гансом из-за поворота дороги покажется...

– Нет, слезай сейчас же! – ультимативно потребовала Хильке, подступая ближе и глазами выискивая что-нибудь тяжелое.

– Не сердись так, сестрица, а то не ровен час у тебя корсет лопнет! – заботливо предостерегла Лиззи, радея о положительном имидже невесты.

– А ты не каркай, пророчица гоблинова! – скандально ощерилась сестрица. – Не твоя забота его шнуровать да затягивать...

– Правильно, мамина, – неосмотрительно подхватила Лиззи, ввязываясь в опасный спор и неосознанно повышая голос в тон Хильке. – А я тебе уже не раз говорила – хватит марципанами да рогаликами с вареньем увлекаться! Глядишь, и с корсетом бы проблем не возникло...

– Ах ты, дрянь! – истошно завопила не шибко умная белокурая Хильке, хватая первое, что подвернулось под руку, и замахиваясь на языкатую противницу. – Моя талия – мое личное дело!

– Не-а, Ганса! – съязвила въедливая Лиззи. – Ему же ее обнимать и... – Но она не успела договорить.

То, что Хильке поначалу приняла за палку, оказалось толстым крапивным стеблем, скошенным на корм скоту и запасливо уложенным вдоль забора – подсыхать. Здоровенные колючки, усеивающие крапиву, немедленно впились в нежную ладонь белокурой девушки, причиняя сильную боль.

– А-а-а, это все твоё колдовство демоново! – со всей мочи заорала Хильке, забывая о непреложном домашнем правиле – сор из избы Беренбаумов не выносить и вслух об увлечении Лиззи магией не упоминать. – Ведьма проклятая! Так я и знала, что ты на моего Гансушку глаз положила...

– Где ведьма?! – В соседних домах захлопали двери и ставни.

Лиззи умоляюще приложила палец к губам, но Хильке и не собиралась затыкаться.

– Это все ты ворожишь, завистница тощая! – пользуясь подвернувшейся возможностью высказать наболевшее, продолжала обличать она. – Через твое колдовство я и толстею!

Лизелотта только собиралась вразумляюще повторить, что подобное колдовство называется неумеренной любовью к сладкому, как вдруг за нее несвоевременно и совершенно непредсказуемо вступился донельзя разгневанный гусак. Свесив с забора свою длинную шею, он с яростным шипением раскрыл красный клюв и... ухватил не на шутку разбушевавшуюся невесту прямо за нос.

Хильке захлебнулась истошным воем...

Лиззи обеими ладонями зажала себе рот, стараясь не рассмеяться...

Вошедший в раж гусак остервенело мотал головой, дергая жертву из стороны в сторону...

Забор угрожающе затрещал...

Наконец Хильке немного пришла в себя и попыталась немедленно избавиться от источника острой боли. Особо не задумываясь, она схватила птичью шею обеими руками и потянула от себя. Но гусь и не думал сдаваться. Он захлопал крыльями и попробовал взлететь, не выпуская носа обезумевшей от страданий девушки. Но, увы, ноша оказалась слишком тяжела. Сплетенный клубок, состоящий из двух тел – девичьего и птичьего, шумно рухнул под забор, прямиком в заросли молодой крапивы. Новый мученический вопль Хильке взлетел к небесам.

Забор покачнулся, юбка Лиззи порвалась (в итоге – все-таки не без помощи магии), и девушка метко шлепнулась вниз, дополнительно придавив сияющую подняться сестру.

– ...! – сдавленно донеслось из крапивы.

Пьяно переступая лапами и держа голову не совсем прямо, из-под девушек выбрался контуженый гусак, явно получивший тотальное сотрясение всех своих немногочисленных мозгов. Второй из примятой крапивы появилась не очень пострадавшая Лиззи, печально рассматривая основательно порванную юбку.

– Давай помогу! – Она протянула руку, намереваясь извлечь Хильке из крапивы.

Сестра подняла свое изжаленное кусачим растением лицо, сверля младшую злобным взглядом.

– Да будь ты прок... – Она замахнулась крепким кулачком.

Крак! – с отрывистым звуком лопнул чересчур затянутый корсет.

– Вот, – вздохнула Лизелотта, – а я ведь предупреждала...

– Это все ты напроорочила, ведьма! – бурно разрыдалась Хильке.

Лиззи бессильно пожала плечами. Как известно, с дурами-блондинками спорить бесполезно!

– Это что же здесь такое творится несусветное! – Ведущие во двор ворота торжественно растворились, и на территорию беренбаумовского хозяйства вошел высокий краснощекий юноша, облаченный в модный сюртук. – Хильке, это ты? – Он отвалил квадратную челюсть. – Ты?!

Его невеста неловко выползала из крапивы. Распухшее личико, измазанное пятнами растекшейся сажи, покрывали безобразные волдыри. Сливой синел огромный, распухший нос. А в довершение ко всему – из порванного вдрызг корсета выпирали пышные, вырвавшиеся на свободу бока.

– Ой, так ты же толстая! – разочарованно побледнел лицом Ганс.

Хильке немзыкально взвыла, оплакивая катастрофическое крушение сердечных надежд.

На крыльцо высыпали все остальные члены семейства Беренбаум.

«Так тебе и надо, бочка самонадеянная! – ликующе подумала пританцовывающая от радости средняя сестрица Шанси, стройненькая и хорошененькая. – Теперь-то я уж точно у тебя Ганса отобью!»

– Лиззи, на этот раз твое невезение превзошло все мыслимые и немыслимые пределы! –

грозно засвидетельствовал герр Хайнц.

Фрау Мирца печально закрылась цветастым передником.

– Что ты еще нам устроишь? – продолжил взбешенный отец, вытягивая из штанов широкий кожаный ремень и угрожающе им поигрывая.

И тут живописную картину семейных разборок нарушил властный молодой голос:

– Скажите, почтенные, Лизелотта Беренбаум не здесь ли проживает?

Пригнув голову под низкой балкой ворот, во двор на гарцующем вороном жеребце въехал мужчина в форме маркграфского глашатая. За ним следовал десяток до зубов вооруженных кирасир.

– Вот она и есть Лизелотта! – обвиняющим жестом выставила палец Хильке. – Она изрекает страшные пророчества, которые мешают людям жить!

– Это ты предрекла смерть кузнеца? – спросил глашатай.

– Так ведь он уже много лет чахоткой маялся! – робко вякнула Лиззи. – Там и так все было ясно...

– А неурожай в прошлом году? – продолжал допытываться всадник.

– Так засуха же...

Но девушку не слушали.

– А рождение чудовищного пса?

– Так его мать с волками бегала...

– А...

– Да, это я, я все предсказала! – возмущенно завизжала Лиззи, потрясенная человеческой глупостью и падкостью на сенсации. – Признаюсь, я!

– Ясно! – с чувством исполненного долга обрадовался посланник. – Тебя-то мы и искали, девушка! Собирайся не мешкая. По приказу его светлости виконта Зоргана Эйсенского, официально провозглашенного регентом, ты отправишься с нами в Эйсенвальд!

– Где? – грозно осведомился Тай, раздвигая кусты и рыская по ним не хуже специально обученной собаки-ищейки. – Где она?

Дракон недоуменно клацнул зубами:

– Да туточки я ее припрятал, клянусь! На этом самом месте, чтоб мне ослепнуть, если соврну!

– Я тебе соврну! – взбешенно зашипел принц. – Только попробуй!

Выведенная из терпения Кайра, которую давно достали эти безрезультатные и изрядно затянувшиеся поиски, вытащила из ножен рапиру и наотмашь рубанула по кустам.

– С ума сошла! – чуть ли не с заиканием завопил Тайлериан, испуганно подпрыгивая. – А если ты ее убьешь?!

– Да, а если вдруг... – Трей, возведший принца в ранг своего личного кумира, в точности повторил его движение, невысоко подпрыгнув на месте и...

Земля под ногами розыскной опербригады неожиданно провалилась, и они, оглашая окрестности истошными криками, полетели куда-то вниз.

– Ау! – напряженным шепотом выдавил дракон, одновременно пытаясь выплюнуть пригоршню перемешанной с прелыми листьями грязи, набившуюся в пасть. – Люди... тьфу, эльфы добрые, отзовитесь!

– А с чего это ты решил, что мы добрые? – ехидно спросила телохранительница, совершенно не заметная в обступающей их темноте.

– И не ори мне в ухо, я не глухой, – сварливо добавил Тай. – К твоему сведению, добрым я бываю лишь в одной-единственной ситуации: когда сплю в своей кровати зубами к стенке.

– А я и не ору, – обиделся Трей. – Я, между прочим, струхнул не на шутку. Здесь ведь ничего не видно...

– А ты глаза открыть не пробовал? – язвительно осведомилась Кайра.

Трей честно попытался последовать сему дельному совету, поднял веки и возопил

громогласным басом:

– А-а-а, я и вправду ослеп!

– А вот не фиг врать! – с удовольствием поддела вредная эльфийка.

Доверчивый дракон жалобно заканючил.

– Тыфу на вас обоих! – беззлобно выругался принц, вытащил из кармана чистый носовой платок и заботливо протер драконьи глазницы, густо заляпанные вязкой глиной.

– Я вижу! – восторженно ахнул гигант. – Спасибо вам, Пресветлые боги! Обещаю впредь не врать, слушаться маму и не красть красивых девушек, даже с благими намерениями...

– Кстати, насчет последнего пункта твоего возвышенного обета, – торопливо перебил эльф. – Очень хочется уточнить: где моя невеста?

При упоминании невесты телохранительница ревниво прикусила губу.

– Здесь! – неопределенно выдал дракон, широко разводя лапы в красноречивом жесте. – Тут, на этом самом месте...

Принц иронично хмыкнул.

Пресловутое «тут» оказалось огромной глубокой ямой, неизвестно когда и зачем вырытой. Не иначе как для охоты на глупых драконов, насмешливо подметила Кайра. Стены ловушки уже начали осыпаться и сильно заросли травой, что свидетельствовало о приличном возрасте сего непонятного фортификационного сооружения, насчитывающем никак не менее пяти, а то и шести лет.

– Скорее всего, ее выкопали ретивые охотники, гоняющиеся за сокровищами нашего неупокоенного друга Кристофера! Вернее, уже благополучно упокоенного, – пришел к разумному выводу Тай. – Закрывающие ее сверху ветки прогнили, и первого же прыжка нашего крылатого силача оказалось достаточно для того, чтобы хрупкий настил проломился...

– Но где же девица? – в свою очередь изумился дракон. – Я точно помню, что положил ее под симпатичный кустик бузины. Кустик-то я нашел, а вот златовласки под ним не оказалось...

– Девушки не исчезают просто так! – резонно заметил эльф. – Это нелогично!

– Ну да-а-а, – с потугами на философию протянул Трей. – Кажется, мы вывели идеальный закон сохранения тел: если в одном месте девушка убавилась, значит, в другом прибавилась...

– И мужчины еще считают себя умными! – язвительно процедила Кайра. – Да это же ясно, как дважды два: кто-то ловкий успел еще до нашего появления утащить вашу пребывающую в отключке девицу!

– О! – потрясенным хором выдали подельники. – Точно!

К этому времени глаза путешественников уже в достаточной мере привыкли к темноте, царящей в яме, позволяя оглядеться и оценить сложившуюся ситуацию. Ловушка оказалась намного более обширной, чем они полагали вначале.

– Беру свои слова обратно, – повинился Тай. – Пожалуй, двум или трем охотникам отнюдь не под силу выкопать такую ямищу. Полагаю, эта дыра является частью какого-то грандиозного, спрятанного под землей лабиринта. Видите, – он указал вправо, – туда отходит какой-то туннель...

– Ой, что-то мне здесь не нравится, – боязливо поежилась девушка. – Я, конечно, не трусиха, но от этого места так и веет нежитью.

Принц согласно кивнул. Из туннеля и на самом деле тянуло пронизывающим холодом и явственно различимым запахом мертвечины.

– В умных книгах говорится, что в подобных норах обычно водятся гмыри, то бишь лесные вурдалаки. Эти злобные твари отличаются жуткой прожорливостью и непреодолимой тягой к человеческой крови. Они обладают длинными клыками, черными когтями, изогнутыми наподобие серпов, и...

– Пылающими, будто уголья, глазами, – подозрительно спокойно закончил за него

Трей.

– О, похоже, ты тоже читал эту книгу! – обрадовался юноша.

– Да нет, – сконфуженно хмыкнул дракон. – Я просто вижу...

– Кого? – не сообразил принц.

– Гмыря, кого же еще! – растолковал дракон. – Да вон он, за спиной у тебя стоит!

От подобного неожиданного заявления принц громко икнул, поспешно извлекая из футляра любимую гитару, хватая ее за гриф и заноса над головой наподобие топора. Кайра неприлично ругнулась и отработанным, не уловимым глазом движением вытащила рапиру.

Из темного, узкого бокового прохода на друзей надвигалась омерзительно скрюченная фигура, похожая на непропорционального, сплошь заросшего волосами человека. Приоткрытая пасть твари источала отвратительное зловоние, прижатые к черепу уши оканчивались длинными треугольными кисточками, а вооруженные когтями пальцы плотоядно шевелились.

– Гмырь! – скрипнул зубами Тай. – Порождение Тьмы, дитя Мрака!

– Никогда не видела ничего подобного! – с некоторой долей восхищения отозвалась телохранительница. – Согласно этикету поединка я должна вызвать его на бой и отрубить голову...

– Благородная ты лишку! – недовольно констатировал дракон. – Кто же с подобной нечистью честные бои-то устраивает? Таких просто мочат – примитивно и действенно.

– Но так нельзя, это подло! Он же на нас не нападал!.. – возмущенно начала девушка, и тут тварь прыгнула...

Тощее серое тело молнией взвилось в воздух, целясь в незащищенное горло принца, призывно белеющее в темноте. Кайра протестующе завопила и совершила изящный выпад, взмахивая рапирой. Клинок лязгнул, встретившись с когтями чудовища и пронзая его смрадную плоть... Одновременно с этим Тай издал воинственный клич и что было сил саданул гитарой по лысой макушке нападающего гмыря. Инструмент жалобно тренькнул...

– А мы неблагородные, нам можно и без вызова... – саркастично бормотнул дракон и выдохнул жаркий клуб пламени.

В общем, на землю гмырь обрушился уже обгорелый, будто головешка, с глубокой раной в груди и с разможенной головой. И ясно-понятно – дохлый на все сто процентов.

– Спелись! – повторила свое коронное словечко довольная Кайра. – Окончательно и бесповоротно!

– Гитара-то хоть цела? – искренне забеспокоился дракон.

– Цела, – буркнул Тай, трепетно осматривая и ощупывая свою любимицу. – Слава Аоле!

– А что я нашла! – победно закричала Кайра, по причине извечного женского любопытства успевшая заглянуть в боковой проход. – Идите сюда!

В гнезде, свитом из обрывков окровавленных лохмотьев и густо усеянном человеческими костями, лежала невероятная красавица, облаченная в дорогой парчовый сарафан. Кинувшийся к девушке Тай сразу же узнал и ее золотые косы, и прелестное личико, и нежную лилейную шейку. Это, несомненно, оказалась она – чаровница с портрета, подставная красногорская княжна. Но вот уж что-что, а ее фальшивые титулы интересовали принца в самую последнюю очередь. Он восхищенно подхватил девицу на руки, бережно прижимая к своей бурно вздымающейся от волнения груди и ласково укачивая.

Кайра недовольно шмыгнула носом.

– Кажется, добродушный призрак Кристофер реабилитирован полностью, пускай и посмертно, – торжественным тоном адвоката пробубнил дракон, разглядывающий гмыриное логово. – Теперь понятно, кто сгрыз неудачливых охотников за неуспокоенным магом.

– Хорошо еще, что гмырь не успел навредить моей невесте! – с облегчением признал принц, продолжая баюкать девушку, спящую беспробудным сном.

– Она находится в таком состоянии с тех самых пор, как я унес ее с княжеского двора, – сконфуженно признался дракон. – Ну я же не знал, что она настолько пуглива и подвержена

обморокам. Кстати, ее вроде бы Виткой зовут. Во всяком случае, так утверждала та несносная брюнетка...

– Вот поэтому ты ее и не снес, бросил! – справедливо упрекнула эльфийка.

Трей виновато потупил глаза.

– Витка! – влюбленно повторил принц. – Какое бесподобное имя!

Кайра протестующе поморщилась.

Еще не отошедший от шока герр Отто помогал снаряжать телегу, укладывая на ее дно мягкий пуховый тюфяк. Надо же, вернулись! Да еще при этом не только утверждают, что неупокоенный маг больше не побеспокоит их округу, так и вдобавок принесли с собой красавицу, подобной которой еще не видывали во всем Эйсене! Жаль, что девушка не приходит в сознание...

– Вы телегу у меня купите! – сердобольно присоветовал отважный корчмарь, жалостливо поглядывая на спящую девицу. – Да езжайте-ка вы в Эйсенвальд! Разузнаете там про дорогу на север. Сказывают опытные пилигримы, будто в тех местах живет старая волшебница, фрау Осса, а уж она-то непременно поможет излечить вашу прекрасную фрейлейн. Вот только путь туда люди специально позабыли, потому что идет он через страшные Мариенрахские болота, в коих всякая богопротивная нечисть водится...

Но про нечисть Тай уже не дослушал.

«Пускай любовь тебя ведет,
Вращая обод колеса.
Решенье верное найдет
Лесная старая оса...» —

Он дословно вспомнил последние строки недавнего пророчества Логрина.

«Фрау Осса! Так вот о какой осе ты говорил мне, жрец! Откуда же тебе ведомы все тайны на свете?»

Но, увы, сейчас пророк находился слишком далеко, и принцу оставалось довольствоваться лишь своими скромными догадками. Он бережно уложил на мягкий тюфяк златокудрую Витку и вскочил на своего коня, приготовившись к путешествию в Эйсенвальд. В маленькой сумке, надежно прикрепленной к его поясному ремню, мирно покоилась загадочная чаша, ранее принадлежавшая магу Кристоферу. И эльф начинал подозревать, что все события, участниками которых стали он, Кайра и Трей, происходят не просто так, а являются взаимосвязанными звеньями одной длинной и запутанной цепочки. Цепочки, называемой судьбой!

Гедрон лла-Аррастиг в бешенстве разбил бесценную хрустальную вазу, неосторожно порезав пальцы. Он до крови искусал губы, призывая все известные ему проклятия на головы принца и дракона, в очередной раз сумевших успешно выпутаться из расставленных им ловушек. Подумать только – они и подружались, и в болоте не утонули, и магу-отступнику помогли, и дар от него получили, и даже от гмыря без какого-либо урона для жизни и здоровья избавиться смогли.

«Ну ничего, – чернокнижник злобно усмехнулся, не обращая внимания на розовую пену, пузырящуюся на прокушенных губах, – мы еще посмотрим, чья возьмет!» Он грубо, двумя пальцами, ухватил за тряпичную шею игрушечную фигурку Ведьмы и поднес к ней зажженную сосновую щепку...

Глава 5

До предела задрав грозящую отвалиться голову, я стояла у крыльца эйсенвальдской ратуши, сложенной из красного кирпича, и восторженно рассматривала ее золоченый шпиль,

казалось упирающийся в самые небеса. На острие тонкой спицы вольготно развевался штандарт с гербом сего благородного града, изображающий белого единорога, бегущего по лазоревому полю. Знак, олицетворяющий мистическую силу могучих эмпиров!

«Вот это город, гоблины меня заberi! – прочувствованно ругнулась я. – Не то что наш старозаветный Берестянский!» Меня восхищало буквально все – и вымощенная брусчаткой мостовая, и трех-, а порой даже пятиэтажные каменные дома, крытые разноцветной черепицей, и проезжающие по улицам шикарные кареты, и горделиво гарцующие всадники, при моем приближении учтиво притрагивающиеся к полям своих широкополых шляп, украшенных пушистыми плюмажами. Вот это народ, гоблины меня заberi! Что же касалось Михаса, то он как потрясенно раскрыл рот при въезде в ворота, так до сих пор и не мог его захлопнуть. Выпученные глаза моего непоседливого оруженосца сияли откровенной влюбленностью, красноречивее слов свидетельствуя об овладевшем им благоговении. Да, этот сказочный город – столица маркграфства эмпиров – действительно влюблял в себя с первого взгляда и не имел равных среди прочих земных чудес. На какое-то мгновение я даже пожалела, что не удостоилась счастья родиться в этом благословенном краю, но тут же устыдилась, мысленно прося прощения у зеленых полей и березовых рощ моего родного Красногорья. Эх, хорошо там, где нас нет, но ведь отчизну не выбирают!

Но сильнее всего меня пленила белоснежная громада мощного замка, с хозяйским видом нависающего над ухоженными улицами Эйсенвальда. На мой вопрос, как называется сия замечательная крепость, ухваченный за рукав прохожий взглянул немного удивленно, краешком губ испуганно шепнув едва различимое: «Сольен». И почему-то от этого, казалось бы, невинного слова на меня внезапно повеяло пронизывающим холодом смертельного прикосновения и неизбежной, подспудной горечью недавней потери. А еще магией – страшной, черной, жгучей словно укус пустынного скорпиона.

Я зябко передернула плечами и опустила глаза вниз, случайно мазнув взором по закрытым на массивный висячий замок воротам ратуши. На усиленной железными фигурными гвоздиками створке обнаружился криво приклеенный лист пергамента. Я заинтересованно подошла поближе.

«Жители Эйсенвальда! – гласила афиша. – Сегодня, ровно в полдень, состоится публичный суд над низвергнутым маркграфом Вольдемаром дер-Сольен, признанным отцеубийцей, заговорщиком и лжецом. Регент нашего государства виконт Зорган Эйсенский призывает всех эйсенцев, не равнодушных к судьбе страны, прибыть на главную городскую площадь и выступить на стороне справедливости. Спешите, спешите!»

«Ого! – иронично хмыкнула я. – Оказывается, в этом прекрасном краю все не так спокойно, как кажется на первый взгляд! Какие здесь, однако, темпераментные страсти бушуют – убийство, заговор... События воистину достойные подмостков эльфийского театра».

Я задумчиво поковыряла ногтем дужку тяжеленного замка. А в конце концов, что я теряю? Пристрастие к ротозейству я привержена ничуть не меньше всех нормальных людей. Да и свободного времени у меня полно – мы же никуда не опаздываем, а мою сиятельную персону здесь никто не знает. Значит, шанс утратить защитное инкогнито практически сводится к минимуму. Хотя мою завидную способность влипнуть в неприятности еще никто не отменял... Но с другой стороны, я чрезвычайно нуждаюсь в информации, объясняющей, где и каким образом можно отыскать эту загадочную фрау Оссу. Следовательно, нужно рискнуть и пойти в массы, чтобы выпрашивать, наблюдать и запоминать...

А посему я снова решительно вскочила на Орешка и едва ощутимо прикоснулась к его бокам каблуками своих изрядно запылившихся сапог. Подковы умного скакуна звонко зацокали по каменной мостовой. Заплутать в городе я не боялась – над крышами ближайших домов возвышалась серая громада храмовой колокольни, габаритами ничуть не уступающая ратуше. Внезапно бронзовый колокол, самый большой в ряду своих более скромных собратьев, проснулся от долгой спячки, намереваясь возвестить что-то важное. Тяжелый язычок его била медленно, как-то лениво качнулся из стороны в сторону, плавно набирая все

увеличивающуюся амплитуду, и коснулся стенки колокола. По улице поплыл мелодичный, но вместе с тем тягуче-протяжный звук громкого удара: «Бо-о-ом-м-м».

Михась, облизывающийся на щедро позолоченных петушков, украшающих вывеску богатой кондитерской лавки, даже подпрыгнул в седле от неожиданности, роняя заготовленный медяк, предназначенный стать платой за лакомство.

– Что это?! – ойкнул он. – Что случилось?

– Полдень! – спокойно пояснила я. – Афишу читал?

Оруженосец сконфуженно засопел.

– Не успел. Я ведь читаю куда медленнее тебя, по слогам. – Он состроил наглое лицо и заявил с привычной, давно укоренившейся склонностью к самооправданию: – Ну мы же неграмотные, академиев не кончали!

– Зато соображаешь, поди, сколько леденцов на пятак купить можно? – одобительно подмигнула я.

– Два! – немедленно просиял мой доморощенный коммерсант. – И еще грошик на сдачу останется.

– Сладкое – вредно для здоровья, – неодобрительно покачала головой я. – Попа слипнется от двух-то петушков.

– Ну, Рогнеда! – просительно заныл мальчишка, крепко сжимая монетку в кулаке. – И так никаких радостей в жизни не вижу...

– Все познается в сравнении, – наставительно хмыкнула я. – А ты подумай о том, что сейчас на площади одному маркграфу-эмпиру приходится ой как несладко, гораздо хуже, чем тебе.

– Вот еще, стану я думать о каких-то там коронованных вампирах! – небрежно фыркнул эгоистичный Михась. – Видать, такая уж у него судьба, у невезучего!

– Коронованный вампир... – медленно повторила я, силясь вспомнить, где мне уже приходилась слышать эти слова. – Невезучий... судьба... Ох память моя девичья! – Я звонко хлопнула себя ладонью по лбу. – Точно, именно о нем мне и говорила Смотрящая сквозь время... – Я пришпорила Орешка, и верный конь резво помчался вверх по улице. – Ведь это он мне и нужен!

– Княжна, ты куда?! – ошалело завопил ничего не понимающий оруженосец. – Меня-то подожди!

– Поспешай, Михаська! – крикнула я. – Они здесь вон чего удумали – судить одного из шести Воинов Судьбы!

– Да ну? – изумился мальчишка, натягивая уздечку своего смиренного жеребчика. – Ах они, злыдни!

А часом раньше с противоположного конца столицы на городские улицы въехал весьма странный кортеж, состоящий из двух всадников – стройной, вооруженной раритетной рапирой эльфийки да горбатого мужчины, прячущего лицо под полями низко надвинутой шляпы, – и тщательно укрытой покрывалом телеги, запряженной невзрачной лошадкой. Таю стоило огромных трудов найти свободную комнату в захудалой гостинице, расположенной на городской окраине. Оставив Кайру, весьма недовольную таким неинтересным распределением ролей, сторожить все еще не пришедшую в сознание Витку, эльф отправился на разведку. Он прочитал афишу, приглашающую людей на судилище, и многозначительно хмыкнул. Сегодня на площади соберется толпа, а где, как не в ее гуще, можно раскопать столь необходимую ему информацию о дороге на север? Дракон, кисло скривившийся от туманного текста объявления, благоразумно улетел за холмы, не желая смущать покой величественного Эйсенвальда своим блистательным присутствием, но пообещав вернуться в самый подходящий момент...

– Вернусь, ой вернусь! – мрачно гудел гигант голосом, не предвещавшим ничего хорошего.

Тре́й с рождения отличался болезненным чувством справедливости, а о местных

эмпирах слышал много положительного и поэтому заранее сочувствовал обвиненному в отцеубийстве маркграфу.

Принц закинул на плечо ремешок футляра с гитарой и неторопливо зашагал в сторону храмовой колокольни, подобно сторожевой башне вздымающейся над крышами домов. В воздухе витало странное напряжение, густо пропитанное смешанной со страданием магией, и, сам того не осознавая, Тайлериан начал ощущать, как нити судьбы, подобно паутине опутывающие его со всех сторон, приходят в упорядоченное движение – сжимаясь в тугий кокон, состоящий из боли, гнева и неизбежности...

А чернокнижник Гедрон лла-Аррастиг, пристально наблюдающий за ним в ровной, будто зеркало, водной поверхности своего волшебного котла, подлю хихикнул и довольно потер корявые ладони, нелепо контрастирующие с богатством парчовых рукавов, из которых они высывались. Вызванное его магией зло сконцентрировалось и сформировалось, принимая форму карающего меча, готовившегося несправедливо обрушиться на головы ни в чем не повинных жертв. Решающий час пробил!

Площадь заполонила взволнованно колышущаяся людская толпа. Едва дождавшись последнего колокольного удара, Зорган выхватил из-за обшлага рукава белоснежный носовой платок и требовательно взмахнул куском шелка, расшитого его вензелями. Удобно устроившись в мягком кресле, установленном на балконе здания суда, своим передним фасадом выходящего как раз на свеженький, еще благоухающий сосновой смолой эшафот, он прекрасно видел происходящее на главной городской площади. При этом виконту не нравилось положительно все: и прорва тупой черни, собравшейся на судилище, и хмурое лицо верховного служителя богини Аолы, и пьяно затуманенный взор эйсенского архимага. Плюс владеющее Зорганом раздражение, вызванное постоянным умственным напряжением последних дней – ведь узурпатору пришлось собрать все доступные ему силы, чтобы хоть частично контролировать самых влиятельных в государстве лиц. Да к тому же эта гоблинова ведьма...

Виконт бессильно стиснул кулаки, глубоко впиваясь ногтями в ладони, но совсем не замечая боли. Эта проклятая молоденькая магичка, упрямая Лизелотта Беренбаум, привезенная из захудалой северной деревушки Ренби, чуть не довела Зоргана до безумия. Видят демоны Нижнего уровня, если бы он так отчаянно не нуждался в решающем слове противной девчонки, то без лишних раздумий давно бы уже приказал повесить ее. Хотя нет, не повесить! Он с превеликим удовольствием придумал бы для Лиззи смерть помучительнее – сожжение, четвертование или же медленное удушение. Эта несговорчивая девка просто выводила его из себя!

А ведь чего только он ей не предлагал! Мешок золота, звание верховной эйсенской колдуньи, замки, поместья и титулы. Но негодная девка отвергла все, продолжая твердить упрямое «нет»! При этом от нее требовали отнюдь не волшебство, а сущие мелочи – изобразить внезапный приступ озарения и изречь пророчество, переплетенное с обвинениями в адрес Вольдемара. Но Лизелотта бурно расхохоталась прямо в лицо виконту и заявила, что Вольдемар Эйсенский никакой не отцеубийца, а самый благородный эмпир, безусловно, как никто другой достойный трона, всеобщего поклонения и уважения. А если кто здесь и является убийцей, лгуном и подлецом, так это сам Зорган! Не помогли даже угрозы, а потом и побои – храбрая девчонка держалась стойко, продолжая фанатично твердить столь неугодные виконту слова...

Зорган недоуменно воззрился на кровь, струящуюся по пальцам и стекающую на подлокотники кресла. Видимо, задумавшись, он слишком глубоко разодрал свои холеные ладони! Ну ничего, за эти раны они тоже ответят сполна. Они оба – Вольдемар и Лизелотта...

Между тем сама Лиззи находилась в невероятном смятении чувств, понимая, что

события ее недолгой жизни начинают неуклонно выходить из-под контроля, медленно, но верно приближаясь к чему-то страшному и невыразимо опасному. После нескольких дней бешеной скачки ее, совершенно выдохшуюся и обессиленную, окруженную кольцом суровых стражников, привели в замок, внушающий скорее страх чем восхищение, и поставили пред очи сиятельного красавца, зовущегося его светлостью виконтом Зорганом. Но с первой же минуты Лизелотта поняла – этот высокомерный аристократ, надменно выпячивающий сочную нижнюю губу и щеголяющий ослепительными нарядами, никакой не благородный лорд. Вернее, он, конечно, дворянин – но лишь внешне. Его душа испускала ментальные миазмы жестокости и жадности, способные обмануть кого угодно, но только не ученицу фрау Оссы. Виконт Зорган сразу же попытался подчинить себе ум и эмоции девушки, однако испуганно охнул и отступил, встретив решительный отпор. Девчонка явно оказалась ему не по зубам, обладая непонятной силой, сиявшей ярким, незамутненным никаким злом светом. Регент нерешительно покрутил перстень с черным бриллиантом, надетый на средний палец, и заговорил прямо, предложив деревенской магичке неслыханно щедрую сделку, мгновенно вознесшую бы ее на вершину власти и почета. Но странное дело – девица возмущенно тряхнула засалившимися, воняющими потом и давно не мытыми волосами, отвечая бескомпромиссным отказом. Зорган оторопел. Как, эта дурочка посмела противоречить ему? Ему, всесильному повелителю Эйсена? Подобное просто не укладывалось у него в голове!

Но Лиззи четко знала – тот, чей лучезарный образ еще витал в замковых покоях, являлся ее богоданным избранником, завещанным самой судьбой. Невзирая на щит из каменных стен, ныне скрывающих его прекрасные добрые глаза и улыбчивые губы, она ощущала – юноши лучше него нет в целом свете. Девушка робко потянулась, мысленно пробивая толстые стены глухого каменного мешка, и ласково прикоснулась к его израненным разуму и плоти, утешая и согревая храброго страдальца. Такого же непоколебимого, как и она сама. Его выдержка и смелость ничуть не удивили юную волшебницу. Ведь это был он – истинный наследник древнего рода эйсенских эмпиров, он – последний маркграф и владыка, он – ее мечта и радость, он – Вольдемар дер-Сольен. И еще Лиззи понимала, что он умирает... Рыдая от жалости, она гордо отказала искусителю – всеми фибрами своей возмущенно трепещущей души клянясь до последнего предсмертного вздоха, до последней капли крови защищать молодого эмпир, служа ему верой и правдой!

Но сейчас ее, избитую и покачивающуюся от голода, опутали пропитанными заговорами веревками, мешающими колдовать, а затем впихнули в водруженную на телегу клетку. Зорган бросил на девушку последний холодный взгляд и злорадно усмехнулся.

– Решай, ведьма, – холодный голос виконта не выражал ничего, – у тебя остался последний шанс! Либо ты со мной, либо, – изверг криво усмехнулся, – взойдешь на костер! Поняла?

В ответ Лиззи непокорно вскинула голову, преодолевая болезненные уколы в висках, мучительно прищурилась, разглядела бледное пятно холеного мужского лица и плюнула в него...

Прошлогодний снег закончился... Вольдемар печально улыбнулся разбитыми губами и медленно перекатился на бок, стараясь не потревожить истерзанные мышцы, ноющие однообразно-надоедливой болью. Бесполезно – на его теле практически не осталось живого места, потому что все оно стало единой незаживающей раной. Впрочем, он давно уже привык к страданиям плоти, но страдания души доставляли несравнимо большие мучения. Сколько времени провел он в этом мрачном застенке – три дня, пять, неделю, месяц?... Вольдемар сбился со счета, утратив ощущение дня и ночи. Последним его утешением оставался холмик прошлогодного снега, медленно проседающий под теплом умирающего тела. Но теперь растаял и он... Это могло означать только одно – срок земного существования Вольдемара истек, настала пора умирать!

«В конце концов, это же так естественно, – отвлеченно утешал себя эмпир, неподвижно

лежа не спине и пристально вглядываясь в серое пятно света, расплывающееся высоко над головой. Крохотный кусочек свободы, доступный пусть не телу, так хотя бы разуму... – Ведь проходит все: молодость, любовь, счастье. Значит, жизнь каждого человека тоже должна рано или поздно заканчиваться. Жаль только, что моя закончится столь мерзким образом...»

А что есть смерть в масштабах бытия?
Мы живы – миг. Но миг – и нас не стало...
Лишь мудрости, над вечностью паря,
Грустить о жизни как-то не пристало...

Мы все живем – кто как, а кто – никак,
Одни душой, другие – плоти для...
Ведь для одних душа – нелепый знак,
А для других – вершина бытия...

Строчки, такие проникновенные и уместные, сложились сами собой, и Вольдемар ощутил острое разочарование, оттого что не имеет возможности их записать.

– Я запомню твое чудесное стихотворение! – неожиданно шепнул нежный девичий голос. – Я друг, и я уже рядом...

– Кто ты?! – отчаянно выкрикнул узник, широко распахивая полуослепшие от темноты глаза. – Где ты?!

Ответа не последовало, но что-то теплое и мимолетное вскользь коснулось его израненного лица, даря успокоение и облегчение. Вольдемар застонал от неопишуемого блаженства и радости преодоленного одиночества. Он понял, что жизнь еще не покинула его окончательно, и безудержно захотел любить, дышать, бороться...

– Я жив! – ликуяще закричал он. – Вам меня не сломить!

– Глянь, эта сволочь еще и орет! – Серый круг наверху перечеркнула яркая вспышка света. – Щаз мы тебя оттуда вытащим, подлый отцеубийца, да кое-чем рот заткнем! – угрожающе пообещал грубый голос, и в камеру опустился острый железный крюк, привязанный к крепкой веревке.

Ржавое орудие тяжело упало на бок Вольдемара, впиваясь под ребро. Юноша вскрикнул, а затем прикусил губу от чудовищной боли, когда его начали поднимать со дна каменного мешка, попутно разрывая мышцы и ломая кости. Наконец попытка прекратилась. Эмпи́р лежал на полу и слезящимися глазами рассматривал двух тюремщиков, стоявших над ним с факелами в руках.

– Ну и воняет же он него! – брезгливо сморщился первый – дюжий, наголо обритый крепыш. – Никогда прежде не подозревал, что от благородного может смердеть, почище чем от простолюдина!

– А мы его помоем! – визгливо гоготнул второй и вылил на юношу ведро ледяной воды.

Вольдемар чуть не захлебнулся под обрушившимся на него потоком, жадно хватая ртом холодные брызги животворящей влаги.

Его окатили еще пару раз, а затем подняли на ноги и напялили на его исхудавший торс чистую полотняную рубаху.

– О, глянь-ка, Фролло, да он у нас опять красавчиком стал! – Здоровяк игриво дернул юношу за мокрую прядь длинных волос. – Слушай, а может, мы его того?.. Никогда не имел аристократа...

Вольдемар понял грязный намек и едва не задохнулся от нахлынувшего ужаса.

– Некогда нам с ним забавляться, – с сожалением признал второй стражник. – Его милость Зорган велел поторапливаться. А жаль, теперь наш подопечный выглядит так, что хоть на свадьбу его отправляй...

– Или на похороны! – весело подхватил напарник, после чего оба так и зашлись в

приступе безудержного хохота.

– Иди давай, доходяга! – Отсмеявшийся Фролло подтолкнул узника в спину, выводя из камеры. – Виконт Зорган ждать не любит, а уж виселица – тем более!

Зорган взмахнул белым платком, настороженно следя за предсказуемой реакцией собравшейся на площади толпы. Спешно возведенный эшафот радовал глаз, потому что на нем соорудили полный набор для казни: и стройную красотку-виселицу, и приземистую уродливую плаху с лежащим рядом топором в футляре, и обложенный дровами столб, предназначенный специально для устрашения негодницы Лиззи. Право же, виконт Эйсенский знал толк в различных психологических уловках, безотказно действующих на жестокую, падкую до дармовых развлечений чернь. Отнюдь не являясь дураком, Зорган иногда задумывался – почему происходит так, что человеческое сердце гораздо легче и быстрее становится на путь зла, а добро отвергает с достойным лучшим применением пылом? Низменные чувства часто торжествуют над любовью, состраданием и жалостью. В большинстве своем люди всю сознательную жизнь остаются грубыми животными – завистливыми, жадными и корыстными. Они не умеют радоваться чужой радости и не выносят, если кому-то рядом с ними становится хорошо, зато с энтузиазмом встречают чужое горе. Они не признают справедливости, ибо готовы добиваться своего личного благополучия любым, даже самым нечестным способом. Они обожают наблюдать за чужой болью и безмерно боятся испытать свою. Они говорят – если у меня нет в жизни счастья, то пусть и у соседа его не будет. И они отчетливо понимают – воспарить над серостью и обыденностью трудно, намного проще опустить в нее другого человека, до предела извозив его в той грязи, из которой ты сам не способен выбраться. Все это понимал и Зорган! О-о-о, велик и всемогущ тот человек, который научился искусно манипулировать страстями толпы, ловко играя на ее насквозь продажных симпатиях и антипатиях. И вдвойне страшнее, если таких высот управления человеческим сознанием достигает истинный злодей, не ведающий пощады и милосердия!

А нынче перед Зорганом волновалось целое море лиц – бескровных до синевы от нетерпеливого предвкушения обещанного им зрелища. На него с обожанием взирали сотни пар расширившихся от волнения зрачков. В этих карих, серых, зеленых глазах читалось все самое плохое, что только способно угнездиться и расцвести в порочной человеческой душе – вожделение, злорадство, алчность, честолубие. В них уже не оставалось места состраданию, прощению и жалости. Как быстро забыла изменчивая и непостоянная толпа своего бывшего кумира, переметнувшись к куда более понятному им Зоргану, подверженному влиянию тех же самых страстей. Он был намного ближе и роднее, чем возвышенный мечтатель Вольдемар, нереально добрый, а потому – нереально далекий от примитивно мыслящих простолюдинов. Экзотическая орхидея никогда не приживется на смешанном с соломой навозе непритязательной деревенской грядки. Похожее тянется к похожему.

Тот, кто управляет толпой, управляет миром! Этот великий постулат человеческой психологии безудержно рвущийся к власти виконт Эйсенский усвоил с младых ногтей. Чернь не оценит величественных замков из мрамора, не поймет красоту изысканных статуй и картин, ибо ее восприятие прекрасного пребывает в крайне зачаточном состоянии. Толпа понимает лишь голод, животный инстинкт размножения и заложенную природой тягу к кровавым мистериям. А если и найдется неординарная личность, способная на краткий миг заморозить толпу силой доброго слова или харизмой своего духовного обаяния, то она должна понимать – возвышенный экстаз является явлением мимолетным и хрупким, способным вызвать страшную резонансную отдачу. Ибо зло намного жизнеспособнее добра. И, покуда умные злодеи руководствуются этим немудреным правилом, мир продолжает прозябать в липких тенетах Тьмы. Жаль недалекновидных и безответственных людей, слепо идущих на поводу у злодеев. Но вполне вероятно, что жизнь намного справедливее, чем это кажется на первый взгляд, и растрчивать жалость на подобных глупцов просто не стоит, потому как каждый народ имеет именно того правителя, которого он заслуживает!

Узкий извилистый коридор, поднимающийся из недр тайного подвала во двор здания суда, показался Вольдемару бесконечным. Он подслеповато шурил отвыкшие от света глаза, приволакивал негнущиеся ноги и едва поспевал за ретивыми тюремщиками, так и норовившими побыстрее выслужиться перед новым господином. Чем выше взбираешься, тем больнее падать! Теперь-то Вольдемар в полной мере испытал на себе справедливость этих жестоких слов, ранее не совсем доступных его пониманию. Окажись на его месте обычный узник, по статусу равный стражникам, то, возможно, его тяжелая доля вызвала бы в их сердцах сострадательный отклик. Но до недавнего времени оклеветанный маркграф принадлежал к сильным мира сего, занимая недостижимо высокое место, а посему не удостоился ничего иного, кроме злорадного хихиканья, унижения, попреков и трусливых ударов исподтишка. М-да, теперь Вольдемар понимал людей намного лучше. Самый значимый жизненный опыт дается нам, увы, невероятно дорогой ценой.

Молодого эмпиря вывели на площадь, заставили взойти на эшафот и опутали надежными веревками, крепко привязав к подножию виселицы. С безмерным удивлением Вольдемар взирал на улюлюкающую толпу, осыпающую его бранными словами вперемешку с огрызками яблок и мелкими камнями. «Люди, – так и хотелось крикнуть разочарованному юноше, – люди, это же я! Неужели вы меня не узнаете? А ведь я все тот же, я ничуть не изменился. Так почему же столь сильно изменились вы? По какой причине вы забыли, что еще совсем недавно я заходил в ваши дома, наделял деньгами и хлебом, раздавал одежду и детские игрушки? Я выслушивал ваши жалобы и пытался их удовлетворить, не минуя никого. Я не брезговал прикасаться к больным и увечным, я лечил хворых и забирал ваши плохие мысли. Я нес вам добро. Отчего же вы сейчас отвечаете мне злом?»

Еще до начала казни Вольдемара постигла самая страшная кара – он перестал верить в людей, навсегда утратив ту полудетскую частицу души, которую обычно называют наивной доверчивостью. Сердце его огрубело, душа – почти умерла. По печальному выражению мягких юношеских глаз, затуманившихся одинокой слезой отчаяния, Зорган мгновенно догадался о чувствах, булбуряющих его невинную жертву, и громко расхохотался. Возможно, именно в этот самый момент ему удалось окончательно одолеть своего непокорного родственника...

А вместе с ним в приступе довольного смеха зашелся и чернокнижник Гедрон лла-Аррастиг. Судьба к нему благоволила, он достиг желаемого результата. Один из шести Воинов Судьбы явно выбывал из дальнейшей игры, сломленный если не физически, то хотя бы морально...

– Жители Эйсенвальда! – Главный прокурор государства важно поднялся со своего кресла и вскинул пухлую ладонь, требуя тишины. – Перед вами единственный сын покойного маркграфа Эдмунда дер-Сольен, нашего обожаемого повелителя. Следствием установлено, что это именно он уничтожил своего отца, дабы завладеть его властью и титулом. Вина Вольдемара доказана, улики неоспоримы. Какого наказания требуете вы для мерзкого отцеубийцы?

– Смерти! – единоклудным ревом прокатилось по площади.

– Смерти! – обвиняюще вскричала заплаканная вдова Элейн, чье мертвенно-бледное лицо и горестно растрепанные черные волосы вызвали всеобщее сострадание и умиление.

– Смерти! – поддержали ее дворяне, частично подкупленные, а частично подчиненные Зорганом.

– Смерти! – не очень уверенно потребовал верховный служитель богини Аолы.

– Смерти! – одурманенно, будто против своей воли простонал архимаг.

– Смерти! – едва слышно шепнул Зорган, чуть не теряющий сознание от чудовищного расхода ментальной силы, направленной на управление сознанием собравшихся.

– За что?! – потрясенно выкрикнул Вольдемар. – Я не убивал моего любимого отца!

Но его протест потонул в гуле злобного воя.

– Признаете ли вы виконта Зоргана новым маркграфом Эйсенским, нашим законным сюзереном и правителем? – задал второй вопрос прокурор.

– Признаем! – дружно выдохнула толпа.

– Признаем и поддерживаем! – донеслось со стороны ложи, в которой расположились аристократы. – Виконт доводится родным племянником усопшему маркграфу и является первым претендентом на трон. Да и династия дер-Сольен не должна прерываться! – вполне обоснованно изложил хорошо поставленный мужской голос.

По губам графини Элейн зазмеилась торжествующая улыбка.

– Люди, – покачивающийся от слабости Зорган возник на балконе, – я выступаю на стороне справедливости и хочу представить вам высший аргумент, заключающийся в выражении воли богов. Смотрите! – Он властно простер руку.

Народ ахнул...

Из переулка выехала черная телега, запряженная ломовыми лошадьми, а на ней – в глубине железной клетки – виднелось хрупкое девичье тело.

– Я привез для вас знаменитую ведьму из Ренби! – пафосно провозгласил виконт. – Бесноватую пророчицу, чьими устами говорят сами боги!

– Ведьма! – круговой волной расходилось по площади. – Это и есть ведьма!

Телега подкатилась вплотную к эшафоту. Широкоплечий силач, облаченный в красный колпак палача, потянул за цепь, подтаскивая поближе к решетке ту, которая неподвижно лежала в центре клетки, свернувшись в плотный клубок. О том, что ведьма еще жива, свидетельствовала лишь мелкая дрожь, временами сотрясавшая ее худое, кожа да кости, тело. Но внезапно девушка встала на ноги и распахнула серые глаза, кажущиеся неправдоподобного огромными на фоне впалых щек.

– Говори! – с нажимом приказал Зорган, многозначительно указывая на приготовленные для костра дрова. – Поведай нам волю богов!

Несколько минут девушка молчала, медитативно покачиваясь и полоумно улыбаясь. А затем ее рот приоткрылся, и из него полился неудержимый поток торопливых слов:

Питая зависть, мрак и злобу,
Он проторил себе дорогу,
Убил приемного отца,
Примерив маску подлеца.

К себе, в преступную кровать,
Он уложил родную мать,
Над братом закатил процесс,
Скрывая мерзостный инцест.

Ведь ручку тонкого кинжала
Его рука в ночи держала,
Корону слишком он любил
И повелителя – убил.

Он нам в маркграфы не годится,
Его отправим на Ледницу,
Рассудит пусть богиня-мать,
Кому владыкой должно стать...

Зорган буквально остоленел от подобной дерзости. Как, девчонка не убоилась смерти и пошла против его воли?!

– Она врет! – истошно завопил он. – На костер ее!

– На костер сумасшедшую лгунью! – заревела покорная его воле толпа.

Палач вытащил из клетки лишившуюся чувств ведьму и привязал к обложенному дровами столбу.

– На виселицу Вольдемара! – продолжал безумствовать Зорган.

Несчастливого юношу водрузили на хлипкую скамеечку, а на шею ему накиннули жесткую пеньковую петлю.

– Жги! – оглушительно скомандовал виконт, указывая на ведьму. – Она станет первой!

Палач послушно поднес факел к дровам, щедро политым смолой.

– Стойте! – Внезапно раздавшийся певучий и красивый голос нарушил напряженную тишину, погребальным покрывалом зависшую над площадью. – Именем королевы Смерти приказываю вам остановить казнь!

Толпа удивленно расступилась, образуя свободный проход, по которому спокойно шел высокий, горбатый, но сказочно прекрасный юноша. В руках он сжимал отнюдь не рапиру или топор, а маленькую эльфийскую гитару.

Незнакомец остановился перед эшафотом, обвел холодным взглядом выжидательно притихшую толпу, тронул серебристо зазвеневшие струны гитары и проникновенно запел:

На площади у собора нынче как в праздник людно!
Колокол на соборе – лениво звенит и нудно...
Может – то звук набата? Может – простят долги?
В чем же она виновата? Жги ее, братцы, жги!

Может – она чумная? Может – отнюдь не девица?
И странно, что не мутнеет в чаше святой водица.
Косы ее, церковник, наголо состриги...
В чем же она виновата? Жги ее, братцы, жги!

Палач выронил из рук факел и испуганно попятился. Народ начал переглядываться и перешептываться, словно выплывая из глубин тяжелого, кошмарного сна.

Видишь – трепещет венка! Крепка станова жила!
«Люди, она мне мужа – взглядом приворожила!»
Все истерички-бабы сейчас для нее враги...
В чем же она виновата? Жги ее, братцы, жги!

Присутствующие на площади женщины протяжно и покаянно завывали, осознав, что чуть не совершили непоправимое. Мужчины недовольно качали головами и прятали повлажневшие глаза. Дворяне смущенно прикрывались платками, а дамы – веерами.

Заметь, головы не клонит, видимо – мало били,
Что же ее в застенке, гордую, не сломили?
Смотри, гробовую телегу к кострищу влекут битюги...
В чем же она виновата? Жги ее, братцы, жги!

– Разобраться бы надо! – призывно повисло над толпой. – За что ее били-то?! Люди, дивитесь, да она же еще совсем дитя!

Эй, а чего же люди взоры отводят стыдно?
Оклеветать девицу – это ли не обидно?
Хочешь святошей зваться? Значит, о ней солги...
В чем же она виновата? Жги ее, братцы, жги!

Люди смущенно замялись, виновато поглядывая друг на друга. На лицах многих появилось выражение типа – ой, чего это мы, словно с ума все посходили...

Глядите, она смиренно прощает вруна и позера,
И каплют слезами глазища – прозрачные как озера,
Девка, сорви веревки! Девка, от нас беги!
В чем же она виновата? Жги ее, братцы, жги!

Волшебный голос певца очаровывал, выжимая слезы из глаз самых заматерелых мужланов и бурные всхлипывания из глоток их жен, более привычных к брани и сквернословию. Кто-то уже лез на эшафот, намереваясь отвязать удерживающие девушку веревки. Оторопевший Вольдемар взирал на горбатого певца с немим изумлением и обожанием. Он даже не подозревал, что в мире могут существовать такой сладкозвучный голос, подобная сила внушения и настолько завораживающая песня.

Да только молва людская над нею сейчас не властна,
В рубище и лохмотьях – чиста она и прекрасна!
Бессильно навет стекает с хрупких девичьих плеч...
Братцы, она не ведьма! За что же ее нам жечь?

– Отпустите девицу, никакая она не ведьма! – единодушно провозгласил народ.
Дворяне слаженно махали головными уборами и надрывались здравицей: «Виват!»
– А-а-а! – вырвался из груди очнувшегося виконта Зоргана одинокий исступленный вопль.

Одним могучим прыжком Зорган перемахнул через перила балкона, спрыгнул вниз, подхватил валяющийся на земле непотушенный факел и сунул его в кучу дров.

Пламя костра взметнулось до небес...

Глава 6

Настегивая Орешка, я вихрем ворвалась на примыкающую к собору площадь. Гневно раздула крылья носа, спрыгнула с коня и вклинилась в толпу, беспощадно колошматя сгрудившихся зевак рукоятями обеих сабель. «Только бы никого не убить! – молнией пронеслось в голове. – А ведь хочется, ой как хочется! Хорошенькие же делишки творятся в этом славном городе, да еще почитай у самого алтаря богини Аолы!»

Представшая моему взору картина поражала воображение, отдавая некоторым налетом нездорового сюрреализма. Прямо готовая иллюстрация к труду одного сумасбродного монаха по имени Генрих Крамер, откопанному мною в библиотеке Нарронской академии и носившему красноречивое название «Молот ведьм», а точнее, являющемуся весьма подробным пособием по распознаванию и уничтожению дам, обладающих способностью к магии. Ничего не скажешь, завидное наследие досталось нам от наших далеких предков, проживавших в более просвещенные, но не менее беспокойные времена.

В центре площади возвышался свеженький, видимо, совсем недавно сколоченный эшафот, еще запятнанный запашистыми потеками янтарно-золотистой сосновой смолы. Перед сим зловещим сооружением застыл невероятно пригожий эльф в спускающемся до самой мостовой плаще, не успевший отвести пальцев от едва умолкнувшей маленькой гитары. Последний куплет его потрясающей песни я успела услышать. Надо признаться – впечатлил он меня изрядно, даже с учетом мой закоренелой нелюбви к поэзии, развившейся после исключения из академии. А прямо на моих глазах какой-то черномазый красавец, явно пребывающий в полном раздрае со своей больной головой, сиганул с увешанного коврами балкона второго этажа выходящего на площадь здания, подхватил горящий факел и решительно подпалил сложенные у столба дрова. Пламя костра взвилось до небес, сразу же

охватив тоненькую фигурку привязанной к столбу девушки. Рядом истошно голосил и дергался второй приговоренный, имевший чрезвычайно благородную внешность, чего не смогли скрыть даже многочисленные синяки и ссадины, густо испещрявшие его лицо... Народ орал и визжал, похоже совершенно не соображая, что следует предпринять. В общем, на площади творилось гоблин знает что!

– Что вы здесь за безобразие устроили? – нахально поинтересовалась я, щедро раздавая направо пинки, налево увесистые зуботычины, но пропихиваясь таки к подножию эшафота.

– Не хочешь получить страшный ответ – не задавай страшный вопрос! – доходчиво пояснил певец, только что огревший гитарой не в меру ретивого стражника, пытавшегося пырнуть его алебардой.

Я одобрительно хмыкнула – кажется, шустрый менестрель оказался настоящим виртуозом своего инструмента, причем виртуозом во всех смыслах этого слова.

– Логично! – признала я, с ходу вышибая зубы второму алебардисту. – Прикрой меня, если что... – И, не дожидаясь ответной реакции певца, я птичкой взлетела на высокий помост.

– Куда?! – возмущенно рывкнул черномазый вельможа-поджигатель, взбешенно округляя глаза. – Ты в мой сценарий не вписываешься!

На краткий миг я ощутила, как по моему сознанию словно бы скользнула призрачная ловчая сеть с мелкими ячейками, сплетенными из незримых, обжигающих холодом нитей. Скользнула и... бесследно сгорела в огне моей ярости. Эмпир недоуменно приподнял брови.

– На кудыкину гору! – агрессивно парировала я. – Щаз я тебе туда дорожку разъясню, маньяк-теоретик! – Я с размаху заехала коленкой красавцу в пах, а затем от души добавила набалдашником сабельной рукояти по затылку.

Чернявый эмпир шумно выдохнул воздух, сложился пополам и свалился мне под ноги. Надеюсь, я его не убила, хотя он это заслужил!

Окованным железом носком сапога я смачно саданула под копчик зазевавшегося палача, отправив в красивый полет с эшафота, и брезгливо поморщилась от его утробного, шедшего прямо из глубины желудка воя. Да, братец, сломанный копчик это тебе не фунт изюма, а гарантированные два, а то и три месяца нахождения в строго вертикальном положении – сидеть или лежать ты теперь долго не сможешь! Ибо я тебе не ведьма хлипкая и цацкаться, пальчиками руны выписывать не стану – я тебя и без магии так уделаю, что мало не покажется! Снизу до меня долетел хвалебный свист певца, по достоинству оценившего мои праведные труды, направленные во спасение невинных (в чем я была совершенно уверена) жертв эйсенского произвола. На этой бравурной ноте я подбодрила себя крепким ругательством и бесстрашно сунулась в костер...

Девушке приходилось туго. Кожа на ее ногах пузырилась и слазила клочьями, кончики пальцев почернели и обуглились. Горели волосы на голове, полыхал легкий льняной сарафан. От кострища распространялся невыразимый жар и запах горелой плоти. Медлить уже некогда, я и так чуть не опоздала... Понимая, что одними опаленными бровями тут не отделаешься, и мысленно проклиная свой гоблинов героизм, я с двух ударов перерубила удерживающие ее веревки и подхватила бессильно осевшее легкое тело. Хм, а странные у них тут веревки – в огне не горят... Скрипя зубами от боли в обожженных руках, выдернула девушку из пламени и бережно уложила на помост.

– На, прикрой ее, и огонь с одежды сбей! – Менестрель бросил мне свой плащ.

Я поймала роскошное полотнище, сшитое из какой-то очень дорогой ткани, и краем глаза потрясенно заметила, что прекрасный певец оказался горбуном. Обалдеть, первый раз в жизни вижу горбатого эльфа! Но времени на осмысление увиденного не оставалось, потому что над ухом продолжал обреченно голосить приговоренный к виселице парень. Я освободила от пут и его – поднатужившись, перерубила сковывающие руки кандалы, а заодно кончиком клинка поддела и сорвала странный черный обруч, плотно сидевший на голове юноши. Диадема с жалобным звяканьем укатилась в не желавший потухать костер. И мне показалось, что, лишившись своего непонятного украшения, юный эмпир вздохнул

свободнее.

А между тем у подножия эшафота разгорелось настоящее побоище. Махал гитарой эльф, и, богатырски поухивая, умело орудовал ржавым мечом мой ретивый отрок-оруженосец. Да и эйсенцы не остались в стороне, видимо так и не придя к консенсусу относительно дальнейшей участи чуть не сгоревшей на костре ведьмы. Мельник мутузил мясника, изящный юноша в шелках отбивался сразу от двух верзил, вооруженных кривыми ножами. Дама в шляпке вцепилась в патлы щекастой простоволосой девицы, а рядом старуха в чепце сосредоточенно обдирала кружева с истерично визжащей фрейлины маркграфского двора. В целом – народ не скучал и отрывался по полной программе!

– Ты высший и коронованный? – деловито спросила я у эмпиря.

Парень усиленно закивал.

– Ага! – глубокомысленно изрекла я. – То, что мне и требовалось...

– Люди! – подзуживающе донеслось снизу. – Не бойтесь, там всего одна вооруженная девушка, хватайте ее!

Я сердито передернула плечами: «Ты смотри, каким живучим мой черномазый красавчик оказался, очухался-таки! Жаль, конечно, что он подлец и убоище проклятое, ведь я в первый раз вижу мужчину, который настолько соответствует моему понятию о красоте!»

Горбатый менестрель ловко запрыгнул на помост, беря гитару на изготовку и прикрывая собой спасенную мною ведьму. Похоже, уродливый физический изъян ничуть не мешал ему двигаться на удивление легко и проворно.

– Ну и сильна же ты драться! – восхищенно признал он. – Откуда ты взялась?

– Да так, – вполголоса хмыкнула я, – мимо проходила!

– Очень вовремя, надо заметить проходила, – дружески улыбнулся эльф.

– Слушай, а еще чем-нибудь кроме гитары ты владеешь? – как можно небрежнее спросила я, вынимая из-за пояса кинжал и протягивая его певцу. – Видишь, – я указала на ошетилившийся рапирами ряд эмпирических дворян, подступающих к нам явно не с намерением пригласить на ужин, – сейчас нас начнут учить хорошим манерам на местный лад!

– А облезут! – нахально сплюнул эльф, скрещивая руки на груди и принимая непринужденную позу. – Слабо им против моего защитника...

– Какого защитника? – не поняла я, оглядываясь по сторонам. – Здесь же никого нет!

Эльф окинул эмпиров жалостливым взглядом фиалковых глаз и громко, мелодично свистнул... Над нашими головами раздалось шумное хлопанье огромных крыльев, и на площадь эффектно спикировал молодой дракон.

Дворяне испуганно попятились. Большая их часть и вообще поспешно вкладывала оружие в ножны и делала невинные лица, типа – да мы тут не при делах, мы просто мимо проходили! Я радостно хмыкнула. Дракон злобно щелкнул нехилыми клыками и выдохнул предупредительную россыпь разноцветных искр. Толпа понятливо попятилась.

– Опля! – галантно поклонился эльф, взмахом руки указывая на намеренно выпячивающего грудь дракона.

На площади послышались жидкие, несмелые хлопки.

– И только-то? – недовольно нахмурился дракон, подпуская дыма.

Одиночные хлопки тут же переросли в дружную овацию.

– Ну то-то же! – смиловился летающий гигант.

– Для того чтобы прослыть мастером эпатажа, достаточно называть всех и вся своими настоящими именами! – Я иронично подмигнула находчивому эльфу.

Менестрель, салютуя, приложил пальцы к полям шляпы и смешливо фыркнул. Похоже, взаимопонимание между нами было достигнуто.

Я уже решила, что инцидент с казнью исчерпан полностью, как вдруг в происходящие драматические события включились новые персонажи, на нашу беду тоже грешащие активной гражданской позицией.

– Чужеземцы, вы бесцеремонно вторглись в наш город и помешали отправлению акта

правосудия! – Вперед вышел облаченный в ритуальную мантию первосвященник Аолы.

– И это называется правосудием? – тоном уверенного в собственной безнаказанности существа осведомился дракон. – А вы, случайно, не шутите?

Церковник замялся.

Я наклонилась к спасенной ведьме и пытливо взгляделась в ее лицо. Пребывающая в обмороке девушка тихонько постанывала, по испачканным сажей щекам разливался лихорадочный румянец. Ей срочно требовалась помощь лекаря, и, если честно, я сильно сомневалась в ее способности выжить со столь обширными ожогами. К несчастью, в медицине я смыслила очень мало.

– Слушай, пора заканчивать этот балаган, а не то девица умрет у нас на руках! – шепнула я эльфа.

Тот понимающе кивнул.

А между тем говорливый летун вступил в пространный юридический диспут, многословно пропихивая священнику что-то про совесть, суд присяжных и презумпцию невиновности. Похоже, наш дракон оказался совсем не глуп.

– Вы же хотели услышать волю богов? – своевременно вмешался менестрель. – Вы ее получили! Пророчица оправдала маркграфа Вольдемара, опознала в Зоргане виновника всех бед и призвала отправить его на остров Ледницу – на поиски высшей справедливости!

– Но остров Ледница всего лишь страшная сказка! – выкрикнул кто-то недоверчивым фальцетом.

– Эльф прав! – Из толпы выступил благообразный архимаг, задумчиво оглаживающий длинную бороду. – Остров Ледница существует на самом деле. Вот только дорога к нему давно забыта. Но я слышал, что он никогда не стоит на одном месте, а дрейфует по волнам Холодного моря. Когда-то на острове построили самый первый Храм королевы Смерти, и считается, что он и в наши дни остается единственным местом, куда богиня является во плоти, дабы вершить справедливый суд над живыми и мертвыми и наказывать виновных. Если виконт Зорган представит нам знак милости Смерти, то мы признаем его своим законным владыкой. Пусть он отправляется на Ледницу!

Народ одобрительно загомонил. Зорган бессильно кусал губы, понимая, что путешествие на Ледницу стало его последним шансом заполучить трон Эйсенвальда.

– Протестую! – холодно отчеканил прокурор. – Мы не можем подвергать опасности последнего эмпера, происходящего из рода дер-Сольен. Виконт никуда не поедет, он нужен стране!

– Но у вас есть еще и Вольдемар! – резонно напомнил эльф.

Прокурор пренебрежительно усмехнулся:

– Осужденный на смерть преступник не имеет права на титул маркграфа. Его место на виселице или на плахе...

– Неправда! – Тонкий голосок шел из-под прикрывавшего ведьму плаща.

Я потрясенно отогнула край плотной материи. Девушка пришла в сознание и даже силилась подняться, упираясь в доски помоста слабыми, покрытыми струпьями руками. Неужели это упоминание имени Вольдемара придало ей столь невероятные силы? Я расчувствованно опустила на колени, нежно поддерживая отважную магичку. Девица ответила мне благодарным взглядом серых глаз.

– В нашей стране есть такой обычай! – Голос девушки креп с каждой секундой и звенел словно струна. – Если невинная девушка добровольно берет в мужа осужденного на смерть преступника, то его милуют, а его вину признают недействительной.

Народ на площади слаженно ахнул.

– Я, Лизелотта Беренбаум из деревни Ренби, – девушка клятвенно прижала к груди свои изуродованные огнем пальчики, – семнадцатилетняя девственница, беру этого мужчину, эмпера по имени Вольдемар дер-Сольен, себе в мужа.

– Свидетельствую, брак заключен и является истинно нерушимым! – торопливо выкрикнул архимаг.

Зорган растерянно схватился за голову.

– Не могу, – жалобно протянул Вольдемар, – не имею права! Маркграфы не женятся на простолюдинках, это запрещено законом... Брачный союз правителя – это не любовь или случайность, это дело государственной важности!

– Как мне это знакомо! – необдуманно брякнула я.

– И мне! – поддержал эльф.

Мы подозрительно уставились друг на друга...

– Не могу! – продолжать гнуть свое Вольдемар.

– А как же вершина бытия? – напомнила Лиззи, видимо намекая на что-то, понятное лишь им двоим.

– Так это была ты? – Эмпи́р смотрел на девушку потрясенно расширив глаза, будто на спустившееся с небес божество. – И все равно я...

– Молчи, дурак! – Я предостерегающе дернула его за рукав. – Умереть хочешь?

Эмпи́р немедленно заткнулся.

– Но, – растерянно мычал прокурор, – как же так? Получается, теперь у нас два претендента на трон!

– Все разрешимо, – довольно потер руки архимаг. – Пусть оба наследника – и Вольдемар, и Зорган – отправляются на остров Ледница. Тот, кого одобрит королева Смерть, и станет нашим маркграфом!

Народ восторженно рукоплескал, одобряя столь мудрое решение.

– Вот и ладушки! – спешно подвела итог я, нежно баюкая ведьму, снова впадшую в беспамятство. Похоже, скоропалительное сватовство стоило ей остатков сил. – А девушку я забираю себе. Вам она без надобности!

– Надеюсь, никто не возражает? – ехидно осведомился дракон.

Ясное дело, желающих что-либо возразить не нашлось.

Толпа постепенно редела, люди торопились добраться до дома и удивить пропустивших судилище соседей увлекательным рассказом, должным показаться им совершенно неправдоподобным. Жаль только, что оправданный Вольдемар куда-то смылся, видимо имея собственные планы насчет ближайшего будущего. А впрочем, я ничуть не сожалела о его побеге, прекрасно понимая – если он действительно является одним из нужных мне Воинов Судьбы, то неумолимый рок снова сведет нас на узенькой тропке в самое ближайшее время. А как же иначе-то?

Я заметила на соседней улице неплохую повозку с впряженной в нее каурой кобылкой, сунула растерянному хозяину сего немудреного транспортного средства два золотых красногорских червонца и без лишних разговоров завладела его имуществом, загрузив туда больную Лизелотту.

Дракон наблюдал за мной молча, изредка хлопая выжидательно прищуренными глазами, не помогая, но и не мешая. Михась привел моего Орешка. Я устало взгромоздилась в седло и требовательно потрясла эльфа за плечо:

– А тебя как звать-то, сладкоголосый ты наш?

– Принц Тайлериан эль-Таваор к вашим услугам, моя воительница! – Эльф вежливо сорвал шляпу с головы и низко поклонился.

Мое лицо вытянулось.

– Слушай, твое высочество, а нет ли у тебя папеньки по имени Рагнарэль?

– Батюшка скончался совсем недавно! – печально откликнулся принц. – А я сбежал от наследства...

– Ага, от наследства, говоришь, сбежал... – хмуро протянула я. – Ну-ну... Хреновый из тебя бегун, принц!

– А может, хватит уже комедию ломать? – осклабился внимательно наблюдающий за нашими расшаркиваниями дракон.

– И точно, хватит! – Я зверски оскалила зубы и зарычала: – А ну колись, гад крылатый,

куда ты Витку девал? Я-то ведь тебя сразу узнала!

«И я тебя!» – глазами показал летун.

– Тока вякни что-нибудь против! – пригрозила я, протягивая руку к сабле.

– Вяк! – исключительно из вредности ляпнул дракон.

У ошарашенно тарасившегося на нас принца Тайлериана отвисла челюсть.

– Не ершишь, язва, ведь сегодня я спас тебя во второй раз! – мальчишески похвалился дракон. – Ну, Рогнеда, давай уже помиримся! Клянусь моим родным оазисом, ты самая классная девушка в мире!

– Так ты и есть княжна Рогнеда Красногорская? – шокированно покачнулся Тай, хватаясь за сердце. – Так ты моя... – Он подавился последним словом, снял с руки перчатку и показал мне палец, на котором тускло поблескивало скромное зеленое колечко.

– Да! – Я устало хмыкнула и тоже стащила перчатку, демонстрируя свое кольцо. – Ну здравствуй, что ли, муженек, забери тебя гоблины!

– А как же твое падение из когтей Трея? – не верил принц. – Ты не убилась?

– Ага, жди, – обрадовала его я. – Да я сама кого хочешь убью!

Эльф взглянул на меня пристально, застонал, побледнел и обморочно осел на мостовую.

– Ну да, – я сардонически подмигнула дракону, – мою небесную красоту никакими тряпками не прикроешь! А уж мой покладистый характер... Вот ты представь себе хоть на миг, как мы с ним жить вместе станем. На загляденье парочка, телок да ярочка: я уродка, и он горбун.

– Даже подумать страшно! – остроумно парировал летун и храбро задумался.

«Интересно, существуют ли на свете люди, обожающие добровольно получать неприятные подарки от судьбы? Уверена, что нет. Вот и я тоже не выношу подобные заподлянские фокусы, но куда бы деваться от своего знаменитого невезения, последовавшего за мной даже в чужеземные края?» Со столь оптимистическими мыслями я стояла в небольшом сарайчике и мрачно разглядывала очередной миленький сюрприз, преподнесенный мне щедрой фортуной. Как известно, когда умный говорит – мудрый молчит и слушает. Вот и я молчала, прикусив язык от огромного желания ругаться, да выслушивала путанные разъяснения Тая на тему – я не виноват, это все Трей придумал. Ага, как же, так я тебе и поверила, красавец горбатый! Драконы по собственной инициативе девиц не крадут и не спасают. Конечно, за редким исключением, когда им попадаются болтливые стервы вроде меня... А уж по сараям и тем паче не прячут!

В щелястом дощатом сооружении находились две телеги, примерно совпадающие по форме и содержанию. Этакая мобильная девичья светелка на колесах. Впрочем, каюсь, подобные глупые шуточки здесь казались совершенно неуместными. И, скорее всего, моя дурацкая бравада изрядно смахивала на смех сквозь слезы, потому что на одной покоилась впавшая в летаргический сон Витка, а на второй металась в горячке обожженная ведьма Лизелотта. Тут и не такие силачи впадут в истерику, заполучив под свою опеку двух тяжелобольных девиц, пребывающих в столь плачевном состоянии. Приглашенный мною лекарь, чью посильную помощь я оплатила более чем щедро, помог мало. Обмотав девушку пропитанными мазями бинтами, он бессильно развел сухонькие ладошки.

– Госпожа, мне нечем вас обрадовать, – признался он, убирая в свой саквояж многочисленные баночки и скляночки с лекарствами. – Боюсь, столь обширные ожоги не совместимы с жизнью. Девушка скончается через несколько дней от обширной гангрены и сепсиса...

– От гниения конечностей и заражения крови? – с пониманием сути проблемы озабоченно переспросил принц.

Лекарь кивнул.

– Но должно же существовать какое-нибудь радикальное лечение? – не поверила я.

– Я такого не знаю, – огорчился старик. – Возможно, вам сумеет помочь сильный маг...

– Ты что-нибудь слышал о проживающих в этих краях магах? – требовательно спросила я у эльфа, пока Михась провожал лекаря.

Тай угрюмо хмыкнул.

– Они в обилии имеются у нас дома, но в Эль-силь я не вернусь. – Он бросил на меня косой взгляд. – Если ты, конечно, не пожелаешь попасть туда, где нас немедленно принудят признать наш брак действительным...

– Ни-ни, – мгновенноотреагировала я, – вот еще!

Тайлериан с облегчением улыбнулся. За истекшее время мы успели договориться и предоставили друг другу полную свободу. Я не желала становиться женой горбатого красавца, а он, по-моему, питал самые нежные чувства к не приходившей в сознание Витке. Вот только гоблиновы волшебные кольца почему-то не желали покидать наши пальцы. Пришлось пока оставить их на прежних местах.

– Знаешь, – задумчиво протянул принц, глядя Витку по сползшей с подушки золотистой косе, – мне рассказывали, что на севере Эйсена обитает загадочная колдунья фрау Осса. Я намереваюсь отвезти к ней мою желанную и просить помощи...

«Вот это да, – молнией промелькнуло у меня в мозгу, – кажется, я все больше и больше начинаю верить в судьбу!» И я без утайки поведала Таю все, касающееся загадочной встречи, произошедшей в шатре Смотрящей сквозь время. Эльф слушал меня внимательно, не перебивая и не переспрашивая. На его мрачном лице читалась абсолютная вера в каждое мое слово.

– М-да-а-а, – эмоционально подытожил он, и морщинки на его озабоченно нахмуренном лбу немного разгладились. – Знаешь, история с картами как нельзя лучше сочетается с пророчеством Логрина, поэтому у меня просто нет основания тебе не верить. Значит, нас должно собратся шестеро? Ты, Дева, – он указал на меня. – Чудовище – дракон Трей. Урод – это, бесспорно, я. Ведьма – наша малютка Лизелотта. Высший вампир – Вольдемар, которого срочно нужно разыскать. И Злодей... – Принц замолчал, с намеком поглядывая мне в глаза.

Я недовольно поморщилась:

– Боюсь, мы думаем об одной и той же личности. Мнится мне, требуемый нам Злодей – сам виконт Зорган. Он идеально и, как никто другой, полностью вписывается в нашу невезучую компанию.

– А кто тогда этот Чернокнижник, противодействующий и мешающий нашей миссии? Что ему от нас нужно? – спросил Тайлериан.

Я рассеянно пожала плечами:

– Не знаю. Но я уже не раз ощущала чье-то незримое и нежелательное присутствие! Подозреваю, в происходящие вокруг нас события втянуто гораздо больше участников, чем мы пока насчитали, и главная суть всего нам пока не известна...

– Ветер Инферно! – Эльф словно пробовал на вкус это страшное название. – Вот гоблины, а откуда Дени стало известно о нем и фрау Оссе?

– А Денириэль вообще очень умный юноша. – Неожиданно вклинившийся в нашу беседу третий голос донесся от двери сарая, и я разглядела высокую девичью фигурку, возникшую на пороге. – Возможно, ты поступил мудро, оставив на него престол Эль-силы!

Девушка подошла поближе, и я невольно восхитилась ее грациозной осанкой и упругой походкой, выдающей опытного фехтовальщика. На поясе у нее висела великолепная рапира, карие глаза красавицы настороженно поблескивали. Своими вкрадчивыми повадками и мягким грудным голосом, в котором, однако, слышалось сдержанное порывистое уверение в себе хищника, она напомнила мне большую кошку – красивую и смертельно опасную.

– Кайра, – с требовательным нажимом сказал Тай, – познакомься, это княжна Рогнеда! Она возглавит наш отряд.

– А не слишком ли много в нем женщин набирается? – иронично усмехнулась эльфийка, язвительно кривя уголки алых губ. – Мы и без нее способны самостоятельно

решить свои проблемы. Зачем тебе лишние трудности – неправдоподобный и сумбурный рассказ про старую Смотрящую, Расклад Судьбы, какой-то Ветер Инферно? Все это смахивает на выдумку...

– Сестра, – укоризненно оборвал ее принц, – вспомни слова Логрина! Эта девушка призвана спасти наш народ!

– Не верю, я в нее не верю! – критически покачала головой девушка. – Пророк говорил о смерти, а я еще не устала от жизни. Находиться рядом с княжной опасно. Я бы и тебе не рекомендовала верить ей безоглядно.

– По-твоему, я вру?! – в мгновение ока вскипела я. – Следи за своим языком, мечница! Не слишком ли он у тебя длинный?

– А ты попробуй укороти! – задиристо хохотнула эльфийка, извлекая из ножен рапиру и угрожающе поводя тонким лезвием клинка. – Возможно, и не врешь, но преподносишь все в выгодном для тебя свете!

Я негодуяюще вскрикнула и выхватила сабли, на полусогнутых ногах обходя Кайру по большому полукругу. Девушка оказалась языкатой и заносчивой, видимо привыкшей, что с ее словом считаются, а к мнению прислушиваются. Мне бы очень не хотелось наживать себе врага в ее лице, но я всерьез настроилась на успешное выполнение задания Смотрящей, а поэтому намеревалась сразу расставить все точки над «і». У всякого отряда всегда имеется только один командир, чей авторитет должен носить непоколебимый статус закона и в дальнейшем не подвергаться оспариванию. Даже в том случае, если этот авторитет завоеван не силой разума, а силой оружия.

В тот момент у меня не нашлось времени, чтобы разобраться в причинах такого бурного протеста против моей кандидатуры на роль предводителя отряда. Человек – животное стайное, и в крови каждого из нас заложено природное желание бороться за лидерство, за более высокое место в иерархии подчинения. Каждая сильная личность мечтает стать вожаком, а не ведомым. Но не каждый понимает – звание вожака заключается не в почестях и возможности выбрать самый сладкий и привлекательный кусок добычи. Быть вожаком – это тяжелая ответственность за жизнь любого члена твоей стаи или твоего отряда. Это прямая обязанность идти во главе в каждой битве и первым бросаться наперерез неминуемой опасности, наперерез беде, наперерез смерти. Это священный долг вождя – рисковать своей жизнью, защищая слабого и зависящего от тебя. А сильнее тяги к власти и лидерству может оказаться только любовь. Но тогда я еще не разобралась, что же именно руководило Кайрой: личная неприязнь ко мне, стремление самой возглавить поход или же безоговорочная преданность принцу Таю...

Наши клинки встретились, высекая сноп искр. Наблюдающий за нами принц бессильно всплеснул руками и отступил в сторону.

– Ваше высочество, чего же вы медлите? Да они сейчас друг друга поубивают! – истошно заголосил вернувшийся Михась, безрассудно кидаясь под клинки.

– Стоять! – Тай поймал мальчишку за шиворот. – Сомневаюсь, что так уж сразу поубивают! Для этого им придется изрядно попотеть...

Тайлериан оказался прав. Выигрышное количество моих парных сабель с лихвой компенсировалось превосходящей длиной эльфийской рапиры. Кайра не уступала мне в скорости реакции и напористости, сражаясь по-мужски размашисто и уверенно. Острые рапиры двигались слитно и мощно, выписывая сложнейшие пируэты – размеренные, как точно выверенные танцевальные па. Мечница даже заложила левую руку за спину, сохраняя спокойное, глубокое дыхание и плавно перетекая из позиции в позицию. Поединок шел с переменным успехом: удар, парированный мною, сменялся ответным выпадом, ловко принятым на гарду оружия эльфийки. Ее не испугала даже моя манера ведения боя, точно скопированная с непредсказуемой тактики уррагских сабельников. Я рубанула ее одной саблей, резко развернулась на ноге и чуть не поразила второй. Два рипоста¹⁹ почти

¹⁹ Рипост – ответная атака (фехтовальный термин).

сливались в один опасный прием, чуть не стоивший эльфийке жизни... Через несколько минут Кайра запыхалась и начала отступать, все чаще сменяя атаки защитой. Не сводящий с нас взора Тай удивленно приоткрыл рот. Похоже, он считал свою подругу непревзойденным бойцом. Но мне очень не хотелось побеждать, а тем более унижать отважную мечницу. Это могло бы внушить ей вынужденное уважение ко мне, но, скорее всего, полностью исключило бы возможность возникновения дальнейших дружеских отношений. Вот беда, не убивать же мне ее в самом деле! И поддаться ей я тоже не могла – она обладала достаточным фехтовальным мастерством для того, чтобы сразу просечь подобный обманный ход. И тут мне на помощь пришел благой случай...

Из центра сарая мы переместились к телегам. Мучительно соображая, как же вывернуться из столь щекотливой ситуации, я продолжала напирать, атакая и парируя...

– Спасительница! – Слабый стон шел из-под укутывающих Лиззи бинтов. – Где ты?

Я демонстративно бросила сабли в ножны и устремилась на зов.

Лизелотта открыла глаза, окруженные остатками опаленных ресниц, и повела бессмысленно-блуждающим взглядом.

– Я здесь. – Мои пальцы нежно обхватили забинтованное запястье девушки. – Я здесь, малышка!

– Отвези меня к наставнице, она поможет... – слезно молила магичка.

– К наставнице? – Мне показалось, что она бредит.

– К фрау Оссе, – чуть слышно всхлинула Лиззи. – Она живет на северных Мариенрахских болотах, начинающих сразу же за деревней Ренби...

– Ого! – восторженно прищелкнул пальцами принц. – Кажется, карты Смотрящей сквозь время не врал! Не иначе как нам помогают сами боги!

– Отложим наш несвоевременный спор, – нехотя проворчала Кайра, убирая рапиру, – до лучших времен.

– Эй, вы чего там возитесь? – В дверной проем сарая с трудом просунулась возбужденная драконья морда. – В городе появился отряд эльфов, разыскивающих своего беглого короля...

Мы быстро переглянулись.

– Выезжаем немедленно! – Я требовательно взмахнула рукой. – Кто из вас знает самую короткую дорогу на север?

Наверное, со стороны наш кортеж смахивал на убогую похоронную процессию. Впереди ехали мы с принцем, за нами – Михась, добровольно принявший на себя обязанности караванщика, потому что к луке его седла мы привязали поводья лошади, влекущей первую телегу, а вторую – прицепили к облучку первой повозки. Обоз замыкала Кайра, надутая и сердитая. Над нашими головами гордо реял Трей, иногда поднимавший клубы пыли с поверхности песчаного тракта, заставляющие нас чихать и кашлять, но наотрез отказывавшийся подняться выше и выбыть из интересной беседы. Мы анализировали факты.

– Гоблин вас всех заберет! – раздраженно бурчала я. – Совсем вы меня запутали...

– Все предельно ясно! – восторженно вопил дракон, чуть не кувыркаясь в воздухе от охватившего его ликования. – Я докажу свою особенность, я обрету свое высшее предназначение! Я спасу мир от Ветра Инферно и стану героем!

– Много ли дураку для счастья надо, – колко хмыкнула я. – Вот разъяркался-то. Забываешь ты, летун, хорошую фразу: на своих ошибках – учатся, на чужих – делают карьеру.

– А я еще и не ошибался! – со смехом парировал молодой нахал.

– Ага! – Я многозначительно ткнула пальцем себе за спину. – А на телеге что лежит?

Трей мгновенно прихлопнул пасть и затих.

Принц одобрительно хмыкнул, поглядывая на меня не то чтобы странно, а откровенно

пожирая глазами.

– Только не чавкай! – насмешливо посоветовала я. – Ты меня скоро до дыр проглядишь.

– Раньше я считал, что дельные мысли и женщины никогда не приходят одновременно, – чистосердечно признался принц. – Но ты меня удивляешь, Рогнеда!

– Не все бабы дуры! – возмущенно отбрила я.

Сзади донеслось одобрительное гыканье Кайры, хоть и напускавшей на себя вид пофигистки, но, тем не менее, чутко не пропускавшей ни единого слова.

– Ага! – решил подлизаться дракон, но я показала ему кулак.

– Давайте совместим имеющуюся у нас информацию, – предложил эльф. – Итак: нам напроорочили что ты – избранная дева, призванная спасти эльфов от какой-то надвигающейся беды. Причем не всех, а лишь тот клан, предводитель которого станет твоим мужем...

– Мне уже известны подробности вашего знаменитого пророчества, Денириэль просветил, – перебила я. – Вот только не знаю, достаточно ли для этого нашего фиктивного брака?

– Достаточно! – быстро уверил меня Тай и поспешно отвернулся. (Ему не хотелось говорить княжне об одной наиважнейшей детали – пророк Логрин упоминал какого-то уродя, должного стать объектом ее нежнейшей сердечной привязанности. А поскольку этим самым уродом принц мнил самого себя, то счел благоразумным скрыть от Рогнеды сей щекотливый факт.) «Пусть это станет ложью во спасение», – кривясь от отвращения к собственному лицемерию, решил Тай.

Я изобразила насмешливую недоверчивость.

Дракон бурно заржал, но заткнулся повторно, увидев второй кулак, на этот раз эльфийский.

– Смотрящая говорила не об одном эльфийском клане, а о судьбе всего мира! – напомнила я. – При этом она утверждала, что на нашей стороне окажутся: Дружба, Боги и Случай, а против нас выступят – Чернокнижник, Невезение и Ветер Инферно!

– Опять ты упомянула Чернокнижника, – скрипнул зубами принц. – Я бы многое отдал, чтобы узнать о нем более подробно!

– В помощь Случая я уже верю, – пафосно донеслось сверху. – Он свел нас вместе.

– Допустим, – покладисто согласилась я. – И я прихожу к выводу, что зло, угрожающее миру, плотно связано с Чернокнижником и Ветром Инферно. И с эльфами, конечно...

Принц задумчиво погладил футляр с гитарой:

– Жизнь – это то, что происходит с нами, пока мы строим совсем другие планы!

Я улыбнулась:

– Точно сказано, лучше и не придумаешь!

– Вопрос в том, готовы ли мы выполнить предсказание Расклада Судьбы? – медленно произнес Тай, словно хотел дать нам возможность все обмозговать и не принимать скоропалительные решения.

– Готова! – почти сразу же ответила я. – Видят боги, этот мир слишком прекрасен для того, чтобы я позволила ему умереть!

– Готов! – откликнулся Михась. – Мы, может, и темные, академиев не кончали, но защищать добро не щадя живота своего завсегда готовы!

– Готов! – рокотнул дракон. – Такие приключения по мне!

– Готова! – крикнула Кайра. – Знаю я тебя, братец! Да ты без моей помощи на первом же повороте шеи сломаешь...

– Готова! – вдруг негромко простонала Лиззи. – Магов для этого и готовят – в нужный момент выступить на стороне Света...

Затаив дыхание, мы ждали ответа Тая. Юноша помолчал, а потом извлек гитару из футляра, тронул тонкие струны и запел звенящим от напряжения голосом:

Колода карт у нас в руках,

Судьба – поведай, не юли,
Кому остаться в дураках,
Кому же – выйти в короли.

Тут ставки слишком велики,
Здесь на кону судьба и честь,
Жизнь не играет в поддавки,
Рок не прощает страх и лесть.

Возможно – ты других сильней,
Смотри, вон туз шестеркой бит,
Любовь подбросит козырей,
За игроками Смерть следит.

Неясны правила игры...
Кому-то случай дарит клад,
А для других – в рядок гробы
Расставит призрачный расклад.

Решайся, выход свой озвучь,
Не отступайся от борьбы,
Ты был когда-то невезуч,
Но избран в Воины Судьбы...

И после этого мы уже не возвращались к вопросу будущего, а говорили о всяких малозначительных повседневных вещах – погоде, природе и прочей чуши. Потому что все главное было сказано, а нужное решение принято единогласно. Отныне мы добровольно становились Воинами Судьбы...

Глава 7

Мечь, безусловно, является тем экзотическим кушаньем, которое принято подавать холодным. Под соусом из козней, яда и желчи. Мечь Гедрона лла-Аррастига остыла настолько, что давно уже подернулась толстой коркой льда, сформировавшегося из его воистину нечеловеческого терпения. Но сегодня хваленая выдержка этого закаленного испытаниями и невзгодами чернокнижника сдала прежние позиции, приближаясь к прогнозированному и закономерному финалу. Приступ неконтролируемого бешенства, сопровождающегося битьем посуды и истерическими воплями вперемешку с ужасающими проклятиями, постепенно иссяк. Эльф успокоился, привел в относительный порядок свой истерзанный наряд и прибрался в захлавленной алхимической лаборатории, заваленной хрупкими останками расколотых колб и реторт. Он даже собственноручно подмел пол, после чего взгрустнул и, свернувшись в клубок, забился в глубины роскошного мягкого кресла, стоящего под утопленным в эркере витражом.

По небу плыли неторопливые облачка, придавая мыслям Гедрона столь же размеренный и плавный характер. Ищущим ответа взором он обвел бескрайнюю небесную ширь, открывающуюся его глазам. Вокруг него царили тишина и холодная, величественная синь. Эта комната для отдыха располагалась не в недрах темного подвала, а на вершине узкой сторожевой башни, в которой даже окна имели форму вытянутых и глубоких бойниц. Башни настолько высокой и уединенной, что ее спокойствие нарушали лишь редкие птицы, осмеливающиеся искать убежища под столь негостеприимным кровом. Из этой комнаты веяло неизбывным злом и изначальной магией, столь же безразличной ко всему сущему, как и простирающееся над башней небо. Место – весьма подходящее для проведения самых

страшных и безбожных жертвоприношений. Место – весьма подходящее для свершения мести.

Те мысли, что неизбежно обескураживают любое слабое духом создание, вдохновляют более сильное. Сильная личность всегда понимает преимущество риска и готова рисковать. Смелые замыслы требуют не менее отважных поступков, пусть даже эти деяния направлены во зло... Поэтому чернокнижник перестал сомневаться, расставил на столе хрустальные сосуды, до краев наполненные свежей человеческой кровью, и провел обряд вызова демона-покровителя.

Гранд-мастер величественно вышагнул из сгустков синеватого тумана, клубящегося в самом темном углу комнаты, безразлично зевнул и лениво плюхнулся в загодя приготовленное для него кресло. Он задумчиво облокотился на парчовую спинку и сосредоточил скушающий взор на бледном лице чернокнижника.

– Тоска, – меланхолично протянул демон хорошо поставленным голосом, небрежно поигрывая впечатляющими бицепсами. – Хандра...

Эльф радостно осклабился, еще не отваживаясь верить в собственное везение. Вот это удача!

– Чего лыбишься? – угрюмо рыкнул не расположенный к шуткам гость. – Зачем меня вызвал? Такой интересный сон перебил...

– Разве спать сутки напролет – есть занятие, достойное великого мага? – театрально воздел тощие руки Гедрон. – Ваш удел подвиги, свершения, битвы...

– Нишкни, льстец! – кисло улыбнулся демон. – Это все теория. А на деле – никаких перспектив, никакой карьеры... Одна тоска...

Лла-Аррастиг сочувственно вздохнул:

– Понимаю, соболезнаю! Могу подбросить пару идей... В обмен на помощь...

Гость заинтересованно приподнял бровь, поигрывая кружевной манжетой рубашки:

– Что за идеи?

– Да вот, – чернокнижник с напускной скромностью потупил глаза, – из Храма Розы доходят интересные слухи...

– Ну-ка, ну-ка, – заинтригованно подался вперед белокурый, с любопытством расширяя золотистые очи, – выкладывай, не томи душу!

Чернокнижник злорадно усмехнулся. Пока все складывалось наилучшим для него образом.

– Я сумел проникнуть в видения верховного пророка Логрина. Пресветлые боги весьма озабочены грядущей угрозой, нависшей над верхними сферами. Они пока еще и сами не знают точно, чего им следует опасаться, но понимают, что даже им потребуются помощники. Они вознамерились обзавестись учениками и уже обратили ищущие взоры на Нижний уровень. А демоны хоть и своенравны, но безусловно умны и сообразительны, талантливы в магии и, как никто другой, способны впитать мудрость богини Аолы и ее братьев...

Зрочки гранд-мастера зажглись огнем нетерпеливого понимания:

– Мы! – жарко выдохнул он. – Отличная идея, эльф! Вот он, желанный шанс вырваться из нашего смрадного ограниченного мирка и выйти в мир иных рас. Я и мои братья станем наилучшими кандидатурами на роль учеников и помощников богов!

Но Гедрон протестующе замотал головой и склонился совсем близко к своему хранителю, нашептывая и подсказывая:

– Троица мускулистых здоровяков ни за что не произведет на Аолу нужного нам впечатления. Послушных бугаев у нее и без вас хватает. Но вот она... – несколькими деликатными взмахами ладоней он соткал из поднимающегося над жаровней тумана стройную женскую фигурку, соблазнительно хрупкую и обманчиво беспомощную, – она может стать вашей беспроектной картой...

– Сестра! – умилился демон. – Девочка наша, Ринеция!

– Да! – возбужденно затрясся эльф, экзальтированно причмокивая от восхищения. – Она юна, прекрасна, никому и в голову не придет заподозрить, что в ней таится опасность.

Уговорите красавицу Ринецею броситься к ногам богини и умолять ее о милости. Я уверен, Аола не устоит перед чарами молодой демоницы. Тогда ваша семья покинет Нижний уровень и станет воспитанниками богов, а уж там...

– Молодец, хвалю! – бурно возликовал золотоглазый. – Воистину, ты подарил мне гениальную идею! Но что ты желаешь получить взамен?

В ответ чернокнижник гадко ухмыльнулся, отвел прядь роскошных белокурых волос, ниспадающих на плечи гостя, и произнес несколько отрывистых слов, предназначенных лишь для его неестественно острого слуха. На лице демона отразилось гневное недоумение, быстро перешедшее в гримасу сардонического веселья.

– Что? – Он громогласно рассмеялся. – В своем ли ты уме, колдун? А если ты не сможешь их удержать, и они вырвутся за пределы болота? Да ты хоть представляешь, сколько невинных жизней способны загубить эти твари?

Лла-Аррастиг обескураженно хмыкнул. Вот уж чего он не ожидал, так это того, что в глубине сердца великого принца демонов может таиться чувство справедливости и опасения за судьбу смертных созданий...

– Ну и что из этого? – неодобрительно спросил эльф. – Какое вам дело да каких-то никчемных людишек или даже обитающих в Эйсене эмпиров?

Гранд-мастер растерянно мотнул копной локонов, словно отгоняя ненужные колебания. Черты расслабившегося лица принца снова сурово заострились, придавая ему отстраненно-холодное выражение. Зло его души в очередной раз взяло верх над искрами добра, тихонько тлеющими в недрах благородного от природы сердца.

– И правда, – покладисто согласился он, – мне нет до них никакого дела! Хорошо, вот ключ к закланию. – Его черный коготь быстро изобразил несколько сложных рун. – Запомнил?

Гедрон благодарно закивал.

Демон недобро усмехнулся, прощально взмахнул рукой и растаял в воздухе.

Чернокнижник довольно потер руки и снова склонился над волшебным котлом, вливая в него нужные снадобья и бормоча только что выученное заклание. О, час его мести близился! Он получил желанную возможность подобраться совсем близко к ненавистным, но пока недоступным Пресветлым богам. Пусть демоны войдут в доверие к Аоле и ее братьям, а там он научит их такому фокусу, против которого не смогут устоять жадные до власти души. И тогда боги поплатятся, поплатятся за все! Тогда Гедрон припомнит им и унижение, и боль, некогда испытанную им самим. Он низвергнет богов с высоты Радужного уровня и беспощадно сбросит в пучину бесславного забвения. Он будет отомщен!

Отступник выбрал Деву и Урода – две из шести фигурок, олицетворяющих Воинов Судьбы, и медленно погрузил их в поднимающееся из котла марево, упоенно наблюдая за странными и пугающими видениями, всплывающими в толще колдовского миража. В нем мелькали оскаленные пасти, мгновенно сменяющиеся сплетениям иссохших до костей рук, блекло светились мертвые глаза да сочилась мерзкая жижа, состоящая из останков разлагающейся плоти и жирного зеленого ила. Но этот мираж становился все реальнее и осязаемее. Чернокнижник утробно захохотал и выкрикнул последние слова заклинания.

И, послушно подчинившись его приказу, в глубине Мариенрахского болота проснулось нечто – столь древнее и ужасное, что само название этого забытого кошмара уже давно исчезло не только из памяти людей, но и из их языка. А теперь это безымянное нечто пробудилось, почувствовало жуткий, накапливавшийся веками голод, и алчно потребовало теплой, сладкой, вкусной человеческой плоти...

Болото жизненных проблем питается ручьями текущих, насущных забот. И подобных ручейков у меня набиралось все больше и больше. Не без помощи радушных селян нам удалось скорректировать свой путь на север, и теперь однообразный процесс продвижения к намеченной цели занимал мое тело, но отнюдь не мысли. Сонно покачиваясь на спине верного Орешка, шедшего размеренной иноходью, я намеренно предоставила каждому члену

нашего отряда реализовывать именно ту ролевую функцию, которая подходила ему органичнее всего. Свободная инициатива жаждущих самореализации личностей – великая штука, если уметь незаметно направить ее в нужное русло. Гневно пофыркивающая от моего расслабленного ничегонеделания Кайра обводила бдительным взором окружающий нас невыразительный ландшафт заливных полей, в полной мере наслаждаясь собственной значимостью. Пикирующий невысоко над землей дракон то и дело улетал вперед, видимо всерьез вообразив себя великим разведчиком и первопроходцем. Горбатый эльфийский принц не отходил от лежащей на телеге Витки. А Михась, безмолвно подчинившийся моему короткому наставительному жесту, довольно умело ухаживал за обожженной ведьмой, не слишком часто выныривавшей из лихорадочных приступов горячего забытья. С одной стороны, это меня несказанно беспокоило, а с другой – делало девушку совершенно нечувствительной к боли. Как говорится, нет худа без добра! Кстати, вот эта немудреная фраза и стала отправной точкой для моих пространных умственных изысканий.

Мысленно оглядываясь на все произошедшее с нами ранее, я, наверное, впервые в жизни почти вплотную подошла к истинному пониманию подсознательных основ человеческого поведения, побуждающих нас к совершению тех или иных поступков. А также – к их логическому осмыслению и продуктивному анализу. Ведь, оказывается, главным фактором является не то, что с нами происходит, а то, как мы на это реагируем. Разные люди слишком по-разному воспринимают одни и те же события, оценивая их кто на основании своих эмоций, а кто – по степени значимости их последствий. И в моей жизни подобное случалось не раз. Вспомним хотя бы того самого невинно убиенного кролика, в итоге приведшего меня в шатер Смотрящей сквозь время, что и положило начало нашим приключениям. Но, возможно, все, что я когда-то сочла за невезение, являлось таковым лишь в моем воображении, в реальности же став чередой нужных и отнюдь не случайных эпизодов одной сложной цепи. А мои новоприобретенные друзья – не совершили ли они тех же самых ошибок? Спрашивается, с какой великой глупости мы втемяшили в свои дурные головы уверенность в собственной тотальной невезучести? Мы ведь никогда не проявляли трусости, не делали подлости и не совершали предательство или прочие неблагоприятные поступки. Так с чего же мы посчитали себя самыми обиженными судьбой созданиями в мире? Сейчас я отчетливо начинала понимать – наше невезение на самом деле оказалось чем-то мнимым и наигранным, скорее самовнушенным, чем проявляющимся в действительности. Я отличалась редкостной бесшабашностью и находчивостью. Принц Тайлериан – уникальным талантом менестреля, подкрепленным мужским обаянием, кажущимся еще ярче от наличия горба, резко контрастирующего с его ослепительной красотой. Дракон Трей обладал врожденной добротой и стремлением к справедливости, Кайра – храбростью, Михась – преданностью. Ведьма Лизелотта успела продемонстрировать искренность и неподкупную честность. Так почему же мы решили, что подобные замечательные качества словно магнит притягивают к себе одну лишь неудачу? Да мы попросту неправильно оценили чудесные дары, доставшиеся нам при рождении! А я вот полагаю, не бывает бесталанных людей, бывают люди, не сумевшие правильно раскрыть и реализовать выпавшие им таланты. Нужно просто поверить в свое везение, и оно обязательно к тебе придет. Не бойся ничего и не оглядывайся на предрассудки. Будь везучим – если сам желаешь стать таковым!

Изумрудно-зеленые, но невероятно сырые и промозгло-холодные луга постепенно сменились мутными лужами, густо затянутыми болотной ряской и поросшими мягкими моховыми кочками. Под копытами лошадей зачавкала вода, имеющая неприятный буроржавый цвет. Орешек отважно шагнул вперед, но вдруг испуганно фыркнул и увяз по самые бабки. Я торопливо соскочила с седла и схватила коня под уздцы, осторожно выводя его на более твердый участок почвы.

– Приехали, кажется. – Принц ловко перепрыгнул на полусгнивший ствол поваленного дерева. – Дальше придется идти пешком.

– А они? – Кайра растерянно указала на больных девушек. – Не на себе же мы их

потащим?

– Потащим, но не мы. – Я внимательно разглядывала самодельную карту, составленную со слов встреченных нами эйсенцев. – Не знаю, насколько правдива эта информация, но, похоже, за весьма обширным болотом, на окраине которого стоит деревушка Ренби – родина нашей Лиззи, начинается дремучий лес, а в самом его центре укрыты развалины некогда богатого Мариенрахского аббатства, само здание монастыря ныне абсолютно заброшено и полностью пришло в упадок.

– И на этом-то мерзостном болоте и обитает легендарная фрау Осса? – недовольно скривилась эльфийка. – И чего ее занесло в столь невзрачное место? – Она мрачно всмотрелась в даль. – Ненавижу болота. Попав в Эйсен, мы только и делаем, что шагаем по всяким сырым да топким местам. Я, конечно, знаю, что влажный воздух благоприятно сказывается на цвете лица, но, гоблин меня побери, второе болото подряд – это уже чересчур!

Принц философски пожал плечами:

– Я бы тоже предпочел более сухой и теплый климат, потому что жар костей не ломит. Но, тем не менее, пара луж еще не повод жаловаться на судьбу.

Я улыбнулась. Сам того не ведая, благоразумный эльф полностью подтверждал мою теорию о здоровом восприятии жизненных коллизий. Тай подметил мою улыбку и дружелюбно расцвел в ответ:

– Ты что-то придумала, Рогнеда?

Я кивнула.

– Лошадей придется оставить здесь, вверив попечению заботливого Михася. Заберем на обратном пути. А вот девушки... – Я вложила в рот два пальца и громко свистнула, призывая парящего за облаками летуна. – Трей, мне нужна твоя помощь!

– Да неужели? – Дракон опасно маневрировал крыльями, заходя на посадку и выбирая кочку понадежнее. – Ты соизволила сменить гнев на милость?

– Временно! – Я нарочно решила не баловать летуна своей милостью, при этом отчаянно борясь с огромным желанием сказать гиганту что-нибудь приятное. Невзирая на наши прошлые разногласия, мне весьма импонировали его добродушие и открытость натуры. – Хочу с толком использовать твои навыки по транспортировке беспомощных девиц.

– Я готов! – без раздумий отрапортовал дракон, горделиво выпячивая грудь. – Приказывай, княжна!

Из лошадиной сбруи и гибких ивовых ветвей мы сплели импровизированную люльку, которую выложили нашими плащами и покрывалами с телег. Укрепили ее на длинной драконьей шее, а внутри уютно уместили так и не пришедших в сознание девушек.

– Неси осторожно, – напутствовал Трея принц, с огромной неохотой вынужденно расстающийся со своей любезной Виткой.

– Ага, как свои... хм... ну эти самые... самые ценные репродуктивные органы! – многозначительно добавила я.

Кажется, Трей покраснел.

– Смотри у меня, скромник! – Я выразительно хлопнула гиганта по массивной нижней челюсти. – Головой за дев отвечаешь, ну и всеми остальными причиндалами тоже!

Трей забавно прищурился, косясь на меня с уважительной симпатией. И клянусь, хотя подобная мысль и казалась жутко неправдоподобной, на краткий миг мне почему-то почудилось – гигант переживает за меня и только за меня, а совсем не за вверенных ему девушек. Я встретила пристальный взгляд его огромных выпуклых глаз и грубовато хмыкнула, не желая выказывать странную сердечную слабость, непонятную мне самой. Дракон сконфуженно отвернулся.

– Вижу, ты меня понял, – почти ласково подчеркнула я. – Так-то оно лучше, забудем прошлые стычки. Ведь если меня любить, я горы сверну...

– А если не любить – шею! – выразительно подмигнул принц.

Трей непроизвольно схватился лапой за горло, видимо уже ощущая на нем острые клинки моих сабель, и тревожно кашлянул.

– Лети уже давай, – дрогнувшим от волнения голосом пробормотала я.

– Исполню все в лучшем виде! – коротко пообещал дракон, легко поднимаясь на крыло.

– Помни, мы идем за тобой по пятам! – прокричала я ему вслед. – Жди нас в аббатстве!

– Исполню! – повторно донеслось с высоты. – И не переживай за них, я не подведу!

– Веришь ему? – скептически спросила Кайра, уважительно поглядывая на упрятанные в ножны сабли, чьи рукояти воинственно торчали у меня над плечами. – А ежели он напортачит и подведет-таки нас под монастырь?

– Отличный каламбур, – похвалила я, постаравшись улыбнуться как можно приветливее. – Но в данном случае нам ведь именно это и требуется.

Незыблемые законы мироустройства гласят – не существует ничего абсолютно бесконечного, на земле буквально все имеет свой неизбежный конец или логическое и обоснованное завершение. Конечны даже столь, казалось бы, неизмеримые величины, как любовь и бессмертие. Но, будто в пику всем известным мне аксиомам и правилам, проклятые Мариенрахские болота никак не желали заканчиваться, все разрастаясь и расширяясь до самой линии горизонта.

Солнце давно уже перевалило через свою высшую точку, и день начинал заметно клониться к вечеру. Голубой свод небес пятнали сиреневые ленточки сонной предзакатной дымки. Вскоре они сгустятся и уплотнятся, превращаясь в непроглядные полотнища черной ночной мглы. А ночи на болотах всегда особенно темны и страшны, потому что лишившаяся дневного тепла трясина начинает резко остывать, выделяя душные клубы вонючего пара, принимающего самые неожиданные и пугающие очертания. Зловеще ухает проседающий, сжимающийся от холода придонный ил, смачно чавкает покрывающая кочки губчатая масса, состоящая из перегноя, корней болотных растений и вязких лент желтой лягушачьей икры. Пронзительно-фиолетовым светом мерцают гнилушки, почти не отличимые от переливчатых бликов резво порхающих светляков. Нудно гудит прожорливое комарье. А омерзительные пиявки...

Я гадливо передернула плечами, пытаюсь отвлечься от безрадостных мыслей. Мои кожаные сапоги напитались водой и разбухли, будто неподъемные колоды натирая замерзшие и натруженные ноги. Изъеденные мошкаркой руки чесались невыносимо. Влажные волосы свисали неопрятными сосульками, падая на глаза и вызывая раздражение, периодически прорывающееся наружу в форме неких специфических выражений, весьма режущих ухо. Рядом, не менее изощренно, всюю сквернословила Кайра.

– Демоны Нижнего уровня! – Эльфийка с трудом приподняла ногу, чуть ли не до колена облепленную толстым слоем дурно пахнущей грязи. – А я-то все думала – и чего мне так холодно? А оказывается, я давно подарила этому болоту подметку своего правого сапога...

– От сапог здесь никакого толку! – Принц тяжело доковылял до довольно обширного островка, поросшего глянцевыми листочками клюквы, и замученно рухнул на живот, носом вниз. – Баста, привал, сил моих больше нет...

– Весь мир превратился в болото... – с претензией на философию бормотнула телохранительница, неловко присаживаясь рядом с ним и пытаясь поудобнее пристроить свои негнущиеся ноги. – Питающееся сапожными подметками. – Она стянула рваную обувь, окинула ее оценивающим взглядом и сердито швырнула куда подальше. – Зато теперь я точно знаю, от чего умру – от ангины и мозолей.

– Не вижу смысла идти дальше. – Я опустила на моховую кочку, тоже разулась и скептически уставилась на здоровенный водянистый волдырь, украшающий мою правую пятку. – Однако...

Принц приподнял нос из клюквы и задиристо округлил глаза:

– Что, железная моя, подись, уже пропало желание командовать отрядом и без жалоб нести тяжкое бремя лидера-предводителя?

– И не отрядом вовсе, а троицей смертельно усталых, грязных, оборванных и голодных авантюристов! – саркастично подсказала Кайра. – И кто там собирался на равных потягаться с судьбой? Может, не стоит, а?

– Ба, да ты и сама, никак, уже готова повернуть обратно? – издевательски приподнял бровь Тайлериан. – А как же честь, принципы, сила воли и хваленый бойцовский характер?

– Ну-у-у, – всерьез задумалась девушка. – Хм... А не послать ли их вслед за подметкой?

Мне решительно не нравился упаднический настрой моих спутников. Похоже, настало время подбросить пикантную шуточку и снять накопившееся напряжение. А то ведь всем известно, что, тот, кто с шуткой по жизни шагает, тот никогда и нигде не пропадет...

– Принц, – как можно небрежнее начала я. – Отгадай загадку?

– Загадывай, – хитро прищурился юноша, только сейчас вспомнивший весьма нелестную характеристику, данную княжне наблюдательным лордом Денириэлем. – Заценим сейчас, что ты за интеллектуальный уникум такой самобытный...

– Тихо сзади подошел, дважды всунул и пошел.

Эльфийка возмущенно выкатила глаза:

– Ну знаешь, Рогнеда, подобной пошлости я не ожидала даже от такой грубой и неотесанной личности, как ты! А еще девушка!

– А-а-а, – с притворным негодованием протянула я, – так, значит! А ты слышала избитую фразу, что шутки каждый понимает в меру своей испорченности?

Кайра растянула губы в принужденную улыбку, невинно хлопая ресницами и усиленно делая вид, что ее это замечание ни в коей мере не касается.

«Ох уж мне это хваленое эльфийское самолюбие!» – иронично подумала я.

Принц задумчиво пожевал нижнюю губу, в его фиалковых глазах прыгали шальные смешинки:

– Я так понимаю, что отгадка должна носить самый безобиднейший характер, но, право же, затрудняюсь ее отыскать. Признаюсь, наповал сражен сим восхитительным образчиком устного красногорского юмористического фольклора!

– Тапочки это, – печально вздохнула я, роясь в своем походном мешке и извлекая из него запасную пару сапог. – Теплые, домашние и уютные, из овечьей шерсти связанные. У меня точно такие в Берестянке под кроватью валялись, тогда в должной мере не оцененные. – Я перебросила обновку эльфийке. – Примерь, не будешь же ты босиком ходить.

Телохранительница покаянно шмыгнула носом, примеряя подарок. Сапоги подошли идеально.

Кручинную голову можно утешить надеждой, безутешное сердце – успокоить заветной мечтой, мечту – остудить здравыми доводами, и только голодный желудок не соглашается ни на какие уговоры, а на компромиссы – не идет. Наши молодые желудки музыкально бурчали дружным и согласованным трио, настырно требуя пищи. Я отправила эльфов побродить по островку да набрать травы и веток помягче, подошедших бы для сооружения лежанки. Сама же быстренько разломала ствол сухой ивы, наловила крупных лягушек, в изобилии водившихся на болоте, разделала и, насадив на прутья их мясистые задние лапки, пристроила жариться над костром.

– Ум-м-м, вкусно-то как! – Кайра с прожорливым урчанием впиалась в подрумяненные мясные ломтики. – Чье это филе? Белое, нежное, вкусом напоминает курятину...

– Лягушатина это, а точнее – жабятина! – равнодушно подсказал принц, за обе щеки уписывающий доставшуюся ему порцию. – У некоторых народов считается деликатесом!

– Это что, очередная шутка? – Телохранительница так и замерла с приоткрытым ртом, в котором виднелся непрожеванный кусок. – Не верю!

– И зря не веришь. – Мой аппетит ничуть не уступал мужскому. – лягушка, она и в Офире лягушка!

– Тьфу-тьфу-тьфу, – эльфийка торопливо выплюнула жаркое, – пакость-то какая!

Она широко размахнулась, намереваясь забросить в болото прутик с мясом, но принц перехватил в воздухе ее расточительную руку, отобрал забракованное кушанье, подмигнул мне с самым хулиганистым видом и увлеченно принялся за добавку. Кайра брезгливо скривилась и вытащила из сумки подмоченный ржаной сухарь.

– М-да-а-а, – Тайлериан сыто откинулся на спину, довольно пялясь на загорающиеся в небе звезды, – вот, значит, как с лягушками на самом деле поступать положено. А я-то, представьте себе, читал, как один принц-извращенец женился на подобной скользкой прелестнице и в первую брачную ночь...

– Бу-э-э, – нечленораздельно отреагировала Кайра, резво отползая в сторону и хватаясь за живот.

Я так и думала, что пропитанный гнилой водой хлеб окажется куда более вредным блюдом, чем хорошо прожаренная лягушачья лапка. Но ведь моего мнения никто не спросил...

Между тем на болоте установилась какая-то подозрительная, абсолютно ненатуральная тишина. Умолкли ночные птицы, перестали звенеть надоедливые комары, и даже голосистые квакушки, зычно возмущавшиеся недавней экзекуцией над их мясистыми товарками, дружно заткнулись и попрятались кто куда. Все это пугало и настораживало одновременно. А ведь это подозрительное затишье мне кое-что напоминает, причем – кое-что очень нехорошее! Помнится, в библиотеке Нарронской академии мне попался некий прелюбопытнейший манускрипт, повествующий о захороненном на болотах...

И тут внезапно я увидела нечто невероятное – огромное и бледнокожее, бесшумно поднимающееся из топи прямо за спинами Кайры и Тая. Ничего подобного мне раньше видеть не доводилось.

– Ой, мамочки! – невнятной скороговоркой пролепетала я, облекая в слова собственную кошмарную гипотезу. – Белый – а не сахар, холодный – а не снег...

– Это что, новая загадка? – живо заинтересовался принц, заинтригованно приподнимаясь на локте. – Твое буйное воображение приводит меня в восторг! Я опять не могу найти отгадку, даже смутных идей нет...

– Мороженое! – с вожделием предположила вернувшаяся к костру Кайра.

– Болотная белая гадюка! – в свою очередь выдвинул версию принц, и они увлеченно заспорили, бурно жестикулируя и отстаивая приглянувшиеся им отгадки.

– Да труп это, труп! – пронзительно заорала я, вскакивая на ноги и с лязгом вытаскивая сабли из заплечных ножен. – Он из трясины вылез!

Потрясенные эльфы обернулись. Над бережком неустойчиво покачивался высокий тощий костяк, плотно обтянутый лоснящейся от слизи, мертвенно-бледной кожей. Длинные, плотноядно шевелящиеся пальцы, оканчивающиеся острыми когтями, алчно тянулись к нашим сгрудившимся возле костра фигурам. Налитые кровью глаза полыхали демоническим пламенем. Разверстая пасть щерилась десятками гнилых клыков, а идущий из нее смрад неприятно щекотал наше обоняние. Тварь дернулась, словно раздумывая, стоит ли ей отходить от воды, но потом все-таки сделала шаг вперед, приближаясь к нам.

– Умертвие! – с отвращением выдохнул принц. – И нам повезло, что оно всего лишь одно...

– Не одно! – хладнокровно поцедила я сквозь зубы, замечая во тьме все новые и новые тени, восстающие из трясины и, будто лунатики, бредущие по покрывающей воду тине. – Мне доводилось читать в старинном магическом трактате про Армию Смерти, некогда усыпленную и утопленную в одном из болот Антеи. Боюсь, автор подразумевал именно это самое место...

– Вот гоблины поганые! – рявкнула Кайра, молниеносно выхватывая рапиру. – Кто же их разбудил-то?

– Да уж явно не мы! – Принц со вздохом сожаления привычно схватился за футляр, вытащил из него гитару и на манер дубины занес над головой ее хрупкий корпус. – Думаю, перед нами очередной подарочек неведомого Чернокнижника!

Я кивнула, соглашаясь.

А мерзкие твари продолжали сомнамбулически выползать на берег, растягиваясь в неровную цепочку и беря нас в кольцо. Выставив вперед клинки, мы встали спиной к спине и приготовились дорого продать собственные жизни.

– Вперед, идите вперед! – Гедрон лла-Аррастиг отрывисто пошевелил пальцами, издевательски имитируя короткие шажки, и послушные его воле умертвия начали медленно карабкаться на берег крохотного островка, затерянного в самом центре Мариенрахского болота. – Возьмите их, они ваши! – В глубине темных глаз чернокнижника разгорался мстительный блеск. – Разорвите их, сожрите их! Путь Воинов Судьбы оказался недолгим и закончится мучительной смертью...

Жидкость, заполняющая золотой котел, забурлила, приобретая алый, насыщенный оттенок свежей крови. Магу, увлеченному собственной волшбой, почти уже слышались жалобные вопли жертв, погибающих в когтях не знающих пощады тварей. Гедрон откинул капюшон плаща и запустил пальцы в редкие, струящиеся по плечам волосы. Голова болела сильнее сотни ран, потому что произнесенное заклинание забрало значительную часть жизненной энергии чернокнижника. Морщины на его лице углубились, кожа приобрела еще более нездоровый землистый оттенок. Но наперекор собственной слабости и страху эльф продолжал подпитывать очнувшихся от многолетнего сна и поднимающихся из болота тварей. А выжав свой разум почти досуха, отдав себя почти без остатка, он ослабленно осел на пол, по-паучьи суча тощими лодыжками и злорадно хихикая...

Бледных тварей набралось десятка два. Я оглядела врагов из-под прищуренных век, стараясь спастись от режущей глаза вони, источаемой их покрытой слизью кожи.

– Отложи гитару! – коротко скомандовала я, обращаясь к принцу. – Поддерживай костер, нам понадобится свет. А если хочешь сражаться, то нож и факел станут куда более надежным оружием, чем твоя семиструнная подруга...

Эльф согласно хмыкнул и подчинился. Кайра посмотрела на меня по-новому, намного уважительнее и дружелюбнее.

– Самая целесообразная тактика – это образовать треугольник, – торопливо растолковывала я, обращаясь к друзьям. – Одной из его сторон станет костер, в который умертвия уж точно не полезут, ведь мертвые остерегаются огня, чья светлая суть противоположна их темной природе. Тайлериан не должен рисковать собой без особой на то нужды и высовываться вперед. Мы же с Кайрой постараемся максимально прикрыть его своими клинками. Принц не боец и принесет существенно большую пользу, занявшись поддержанием огня. Ну, благословите нас Пресветлые боги! Главное для нас – продержаться до утра, ибо с рассветом мертвые твари непременно вернутся в болото...

Телохранительница слушала меня молча, судорожно сжимая рукоять рапиры. Принц ловко оторвал рукав своей рубашки, намотал ткань на пару палок и полил ее водкой из походной фляжки. Синеватое пламя резво заплясало на концах импровизированных факелов. Юноша повернул ко мне побледневшее от волнения лицо и отважно подмигнул:

– Проверим, повезет ли нам на этот раз!

– Лучше надейся на себя! – сдержанно посоветовала я, вращая саблями и разминая запястья. – Умереть – проще всего, а ты попробуй выжить!

Грымза, весь день мирно продрыхнувшая у меня в кармане, высунула переднюю лапку и сложила ее в откровенно издевательскую фигуру, будто намекая: а вам слабо?

Кайра восхищенно хмыкнула и сильно хлопнула меня по плечу, наглядно демонстрируя солидарность и понимание. Мне очень хотелось пожать ее мужественную руку, но я не успела. Твари набросились на нас всем скопом, не издавая при этом ни единого

звука. Схватка не на жизнь, а на смерть поначалу происходила в полнейшей тишине, нарушаемой лишь короткими яростными вскриками Кайры да потрескиванием полыхающего за нашими спинами костра. И, уже вовлеченная в ураган битвы, я успела подумать – противостоящие нам враги (в лице Ветра Инферно, Невезения и Чернокнижника) перестали маскироваться и выступили открыто, решив сыграть грубо, нагло и стремительно. Какое-то могущественное Зло упорно пыталось сжить нас со свету, а его манипуляции виконтом Зорганом и почти удавшаяся попытка устранения двух Воинов Судьбы – эмпир Вольдемара и ведьмы Лизелотты – стали лишь тренировкой. Но на этот раз темные силы не мелочились, практически не оставив нам шанса на выживание...

Мне почудилось – эфесы обеих сабель нагрелись до предела, грозя оставить на моих ладонях обширные волдыри ожогов. Неровный свет временно притухающего, а потом вновь вспыхивающего костра освещал нереальную картину, смахивающую на сцену из кошмарного сна. Нанося удары, отскакивая, уворачиваясь и парируя замахи когтистых лап, я, тем не менее, успевала мельком следить за действиями друзей, краем глаза выхватывая то кровавые сполохи, пляшущие на лезвии рапиры эльфийки, а то размазанный в воздухе след факела принца. Выставившаяся из кармана крыса Грымза свирепо огрызалась на умертвия, испуская пронзительный визг и норовя тяпнуть мельтешащие перед ее мордой конечности. Но бледные болотные твари оказались неожиданно опасным и сильным противником. Чуть неповоротливые и медлительные, они брали нас числом и тупым натиском. Совершенно не считаясь с потерями, они постепенно сжимали кольцо, изматывая нашу усталую троицу и без слов намекая – спасения нет. Эх, будь я отдохнувшей!.. Но день, проведенный в блуждании по зыбкой, неустойчивой топи, казался быстрее, чем я ожидала. Пальцы одеревенели и уже не столь крепко сжимали рукояти верных клинков. Ноги предательски подрагивали, грозя подвести в самый ответственный момент. Со лба стекали струйки липкого пота, а перед глазами повисла темная рябь, вызванная накопившейся усталостью. Я слышала, как натужно дышит до предела вымотанный Тай, а Кайра все чаще сопровождает свои лишаящиеся точности удары не менее острым словцом. Острым, но в нашем случае бесполезным.

Согласно навечно запавшим мне в душу урокам воеводы Нелюда, бой является отработанным до автоматизма симбиозом всех органов человеческого тела и его эмоционального фона, в эту минуту превращающегося в чистейшее зарево ярости, направленное на единственное устремление – победить и выжить. Время останавливается, удлинняя мгновения до часов или дней, в которые вмещается вся прошедшая жизнь. Сознание отделяется от плоти, гуманно освобождая ее от бесполезного бремени никчемных мыслей и преобразуя прирожденного воина в идеальный организм, не отягощенный грузом совести и желающий лишь убивать. Так случилось и со мной. Сабли стали живым продолжением моих рук, без устали коля, рубя и рассекая. Интуиция обострилась до предела, предвосхищая любые действия противника и позволяя мне самым невероятным образом играть на опережение, проводя поистине блестящие комбинации и приемы. Меня захлестнула возвышенная стихия битвы, обращая в какое-то неземное существо, запросто повелевающее жизнью и смертью. У меня открылось второе дыхание. Рядом восхищенно охала Кайра, только сейчас по достоинству и в полной мере оценившая мое боевое мастерство. Выбившиеся из прически волосы окружили мою голову черной всклокоченной тучей, а тело двигалось само собой, совершая невероятные прыжки и кульбиты. Я взвивалась в воздух, на лету разрубая бледные туши умертвий, дробя ключицы и отсекая когтистые лапы. Одной ногой оттолкнувшись от впалой грудной клетки очередного мертвяка, резко извернулась и размашистым ударом сабель поразила сразу двух врагов. Перевернулась через себя и ловко приземлилась за спиной нового противника, смачно разрубив его олигофренично скошенный затылок. С испуганным визгом крыса вцепилась в ткань моего кафтана, боясь вывалиться. И в этот самый миг выбившаяся из сил Кайра неосторожно шагнула назад, попала каблуком в мягкую впадину между моховых кочек и неловко завалилась на спину, выронив рапиру. С отчаянным воплем принц ринулся ей на выручку, размахивая факелами, но не успевая...

На расprostертую в рыхлом мху девушку, оставшуюся совершенно беззащитной, набросились сразу два умертвия, утробно ревя и выставляя вперед черные когти. Эльфийка растерянно шарила руками вокруг себя, силясь отыскать оружие, но вместо этого все глубже увязая в мокром торфянике. Тай обреченно кричал, призывая помощь богов и пытаясь дотянуться до подруги, но несколько оживших мертвецов заслонили ему дорогу, отвлекая на себя его героический порыв. Кайра глухо застонала, уже ощутив смрад надвигающихся на нее тварей и с удивлением понимая – смерть подкралась настолько близко, что одна лишь удача способна спасти ее от неминуемой гибели. Одним гигантским скачком я преодолела разделяющее нас расстояние и, развернувшись на левой пятке, со всей мочи впечатала окованный железом носок правого сапога в висок ближайшего противника. Тварь жалобно охнула и осела в мох, сразу превращаясь в бесформенную грудку омерзительно смердящей мертвечины. С рвущим легкие выдохом, я зависла в прыжке, скрещенным и встречным финтом перерубая шею второй твари. Отсеченная голова отлетела в сторону, шумно плюхнувшись в прибрежную воду, а тяжеленное тело рухнуло на меня, сбивая с ног. Утратив опору и не успев погасить энергию прыжка, я упала на спасенную мною эльфийку, а сверху на нас обрушилось окончательно упокоенное умертвие.

– Спасибо! – скупно поблагодарила успешная отыскать рапиру телохранительница. – Это выглядело просто потрясающе. К тому же теперь я твоя должница... – Она улыбнулась мне широко и искренне, оставляя в прошлом все наши раздоры и разногласия. – Ты самый выдающийся боец из всех, кого мне довелось встречать, а уж поверь, я в подобных вещах разбираюсь! Надеюсь, мы станем подругами?

– Да! – с готовностью ответила я, опираясь на ее предложенную руку и поднимаясь на ноги.

– Если успеете, – хмуро процедил принц, поводя факелом. – Смотрите...

Мы с Кайрой послушно подчинились призыву юноши и выжидательно уставились туда, куда указывал его испачканный кровью и грязью палец. Островок усеивали изрубленные тела мертвых тварей, но из болота поднимались все новые и новые воины Армии Смерти, торопливо карабкаясь на берег.

– Нам конец! – обреченно вздохнула эльфийка. – Все, что мы можем сделать, это попытаться забрать с собой как можно больше врагов!

Тайлериан поддержал ее слова упрямым наклоном головы.

«Почему же все произошло столь нелепо?! – возмущенно подумала я. – А где же помощь Богов и благого Случая, обещанная мне Раскладом Судьбы? Я понимаю, все мы когда-нибудь умрем. Но умереть сейчас – слишком уж неинтересно и бесполезно!» Наверное, моя обида на судьбу казалась чистой воды ребячеством, но я фанатично следовала собственной вере в отступившее от нас невезение, я надеялась на чудо.

И чудо не заставило себя ждать...

Глава 8

Донельзя замызганной перчаткой, давно уже утратившей свою первоначальную элегантную свежесть, то есть из белоснежной ставшей невзрачно серой, виконт Зорган обтер потное лицо и козырьком приставил к глазам ладонь. Солнце палило немилосердно, а шестой день пути неуклонно близился к полудню. Слава демонам Нижнего уровня, он еще вчера проследовал мимо последнего солончака, с отвращением вдыхая порожденные им едкие испарения, заставившие эмпирю чихать и кашлять. И хоть и прижимал Зорган к носу кружевной платок, пропитанный благоухающей лавандой парфюмерной водой, по слухам являющейся любимым запахом самого принца демонов, но помогало это мало. Тянущиеся вдоль всего побережья Теплого моря солончаки покрыли его лицо тончайшей корочкой склизкого налета, неприятно стягивающего привыкшую к тщательному уходу кожу, и превратили в заскорузлые сосульки шикарные черные локоны, еще неделю назад являвшиеся бесподобным украшением сего сиятельного эмпирю. М-да, где же вы, деликатные руки

придворного цирюльника, бережно массиравшие властный подбородок всемогущего виконта и ухаживающие за нарочито небрежно уложенной шевелюрой? К тому же Зоргану пришлось признать, что расшитые жемчугом шелка оказались отнюдь не самым удобным дорожным одеянием. Тончайшие чулки уродовали десятки стрелок и затяжек, каблук на правом шагреневом сапоге отвалился и потерялся, а атласный камзол насквозь провонял потом. Несколько ночей подряд Зоргану пришлось спать прямо на земле, подложив под голову не пуховую подушку, а жесткое седло. Нет, виконт дер-Сольен никогда не считал себя неженкой. Он весьма недурно орудовал рапирой и даже ходил в поход, возглавляя отряд кирасиров, но, гоблин побери, он только сейчас понял, сколь многого его лишили, отправив в вынужденное паломничество на остров Ледница. И он поклялся, что убьет кого угодно и когда угодно, но непременно вернет себе утраченную власть, неотъемлемой привилегией которой как раз и являются столь не ценимые им ранее уют, комфорт и достаток. Лучшее, как известно, злейший враг хорошего – но познается это только в сравнении. И видят боги, сейчас у Зоргана появилась возможность сравнивать.

Жаркий муссон, несущий с собой запах солончаков, дул не переставая. Жесткий, жгучий ветер, такой же горький, как и постигшее эмпиря изгнание. Зорган снял с головы помятую шляпу, с сожалением взглянул на облысевшее перо и, брезгливо выдернув его из усыпанной алмазами пряжки, вновь торопливо прикрывая напеченную макушку этим потерявшим прежнее изящество убором. Еще только теплового удара ему не хватало. И как это грубые рюнхенцы сумели приспособиться к столь невыносимому климату? Эмпир извлек из кармана небольшое зеркальце, придирчиво рассматривая свое потемневшее от загара лицо.

Меры предосторожности не помогли – он загорел, но краснота уже сошла, сменившись золотистым оттенком, придавшим его и без того смуглой коже еще большую пикантность. Яркую, вызывающую, так и бросающуюся в глаза. Невероятно, но от лишений и тягот последних дней Зорган только похорошел. Его осунувшиеся черты приобрели легкий налет некой роковой загадочности, без промаха бьющей в чувствительные женские сердца. Нет, слава демонам, Зорган не имел причин жаловаться на свою внешность, справедливо считая себя вполне привлекательным мужчиной. Все в нем выглядело безупречным, красноречиво выдавая завязанного сердцеда, способного соблазнить самую неискушенную девицу. И тонкая талия, и могучие плечи, и уверенная, горделивая осанка великолепного наездника. Но главным его сокровищем все-таки являлись густые, черные, будто южная ночь, волосы, крупными завитками спускающиеся ниже лопаток. Более мелкие кудри красиво обрамляли высокий лоб, трогательно курчавясь на чуть впалых висках и эффектно оттеняя большие черные глаза, лучащиеся неумной энергией и живым блеском. На аристократическом лице продолговатой формы красиво выделялся чуть крючковатый, напоминающий клюв хищной птицы нос, свидетельствуя о проницательности, хитрости и злопамятности. Слегка раздвоенный подбородок намекал на страстность натуры и чрезмерное самомнение. Да, Зоргану есть чем гордиться. При не отличающемся скромностью нравов маркграфском дворе ходило множество чрезвычайно запутанных и фривольных историй, пафосно повествующих о его головокружительно успешных любовных подвигах. Недаром перед эротическими чарами виконта не устояла даже его собственная мать, прекрасная графиня Элейн. Нет, виконт ни в коей мере не страдал эдиповым комплексом, но похотливая вдовушка оказалась настолько удобной ступенькой к трону, что грех было не воспользоваться тем, что само плыло в руки. Настоящей же любви Зорган не познал ни разу...

– Ни разу? – Эмпир покатал на языке это странное слово, пробуя его терпкое послевкусие и недовольно морщась. – Разве ни разу?

Можно обмануть кого угодно, но как обмануть себя? А как же та странная девушка, вихрем ворвавшаяся на главную площадь Эйсенвальда и начисто расстроившая его тщательно продуманную, хитроумно выстроенную комбинацию? О-о-о, она не шла ни в какое сравнение с томными придворными красавицами и ослепительной маркграфиней Элейн. Но вот обнаружилось в ней нечто такое – дикое и необузданное, первозданное и

неподдельное, произведшее на виконта неизгладимое впечатление...

Зорган возбужденно прищелкнул пальцами, будучи не в силах подобрать подходящие эпитеты. Черноволосая нахалка подобно стальному шипу вонзилась в его каменное сердце, пробив толстую защитную скорлупу и достав до глубин сладко подрагивающей мякоти. Ни одна женщина до нее не осмеливалась бить виконта, а она... Зорган вздрогнул от возмущения, мгновенно перешедшего в неконтролируемое восхищение и благоговение. Возможно, именно эту подсознательную реакцию и называют некрасивым термином мазохизм, но эмпиру было наплевать. Ведь любовь и ненависть разделены сущей мелочью – всего-то лишь одним кратким шагом!

В неопрятный, сложенный из серого кирпича Рюнге – столицу маркграфства Рюнхен, Зорган въехал уже поздно вечером. В воздухе назойливо витали ничем неистребимые запахи вяленой селедки и жареного лука да забивающий все и вся сивушный дух местного дешевого пива. Так обычно пахнут крайняя нищета и равнодушие к чужим проблемам, возведенные в ранг устойчивой жизненной философии. Крупный портовый город встретил эмпира неясным шумом затихающих, умытых дождем улиц и грохотом захлопываемых ставен, запираемых на все задвижки. Умиротворенно гудел церковный колокол. Над далекими пирсами виднелись громады корабельных парусов, забранных в шкоты²⁰, но все же наводящих на мысли о свежем морском бризе. Кургузы старики-пакетботы, доживающие отпущенный им срок, неловко жались к красавицам каравеллам, напоминая больных подагрой сластолюбцев. В пакгаузах спешно сворачивали дневную работу, причудливо мешая отборную ругань со скрипом шкивов²¹ и свистом опасно перегруженных шкентелей²².

Город готовился отойти ко сну. В узких сточных канавах валялись гнилые рыбы потроха и целеустремленно бродили стаи жирных коричневых крыс. По части культуры и бытовых удобств Рюнге заметно отставал от старшего брата – белостенного Эйсенвальда, специально бравируя своей бросающейся в глаза пошлостью и грязью. Здесь не ценили изящество, надменно кичась толщиной кошелька и длинной шпаги. Здесь процветали разврат, обман, продажность и двуличие. Но сейчас Зоргана это устраивало, ибо он оказался в своей родной стихии. Виконт устал, а его денежный запас оставлял желать лучшего. Найти бы сносное место для ночлега да прочную одежду взамен изрядно поизносившихся шелков и кружев. Виконт направил запаленного многодневной скачкой коня в сумрачный переулок, слабо освещенный единственным густо закопченным фонарем. Казалось, нищий переулок не таил ничего интересного, но проверенное чутье эмпира не подвело опального владыку и на этот раз. Под внешне неприглядной вывеской «Хромой шкипер» скрывалась вполне приличная харчевня с чистой обеденной залой и сдаваемыми внаем спальными комнатами. Кормили здесь просто, но сытно и недорого. Зорган плотоядно оглядел хозяйку, вышедшую ему навстречу.

– Здравствуй, красавица! – С видом знатока он ощупал взором коренастую фигуру молодой рыжеволосой женщины, мысленно проникая под холщевый чепчик:

«Вдова, тридцати лет от роду, детей нет, мужа убили три года назад в пьяной драке. Любовника тоже не водится. – Зорган скабрёзно усмехнулся, радуясь нежданному везению, выпавшему на его долю. – Ее отец внебрачный сын одного мелкого дворянчика, поэтому наша красотка брезгает обычными моряками и торговцами с рынка, ожидая своего принца. Ну что ж, вот я и явился!»

²⁰ Шкоты – снасти, предназначенные для управления парусами.

²¹ Шкив – колесо, служащее для передачи вращения от одного вала к другому посредством ремня или каната.

²² Шкентель – трос, служащий для передачи усилий лебедки через шкивы на поднимаемый груз или снасть.

– Добрый вечер, ваша светлость! – расцвела в счастливой улыбке сладкая вдовушка, безошибочно угадав в своем госте благородного дворянина. – Что вам угодно?

– Как зовут очаровательную хозяйку сего достойного заведения? – Магия эмпии без труда подчинила доверчивую женщину.

– Светлена! – польщенно просияла аппетитная трактирщица.

– Я желаю ужин, ванну, комнату и... – тут Зорган весело подмигнул, – тебя, красавица!

Светлена игриво хихикнула, притворно краснея и прикрываясь фартуком, из-под которого с вождением выглядывали ее бесстыжие карие глаза.

А десять минут спустя, нежась в деревянном корыте с горячей водой и попивая совсем недурственное вино, Зорган уже торжествовал победу. Виконта ждала обильная трапеза и млеющая от вождения женщина, готовая содержать и ублажать его до тех пор, пока он сам не сочтет нужным покинуть сей гостеприимный кров. Ночь обещала стать бурной и приятной, а к утру истосковавшаяся по мужской ласке Светлена совсем потеряет голову, и превратится в его преданную рабыню. Уж кому, как не Зоргану, знать толк в изощренных любовных утех! О да, он ловко обеспечил себе комфортный приют на долгое, очень долгое время.

«А потом... – виконт саркастично усмехнулся и отпил глоток вина, – я просто подожду. Рано или поздно они тоже приедут сюда, мои враги, так же как и я желающие отправиться на остров Ледница. И тогда-то уж я сумею сделать правильный выбор и попасть на оный с ними или без них! И еще, она тоже прибудет в Рюнге – эта своенравная девушка с саблями, вызывающая во мне столь противоречивые, непонятные и доселе неизведанные чувства. Желание целовать ее сотни, нет, тысячи раз, а затем безжалостно убить, вырезать удивительные девичьи глаза и вставить их в оправу из чистейшего золота. Целовать ее, ласкать и мучить, делать с ней все что мне заблагорассудится...»

Дверь скрипнула, приоткрываясь, и на пороге комнаты появилась хорошенькая трактирщица, облаченная в одну лишь полупрозрачную муслиновую рубашку. Зорган похотливо хохотнул и поднялся во весь рост, открывая жадному женскому взору свое великолепное нагое тело. Трактирщица восторженно охнула и закатила глаза... Виконт без смущения поманил ее игриво полусогнутым пальцем. Светлена, конечно, не дерзкая девушка с саблями, но пока сойдет и она...

Вода из корыта тяжело плескала на пол, повторяя слитные движения двух распаленных страстью тел...

Человек склонен к самообольщению и в первую очередь верит тому, во что ему хочется верить больше всего. Памятуя о сем бесхитростном правиле самообмана, я воткнула в землю заляпанные кровью сабли и протерла глаза, пытаясь избавиться от навязчивого видения. Но видение не пропадало... Удивленно приоткрыв рот, я таращилась на плывущую над болотом женскую фигуру, окруженную сполохами голубоватого пламени. Сначала я приняла ее за призрак, но, после того как незнакомка вскинула раскрытую ладонь, изливая на островок потоки холодного огня, все-таки уверовала в реальность происходящего. Женщина откинула за спину длинные волосы, заплетенные в десяток тонких косичек, нахмурила брови и соединила пальцы в непонятном жесте. Из обхватывающих ее запястья браслетов вырвались две извилистых молнии, ударяя в скопление мерзких тварей. Стало светло как днем... По мокрому мху прыгали огненные шарики, беспощадно настигавшие последних воинов Армии Смерти и сжигавшие их дотла. С умертвиями было покончено.

Стараясь не выглядеть вусмерть заморенной, я попыталась непринужденно опуститься на кочку, но усталость оказалась сильнее меня, и я довольно неграциозно шлепнулась на пятую точку. Кайра замерла как вкопанная, тяжело опираясь на рапиру и не сводя выпученных глаз с парящей в ночном небе волшебницы. Мои губы искажила злорадная ухмылка – а нечего тут голову ломать, и так уже понятно, что удача перестала показывать нам свою тыльную сторону, приведя на помощь не абы кого, а саму легендарную фразу Оссу.

– Вот тебе и лесная старая оса! – непонятно буркнул принц, облегченно приземляясь

рядом со мной. – Ай да Логрин, ай да гоблинов сын!

– У тебя, случайно, вина не осталось? – Я попробовала дотянуться до фляжки, висевшей у него на поясе.

– Вода! – Эльф бултыхнул полупустой посудиной.

– Я у тебя выпить просила, а не помыться! – склочно огрызнулась я.

Тайлериан прищурил фиалковые глаза, казавшиеся особенно прозрачными на перепачканном сажей лице.

– Рогнеда, а тебе, случайно, съездить никуда не надо?

– Куда? – не поняла я.

– В челюсть, например! – доходчиво пояснил эльф. – Ну что ты за существо такое – злобное и ершистое? Ведь женщина должна быть мягкой, любезной и обходительной...

– Должна, но не обязана, – непринужденно рассмеялась я, начиная ощущать, как спадает сковывающее меня напряжение.

Принц смотрел на меня осуждающе.

– Не злись, – пошла на мировую я. – Мы выжили, а это главное!

– Самое никчемное чувство – бесполезное осознание собственной правоты в споре с женщиной! – произнес красивый грудной голос. – Не так ли, принц?

Мы дружно обернулись.

К нам шла фрау Осса, утратившая значительную часть своего магического величия и принявшая облик обычной пожилой женщины. Седина в ее косах и морщины на лице не слишком-то вязались с громкой славой знаменитой волшебницы. Но, приглядевшись повнимательнее, я заметила несгибаемую силу воли, таившуюся в глубине ее неожиданно молодых глаз. И эти глаза тут же напомнили мне другую женщину, не так давно изменившую всю мою жизнь с помощью нескольких аляповато раскрашенных кусочков картона. Заметив смену моего настроения, Осса одобрительно улыбнулась.

– Спасибо за помощь, Смотрящая сквозь время! – вежливо поблагодарила я.

Улыбка волшебницы стала еще шире.

– Твоя догадка верна, Светлая Дева! Я самая первая Смотрящая, в прошлом – верховная жрица Храма Розы. Многие годы я ждала вашего появления, дабы попытаться переломить жестокую судьбу и облегчить участь этого многострадального мира...

– И ради этого вы жили в таких невыносимых условиях? – недоверчиво перебила ее Кайра, подразумевая болото.

– Ну не совсем в таких... – зябко передернула плечами магичка. – Но неужели ты, воительница, уверена в том, что благие дела вершатся ради награды и из корысти?

– А разве нет? – подхватил принц. Его вопрос таил подвох.

Осса насмешливо приподняла брови:

– И чего вы желаете в обмен на тяготы ожидающего вас пути?

– Любви! Простого человеческого счастья! – синхронно ответили мы.

– О-о-о, – непритворно огорчилась волшебница, – как же это тривиально! Счастье есть всего лишь удовольствие без раскаяния, высшая мечта эгоистов. А любовь... – в ее гибких пальцах неожиданно появилась уже знакомая мне Колода Судьбы, – любовь тоже бывает разной! Например, вот такой...

Мы недоуменно переглянулись.

– Смотрите! – велела Осса, тасуя порхающие в воздухе картинки. – Ты, Дева, поверила, что тебе выпало обещание любви, но ошиблась и подобрала совсем не ту карту. На самом деле тебя ждет это. – И она перевернула один кусочек картона.

Я отшатнулась. С карты на меня глянула ужасающая, смахивающая на череп образина, покрытая струпами незаживающих язв.

– Что это? – только и смогла вымолвить я.

– Твое будущее, – криво усмехнулась Смотрящая. – Это знак спутницы Смерти – Чумы! Итог Расклада – полная трансформация твоей сущности, это и есть цена спасения мира!

Я ощутила резкий приступ страха и слабости.

– Ты, красавица, – она подозвала к себе Кайру, – станешь вот этим. – Со второй карты мерзко щерилась не менее отталкивающая морда.

– Это Лепра! – скупое пояснила Осса. – Потрясающая милашка, не так ли?

Кайра витиевато выругалась.

Тайлериану предложили картинку, изображающую закутанного в плащ преждевременно поседевшего мужчину.

– Хранитель порталов! – прокомментировала Осса. – Полностью отрешенный от земных благ и страстей мудрец.

– Но как же любовь?! – хором возмутились мы.

Смотрящая презрительно оттопырила губу:

– Лентяи! – заклемила она нас. – И с чего вы взяли, что любовь всегда приходит в образе молодых и красивых героев? С чего вы решили, что она дается даром?

Мы подавленно молчали. Наконец я стала первой, кто осмелился нарушить затянувшееся молчание:

– Нас не пугают твои угрозы, Смотрящая сквозь время! Мы не трусы, мы не отступимся от своего раз и навсегда выбранного пути. Мы готовы спасти этот мир и заслужить право на любовь!

Глаза магички полыхнули нескрываемой радостью, смешанной с восхищением и гордостью за нас.

– Тогда благословляю вас, дети мои! – растроганно шепнула она. – Мы не ошиблись, вверив вам хрупкие нити бытия. Отныне вы сами станете творить настоящее и будущего, ибо таково предназначение Воинов Судьбы!

Лучи теплого полуденного солнца шаловливо преломлялись в оконном стекле и вразной прыгали по деревянному полу маленького домика. Я сидела на второй ступеньке невысокого крылечка и, задумчиво прищурившись, рассматривала шпиль полуразрушенной колокольни, поднимавшийся над зелеными макушками могучих дубов. Прохладный ветерок лениво играл упругими листьями, покачивая незрелые завязи будущих желудей. От Заповедной рощи исходил отчетливо ощутимый дух священной, природной силы. Силы, переполняющей мое тело и вызывающей желание совершить что-то доброе, светлое и безудержно альтруистичное.

Проанализировав накатившие эмоции, я самокритично хохотнула и в полголоса обозвала себя душой.

– Эти места на всех по-разному действуют. – Фрау Осса подобрала подол длинной домотканой хламиды и присела рядом, пытливо всматриваясь в мое лицо. – Я называю возвращенную монахами рощу натуральным катализатором души, способным до предела обострять потаенные качества и недостатки наших противоречивых натур. Подобные девственные уголки как нельзя лучше подходят для возведения различных религиозных сооружений, словно губка впитывая из окружающего пространства ментальные эманации и накапливая их...

– Хороший здесь становится еще лучше, а плохой хуже? – упростила я, вертя в пальцах упавший на крыльцо дубовый листочек.

Фрау Осса согласно кивнула:

– Все гениальное – просто! Ты выделила самую суть моих расплывчатых слов.

– А что стало с монахами, построившими аббатство? – с интересом спросила я. – Вижу, на монастырском кладбище довольно много надгробных камней, значит, сами они так и не достигли просветления и бессмертия?

Уголки губ магички печально поползли вниз:

– От тебя ничего не укрылось! А насчет бессмертия... – Она криво усмехнулась. – Эти люди попали в неоднозначную ситуацию. Монахи возгордились, сначала утратили стремление к чистоте и святости, а потом и вообще стали поклоняться демонам Нижнего

уровня...

– Ага! – дошло до меня. – Но подобные истории обычно не заканчиваются так просто...

– Все они превратились в упырей! – Голос волшебницы стал холоднее зимней стужи. – Все без исключения, даже отец-настоятель, весьма неглупый, но излишне амбициозный мужчина. По ночам твари выходят из своих могил и ищут крови неосторожных жертв. Вот тебе и форма бессмертия! Впрочем, от упырей тоже есть польза, лучших сторожей для Заповедной рощи и не сыщешь...

– Ага! – снова отреагировала я. – Как всегда, Добро и Зло взаимосвязаны и невозможны одно без другого... Наверное, я так же сильно завишу от Ветра Инферно, или он от меня...

Магичка испытующе склонила голову на плечо, будто пытаюсь понять, чем же я являюсь на самом деле: наивной дурочкой, запросто болтающей о тайных знаниях, или же хитрой стервой, исподволь вытягивающей нужную мне информацию. Пауза затянулась. Потом Осса ласково потрепала меня по щеке и решила на откровенность:

– За все нужно платить, дочь моя! Хочешь постигнуть сокровище – докажи, что ты смела и тяжкий груз тайн не сломит твой дух, не заставит склонить шею. Тайное несет страх, ответственность и быстро очерствляет сердце.

– Ну мою шею если и можно сломать, то лишь в области копчика, – самоуверенно заявила я. – Я готова доказать слова делом и выдержу любое испытание! Приказывай, Смотрящая!

Фрау Осса откинулась на резные перила и вперила в меня пронизывающий насквозь взор. А я почти физически почувствовала, как ледяные иглы ее разума проникают в мой мозг: оценивая мысли, взвешивая каждое устремление и прощупывая мельчайшую эмоцию.

– О да, – тихонько вымолвила волшебница, – я не нахожу в тебе каких-либо значительных изъянов и пороков, так, мелкие грешки и шалости. Ты честна и благородна. Скажи, княжна, готова ли ты рискнуть своей жизнью ради тех, кого называешь друзьями?

– Да! – без колебания ответила я. – Друзья – самое дорогое и ценное, что дается нам в этом мире. Родители могут бросить, любимые могут разлюбить. И только истинный друг не предаст и не продаст никогда.

– Хорошо сказано! – сердечно похвалила Осса. – Докажи мне, что ты не боишься ничего, и я в свою очередь открою тебе страшные тайны. Но я потребую почти невозможного...

– Не пугай, пуганые уже, – добродушно поддразнила я. – Да я сама кого угодно до полусмерти напугаю! Хочешь?

– Хорошо! – повторила магичка, удовлетворенно потирая руки. – Тебе представится возможность проверить истинность этого утверждения. Я почти вылечила Витку, но ожоги Лизелотты весьма обширны, и моя магия не помогает. Лиззи умирает и...

– И? – Я выжидательно подалась вперед, не сводя с волшебницы зажегшихся надеждой глаз. – Но ведь есть последнее средство?

– Есть! – тяжело вздохнула Осса. – Мертвый жир, взятый с живого упыря, причем не с какого попало, а с верховного...

– Живой упырь – это как? – не поняла я. – Да они же все мертвые по определению.

– Ты не должна его убивать, – пояснила отшельница. – Вожак упырей должен находиться в сознании, когда ты станешь срезать с него кожу. Но на кладбище слишком много его подопечных, и они растерзают любого, неосторожно зашедшего на их территорию...

– Ну и задачка! – потерла лоб я. – Но, знаешь, у меня возникла забавная идея! Для ее реализации мне потребуется... – Я наклонилась к уху Смотрящей и шепнула несколько слов.

Осса звонко расхохоталась, по достоинству оценив мою просьбу, и пообещала достать все необходимое.

Пышная кладбищенская трава упруго прогибалась под ногами, мгновенно распрямляясь у меня за спиной и вновь принимая безупречно непримятый вид. Словно я тут

и не проходила, будто и не впечатались в нее мои неторопливые шаги. А кто по собственной воле согласится пройти по жизни, не оставляя на ней своего следа – дурного или доброго? Кто хочет, чтобы память о нем замело пылью веков, не сохранив даже краткого упоминания в песне или балладе? Кто из нас не мечтает прославиться, внушая уважение уже вскользь произнесенным первым слогом своего овеянного подвигами имени? Кто не хочет стать героем, лишь бы не посмертно? Да чего уж тут притворяться, ведь все только этого и хотят!

Я подставила лицо последним поглаживающим прикосновениям клонящегося к горизонту солнца и невесело усмехнулась. На моем поясе интригуяще погромыхивал тяжелый мешок, а на плече вальяжно расселась крыса Грымза, которой отводилась чрезвычайно важная роль в задуманной мною аванюре. Я насвистывала врезавшийся в память мотивчик, размеренно топая в сторону кладбища, а в мозгу крутилась ироничная мысль: «Вот так и становятся героями!» Те, кто выживает, естественно.

Вблизи полуразрушенные монастырские корпуса уже не казались столь величавыми, какими они выглядели издалека. Просто скопище обветшалых зданий, кое-где еще покрытых осыпающейся от старости штукатуркой. Медная звезда, символ богини Аолы, валялась на земле, заржавленная и жалкая. Удручающее зрелище. Но кусты шиповника, сплошь усеянные алыми, похожими на кровавые капли цветками, приносили в обманчиво мирный пейзаж нечто невыразимо зловещее, заставившее меня вздрогнуть.

Быстро справившись с тщательно продуманными подготовительными процедурами по предстоящему облапошиванию упырей, я ссадила Грымзу на обломок массивной мраморной плиты, сунула в ее загребущие лапки кусочек колбасы, а сама с аппетитом принялась за ломоть ржаного хлеба с салом, обильно посыпанный ядреным чесноком. Характерный едкий запах чеснока поплыл над кладбищем...

Тем временем солнце успело закатиться, и над мрачными надгробиями повисла густая пелена фиолетового полумрака. Я насчитала не менее трех десятков могил, чрезвычайно запущенных и заросших крапивой. Похоже, мне и впрямь придется столкнуться с организованной и многочисленной упыриной общиной, способной сожрать кого угодно, вплоть до средней упитанности дракона. Оставалось надеяться на свою оригинальную задумку да отчаянно импровизировать, причем так, как не снилось даже самому гениальному эльфийскому актеру.

Над волшебным котлом закручивалась спираль черного дымка. Гедрон лла-Аррастиг зачерпнул ее в ладони и, словно воду, вылил на вольт, изображавший девушку, вооруженную двумя чуть изогнутыми саблями. Губы чернокнижника искривились в судорожной улыбке, преисполненной нескрываемого торжества:

– Безмозглая дура! – злобно прошипел эльф, складывая пальцы в магическом жесте призыва темных сил. – Ты чудом избежала гибели в стычке с Армией Смерти, но тут же по собственной инициативе сунула голову в пасть новой, еще более страшной опасности. И на этот раз помощи тебе ждать уже неоткуда...

Его голос дробился под сводчатым потолком, вызывая гулкое эхо, смахивающее на вой шакала-трупоеда. Звуки нарастали и усиливались, переходя в оглушительную какофонию, способную разрушить толстые замковые стены. И вот наступил момент пика, почти рвущего барабанные перепонки.

– Проснитесь! – требовательно воззвал чернокнижник, взмахивая широкими рукавами и становясь похожим на ворона, кружащего над разрытыми могилами. – Властью, данной мне принцем демонов, я приказываю вам пробудиться от сна и убить дерзкую девчонку, осмелившуюся бросить вызов судьбе! Проснитесь, упыри!

Заскучать я не успела. Надгробный камень ближайшей могилы медленно приподнялся и, надсадно crackнув, повалился набок. Я зачарованно наблюдала, как вспучившуюся землю расколола глубокая трещина, из которой высунулась синюшная костлявая лапа, оканчивающаяся кривыми когтями. Следом за ней показался скрюченный торс в

болтающихся на нем обрывках коричневой шерстяной рясы и непропорционально увеличенный череп, прикрытый лоскутом от капюшона.

– Фу-фу-фу, – не очень разборчиво проворчал упырь, принимая сидячее положение. – Ну и вонь! Никак, человеческим духом пахнет?

«Человеческим? – Я изумленно запихнула в рот остатки бутерброда. – Вроде бы упырям положено бояться чеснока?»

Одним рывком тварь выкарабкалась из земляной норы, откинула свисающую на лоб ткань и шумно повела приплюснутым носом. Я содрогнулась от омерзения. Упырь имел массивную морду, чем-то смахивающую на волчью, а из его угловатых челюстей выпирали подгнившие желтые клыки. Чудовище остановило на мне взгляд кроваво-красных зрачков и нехорошо усмехнулось.

– Братья, отгадайте, что это: зимой и летом одним цветом? – чуть пришепетывая, ехидно спросила тварь.

Я потрясенно округлила глаза. Оказывается, не одна я люблю загадки!

– Кровищ-ща! – громогласно прокатилось над кладбищем.

Выбирающиеся из могил упыри окружили меня плотным кольцом, с любопытством наблюдая за нахальной девицей, непринужденно рассевшейся на осколке мрамора. Я чинно сложила руки на коленях и послала тварям свою самую лучезарную улыбку.

– Ты кто? – подозрительно спросил первый упырь. – Жратва? Почему тогда нас не боишься? Да и пахнешь ты как-то странно, невкусно...

– Девушка я! – торжественно провозгласила наглая я. – В самом что ни на есть собственном соку. Добрая, красивая и смелая. Намного смелее вас! И к тому же настоящий лидер.

Упыри возмущенно зароптали.

– А чего это смелее-то?! – донесся до меня чей-то возмущенный тонкий голосок, ломающийся и, похоже, совсем еще юношеский. – Бабы, они лидерами не бывают, на то они и бабы!

– Ага! – насмешливо парировала я. – Знаю я эти ваши мужские лозунги: лидеры мы, а не бабы, потому что мы – не бабы! Так?

– Девушка! – сурово прервал меня первый упырь. – Ты меня не путай и клыки мне не заговаривай, они у меня не болят.

– А мне оно надо? – как можно более стервозно фыркнула я. – Мне и дела нет до ваших кариозных клыков. Я вам не зубная фея, а лекарь-вирусолог. К тому же я всегда выступаю за равные права мужчин, тьфу, то есть упырей и женщин!

– А мы – за разные! – ехидно прилетело из толпы кровососов.

– Чем заразные? – так и подпрыгнула я. – Вот я же говорила, на этих кладбищах сплошные вирусы!

Упыри обиженно засопели, оскорбившись за свои родные могилы.

– Ну и малахольная же девка нам на этот раз попалась! – заржал любитель загадок. – Чего ты там про лидера вякала? Значит, станешь лидирующим блюдом нашего сегодняшнего ужина. Да мы сейчас тебя загрызем, даже косточки не останется!

– Фи, – брезгливо сморщила носик я, – как же это грубо, банально и примитивно. Вот поэтому вас трупоедами и называют!

– Мы не трупоеды! – многоголосо возмутились упыри. – Мы дети Тьмы, воинство ночи. Мы элита черных сил, самые умные и сильные.

– Не верю! – кокетливо протянула я, томно потягиваясь. – А я-то мечтала, что мою дворянскую кровь будут пить лишь избранные чудовища!

– А мы и есть избранные! – еще ближе подступали упыри, оголодало щелкая клыками.

– Не верю... – вредно тянула я.

– Ха! – насмешливо хмыкнул первый упырь. – Так я и знал, что в бабах-стервах есть эта маленькая сморщенная штучка!

– Это какая? – недогадливо захлопали глазищами его братья.

– Изюминка! – томным шепотом подсказала я.

Упырь довольно осклабился.

– Ой, да это еще что! – бурно всплеснула руками я. – Вот я одну загадку уже пятнадцать лет отгадать не могу.

– Какую? – заинтересовались упыри.

– Сколько упырей может войти в один церковный склеп?! – возбужденно выпалила я и тут же опечаленно добавила: – Уверена, что нисколько! Слабо им в освященное место залезть!

– И не слабо вовсе! – возмущенно взревели твари. – Мы не трусы!

– Ну да, помню, помню, – саркастично промурлыкала я, недоверчиво складывая губы бантиком. – Мы не бабы и бла-бла-бла...

– Братья, айда! Докажем этой дуре, что мы самые крутые! – героически взмахнул лапой первый упырь. – Пусть сама убедится!

– Да-да, мы круче всех! – слаженно проскандировала толпа тварей. – Самый лучший богатырь – это шустренький упырь!

– Пока не увижу – не поверю! – Я скрестила руки на груди и демонстративно отвернулась.

Упырь-заводила возмущенно сплюнул сквозь клыки и решительно зашагал к развалинам церкви. За ним потянулись все остальные. Шествие замыкала я с Грымзой на руках.

Странная делегация приблизилась к прочной железной двери, ведущей в глубь церковного склепа.

– А ты вон там, в сторонке, стой! – приказал вожак. – Что-то я тебе не доверяю, психованная!

– Да пожалуйста! – высокомерно задрала нос я, отходя на десяток шагов.

Упыри начали медленно, один за другим, спускаться в склеп, передергиваясь и поохивая от энергии священного места, жалящей их почище роя лесных пчел. Последним в подвал сошел говорливый упырь:

– Ну, убедилась, дурочка?! – торжествующе крикнул он. – Мы все сюда вошли, еще и место свободное осталось. А сейчас мы снова выйдем наружу и выпьем твою кровь!

– Ага! – буркнула я. – Размечтались! – и махнула рукой.

Грымза прыгнула с каменного бордюрика, красиво опоясывающего вход в склеп, и выдернула вбитый за дверью колышек, удерживающий веревку установленного мной противовеса. Железная дверь с грохотом захлопнулась. Я молнией метнулась к склепу и задвинула массивный засов. В зарешеченное окно подвала тут же высунулось несколько растопыренных лап, бешено полосующих воздух выставленными когтями.

– Дрянь хитрая, выпусти нас отсюда немедленно! – обреченно орали упыри. – Это место жжется словно огонь!

– Вот еще! – жестоко хохотнула я, выхватила сабли и подошла к решетке. – Жаль, что я не успела загадать вам свою вторую загадку. Сколько упырей может поместиться в один гроб?

– И сколько?! – испуганно взвыли кровососы.

– Ну это смотря как нарубить! – оповестила я, взмахивая клинками...

И тут наконец-то произошло то, на что я и рассчитывала.

– Отец! – похоронным хором заревели плененные упыри. – Приди, спаси нас!

Самое красивое могильное надгробие, высеченное из серебристого мрамора, взметнулось вверх, разлетаясь на сотни мелких осколков. Из открывшегося провала начал подниматься кто-то огромный, закутанный в бесформенный черный балахон...

Тварь обладала поистине монументальными габаритами, возвышаясь надо мной на добрых полметра. Не иначе при жизни отец-настоятель отличался внушительной мужской статью, ничуть не уступавшей его расхваленным фрау Оссой умственным способностям,

которые я и собиралась проверить. Великий упырь распахнул бездонную пасть и издал рык, заставивший полечь густую кладбищенскую траву. У меня чуть ленточку с волос не сдуло. Грымза сердито пискнула, зажала лапками уши и привычно юркнула в нагрудный карман моего кафтана. Похоже, с отцом-настоятелем мне придется разбираться один на один. Я хмыкнула, вложила сабли обратно в ножны и отвесила упырю галантный поклон. Тварь прихлопнула пасть и воззрилась на меня довольно благожелательно.

– Приветствую ваше сиятельное упырство! – пафосно выдала я, упирая руки в боки и принимая донельзя горделивую позу. – Я Рогнеда, знаменитая лекарка! Прослышала я о поразившей вас заразной болезни и срочно прибыла в это замогильное место, дабы милостиво избавить страждущих пациентов от мук нестерпимых!

– Э-э-э? – всерьез озадачился упырь, недоуменно почесывая под капюшоном балахона. – Ы-ы-ы?

– Вот-вот, и я о том же, – поторопилась поддержать я. – А ваши братья этот плачевнейший диагноз мертвячий, мною компетентно поставленный, подтвердили полностью! Так что, будем лечить? – В поисках поддержки я обернулась к подвальной решетке, откуда торчали скорбно выставленные упырины лапы. – Или проще вас добить, болезные, чтобы зря не мучались? Если нет, то требую фигурального согласия на экстренное лечение...

Похоже, упыри не совсем уловили суть моих мудреных речей, но поняли главное – в случае несогласия я нарублю из них неплохое чахохбили.

– Офигеть! Фигасе! Фигу! На фиг?! – нестройно донеслось из подвала.

– О! – наставительно подняла палец я. – Что и требовалось доказать! Недаром я всегда утверждаю, что возможности медицины безграничны. Ограничены возможности пациентов!

– Э? – еще эмоциональнее выдал настоятель, усиливая нервное почесывание макушки.

– Так что, будем лечиться или помрем спокойно? – продолжала напористо приставать я, наступая на шокированного моей наглостью упыря.

– Предпочитаю нестандартные методы лечения сколиоза путем торжественного отправления ритуальных услуг! – басовито долетело из-под черного капюшона упыря.

Грымза насмешливо присвистнула и покрутила пальчиком у виска, намекая на умственное расстройство, поразившее настоятеля.

– Ну это ты, подруга, зря! – мягко попеняла я крысе. – Он пытался довести до нашего сведения, что горбатого могила исправит. Весьма точное замечание. Кстати, я предлагаю вам именно нетрадиционные методы лечения! – вежливо обратилась я к твари. – Испытаем?

Упырь хмыкнул весьма неопределенно, но, тем не менее, уселся на обломок плиты и выжидательно замолчал.

– Значит, так. – Я расхаживала перед ним с видом ученого лекаря, читающего свою коронную лекцию. – Медициной доказано, что вампиризм является не чем иным, как вирусом, передающимся строго через кровь и слюну пациента. Дабы излечить сию опасную заразу, требуется ввести в пораженный организм некоторую порцию естественного антисептика, такого как освященная вода, серебро или осиновый кол...

Внимательно слушающий меня настоятель протестующе всплеснул лапами:

– Наблюдаю бинарный характер высказываний индивидуума, уже утратившего свою социальную активность по геронтопризнаку!

– А это еще бабушка надвое сказала! – перевела я для озадаченной Грымзы. – Неправда ваша, уважаемый! Я гарантирую положительный результат. Смотрите сами. – Я извлекла из привешенной на пояс сумки бутылочку с освященной водой, откупорила и брызнула ее на лапу упыря.

Обожженная плоть задымилась, тварь взвыла от боли.

– Вот! – бурно возликовала я. – Реакция есть, но концентрация вируса в организме слишком велика, нужно более сильное снадобье!

– Налицо явный дуалистический принцип использования сельскохозяйственных орудий на гидроповерхности! – хмуро парировала тварь.

– А это вообще вилами на воде писано, – расшифровала я. – Фи, негоже столь могучему упырю бояться лекарственных примочек. Ну как, проявите смелость и рискнете воспользоваться безотказным средством?

Настоятель нерешительно пожал квадратными плечами.

– Ага! – поощрила я. – Попытка не пытка! – С этими словами я выхватила из сумки остро отточенный осиновый кол и вогнала его в грудь упыря.

Тварь душераздирающе застонала и завалилась навзничь, судорожно скребя землю длинными когтями. На ее губах выступила пена, глаза закатились под лоб. Похоже, упырь впал в кому.

– Ну помереть он, может, от этого и не помрет, но помается изрядно! – оценивающе проворчала я, вытаскивая из голенища сапога тонкий ножичек и аккуратно срезая часть упыриной кожи вместе со слоем подкожного жира. – Это я ему как лекарь, хм... как честный шарлатан обещаю!

Уже отойдя на некоторое расстояние от кладбища, я снова обратила внимание на слезные рыдания упырей, несущиеся из прочно запертого подвала. Я улыбнулась – поделом им, немало они безвинного народу загубили... Но тут я случайно вспомнила слова волшебницы, коротко обмолвившейся о том, что лучше сторожей Заповедной рощи ей не сыскать. Я разочарованно вздохнула.

– Беги назад, – попросила я Грымзу, – и перегрызи вторую веревку. Тогда прикрывающая окно решетка поднимется, и упыри выйдут на свободу.

Крыса шустро умчалась выполнять поручение.

– Вот так-то! – ликующе прищелкнула пальцами я. – Как это прозвучало бы в исполнении отца-настоятеля: антитезисные свойства умственно неполноценных субъектов в контексте выполнения государственных нормативных актов. А в моей вольной интерпретации это означает: дуракам закон не писан! Или еще проще! – Мой голос эхом разносился над почтительно затихшим кладбищем: – С женщинами не спорь, хуже будет!

Глава 9

Истосковавшийся по дружескому общению Орешек капризно прихватил мои пальцы своими мягкими губами, а потом и небольно сжал их зубами, требуя ласки и внимания. Я поцеловала белую звездочку, украшавшую лоб скакуна, и угостила круто посоленной горбушкой хлеба. В мгновение ока умявший угощение жеребец трогательно пихнул меня головой и подставил бок, приглашая вскочить в седло.

– Ишь как радуется, холера брыкливая! – буркнул Михась, даже и не пытавшийся скрыть собственного облегчения. – Быстро же вы возвратились, я и испугаться за вас не успел ишо! Да и девок не узнать. – Он указал пальцем на Витку и Лизелотту, суетившихся возле подвешенного над костром котелка. – Прямо будто заново на свет народились!

А вот в этом мой оруженосец действительно не ошибался. Про золотоволосую Витку не скажу, врать не стану, но вот молоденькую ведьмочку добытый мною упыриный жир и точно вернул с того света. Девушка еще покачивалась от слабости, да и уставала быстро, но с ее бледной кожи напрочь сошли уродливые ожоги, не оставив и следа. Обгорелые брови и ресницы потихоньку отрастали, и стало заметно, что скромная, тоненькая словно тростинка девушка весьма недурна собой. А уж когда улыбается, так и вовсе краше солнышка ясного выглядит! Правда, я пока сильно сомневалась в ее магических талантах, но фрау Осса, безмерно зауважавшая меня после вылазки в упыриный заповедник, с серьезным видом поклялась, что в походе на остров Ледница ее ученица нам весьма пригодится. Причем не раз и не два. А я и не спорила, успев всей душой прикипеть к спасенной мною ведьмочке. Я даже отдала восхищенно взвизгнувшей девчужке свою отважную крысу, втихомолку попросив Грымзу присмотреть за выздоравливающей магичкой. Геройская животинка понимающе кивнула и приложила лапку к своей серой голове. Наблюдавший за этими эскападами Михась шокированно открыл рот. Похоже, он уже успел позабыть о

человеческом прошлом нашей хвостатой спутницы.

Повеселевший Тайлериан усиленно охмурял смущенно краснеющую Витку. Я вполне благожелательно относилась к его матримониальным планам, немного жалея болезненно переживавшую их любовь Кайру, в глубине души сходившую с ума от ревности. Впрочем, кареглазая эльфийка вела себя настолько сдержанно, что в ее сердечные переживания оказалась посвящена только одна я. Я, как могла, утешала телохранительницу принца, после битвы на болоте проникнувшись к ней самой искренней симпатией. Мы с Кайрой все же стали подругами. Несколько накалившуюся обстановку разрядила фрау Осса, с помощью Колоды Судьбы нагадавшая расстроенной девушке будущую неожиданную любовь и ослепительно красивого жениха, да к тому же еще и мага-некроманта. Я потрясенно присвистнула. Кайра вытерла мокрые глаза и немного приободрилась.

Витка, поначалу панически шарахавшаяся от горбатого принца, вскоре привыкла к его неординарной внешности и начала смотреть на него чуточку приветливее. Стало понятно, что все у них сладится, причем самым замечательным образом. А я, глядя на их улыбочки и ужимочки, уже не раз невольно вспоминала прочно запавшего мне в сердце эмпирского злодея, притягательного до одурения. «Вот ведь беда, – укоряюще хмыкала я, виня саму себя, – и как это тебя, милочка, угораздило влюбиться в мерзавца? Тебе бы ненавидеть его лютой ненавистью или бояться, ан нет...» И тут я не на шутку задумалась – а можно ли любить того, кто боится тебя, или же того, кого боишься ты? Подумала-подумала, да и пришла к неожиданному выводу: в любви никто никому ничего не должен. Любовь – это когда по-другому нельзя!

Я уже всунула в стремя носок сапожка, как вдруг увидела шедшую через поляну и призывно помахивающую рукой фрау Оссу. Высокий лоб волшебницы перерезала глубокая морщина озабоченности, глаза смотрели задумчиво. Я протяжно присвистнула и передала Михасю уздечку нетерпеливо приплясывающего скакуна. Судя по всему, магичка вполне созрела для обещанного мне разговора. Осса не останавливаясь прошла мимо меня и углубилась в лес, коротким повелительным взмахом ладони приказав следовать за собой. Пришлось подчиниться. Шагая по мокрой траве, оставлявшей пятна на голенищах моих светлых сапог, я пыталась разобраться в собственных эмоциях. С одной стороны – меня терзало жуткое любопытство, а с другой – я отлично понимала, что иногда информация становится не даром или благом, а обузой и наказанием. Ибо взваливает на владеющего ею человека тяжкий груз обязательств и обязанностей. И сейчас интуиция мне подсказывала, что поджидающие меня секреты окажутся чем-то чрезвычайно опасным, отнюдь не относящимся к невинным побасенкам.

Осса достигла уединенной лесной прогалины, красиво обрамленной раскидистыми кустами лещины, и опустилась на замшелый пенек, выжидательно поглядывая на меня снизу вверх. Сегодня ее прозрачные глаза казались неожиданно, почти по-детски наивными. Так может смотреть доверчивое дитя, пугливо ожидающее – вот к нему придет обещанный сказками герой и прогонит темные ночные страхи. Я нисколько не ожидала подобного от могучей волшебницы, поэтому недоуменно хмыкнула и растерянно отвернулась. А что мне оставалось делать? Мне почти насильно навязали роль спасительницы всего живого, объявив носительницей некоего смутного пророчества. При этом бесцеремонное провидение забыло одну существенную деталь – испросить моего согласия, хочется ли мне добровольно принимать на себя эти самые треклятые обязанности, навсегда отказавшись от возможности спокойно прожить отпущенный мне век. Ага, может, и спокойно... но при этом уныло, серо и никчемно. Право же, жизнь слишком коротка для того, чтобы попусту растратить ее на банальное выкорчевывание дерева, разрушение дома и рождение дочери, что бесспорно является важнейшими задачами каждой нормальной женщины. Быть нормальной так просто и понятно, но при этом – совершенно не интересно. Да и поздно уже отступать, ведь я решила стать Воином Судьбы еще тогда, в шатре Смотрящей сквозь время. Можно слушаться увещаний здравого рассудка, а можно – последовать зову сердца. Пусть глупого

и взбалмошного, увлекающегося и рискующего, но четко различающего – этот риск обоснован, ведь он направлен во спасение сотен и тысяч невинных существ. И я поклялась себе, что никогда впредь, как бы тяжело мне ни пришлось на моем скорбном пути, я не пойду на сделку с собственной совестью, не поддамся страху и желанию отступить, струсить. Не предам друзей и не укроюсь за их спинами, не брошу слабого и не укрою нерешительного. А если мне придется погибнуть... что ж, это все-таки намного лучше, чем умереть от старости или болезней. Ибо лишь в этом случае я смогу сказать, что жила настоящей жизнью, я не прозябала где-то на задворках судьбы или влачила жалкое существование пришибленного невезением неудачника.

Я сорвала стебелек земляники и, прижимая языком к небу, с усилием раздавила едва начинавшую розоветь, еще твердую и недоспелую ягодку. Кислый, освежающий сок брызнул мне в рот, и замутненное колебаниями сознание прояснилось. Под моими ногами раскинулся ягодник, усеянный зреющими бусинками земляники. Мое лицо согревали теплые солнечные лучи, а где-то в самой глубине леса звонко чирикала неизвестная мне птица. Юркая белочка резво взбежала по ветке дерева и немного смущенно опустила в мою подставленную ладонь свой скромный дар – крупный орех, видимо извлеченный из ее личных запасов. Но боги, таким трогательным выглядел этот непритязательный подарок, что я растроганно вздохнула, проглатывая подступившее к горлу рыдание, и крепко сжала кулак, ощущая дискомфорт от впившегося в кожу остербокого плода. И с огромной болью, безмерно превосходящей боль от режущих граней ореха, я поняла – больше всего на свете я желаю спасти, оберечь, защитить эту земляничную полянку, малышку-белочку и золотые нити солнечных лучей. Весь этот мир – такой чудесный и удивительный. А если мне суждено отдать за их спасение всю себя, то пусть я растворюсь в нем, стану травой и землей, небом и водой, ветром и дождем. И тогда я уж точно останусь частью этого прекрасного мира, который должен жить вечно!

Думаю, Осса правильно расшифровала смену моего настроения, четко отразившуюся в мимике и блеске глаз, потому что вскочила на ноги и порывисто сжала мои испачканные зеленью пальцы. Наши взоры встретились...

– Все так плохо? – полуутвердительно-полувопросительно шепнула я, отвечая на ее крепкое рукопожатие и невысказанную просьбу о помощи.

Волшебница кивнула:

– Еще хуже, чем мы предполагали. В Долине мертвых, расположенной в самом центре далекого Айгюпта, находится жерло огромной воронки, некогда образовавшейся от действия чудовищно-разрушительного оружия, примененного ушедшими расами. О, это была страшная война, полностью уничтожившая человеческую цивилизацию. Великие Демииурги смогли воссоздать и возродить нашу планету, и сотни лет мы жили в мире и согласии. Но сейчас равновесие Зла и Добра нарушилось. В какой-то стране появился могучий черный маг, безудержно рвущийся к власти. Он непрерывно творит темную волшеббу, выбрасывая в эфир массу негативной энергии. А поэтому тысячи мертвых душ – озлобленных и жаждущих мщения, веками спавших на дне воронки, – внезапно пробудились и вознамерились вновь вступить в битву. Их гложет зависть к живым, и они не успокоятся, пока не выпьют нашу кровь, не сожрут нашу плоть, не иссушат наш разум. Они есть сила Тьмы, оплот ненависти, сердце разрушения, а имя этой силе – Ветер Инферно. Могучий чернокнижник, ставший предателем и отщепенцем, сумел заручиться помощью демонов Нижнего уровня и этим вызывает мощный поток некромантической энергии, пробудившей Ветер Инферно. Теперь миру грозят неисчислимые беды: войны, голод, эпидемии, гибель. И боюсь, только сама королева Смерть способна изыскать способ утихомирить эту страшную силу...

Я печально улыбнулась, пытаюсь постигнуть весь ужас произнесенных волшебницей слов:

– Я должна попасть на остров Ледница и просить поддержки богини?

– Да! – откликнулась Осса. – Если она сможет и захочет помочь. Для этого ей потребуются вы – все шестеро Воинов Судьбы, коим и придется вести бой с

Чернокнижником, Невезением и Ветром Инферно. Будущее нашего мира в ваших руках.

– Мы уже говорили тебе о своей готовности исполнить предначертанное! – мягко напомнила я. – Наше решение неизменно!

– Нет, – отчаянно затрясла головой магичка, – вы пока даже не представляете, через какие опасности предстоит пройти тем, кто осмелится бросить вызов Ветру Инферно! Вас ожидают немыслимые испытания и муки, во много раз превосходящие самую жестокую пытку...

– Не пугай меня, волшебница! – прикрикнула я. – Откажись мы, и подобная участь постигнет всех!

– Верно! – всхлипнула Осса. – Все верно!

– Тогда не будем терять времени, – подвела итог я, отбрасывая ненужные сантименты. – Как попасть на Ледницу?

– О, это трудно, – посетовала Осса. – Остров состоит из льда и не стоит на одном месте, а постоянно дрейфует по водам Холодного моря. Найти путь к острову способен лишь тот, кто видит не глазами, но сердцем, а открыть проход к Храму Смерти сможет только он один – Не знающий промаха стрелок.

– Ничего не понимаю, – криво усмехнулась я. – Ты говоришь загадками, Смотрящая.

Но вместо ответа Осса бессильно развела руками.

– Я рассказала тебе все, что мне поведали Карты Судьбы. Ищи этого проводника в портовом городе Рюнге. И еще – некогда я встречала твою мать и раскидывала для нее Расклад Судьбы. Провидение пообещало, что у нее родится дочь, способная спасти мир, и приказало отдать Феррис некую вещь, испокон веков хранившуюся в Храме Розы...

– Часть пророчества сбылась, – подтвердила я, извлекая из поясной сумки небольшой кожаный ларчик, доставшийся мне от матери. – Я Рогнеда, дочь Феррис. А заветная вещь... – Я откинула крышку шкатулки, Осса заглянула внутрь и со вздохом облегчения указала пальцем на одну из хранящихся в ларчике безделушек.

– Не знаю, что это и для чего оно предназначено, – улыбнулась магичка, – но артефакт не потерялся, а следовательно, он еще выполнит свое предназначение.

– Значит, Рюнге... – с оттенком самовнушения пробормотала я, мысленно уже настраиваясь на новый этап нашего затянувшегося путешествия.

– Рюнге! – подтвердила Осса и начертала в воздухе звезду, призывая на мою голову благословение богини Аолы. – Иди, дочь моя, да хранят вас Пресветлые боги!

Гедрон лла-Аррастиг уже не злился и не бесился. Возможно, по причине того, что все бьющееся в его лаборатории уже было разбито, все хрупкое – расколочено, рвущееся – разорвано, а податливое – разрушено. Чернокнижник сидел на обломке ранее удобного кресла и рассеянно выгрызал засевшие под кожей занозы. Меланхолично сплевывая мелкие щепочки, он совершенно не ощущал боли в обожженных, ставших нечувствительными ладонях, и неотрывно смотрел на разложенные перед ним фигурки Воинов Судьбы. В чем же он ошибся, где допустил промах? Скорее всего, он зря уделил столько внимания их предводителю – Светлой Деве. О-о-о, девчонка оказалась далеко не так проста! Сумела-таки понять, что суть преследующего людей невезения кроется отнюдь не во внешних причинах и факторах, а в людских мыслях и поступках. Поверила в себя, и вот итог – играючи обвела вокруг пальца целую ораву упырей, добыла лекарство и спасла умирающую ведьму.

Некромант заскрежетал зубами, но уже не осмелился даже прикоснуться к вольту Рогнеды, косясь на него с затаенным страхом. На душе кошками скреблась тревога, возвращаясь с пугающей навязчивостью и ехидно нашептывая: «Побежденное княжной невезение перешло на тебя!» Но чернокнижник глубоко вздохнул, расслабил сведенные судорогой мышцы и попытался взять себя в руки. Он не признавал себя побежденным!

«Ладно, – подумал эльф, успокаиваясь и возвращаясь к способности мыслить логически. – Пойду, пожалуй, другим путем! Займусь кем-нибудь менее сильным и находчивым... – Он немного подумал, взвешивая все «за» и «против», и выбрал куклу,

изображающую маркграфа Вольдемара. – Начну все сначала и попытаю счастья с этим слонтяем. – Гедрон мерзко усмехнулся, открыто презирая эмпирю за его доброту и душевную деликатность. – Устрою ему чуток неприятностей, – он улыбнулся почти ласково, собственническим жестом поглаживая безответного вольта, – маленьких таких, со смертельным исходом!»

Конские копыта бойко цокали по усыпанной гравием дороге. Надо сказать, по дороге вполне ухоженной и добротной. Мы еще вчера пересекли отмеченную полосатыми столбиками границу, разделяющую два маркграфства – Эйсен и Рюнхен. Я с немалым облегчением распрощалась с болотистой родиной эмпиров, своей сыростью, пасмурностью и комарьем надоевшей нам всем до одурения. Рюнхенские же земли радовали зеленью роскошных лесов, ближе к побережью грозивших, по обещанию начитанного Тайлериана, перейти в жаркие, перенасыщенные запахом йода солончаки. Это маркграфство, управляемое твердой рукой вдовствующей графини Фриры де Майло, в основном жило поставленным на широкую ногу рыболовным промыслом, да еще торговлей лечебными солями и грязями, приносящими немалый доход. На территории Рюнхена располагался самый крупный антейский порт, город Рюнге – по словам очевидцев, весьма грязный, шумный и плотно населенный. Меня не очень-то прельщала опасная перспектива оказаться в столице маркграфства, ведь там вполне могли обнаружиться соглядатаи, отслеживающие нас с принцем, но, увы, именно туда нам и требовалось попасть. Закон подлости – один из самых живучих и часто применимых приемов, выбираемых коварной судьбой, напрочь аннулирующий все прочие правила. Впрочем, как это показали последние события, по части заковыристых приемчиков мы и сами оказались совсем не дураками.

Припекало. Я утерла потное лицо и тоскливо подняла глаза. Как назло – в небе ни облачка, лишь далеко в голубой выси радостно мельтешит распластанный драконий силуэт. Я завистливо вздохнула. Ему-то хорошо, поднялся повыше и всласть наслаждается свободой, ловит попутный ветерок. Нет чтобы спуститься пониже да и...

– Эй, змеюка летучая! – изо всех сил заорала я, привстав в стременах и изрядно напугав наш заморенный полуденным пеклом отряд. – А ну, подь сюда!

– Ась? – с готовностью отвечивший Трей, со всей дури чуть не грянувший оземь перед мордой испуганно поднявшегося на дыбы Орешка. – Чего изволишь?

– От басурман! – сурово рыкнула я, усмиряя жеребца. – Тебя заставь молиться Аоле, так ты от усердия и лоб себе расшибешь. Ни в чем ты меры не знаешь!

– Ага! – удачно скопировал мое любимое словечко летун, дурашливо ухмыляясь зубастой пастью. – Ну и вредная же ты девка, княжна! Тебя, наверное, мама в праздник строителей родила, вот ты и строишь всех по жизни...

– Цыц! – с напускной суровостью прикрикнула я, пряча улыбку. – Ты и сам не лучше, зело языкат! О боги, дайте мне мудрости и терпения, чтобы крылья раньше времени этому нахалу не оборвать!

– Мудрым и добрым можно считать того, кто, споткнувшись о дракона, называет его драконом, а не... – со вкусом ввернула неприличное словечко подымавшая Кайра, с неприкрытым интересом внимавшая нашей беседе.

Трей задумчиво выкатил глаза, соображая, кого же сейчас обсмеяли, меня или его.

– Первый человек, бросивший ругательство вместо камня, стал творцом цивилизации, – глубокомысленно произнес Тай, подмигивая Кайре. – С тех пор ругательствами бросаются к месту и не к месту. И в этом заключается главная правда жизни!

– Ой, – иронично хмыкнула я, – ну что вы, эльфы, за раса такая въедливая? Так и норовите из любой ситуации развить несанкционированные философские дебаты. А я ведь только и хотела, что попросить выросшего в пустыне, а потому привыкшего к жаре дракона лететь пониже, чтобы прикрыть нас отбрасываемой им тенью...

– Нехорошо, – лицемерно ухмыльнулся принц, первым тут же пристраиваясь точно под летуном и невозмутимо продолжая путь, – извлекать выгоду из всего и всех! Надо же,

решила использовать друзей. Какая же ты эгоистка, княжна!

– Может, и нехорошо, зато практично! – насмешливо буркнула я. – И это тоже правда жизни, еще почище чем твоя!

– А в чем она состоит на самом деле, эта ваша правда? – окликнул нас дракон.

– Правда в том, что все вокруг врут! – Я показала принцу язык, намекая на его заумные философские изыскания. – Всю жизнь!

– А в чем тогда смысл жизни? – совсем растерялся простодушный Трей.

– В том, чтобы своевременно научиться извлекать правду из всего, даже из вранья и неприятностей. Пока тебя не убили! – язвительно провозгласила я.

– Круто завернула! – припух дракон. – Жаль, что ты не драконица. Я бы тогда в тебя точно влюбился...

– Еще чего! – Я состроила Трею глазки.

Кайра обидно расхохоталась, бормотнув что-то про нашу нетрадиционную сексуальную ориентацию. Тайлериан недовольно фыркнул.

Невдалеке показалась опушка небольшого лесочка, обещающего долгожданную прохладу и отдых. Все облегченно вздохнули.

– Вот прикинь, – не желал сдаваться приободрившийся эльф, – например, кто-то вляпался в крупные неприятности и кричит: «Спасите, помогите!» Как ты собираешься извлекать выгоду из подобной нелегкой ситуации?

Я почесала в затылке и только открыла рот, собираясь выдать ехидный ответ, как неожиданно до нашего слуха донеслись хриплые вопли, без сомнения шедшие из того самого лесочка.

– Помогите, люди добрые, Аолой заклинаю! – жалобно выводил сиплый мужской голос. – Спасите, убивают!

Мы с принцем шокированно переглянулись.

Как уже неоднократно подтверждалось на практике – все законы подлого невезения писаны специально для неудачников. Для счастливчиков придуманы законы везения. Правда, я уже окончательно пришла к выводу, что границы везения и невезения весьма расплывчаты и подвержены смещению. Оставалось доказать это остальным.

Приглядевшись к кричавшему, я возмущенно охнула и, пришпорив Орешка, резвым галопом поскакала к лесу, ибо в призывающем на помощь мужчине я с первого взгляда опознала опального владыку славного града Эйсенвальда – Вольдемара Эйсенского. Честно говоря, сейчас молодой маркграф не производил впечатления грозного повелителя, а смотрелся тем, кем и являлся на самом деле – беззащитной жертвой. Толстые веревки, плотно обвивающие тело эмпир, удерживали его в отнюдь не самой удобной позе, плотно притиснув к шершавому стволу раскидистого бука. Из одежды на Вольдемаре оставались лишь кожаные штаны, выставляя на всеобщее обозрение не отличавшийся особо развитой мускулатурой торс. Плечи украшали ссадины, под глазом наливался синяк. Парадоксально, но при каждой нашей встрече эмпир неизменно носил следы побоев, при этом умудряясь оставаться вполне милым и привлекательным. Да он само невезение во плоти! Ходячая иллюстрация к фразе: за одного битого двух небитых дают. Во всяком случае, я бы дала, хотя Вольдемар совсем не выглядел тем долгожданным подарком судьбы, коим он на самом деле являлся для меня. Но это было неважно, потому что я наконец-то обрела пятого Воина Судьбы, на воссоединение с которым надеялась с тех пор, как фрау Осса рассказала мне про Храм Смерти на острове Ледница. Я ведь знала, что маркграф намеревался отправиться именно туда, а следовательно, неизбежное пересечение наших путей оставалось вопросом времени и ничего другого. При этом следовало помнить, что в недалеком будущем нас поджидала неминуемая встреча с еще одним избранным персонажем, правда, отнюдь не таким добрым и безобидным, как Вольдемар...

– Ах! – воскликнула Лизелотта, всплескивая руками и легкокрылой птичкой слетая с лошади. – Любимый мой!

Любимый ответил нечленораздельным мычанием. Отчасти по причине потери сил, отчасти из протеста.

Но девушка не обратила ни малейшего внимания на его возмущенные стоны и бросилась развязывать веревки, вгрызаясь в них чуть ли не зубами.

– Лиззи, ну зачем так-то?! – укорила я.

Магичка виновато покраснела, с ее ладони сорвался небольшой огненный сгусток, и спустя мгновение маркграф обрел свободу, неловко повалившись на руки подхватившего его принца.

– И кто же умудрился поймать высшего эмпиря? – с недоумением спросила я, бродя вокруг дерева и пытаясь отыскать следы неведомых похитителей.

– Очевидно, у них имеются сильные защитные амулеты, – не оборачиваясь, просветила меня ведьмочка, склонившаяся над лишившимся сознания возлюбленным. – Они нейтрализуют его чары.

– А твои? – поинтересовалась Кайра, не убирая руки с рукояти рапиры.

Лизелотта пожала плечами:

– Возможно, но я...

– Не возможно, а точно! – Глумливый бас прервал ведьмочку на половине фразы. – И уж поверь, дорогуша, он не подделка. Куплен у знаменитого рюнхенского мага. Пришлось за эту побрякушку кучу золота отвалить, но она того стоила!

Кусты, начинавшиеся прямо за буком, раздвинулись, и из них вышли пятеро хорошо вооруженных мужчин, все как на подбор имевшие весьма внушительное телосложение.

– Отличную ловушку придумал наш атаман, – осклабилась все тот же разговорчивый верзила. – Так я и знал, что на всхлипы этого красавчика откликнутся какие-нибудь не шибко осторожные путники. А тут мы их и цап-царап! – Разбойник довольно хохотнул. – Кошелек или жизнь, глупцы!

– Ну вот еще! – громко возмутилась Кайра, обнажая рапиру. – Вы вообще кто такие?

– Нас называют бандой Урфины, – почти галантно поклонился разбойник, – и мы самые известные в этих местах грабители. Можно сказать, рекордсмены по числу убитых путешественников. Хочешь присоединиться к нам, девочка? – Он сально подмигнул оторопевшей от подобной дерзости Витке, так и притягивающей похотливые взгляды разбойников. – Мы тебя славно отжарим, ласково. А за жизнь свою не бойся, обидеть такую красотку у меня рука не поднимется...

– А жарить вы ее, значит, ногами станете? – с намеком спросила я.

– Ой, а как это? – с нездоровым любопытством заинтересовался несовершеннолетний отрок Михась.

Кайра сердито нахмурилась:

– Мал еще таким интересоваться!

Разбойник окинул меня оценивающим взглядом и презрительно оттопырил губу:

– Ты, чернявая, тоже на что-нибудь сгодишься, например, горшки мыть!

– Ага, размечтался, уже бегу-спотыкаюсь! – пообещала я, вытаскивая сабли.

Увидев мои тонкие легкие клинки, разбойники разразились гомерическим хохотом, мгновенно извлекая из ножен здоровенные полуторники, а в руках у самого тощего появился отличный, уже заряженный, арбалет.

– О-хо-хо, – скорчив скорбную мину, тяжело вздохнул принц. – Откуда же вам знать, деревенщины неотесанные, что если побить рекорд никак не удастся, то возникает желание побить его обладателя...

– Сам ты деревенщина! – не на шутку обиделся разбойник, поигрывая мечом. – Мочи его, ребята...

– Неправильно говоришь! – вдруг насмешливо прилетело сверху. – Вот лично мне больше по вкусу девиз: «Уходя – мочи всех!»

Разбойник посмотрел вверх, побледнел и издал сдавленный хрип. Над кроной высоченного бука завис злорадно ухмыляющийся дракон.

– Ты кто? Птичка? – с трогательной наивностью спросил верзила, видимо не веря собственным глазам.

– Да нет, – подумав секунду, не согласился Трей, – я, кажись, малость покрупнее воробья буду. Но зато ужас как люблю птичек, рыбок и разбойничков, особенно под мальвазию да с гарнирчиком...

– А я это, костлявый! – обреченно приврал разбойник.

– Ага, верю-верю! – Дракон окинул плотоядным взглядом его упитанное тело. – Ничего, разжую!

– Клод, стреляй в гада крылатого! – словно опомнившись, отчаянно заорал грабитель.

Арбалетчик нажал на спусковой крючок... Увесистый болт свистнул в воздухе и... замер, на лету пойманный ловкой драконьей лапой. Трей сердито прищурил глаза и поковырялся в зубах железным наконечником болта.

– Я же говорил, с зубами у меня порядок! А вот с оскорблениями ты зря поторопился, – он оскалил внушительные клыки, – я ведь тоже жарить умею... ласково... – И из распахнувшейся драконьей пасти полился яркий огненный поток.

Разбойники истошно завизжали, словно поросята под ножом мясника, но было уже поздно...

Обожженные, закопченные рекордсмены робко отползали в кусты, побросав оружие и тихо подвывая от боли.

– Пусть живут, – великодушно разрешил дракон, – авось умнее станут!

Пошарившись в окрестностях малость подпорченной огнем полянки, я отыскала брошенную разбойниками добычу, среди которой нашлись и вещи, принадлежавшие Вольдемару. Сегодняшних приключений нам хватило с лихвой, поэтому, наскоро посоветовавшись, мы решили устраиваться на ночлег, а путь в Рюнге продолжить следующим утром. Провозившись с одеялами, лошадьми и приготовлением немудреного ужина, мы как-то не заметили, что подкрались сумерки. Небо потемнело, обещая приближающийся дождь, и правда вскоре настойчиво забарабанивший по раскидистым ветвям могучего бука. Притулившись к его толстому стволу, мы снисходительно прислушивались к недолетающему до нас водяному стаккато.

– Под каким деревом сидит заяц во время дождя? – привычно спросила я.

– Под мокрым! – от души рассмеялся принц, любовно поглаживая золотые косы уснувшей у него на коленях Витки. – А я уже начинаю привыкать к твоим загадкам, Рогнеда! Кстати, вот тебе еще одна в коллекцию. – Он выудил из кармана и небрежно бросил мне в ладони крупный вишневый камень, прикрепленный к серебряной цепочке. – Разбойник обронил. Уверен, это и есть тот самый подавляющий магию амулет. Ну я и подобрал. Думаю, грех такому добру без дела пропадать.

Лизелотта, время от времени заботливо косившаяся на умотавшегося Вольдемара, мирно посапывающего под теплым эльфийским плащом, пальчиком потрогала камень и восхищенно пискнула:

– Тай, ты не ошибся, это он! Действительно старинный и очень сильный артефакт.

Я без лишних слов приняла дар Тайлериана и повесила его себе на шею.

– А мне вот кое-что другое интересно, – тихонько промолвила молчавшая до этой поры Кайра. – Мерзавец упомянул, что их называют бандой Урфины. Поправьте меня, если я не права, но, по-моему, Урфина – это женское имя?

– Точно, – подтвердил Тай, – причем, насколько я вообще разбираюсь в именах, дворянское...

– Хр-р-р! – авторитетно поддержал Михась, самозабвенно давивший храпака, невзирая на барабанивший по листьям дождь и наши разговоры.

– Красивое и благозвучное, – подал голос сонный дракон. – Как у принцессы!

– Много ты в принцессах понимаешь! – насмешливо съязвила я.

Трей сердито засопел:

– Да мне вообще-то для счастья и княжны хватает, жутко вредной и склочной особы!
Я примирительно вскинула руки:
– Все, молчу. Признаю, ты стал достойным оппонентом в поддевках и пикировках!
– Ага! – нахально подтвердил летун. – С кем поведешься, так тебе и надо!
Все рассмеялись.
– У принцессы, – задумчиво повторил Тай, – принцессы... – Он вынул из футляра гитару, что-то неразборчиво помурлыкал себе под нос, перебирая струны и подкручивая колки, а потом запел, нежно и проникновенно:

Принц уехал за моря,
В чужедальние края,
А принцессе что досталось?
Только ждать его осталось.
Ночью глаз ей не сомкнуть,
Заметает снегом путь,
Время – прах, метет... метет,
И в разлуке жизнь идет.

Вот промчался год, другой,
Милый, где ты, что с тобой?
У окна она сидит,
На дорогу все глядит,
Никому не отвечает,
И других – не замечает.
Видно, нрав у ней таков —
Отвергает женихов.

Много времени прошло,
Много солнце раз взошло,
На висках уж серебрится,
А она – еще девица.
Сколько сваталось мужчин,
Ей же замуж – нет причин.
Руку им – не отдала,
И любовь – не предала.

Застилали слезы взоры,
Палец – на стекле узоры
Выводил... Уж жизни путь
В мрак готовился свернуть.
Только как-то на дороге
Заскрипели страшно дроги...
Так ей принц и не достался,
Раньше с смертью обвенчался...

Нету слез. Она лишь только
Обняла его легонько,
И на лоб его на белый
Поцелуй кладет несмелый.
В башню тихо поднялась,
В тонкий саван облеклась,
Вышла на резной карниз

И на камни... с башни... вниз...

– Красиво! – жалостливо шмыгнула носом Лиззи после того, как в тишине отзвучали последние слова лирической баллады. – Вот она такая, значит, любовь...

– В жизни все намного жестче и прозаичнее, – протестующе парировал твердый женский голос. – Да и я не принцесса вовсе, а всего лишь маркиза. Не стала я себя убивать, хоть и, каюсь, возникало такое желание. Сбежала просто из своего убогого домишки да разбойничать начала. А он... он так до сих пор и не женился, несмотря на все увещания матери...

– Вы кто?! – дружно воскликнули мы. – Вы где?!

– Здесь, – спокойно откликнулась незнакомка, выходя из темноты и подсаживаясь к нашему скромному костерку. – Ну давайте знакомиться, я и есть та самая пресловутая Урфина – атаманша и разбойница!

Негромко потрескивал костер, освещая наши перекошенные от удивления лица.

– Я так понимаю, что он – это, скорее всего, наследный виконт Рюнхенский, Гюр де Майло? – будничным тоном уточнил принц.

Разбойница чуть заметно кивнула.

– М-да-а-а, не повезло вам с ним, однако... – сочувственно протянул Тай. – Его матушку-графиню недаром Фригидрой прозывают. На редкость мстительная, амбициозная и стервозная особа.

Я молча рассматривала Урфину. На вид девушка вряд ли была старше меня и вдобавок обладала атлетической фигурой, сильно смахивающей на мою собственную. Из-за плеча воительницы виднелась рукоять роскошного эльфийского клинка. Мягкий замшевый костюм для верховой езды выгодно подчеркивал гибкий стан и завидную форму соблазнительных ног. А длинные каштановые волосы, зеленые глаза и чуть смуглое лицо с правильными чертами вполне позволяли назвать маркизу красавицей. Заметив мою заинтересованность, девушка иронично усмехнулась и ответила мне упрямым, не менее критическим взглядом. Я быстренько постаралась придать своим нахальным глазам самое безразличное выражение.

– А может, я эту графиню зловредную того?.. – Дракон выразительно чиркнул когтем по своей толстой шее. – Какой с меня спрос? Типа, тварь тупая прилетела, съела бабу и не поморщилась...

– А если этакая язва у тебя поперек горла встанет? – ехидно хмыкнула Урфина.

Трепс мутился.

– Расскажи нам все подробно! – потребовала Лизелотта, протягивая к костру раскрытые ладони, словно стремясь впитать струящееся из огня тепло.

Разбойница недоуменно приподняла брови.

– Расскажи! – настойчиво повторила магичка. – Кажется, я нашла зацепку...

Урфина равнодушно, жестом застарелого и уже отболевшего горя пожала плечами, начиная повествование:

– Мой отец родился единственным сыном могущественного лорда Хольмвудского. Видимо, он и положил начало странным любовным историям, преследующим нашу семью. Несчастливым и безрассудным. Молодой маркиз влюбился в дочку мелкопоместного шляхтича – не чету себе, презрел волю родителей, поссорился с отцом, сбежал из отчего дома и вступил в неравный брак. Разгневанные родичи проклинали молодоженов, лишив наследства. А потом на свет появилась я. Помню, отец с матерью ютились в ветхом деревенском домишке, единственной ценностью в котором стала их неугасающая взаимная любовь. Умерли они пять лет назад, в один день – от черной лихоманки, охватившей всю провинцию. Мне чудом удалось выжить. А два года назад на охоте я случайно повстречалась с сиятельным Гюром, виконтом Рюнхенским. Мы влюбились друг в друга с первого взгляда. Но его высокомерная мать не согласилась на наш брак, посчитав бездомную девицу недостойной титула наследной виконтессы – ведь у меня ни гроша за душой, да и дворянство

мое весьма сомнительно. По закону я вроде бы являюсь маркизой Хольмвудской, но в реальности... – Урфина скорбно махнула рукой. – Я никто, и звать меня никак.

Со стороны нашей компании полетели соболезнующие вздохи.

– Вот, собственно, и все, – закончила печальный рассказ девушка. – Я подалась в леса и начала жить разбоем, а Гюр с тех пор отвергает всех невест, предлагаемых ему матерью.

– А убитые? – осторожно напомнила я.

– Какие убитые? – искренне изумилась лихая атаманша.

– Твои подельники их нам поименно перечислили, – не дрогнув, без запинки солгала я.

Пару минут девушка смотрела на меня с искренним недоумением, а потом весело расхохоталась:

– А-а-а, – фыркала она, давясь хохотом, – это вам Лог наплел! Я ему велела так говорить, чтобы народ пугался да сам кошельки отдавал. Не убивали мы никого, а грабили, в основном, богатеи! – И столько неподдельной искренности звучало в ее голосе, столько отчаяния и одновременно не убитой невзгодами доброты светилось в ее чистых глазах, что ни один из нашей компании ни усомнился в правдивости слов несчастной влюбленной девушки.

Я пристыженно отвела взор, чувствуя за собой вину в несправедливых обвинениях.

– Все нормально, – самокритично усмехнулась благородная разбойница, – поделом мне!

– Нам нужно срочно попасть в Рюнге, – вдруг хрипло произнесла Лиззи, продолжавшая упорно смотреть в танцующие на углях язычки пламени. – Я вижу смерть, способную изменить судьбу всего маркграфства...

– Ну надо так надо. – Неожиданно для самой себя я поддержала молодую магичку, ощутив странный укол интуиции, подсказавший – события вдруг начали развиваться своим, почти не зависящим от нас путем...

Путем, несущим нам новый виток судьбоносных свершений!

Рюнге не произвел на меня благоприятного впечатления. Я брезгливо морщила нос, приносясь к отвратительному запаху гниющей рыбы, так и струящемуся с каждой улицы, из каждого переулочка. Столица казалась мне живым существом, лениво ворочающимся в куче отбросов, погрязшим в лени и неопрятности. Ведь каждый город изначально несет отпечаток затаенной сущности населяющих его людей. Является этаким концентрированной смесью, состоящей из невысказанных желаний, нереализованных планов, несбывшихся надежд. Каждый построенный людьми город есть не что иное, как их коллективное эго в своей наивысшей, замершей в пространстве и времени форме. Эйсенвальд навсегда останется для меня холодным, высокомерным и чопорным, родной Берестянский – проказливым, будто скоморох, разудало отплясывающий под треньканье балалаек и залихватские напевы гармошек. Наррона поражала великолепием и богатством, а Рюнге... он напоминал пожилого, разжиревшего от обжорства толстяка, вульгарно отрывигающего не переваренные остатки. Страшно подумать, но где-то здесь моего появления терпеливо поджидал искусно затаившийся враг, ставший для меня желаннее друга... Моя неправильная и несвоевременная любовь оказалась совершенно под стать этому городу, предназначенному сыграть роль декорации для нашего первого свидания... Все это печалил меня безмерно, вгоняя в депрессию, тяжелую и липкую, будто затхлый портовый воздух.

Но, похоже, остальные ничуть не разделяли моего предвзятого мнения, с восторгом разглядывая и однообразные серые здания, и переполненные народом площади. Восемь всадников на лошадях (Трей остался в холмах за городом) образовали довольно внушительную кавалькаду, перегородившую улицу от дома до дома. На нас обращали внимание. И немудрено, поди, не каждый день в этом заваленном нечистотами городе появляется столь блистательная команда. Не знаю, как со стороны выглядела я, но народ ошеломленно таращился нам вслед, буквально дурея от потрясающего набора контрастов,

демонстрируемого нашим отрядом. Рыжие патлы Михася и его конопатый нос только оттеняли ослепительную красоту золотоволосой Витки, а полускрытый широким плащом горб принца Тая мирно соседствовал как с величавой осанкой Вольдемара дер-Сольен, так и с намеренно скромным обликом Лизелотты Беренбаум, за версту выдававшим в ней магичку. На руках у Лиззи оживленно попискивала весьма довольная оказываемым ей вниманием крыса Грымза. С момента своего выздоровления, произошедшего не без помощи моей хвостатой напарницы, добрая девушка успела крепко подружиться с забавной зверюшкой. Ну а мы с Кайрой и Урфиной, по-видимому, вполне сошли за трех телохранительниц, сопровождающих столь блистательных путешественников.

Выше по переулку вдруг раздались громкие недовольные крики, подкрепленные многоэтажной руганью, и из-за угла выскочила поджарая мускулистая лошадка, которую нещадно подгонял молодой, столь же сухощавый наездник. Кафтан юноши украшал герб, вышитый шелковыми нитями и изображавший тигровую акулу – символ маркграфства Рюнхен. Нас с Орешком чуть не снесло в ближайшую сточную канаву, заваленную протухшими объедками, когда растрепанный всадник молнией промчался мимо, лишь чудом умудрившись никого не задеть и не сбить с ног.

– Что случилось, где горит? – окликнул его Тай.

– Я с поручением его светлости виконта де Майло! – отработанной скороговоркой зачастил гонец, умело придерживая норовистую лошадь. – Вчера в своей столичной резиденции скончался престарелый лорд Хольмвудский, в завещании отписавший все свое имущество единственной внучке – маркизе Урфине Хольмвудской. Маркграфиня Фрира и виконт Гюр приказали срочно отыскать миледи, ставшую наследницей одного из самых значительных состояний в маркграфстве. Глашатаи направлены во все города и деревни государства... – И посланец вихрем ускакал прочь.

– Ты знала! – Урфина повернула свое зардевшееся от радости лицо в сторону Лиззи и порывисто схватила магичку за рукав. – Это ты заставила моего деда написать такое завещание и признать меня знатной дамой?

Лизелотта нежно улыбнулась:

– Я увидела последние часы твоего деда и совершила самую малость – пробудила в нем совесть и раскаяние. Он умер счастливым!

– О! – только и смогла вымолвить бывшая разбойница. – Благослови тебя Аола!

Принц благодарно погладил волшебницу по щеке, а я посмотрела на нее уважительно. Вот тебе и скромная, тихая девочка!

Дальнейшие события развивались по нарастающей. Мы прибыли в маркграфский дворец, где имели удовольствие лицезреть бурную встречу наследного виконта и его прелестной невесты. Гюр обладал блондинистыми локонами, широкими плечами и невыразительным лицом, по моему мнению – немного инфантильным и простодушным. Но предательская слезинка, скатившаяся из его голубых глаз, красноречиво подтверждала силу пылкого чувства, связавшего вдосталь настрадавшихся влюбленных. Заключив друг друга в объятия, Гюр и Урфина уже не размыкали сцепленных рук, словно боялись вновь оказаться разлученными. Лицемерная маркграфиня одарила Урфину материнским поцелуем, называя дорогой дочкой и высокопарно приветствуя богатую невесту своего единственного сына. По-видимому, алчную Фриру совершенно ослепил блеск Хольмвудского золота.

Мы отклонили наигранно навязчивое гостеприимство госпожи маркграфини и отправились искать приличный постоялый двор. На прощание я интимно подхватила виконта Гюра под локоток и отвела в сторонку.

– Скажите, ваша светлость, – мило улыбнулась я, невинно хлопая ресницами, – не проживает ли в вашем славном городе человек или не человек, называемый Не знающим промахом стрелком?

Гримаса панического ужаса исказила флегматичное лицо наследника престола.

– Боги, – возмущенно выдохнул он, – зачем такой симпатичной девушке, как вы, понадобился этот слепой мерзавец?!

– Гоблины! – поразила я. – И как это я сразу не постигла столь очевидного факта: стрелять, глядя на цель не глазами, а сердцем, способен только слепой!

Гюр де Майло брезгливо поморщился:

– Он еще и эльф к тому же, а проживает где-то возле порта и якшается с самыми отпетыми разбойниками, коих в столице немало. Слепец по-настоящему опасен и пользуется дурной славой. Вы еще не передумали и по-прежнему желаете его видеть?

Я сложила губы бантиком, строя умильную мордочку. Виконт натянуто улыбнулся, демонстрируя безупречную тактичность:

– Ну хорошо, мне кажется, что вы способны постоять за себя и дадите отпор любому наглецу. Ищите слепого эльфа в харчевне «Хромой шкипер». Да-да, именно там, – подтвердил он, видя мое удивление. – Хотя сочетание «слепой – хромой» больше смахивает на неловкую попытку скаламбурить... – Юноша вежливо поклонился, повернулся на каблуках и почти побежал догонять уходящую по коридору Урфину, окруженную лебезящими перед ней придворными.

Я задумчиво смотрела ему в спину.

«Ну и ну, – промелькнуло у меня в голове, – кажется, наш поход на остров Ледница принимает весьма неожиданный оборот. Какой проводник из слепца? А впрочем, почему бы мне не разузнать об этом у него самого?»

Как это ни странно, харчевня «Хромой шкипер» оказалась не таким уж отталкивающим местом, чего я ожидала после страшилок, рассказанных мне виконтом де Майло. Напротив, она выглядела вполне чистой и комфортной. Придерживая спрятанный в рукав кинжал, я вальяжной походкой вошла в общий зал, цепко осматриваясь. Довольно просторное помещение переполняли подвыпившие посетители. За длинным дощатым столом устроилась артель рыбаков, молча поглощавших умопомрачительно благоухающий буйабес. По соседству с ними азартно резалась в кости стайка дюжих девиц, которых отличали бросающаяся в глаза армейская выправка и однотипная воинская экипировка. У стойки зависла парочка слащавых хлыщей, явно из числа захудалых провинциальных шляхтичей, тщетно стоивших глазки равнодушным к их стараниям валькириям. За полуотодвинутой ширмой виднелся более изящный столик, где чинно угощался жарким богато разодетый купец, чувствовавший себя в полной безопасности под присмотром здоровенного телохранителя. У двери лениво позевывал смуглый вышибала, иногда предостерегающе поигрывая татуированными бицепсами. А за самым дальним, угловым столиком лицом к залу сидел худощавый, болезненно бледнокожий мужчина, чьи черты почти полностью скрывали белоснежные, свисающие ниже пояса волосы.

Сердце мое предупреждающе екнуло...

Я шла через зал, чеканя шаг и звонко выстукивая каблуками по деревянному полу. Мне не хотелось подкрадываться незаметно. Меня привело важное дело, и я намеревалась загодя продемонстрировать сидевшему в углу эльфу всю серьезность своих намерений. Шум в зале постепенно стихал по мере моего приближения к столу с сидящим за ним белокурым незнакомцем. Люди провожали меня недоуменными взглядами, отображающими всю гамму обуревавших их чувств – страх, недоверие, недоумение. Мне оставалось пройти совсем немного, когда я наконец-то рассмотрела – волосы эльфа отнюдь не были белыми от рождения. Его изящную голову покрывали сплошь седые пряди, тускло отливавшие в неярком свете ламп чистейшим серебром. Видимо, это удивительное открытие застало меня врасплох, заставляя сбиться с размеренного шага, потому что эльф поднял голову, чутко прислушался и иронично усмехнулся. Я содрогнулась...

Седовласый оказался молод и ослепительно красив. Не знаю, какие возвышенные эпитеты понадобились бы для того, чтобы в полной мере передать невероятную прелесть этого высокого лба и черных как смоль бровей, напоминавших две полоски туши, нанесенные на белый шелк. На чуть впалых щеках юноши играл легкий румянец, нос поражал безупречностью формы, а губы пленяли изысканностью изгиба. Тонкие пальцы

поглаживали лежащий на столе небольшой лук, выполненный из кости и инкрустированный жемчугом с перламутром. Перед эльфом стояла полупустая кружка с элем. Все это смотрелось вполне нормальным и обыденным, если бы не одно страшное но – у красавца не было глаз! На их месте располагался ужасный, криво и безобразно заживший рубец, проходивший через переносицу и пересекавший глазницы от виска до виска.

– Что же ты медлишь, девушка? – насмешливо спросил эльф благозвучным, будто напев флейты, голосом. – Проходи и садись! – Его длинные ногти недовольно чиркнули по столу, и посетители харчевни тут же отвернулись, чересчур старательно изображая оживление и возобновляя свои разговоры, прерванные моим появлением.

Мы с эльфом словно перестали для них существовать. Юноша презрительно хмыкнул, выжидательно обращая ко мне свой уродливо-прекрасный лик.

И тут меня захлестнуло злое возмущение. Что это он о себе возомнил? Он ведь все-таки не упырь и не умертвие. Я нахально зацепила ногой свободную табуретку, подтащила ее к столу и раскованно уселась напротив слепца.

– Румяный, с луком, а не пирожок! – с иронией поддразнила я.

Юноша весело рассмеялся и убрал руку с лука, вольготно откидываясь на стену и принимая расслабленную позу.

– Эльф, конечно! – ответил он. – Здравствуй, дочь тролля!

– Откуда тебе известно мое происхождение? – в очередной раз удивилась я.

– Приходилось встречаться с этой достойной уважения расой, – с готовностью пояснил юноша. – Это их отличительная черта – врожденная любовь ко всякого рода шуткам и розыгрышам плюс хорошее чувство юмора! – Он резко наклонился вперед и почти невесомо прикоснулся к моему лицу, вскользь проведя своими гибкими, прохладными пальцами по губам, скулам и подбородку. – Э-э-э, да здесь не обошлось без участия утонченной и знатной матери. Она эльфийка?

– Сильфида! – с невольной гордостью поправила я. – Княгиня и повелительница!

Эльф согласно кивнул:

– И красавица тоже! Со временем ты станешь точно такой же!

– Ничего подобного! – возмутилась я. – Ненавижу лесть. Я толстая и некрасивая.

Слепец не стал вступать со мной в спор, а только улыбнулся – хитро и снисходительно.

– Чего ты хочешь, княжна?

– Попасть на остров Ледница! – Я решительно стукнула кулаком по столу. – Как можно скорее и любой ценой.

Эльф возбужденно присвистнул.

– Это чрезвычайно опасно! Путь на остров скрыт туманом и льдами. Однажды я уже побывал в этом мрачном месте. Путешествие стоило мне... – Он красноречиво прикоснулся к своему жуткому шраму. – В паломничестве на Ледницу меня сопровождала смертная подруга из расы людей – жрица Смерти по имени Бригитта. У нее имелся некий волшебный предмет, способный указать дорогу через Холодное море и привести на остров. Позднее Бригитта умерла от старости, и ее погребли в построенной возле Рюнге часовне. Жрицу объявили святой, а волшебную реликвию похоронили вместе с ней.

– И что представляет собой эта реликвия? – поинтересовалась я, понижая голос.

– Не знаю, – с издевкой усмехнулся эльф. – Предупреждаю, твоя затея безумна и обречена на провал. Но если ты все же хочешь посетить Ледницу, то сходи в часовню и найди старинный артефакт... – Очевидно, он отнюдь не горел желанием снова попасть в Храм Смерти.

– Ага! – хмыкнула я. – Похоже, предприятие обещает быть не таким простым, каким оно кажется на словах...

На губах слепца заиграла еще более хитрая улыбка, намекая на скрытые ловушки. Все это мне не нравилось.

– Слушай, – продолжила расспросы я, – а почему тебя называют Стрелком?

Эльф указал на костяной лук:

– Оружие из Храма Смерти. К нему прилагались парные стрелы, оканчивающиеся совершенно особенными наконечниками, именуемыми Когтями Хаоса. Ворота Храма сторожат бессмертные гидры, пожирающие любого, дерзнувшего нарушить покой богини. А убить чудовищ способны лишь Когти Хаоса. Один наконечник у меня есть, а вот второй раскрошился и сломался. До меня доходили слухи, что в мире существует еще и запасной Коготь Хаоса, но, похоже, это просто сказка. Так что лучше забудь про Ледницу, девушка. Даже если ты найдешь путеводный артефакт, мы не пройдем мимо гидр и погибнем в зубах тварей...

– Нет, – спокойно сказала я, пошарила в сумке и вынула костяную вещицу, ранее принадлежавшую моей матери и подаренную ей фрау Оссой, – не думаю, что ты прав. Мы не погибнем. Вот запасной Коготь Хаоса, Стрелок!

Я вложила наконечник в холодные пальцы слепца. Эльф судорожно сжал ладонь, категорически отказываясь верить в происходящее.

– Пресветлые боги! – потрясенно воскликнул он. – Где ты его взяла?!

– Неважно, – отмахнулась я. – Так ты поведешь нас на остров, Не знающий промаха стрелок?

По горлу эльфа прокатился тугой комок, порождая сипение и клокотание.

– Нас? Ты сказала нас? – Он почти задыхался от волнения. – Бригитта упоминала о том, что когда-нибудь найдутся смельчаки, решившиеся бросить вызов судьбе и желающие раскрыть самые страшные тайны этого мира...

– Вот мы и нашли! – подтвердила я. – Нас собрал Расклад волшебных карт, нас ждали Смотрящие сквозь время, и мы называемся Воинами Судьбы! Что ты скажешь на это, Не знающий промаха?

Не раздумывая ни минуты, слепец достал из висевшего у него на поясе кошель свой Коготь Хаоса и положил его рядом с тем, что отдала ему я.

– Посети часовню святой Бригитты и принеси артефакт, похороненный вместе с моей умершей возлюбленной. И тогда, клянусь богами, я поплыву с тобой на остров Ледница!

– Хорошо, Стрелок, – словно скрепляя устный, отныне связывающий нас договор, я благодарно пожала его бледные пальцы, – я принимаю твоё условие.

Я подошла к стойке. Стоявшая за ней хозяйка, довольно молодая и привлекательная женщина, встретила меня хмурым неприветливым взглядом. Похоже, ей, как и всем присутствующим в зале, тоже не нравился слепой посетитель.

– Скажите, уважаемая госпожа, не останавливался ли у вас красивый темноволосый дворянин? – как можно небрежнее осведомилась я.

– А зачем тебе понадобился господин Зорган? – Лицо трактирщицы из просто неприветливого превратилось в откровенно враждебное.

«Ага, – невесело подумала я, – вот и я прокололась. Похоже, эта милашка влюблена и всецело находится во власти чар нашего симпатичного мерзавца!»

– Ой, не сочтите это лестью, бесценная хозяйка, – приторно-медовым голосочком пропела я, – но я увидела его на улице и пошла за ним следом. Он-то и привел меня в ваше достопочтенное заведение. Я сразу смекнула, что такой импозантный господин мог поселиться только в действительно хорошем месте, а значит, мне повезло, я ведь как раз свободные комнаты ищу!

По-видимому, особым умом трактирщица не блистала и приняла мою побасенку за чистую монету. Немного подобрев глазами, она сменила гнев на милость.

– Ну вообще-то три-четыре незанятые комнаты у меня найдутся, – еще колеблясь, нерешительно протянула она.

Я немедленно выложила на стойку четыре золотых.

– Беру их все. Думаю, дня на два. – И, желая окончательно задобрить трактирщицу, добавила: – Когда будем съезжать, заплачу еще столько же!

Вполне ухоженные пальцы жадно сгребли задаток. Перед моим носом появились

четыре увесистых ключа.

– Ладно, будь по-твоему, – словно через силу буркнула хозяйка. – Хотя, нужно признать, ты мне совсем не нравишься. Есть в тебе что-то такое, – женщина неопределенно повела пышными плечами, – опасное...

– Да вы что, добрая госпожа?... – дурашливо пронила я. – Мы с друзьями прибыли посмотреть на свадьбу его милости виконта де Майло, а тут и выяснилось, что в городе все гостиницы заняты...

– Хм! – скептически хмыкнул трактирщик. – Неужели наследник наконец-то надумал жениться?

– Ага! – ликующе объявила я и добавила умоляющим тоном: – Красавица, дайте напиться, а то так есть хочется, что аж переночевать негде!

– Не паясничай, – хихикнула купившаяся на комплимент хозяйка и подтолкнула ключи от комнат поближе ко мне, точно под руку: – Гоблин с тобой. Зови своих друзей, и заселяйтесь!

Спустя полчаса мы уже сидели за заставленным тарелками столом и с наслаждением уписывали обед из трех блюд. Принц заботливо подливал вино в кружку Витки, любуясь аппетитом выздоровевшей девушки.

– Скажи, эльф, вот тебе что больше нравится, вино или женщины? – Насытившийся и пришедший в благодушное настроение эмпир шутливо пихнул Тайлериана в бок, втягивая в разговор.

– Ну это смотря какого они года производства! – иронично фыркнул принц и тут же получил от меня ложкой в лоб.

Вольдемар понимающе ухмыльнулся:

– Кажется, наша дорогая княжна оценивает мужчин по собственной эксклюзивной мерке...

– Еще бы, – провокационно поддел принц, страдальчески потирая ушибленный лоб и пытаясь показать, что я ударила его слишком сильно. – В простых мужчинах она ищет талант, а в талантливых – простоту...

– О боги, – подыгрывая им, трагикомично простонала я, закатывая глаза, – дайте мне мудрости, чтобы понимать мужчину. Дайте любви, чтобы прощать все его выходки. Дайте терпения, чтобы приноровиться к перепадам его настроения. А вот силы, заметьте, боги, не прошу. Потому что прибью его на фиг...

Юноши весело заржали.

– Как все у вас сложно, однако, – бесхитростно вздохнула Витка. – А по мне, так настоящий мужчина тот, кто девушку раздеть хочет и на ее наряды не скупится... – И она кокетливо приподняла подол сарафана, хвастливо выставя ножку, обутую в новенький башмачок на умопомрачительно высоком каблучке.

– Bravo! – оптимистично захлопал в ладоши Вольдемар. – Вот перед нами образец истинной женщины. Никаких тебе мечей и двусмысленных философских выкладок. На уме только любовь, наряды и семья. Принц, тебе повезло...

Тайлериан польщенно поклонился.

– Если женщина усиленно старается показать, откуда у нее растут ноги, значит, ей просто необходимо скрыть, откуда у нее растут руки... – язвительно прошептала Кайра, до сих пор не простившая принцу его сердечного увлечения смертной красавицей.

– И нечего на меня пенять! – склочно заверещала глуповатая Витка. – Он сам мне тувельки купил, я даже не просила. Это ты из зависти меня оговариваешь!

Кайра ревниво нахмурилась и непроизвольно схватила за нож.

– Ох уж эти женщины, – миролюбиво произнесла Лиззи, демонстрируя удивительную мудрость, редко присущую столь юным особам, – вечно они, по мнению мужчин, во всех бедах виноваты. Не предупредила о чем-то вовремя – почему промолчала? Сказала – опять накаркала... – Ее ладонь успокаивающе опустила на гневно сжатый кулак эльфийки. – А

самая страшная болезнь женского ума – нередкое и полнейшее его отсутствие...

Телохранительница смешливо фыркнула и ответила магичке признательной улыбкой.

Пользуясь восстановившимся миром, крыса Грымза вытащила из общего блюда здоровенный шмат сала и торопливо зачавкала, вцепившись в лакомство всеми четырьмя лапками...

– Ну вот мы и получили полный психологический портрет наших милых дам! – многозначительно констатировал Тай.

Я уже начала всерьез задумываться, чем бы перебить этот опасный разговор, как вдруг...

– Ой, Рогнеда, у меня что-то в миске плавает! – внезапно подпрыгнул на скамье Михась, усиленно бултыхая ложкой в своей порции наваристых щей.

– Ну это же суп, а в нем всегда что-то плавает, – утешила я оруженосца, мысленно поблагодарив за столь своевременное лирическое отступление.

– Да, – испуганно округлил глаза парнишка, – но не брассом же!

Он нашего громового хохота стол неустойчиво покачнулся.

– Эй, вы там! – оскорбительно прилетело с другого конца трапезной. – Кончайте ржать, как идиоты, достали уже!

– Да-да, заткнуть им пасти, этим чужестранцам! – немедленно поддержали другие, куда более скандальные голоса.

Кажется, намечалась драка.

Принц посмотрел на меня вопросительно, будто спрашивая, как я собираюсь выпутываться из столь щекотливого положения.

– Доводилось мне бывать в разных компаниях, – громко оповестила я притихший зал. – Среди простолюдинов я чувствовала себя простолюдинкой, среди дворян дворянкой...

– А среди дураков? – насмешливо поддел густой, авторитетный бас.

– А вот среди дураков, – я с лязганьем вытащила сабли и красноречиво повертела ими в воздухе, – я впервые!

В таверне воцарилась гробовая тишина. Вольдемар восхищенно прищелкнул языком, принц показал мне восторженно оттопыренный большой палец.

Но среди всей этой суматохи мы так и не заметили изучающего взора черных глаз, внимательно наблюдающих за нами из полумрака, что окутывал лестницу, ведущую на второй, жилой этаж.

Глава 10

Я снисходительно оглядела убогую комнатку. Ну и гoblin с ними – с затянутым промасленной бумагой окном, хилой одинокой свечкой, дающей чахлый лучик света, тощим тюфяком и вытертым одеялом. Зато здесь тепло и чисто. Ведь если рассуждать по справедливости, совсем неважно, где ты находишься в настоящий момент, важно – куда ты идешь! Я устало зевнула, стянула колет и бросила его на кровать. С вожделием обласкала любовным взглядом огромную бадью с горячей водой, водруженную в центре комнаты, и принялась стаскивать сапоги, казалось намертво приросшие к натертым ступням. Вот сейчас волосы вымою, полежу в водичке, разомлею от курящегося над ней пара и баиньки... А про часовню святой Бригитты с ее загадочным артефактом, чтоб ему неладно было, подумаю завтра, на свежую голову. После сытной трапезы глаза слипались так, что хоть щепки между век вставляй. Я вспомнила упитанного таракана, лихо барахтающегося в Михаськиной миске, и тихонько хихикнула. Ну ничего, еще пару секунд, и зависть к принимавшему водные процедуры насекомому пройдет... Я сняла пропылившиеся штаны, скинула рубашку и со стоном наслаждения погрузилась в теплую воду. Положила голову на край бадьи, закрыла глаза и... И в этот момент, в точном соответствии закону подлости, в дверь постучали донельзя громко и требовательно. Не открывая глаз, я сквозь зубы послала непрошенных визитеров в весьма далекое и негостеприимное место, начинающееся на букву

«Ж»... а точнее – в захудалую деревню Жабьевку, расположенную на севере Красногорья. Но стук становился все настойчивее...

Со сдавленным рычанием я нехотя выкарабкалась из бадьи, завернулась в простыню и отворила дверь с серьезным намерением растерзать настырного гостя. В глаза ударил резкий свет от установленных в коридоре светильников, и поэтому я не сразу разглядела своего позднего посетителя, застывшего на пороге. Поняла только, что это мужчина – высокий и мускулистый, подпирающий головой дверную притолоку и эффектно вписывающий широкими плечами между планками косяка. Мы молчали. Я силилась адаптировать зрение к внезапному переходу от темноты к свету, он – пристально рассматривая мое тело, облепленное тонкой, мгновенно намокшей тканью.

– Хм, простите, но я ваш сосед... – мелодично начал мужчина.

– Вы сверху или снизу будете? – не придумав ничего лучше, растерянно брякнула я.

Незнакомец весело хмыкнул.

– Что, так вот прямо с порога и начнем? А может, хотя бы познакомимся для разминки? – Он толчком впихнул меня в комнату и сильным пинком захлопнул дверь у себя за спиной.

Я обомлела. Передо мной стоял Зорган.

Виконт хозяйски расселся на единственном стуле, закинул ногу на ногу и принялся рассматривать меня с непонятным огоньком во взоре. По достоинству оценив нахальство эмпира, я решила, что следующий ход за мной, царственно вступила в еще не успевшую остыть воду, села, погрузившись до подбородка, стянула мокрую простыню и швырнула ее в виконта. Брови красавца восхищенно поползли вверх.

– Ничего себе, – вынужденно признал он, – а ты далеко не робкая мышка!

Я фыркнула:

– Спинку мне не потрешь, случайно? А ты поумнел. Вот уж не думала, что умею лечить умственные расстройства одним метким ударом. Слушай, а твой палач как поживает – может, у него благодаря мне геморрой рассосался?

Зорган запрокинул черноволосую голову и расхохотался:

– Девушка, а вам кто-нибудь говорил о том, насколько вы красивы?

– Нет! – Я попала в расставленную им ловушку.

– Ух ты, какие же все вокруг честные! – ехидно ухмыльнулся эмфир. – А вы, леди, даже не скрываете недостатки своей фигуры! Это вызов всему миру или неизжитая детская наивность?

«Вот стервец! – подумала я. – Неотразимый, невероятно обаятельный хищник. Такой запросто сумеет вскружить голову любой женщине. И, похоже, ему здорово хочется приручить меня. Кажется, я его чем-то зацепила...» Сердце мое радостно забилося, но я постаралась не проявлять охватившего меня волнения. С таким мужчиной следует держать ухо востро.

– Правильно преподнесенные недостатки превращаются в достоинства, – наставительно проинформировала я. – Тебе ли этого не знать?

– Хм, – озадачился злодей, – а ведь ты права!

– А недостатки моей фигуры с лихвой компенсируются смелостью ее демонстрации, – воодушевленно закончила я. – Ну не строй из себя жлоба, потри мне спину.

– А что мне за это будет? – игриво мурлыкнул Зорган, пересаживаясь на край бадьи и вылавливая плавающую в воде мочалку.

Он намеренно поддразнивал меня, очаровывая богатыми возможностями своего мужественного, но мягкого баритона. От такого голоса у женщин непременно подгибаются колени, а по телу начинает разливаться приятная истома. Совсем близко от себя я увидела его темные прекрасные глаза с вертикально вытянутыми, будто у кошки, зрачками. Глаза смеялись.

– Ничего тебе за это не будет, обещаю, – расслабленно протянула я, млея под

ласковыми прикосновениями его смуглой руки, – ни пощечины, ни удара саблей...

– Хм, какое заманчивое предложение. – Зорган нагнулся еще ближе и ожег мое голое плечо мимолетным дерзким поцелуем. – Ты самая удивительная девушка в мире, я понял это еще тогда, на площади...

«Надо же! – мысленно ахнула я. – А он настроен на романтический лад. К чему бы это?»

– Кстати, – добавила я, – ты нам нужен!

– Серьезно? – иронично не поверил виконт. – Нам? Знаешь, меня это не интересует. Вот если бы ты сказала – мне...

Наши взгляды встретились.

– Я предлагаю тебе возможность принять любое решение, – откровенно произнесла я. – Ты свободен выбирать один из двух вариантов – либо ты с нами, либо против нас. Но если ты идешь с нами, то я требую честности в обмен на честность, и, чур, никаких подлостей и никаких кинжалов в спину. Согласен?

– Свобода подразумевает выбор, но выбор уже подразумевает некоторое ограничение свободы! – мягко упрекнул меня Зорган. – А я слишком свободолюбив. Ты готова поверить мне всецело?

«Ну это вряд ли!» – скептически хмыкнула я, но вслух произнесла совсем другое.

– Да! – стараясь выглядеть убедительной, кивнула я. – Готова!

«И да простят мне боги столь низменный обман!» – виновато мелькнуло у меня в голове. – Видит Аола, я просто боюсь верить своему любимому мужчине, хоть и хочу этого больше всего на свете...»

Уголки его красивых губ дернулись, и мне показалось, что он сейчас заплачет. На смуглом самоуверенном лице появилось растерянное выражение, придавая его твердым чертам оттенок незащитности и ранимости.

– Гоблины, – потерянно выругался он, – вот гоблины! Что же ты делаешь со мной, девушка?

Он потянул меня к себе, заставил подняться из воды, обернул в сухое полотенце и, легко подхватив на руки, перенес на кровать.

– Расскажи мне все, – мягко попросил он, удерживая меня на коленях и прижимая к своей груди, словно самую величайшую драгоценность.

Не утаивая мельчайших подробностей и не смягчая обстоятельств, я подробно поведала ему всю историю с Раскладом Судьбы и эльфийским пророчеством.

– И ты всерьез намерена полюбить урод? – Его теплое дыхание запуталось в моих волосах. – Например, такого как я?

– Ты не урод! – Я трепетно прикоснулась к гладкой коже его щеки. – Ты красив как бог! И к тому же ты пытаешься стать добрым...

– Я пытаюсь не быть с тобой злым, – недовольно перебил эмпир. – Улавливаешь разницу?

– Эта разница и отделяет урод от хорошего человека! – поощрительно шепнула я.

Зорган печально рассмеялся, губами лаская мои пальцы:

– Солнце мое, я самый настоящий урод, только не физический, а моральный!

– Не верю. Я думаю, что в душе ты очень ранимый и незащитный.

– В душе-то мы все незащитные, – согласился Зорган, – да только кто это видит?

Наш полуночный разговор принимал весьма странный оборот.

– Ты нам нужен, – напомнила я, пытаюсь отвлечься от сладостных мыслей о его губах и теле, таких близких и доступных. – Ты пойдешь с нами на Ледницу? Ты согласишься с нами перемирие?

Эмпир немного отстранился и посмотрел на меня испытующе:

– Пойду! – подозрительно легко согласился он. – В этом наши цели совпадают. Меня тоже отправили в Храм Смерти, причем, – тут он язвительно подмигнул, – не без твоей вины, радость моя. Поэтому, пока мы нужны друг другу и идем одной тропой, я обещаю не вредить тебе и твоим друзьям...

– А потом?

– Желание женщины закон до тех пор, пока желание мужчины – женщина! – продолжал язвить мой обаятельный мерзавец.

– Зорган! – укорила его я. – Не играй со мной в кошки-мышки. Я не прощу обмана...

Он покаянно вздохнул и с надрывом выкрикнул:

– Хорошо! Мне нечего стыдиться. Поначалу я мечтал, что заполучу тебя любым способом – с помощью оружия или обмана. Заточу в клетку своей страсти и заставлю полюбить меня бездумно и безоглядно. Неважно как – побоями, чарами или лестью. Но потом я постепенно осознал – мне мало твоего тела, мне нужна твоя душа, а душа не признает насилия! О, если бы ты знала, как долго демоны моего рассудка боролись со светом любви! И я пока не уверен, что победил именно свет... Но я готов пойти навстречу той судьбе, в которой мы станем одним целым.

– Тогда, наверное, стоит рискнуть и испытать грядущую судьбу! – предложила я, обвивая руками его шею. – Светлое будущее не за горами...

– Ну да, – цинично хохотнул Зорган, – это ты точно подметила. Оно не за горами, а вообще непонятно в каком месте...

Меня позабавил его недвусмысленный намек, и я рассмеялась от души. Но он неожиданно глубоко вздохнул, словно решался на что-то безрассудное, и приник к моим полуоткрытым губам продолжительным, страстным поцелуем. Время остановилось. Сердце билось частыми и отрывистыми ударами, грозясь вырваться из груди. Он прервал поцелуй, посмотрел огромными, пьяно расширенными зрачками и начал ласкать мою шею, потом плечи, клоня меня все ниже к подушке и пытаясь опрокинуть на спину. Его сильная ладонь переместилась под полотенце, нашла мои ягодички, скользнула между ног...

– Зорган! – предобморочно взмолилась я, разрываясь между противоречивыми желаниями оттолкнуть его и прижать к себе покрепче. – Не нужно этого делать...

– Наверное, я сошел с ума! – Эмфир резко вскочил. – Мне пора уходить...

– Да, уходи, – приказала я, одновременно с этим призывно раскрывая объятия.

Полотенце запахнулось и сползло на пол. Зорган отчаянно взвыл, вонзая ногти в ладони своих изголодало тянущихся ко мне рук. На пол упали две алые капли крови и впитались в доски...

– Нет, – уже спокойнее сказал он, – мы должны себя контролировать. Если я сейчас воспользуюсь твоей минутной слабостью, то ты возненавидишь меня на всю оставшуюся жизнь. Если ты уступишь порыву своего сердца и отдашься мне, то никогда уже не сможешь уважать ни себя, ни меня. Я пытался заменить тебя другими женщинами, но в итоге понял, что мне нужна только ты. Нужна вся – целиком и полностью, нужна навечно... А потому я не имею права на ошибку! – Он бережно прикрыл меня одеялом и поцеловал в лоб. – Увидимся завтра. – Эмфир тихонько отпер дверь и чуть помедлил на пороге комнаты. – С детства из меня пытались сделать настоящего воина и дворянина. В эмфирских семьях считается, что сказки предназначаются лишь для девочек. Но моя нянька иногда рассказывала удивительную историю про благородную и отважную принцессу. С тех пор прошло немало лет, и я помню лишь пару-тройку коротких отрывков. Но теперь, – он ультимативно стукнул кулаком по стене, – я намерен получить всю сказку целиком!..

– А кого она полюбила, эта принцесса? – дрожащим голосом окликнула я, и виконт медленно обернулся.

– Конечно же принца. Красивого, доброго и могущественного, – самоуничижительно сообщил он, тихонько закрывая дверь моей комнаты. И уже из коридора до меня долетели его последние слова: – Полную противоположность мне. Вот так, моя благородная принцесса!

– Ну и гoblin с ним, с принцем, – строптиво заявила я, счастливо улыбаясь в темноте. – Ведь я-то люблю только тебя!

Но Зорган меня не услышал.

– Хорошо! – шепнул Гедрон лла-Аррастиг, бережно извлекая из воздуха две капли крови Зоргана, неосмотрительно пролитые им на пол. – Очень хорошо. Кровь эмпиря, она дорогого стоит! Она намного сильнее многих магических средств и навсегда связана со своим хозяином. Она дает власть над его разумом. Теперь ты принадлежишь мне, виконт Зорган...

Я проворочалась с боку на бок больше двух часов, но так и не смогла уснуть. Встала, оделась, нацепила перевязь с саблями и, стараясь не грохотать подбитыми железом каблуками, прокралась вниз по лестнице. Самой приятной достопримечательностью «Хромого шкипера» оказался крохотный внутренний дворик, скромно спрятавшийся в тени раскидистого куста жасмина, усеянного крупными, ароматными цветками. Я опустилась на каменную, обросшую мхом скамью, втихомолку посмеиваясь над избитой романтикой ситуации, и подняла глаза к черному небу, поблескивающему россыпью звезд. Таверна спала, не издавая не звука, лишь угловое окно второго этажа робко подмигивало огоньком одинокой тоненькой свечки. Иногда за добротной шторой смутно прорисовывался чей-то неясный силуэт, и тогда мне хотелось верить в то, что, возможно, эта комната принадлежит Зоргану и он сейчас бодрствует, так же как и я пытаюсь разобраться со страстным порывом, в одночасье соединившим наши сердца и души.

Цветки жасмина напоминали звезды куда как сильнее, чем те слабые гнилушки, что неровно отсвечивали у меня над головой. Небо затянула туманная марь, предвещающая приближение пасмурного и душного дня, а возможно, и грозу. Весьма неподходящего для длительной пешей прогулки дня. Загодя порасспросив хозяйку, я развела местоположение часовни святой Бригитты, выстроенной в центре большого, но давно заброшенного кладбища, примыкающего к селению Ципелинки. А уж до самих Ципелинок от города и вовсе рукой подать. Да вот только слухи об этом селе, а пуще того о его жителях ходят совсем не добрые, мол, неприветливые да суровые они и вообще себе на уме. А впрочем, тут ципелинцев как раз понять можно – поживи-ка рядом с заброшенным погостом, еще не такой букой станешь!

Поэтому, здраво рассудив о неуместности конных поездок по раритетному кладбищу, я решила отправиться туда пешком, к тому же не втягивая в эту сомнительную авантюру кого-либо из нашей беспокойной компании.

«Лиззи, – мысленно позвала я, почти не надеясь на удачу. – Ты меня слышишь?»

«Слышу!» – пришел немедленный ответ.

«Ага! – беззвучно хмыкнула я. – Значит, ты умеешь читать мысли?»

«Мне редко удается подобный фокус, – с напускной скромностью рассмеялась магичка. – Но теперь ты носишь могущественный амулет, многократно усиливающий и твои, и мои способности!»

«Ясно. – У меня не нашлось оснований усомниться в искренности ученицы фрау Оссы. – Наверное, мне следует тебя предупредить...» Я немного поколебалась, но все-таки рассказала подруге все правду о планируемом походе на кладбище и о присоединении Зоргана к нашему маленькому отряду.

«Я, как и Вольдемар, считала и продолжаю считать этого мерзавца нашим злейшим врагом, – сдержанно уведомила меня Лиззи. – Но в интересах общего дела мы постараемся смирить переполняющее нас негодование и обещаем вести себя корректно.»

«Спасибо! – радостно поблагодарила я. – Надеюсь, ты не станешь посвящать остальных в подробности моих близких отношений с виконтом?»

«Ни в коем случае! – деликатно вздохнула девушка. – Это твои личные проблемы, и касаются они только тебя. Но хочу предостеречь – не доверяй Зоргану абсолютно. Он слишком умен и коварен. Он жаждет власти и ради достижения своей цели способен безжалостно растоптать слабые ростки добра и света, едва успевшие пустить корни в его черной душе. Помни, черное редко становится белым, в лучшее случае – серым. Будь осторожна с ним!»

«Ладно, – сердито буркнула я, покидая уютный дворик. – Слишком уж они близки – любовь и ненависть, доверие и недоверие. Пускай нас рассудит время. Ведь каждый в итоге все равно получит именно то, что заслуживает...»

«Да, – долетело до меня прощальное напутствие молодой магички. – Но какой ценой?»

Я недовольно поморщилась. Ох уж эти маги, все они о цене да о цене... За все нужно платить – так, кажется, говорила Смотрящая сквозь время. Но чем можно заплатить за любовь?

«Жизнью!» – услужливо подсказал внутренний голос, но тогда мне не хотелось его слушать. И зря, очень зря...

Небосвод едва окрасился нежнейшей розовой дымкой, когда я миновала беззаботно задремавшую стражу, грузно навалившуюся на свои упертые в землю алебарды, и, бесшумно приподняв засов калитки, выскользнула за городские ворота. На ведущей к столице дороге, плавной линией убегающей к горизонту, уже показались повозки расторопных торговцев, спешащих первыми попасть к открытию рынка. Светало. Я поправила перевязь с клинками и бодро зашагала по направлению к остроконечному храмовому шпилю, виднеющемуся за ближайшим холмом. Там располагались Ципелинки.

Всем известно, что монотонная работа ног как нельзя лучше стимулирует активное функционирование мозга. Да и дорогу помогает скоротать изрядно. Красоты окружающей местности, нужно признать – довольно посредственные и однообразные, не привлекали меня ничуть. Пыльная песчаная дорога, ответвившаяся от тракта, петляла вокруг зеленого, поросшего багульником и молочаем холма. Меня приветствовали первые, хриплые спросонья крики еще не до конца пробудившихся петухов да размеренные бухающие удары храмового колокола.

«Что-то уж очень возмущенно они звонят, – рассеянно подумала я, извлекая из-за пазухи ломоть хлеба с сыром, срывая листочек дикого щавеля и перекусывая на ходу. – Слишком рьяно для повседневной утренней молитвы. Не случилось ли в Ципелинках чего необычного?»

Я безрадостно хмыкнула и стряхнула с ладони последнюю хлебную крошку. Сельский колокол, звонящий с каким-то будоражающим душу надрывом, вызвал сумбурный рой мыслей, однозначно наталкивающих на настораживающий меня вывод: а ну как меня там ждут? Ой, нехорошо это, нехорошо. Вот только местных проблем мне до кучи не хватало, я ведь и со своими-то еще не разобралась!

Беззаботная бабочка, радующая взор недолговечной красотой замысловато раскрашенных крылышек, доверчиво опустила на мое плечо, и я тут же замерла, опасаясь потревожить хрупкое существо. Почему-то мне мнилось – если я сейчас пошевелюсь, неудачно вздохну или хотя бы вздрогну, то отпугну от себя нечто большее, чем просто случайное насекомое. Отпугну саму любовь...

Как отличить истинную любовь от случайной влюбленности? Наверное, если тебе запомнилось, что на первое свидание надела ты, то это влюбленность. А вот если запомнилось, что надел он, – любовь. Плохо, если тебе хочется уйти после первой же проведенной с ним ночи из опасения в дальнейшем погрязнуть в неоправдавшихся надеждах или столкнуться с выяснением отношений, либо руководствуясь желанием оставить на память короткое приятное воспоминание. Это не любовь. Уходить нужно лишь тогда, когда пропадает желание встать пораньше, чтобы приготовить ему завтрак. Если чувство забывается легко и просто, как воспоминание о прошедшем осеннем дожде, то это не любовь. Ведь будет и другой дождь. Если тебя мучает ревность, если ты ощущаешь потребность отвоевать любимого у всего мира и перехитрить соперниц, то это не любовь. Ревность – обманчивое чувство, выпадающее на долю тех, кто боится потерь. Но ревность бессмысленна и эгоистична, потому как глупо ревновать без повода и поздно, если этот повод нашелся. Не стоит утешать себя мыслью: «Все мужчины одинаковы». Все они особенные – неповторимые и единственные, и нужно научиться любить их такими, какие

они есть на самом деле. Но не следует слепо полагаться на них всегда и во всем. Ибо если ты выберешь мужчину, за которым сможешь жить как за каменной стеной, то не удивляйся, если впоследствии не найдешь в этой стене дверцы на волю. Люби того, кто бывает с тобой самим собой и рядом с кем ты чувствуешь себя свободной. Не унижай мужчину при расставании — это не любовь. Ведь когда он станет вспоминать тебя, он неизбежно припомнит и ваше расставание. И если ты хочешь, чтобы при воспоминании о тебе его глаза улыбались, не выясняй отношений при прощании. Скажи ему одно: «Мне больше не нужно твое присутствие, чтобы любить тебя». И все — уходи, ведь в этом и заключается любовь. А если первым захочет уйти он, то не старайся удержать его слезами или просьбами, не вынуждать врат. Потому как и это тоже не любовь. Ради влюбленности мы совершаем кучу глупостей, любовь же дает нам силы вершить поистине мудрые дела, идти на подвиги и творить настоящие чудеса. Глупость уходит вместе с влюбленностью, молодостью и красотой. Любовь остается с нами благодаря тому, что не оглядывается на возраст, не смотрит на уродство и внешние недостатки. Любовь сильнее жизни и смерти, ибо она — вечна. Любовь измеряется не деньгами и подарками, не вздохами и поцелуями, не стихами и романсами — а только помощью, верой друг в друга, верностью и совместно прожитыми годами. И женщины понимают это быстрее, чем мужчины, потому что мужчины на самом деле не так сильны, как они хотят казаться своим возлюбленным, и они не настолько уверены в себе, насколько этого хотелось бы женщинам. А сделать мужчине больно гораздо легче, чем женщине. Любую форму отказа он перенесет с каменным лицом и молча, но ему будет больно, очень больно. И очень часто глаза мужчины остаются сухими в тот момент, когда его душа плачет горькими слезами разочарования, отчаяния и одиночества. Не взваливай на человека больше, чем он сможет вынести, и не проси у него больше, чем он может дать. Именно в этом и состоит любовь. Щади и уважай своего любимого, ведь мужчина и женщина, готовые вместе делить невзгоды, выпавшие на долю одного из них, не расстанутся никогда. А это и есть любовь!

Чернокнижник Гедрон лла-Аррастиг дико расхохотался, вцепился зубами в собственную ладонь и принялся грызть ее с самым безумным видом. Волшебный котел, пустой и опрокинутый, валялся на боку — откатившись к стене лаборатории, по которой словно смерч прошелся.

— Дрянь! — взбешенно завопил эльф, ни к кому конкретно не обращаясь. — Стерва! Ненавижу! Убью! — И повторил уже спокойнее, но уверенно и убежденно: — А ведь и впрямь убью.

Подумать только, негодная девица играючи обходила все выставленные на ее пути препятствия, не моргнув глазом преодолевала трудности и запросто выпутывалась из любых передраг. Похоже, везение прочно перешло на ее сторону, покинув растратившего былую силу некроманта. Магия н'гуду не помогала! Демон-покровитель не отзывался на призывы, очевидно занятый какими-то своими неотложными и первостепенными по значимости делами. Чернокнижник остался один, тщетно напрягая ум с целью изобрести новую, действенную ловушку, способную навсегда остановить избранную Деву. Уловка с плененным разбойниками эмпиrom Вольдемаром не сработала. Воины Судьбы разогнали шайку, да еще в придачу сумели переманить на свою сторону лихую атаманшу Урфину. А в довершение ко всему — направляющийся на Ледницу отряд пополнился своим последним участником, причем настолько сильным, что его справедливо опасался даже сам Гедрон. Он и предположить не мог, что в его планы вмешается ее величество Любовь, способная сделать черное белым, а белое черным. Невероятно, но отчаянная Рогнеда полюбила того, кого боялись все остальные! К тому же княжна нашла общий язык со слепым Стрелком и заручилась его поддержкой. Но ничего, в запасе у лла-Аррастига оставался последний — самый страшный козырь! Ведь кому, как не ему, знать, что с некоторых пор в часовне святой Бригитты завелся беспокойный и весьма изобретательный на злобные проделки призрак. Уж он-то точно не обрадуется визиту непоседливой девицы. Нужно просто немного

подкорректировать планы Рогнеды и отрезать ей все пути к отступлению, столкнув ее нос к носу с коварным привидением. А от него она ни саблей не отмахнется, ни шуточками не отделается...

Некромант спешно совершил необходимый ритуал, впадая в магический транс и подчиняя себе сознание неуравновешенного ципелинского священника. Настал час предпринять последнюю попытку остановить Воинов Судьбы!

Мои возвышенные размышления прервало появление странной делегации, вышедшей на окраину селения Ципелинки. Вдоль увешанного глиняными горшками плетня выстроилась шеренга мужиков и баб, разнокалиберно вооруженных чем попало – от косы до коромысла. Доморощенное воинство возглавлял тощий, будто жердь, священник Аолы, облаченный в черную, недоеденную молью мантию. Я с недоумением оглядела суровые лица бородатых мужчин, прикрытые оборками чепцов румяные женские щеки, а потом снова наткнулась на фанатично горящий взгляд и ультимативно поджатые губы недокормленного святоши. И что бы все это значило?

– Люди добрые, – открыто улыбнулась я, – у вас, поговаривают, кладбище дюже красивое под боком имеется? Вы мне туда экскурсию не устроите?

Толпа слитно ахнула и испуганно попятилась, чуть не снеся плетень. Я недоуменно пожала плечами. Ну и чем таким их удивила моя просьба, скажите на милость? Ну вот захотелось мне в тишине и покое между могилками побродить, старинными надгробиями полюбоваться – так что в этом крамольного? Я же ничего осквернить вроде бы не собираюсь! Так за что же на меня ухватили да топоры наставлять?

Но вместо вразумительного ответа церковник вдруг вскинул костлявый палец и, указывая на меня, заорал тонким срывающимся тенорком:

– Вот она! Хватайте ее да вяжите, покудова не убежала!

Я растерянно пожала плечами. Да, никак, они все здесь с ума посходили!

Мне почему-то совсем не хотелось воевать с впадшими в коллективное помешательство селянами. Уж шибко неловко они свои топоры держат. Сразу видно, что им куда сподручнее ими дрова рубить али на медведя ходить, но никак не на человека. Тем более на девушку. А посему на призыв священника «Лови ее, вяжи ее!» мужики отреагировали как-то вяло, без огонька. Да и сам церковник выглядел как-то подозрительно: пошатывался на ходу и пьяно тарасился вылупленными, осоловелыми глазами. Интересно, не белены ли он, часом, обьелся?

Селяне обступили меня неровным кольцом, неуклюже держа наотлет свои топоры и не осмеливаясь подступиться ближе. Вот уж точно – и хочется, и колется. Где-то в арьергарде заполошно подвывал придурочный священник, пытаясь науськать нерешительных вояк. Снисходительно оглядев своих поимщиков, я неодобрительно прищелкнула языком и выразительно лязгнула саблями. Половина загонщиков тут же правильно поняла мой намек, витиевато помянула гоблинов, взвалила на плечи не предназначенный для военных операций аграрный инструмент и, провожаемая припадочными завываниями святоши, цепочкой потянулась домой. Правильно мужики рассудили – и от греха подальше, и сам целее будешь.

– Смилуйтесь, госпожа колдунья! – неожиданно взмолился красномордый здоровяк, бросаясь передо мной на колени и горестно заламывая руки. – Совсем ведь нас проклятая ведьма заест!

– Э-э-э, я не колдунья! – осторожно поправила я, так ничегошеньки и не поняв. Потом подумала и уточнила: – Вернее, ведьма не я!

На растерянном лице мужика отразилась напряженная работа мысли.

– А я и не говорил, что вы ведьма!

– Я и так знаю, что я не колдунья! – насмешливо подтвердила я.

– Как не колдунья?! – потрясенно ахнул красномордый. – Так что, церковникам вообще верить нельзя?

– Ну почему же нельзя? – совсем развеселилась я. – Пусть верят, разрешаю. Например, в богиню Аолу и ее братьев!

Мужик задумчиво поскреб в затылке:

– Тьфу, вот гоблины-то! Судя по тому, как вы, госпожа, на язык бойки, вы и есть самая настоящая колдунья!

– А ведьма тогда кто? – подбадривающе улыбнулась я.

– Так тетка Мона-покойница, мать нашего кузнеца Густава.

– И кто ее ведьмой назвал?

– Дык вестимо кто, церковник наш! – бесхитростно довел до моего сведения мужик.

– Так ему же верить нельзя, – иронично напомнила я. – Логично?

Собеседник пару минут потрясенно таращился на меня, беззвучно разевая рот, а потом весело загоготал, хлопая себя по коленям.

– Вот, госпожа, спасибо, повеселили. Уж не знаю, как это у вас получается, да только разговоры ваши чуднее любого колдовства!

– Вы священника вашего в погреб прохладный посадите, похоже, он на солнце перегрелся, – спокойно посоветовала я. – А мне все толком обскажете, что и как у вас тут приключилось.

Церковника подхватили под мышки и уволокли прочь, невзирая на его отчаянные вопли. Упитанный мужик, поглядывая на меня донельзя уважительно, приглашающе махнул рукой, указывая в сторону виднеющегося за плетнем дома.

– Дозвольте в гости вас пригласить, в извинение так сказать. Правда, в хате у меня беспокойно, дочки из воли отцовской вышли. – Он опечаленно пошевелил мохнатыми бровями. – Эвон как оно повернулось-то... Юбки не носят уже – как вы, в штанах ходят. Замуж не желают – не по нраву им наши местные женихи. День-деньской с луком упражняются либо ножки в цель мечут. Меня, старого, не слушаются...

– А что же так? – сочувственно подмигнула ему я. – А может, я и тут колдану?

Красномордый смешливо прыснул в кулак:

– Ох и шутница же вы, как я погляжу. Я-то сам староста местный, Штефаном меня звать. Померла, значит, у нас давеча кузнецова мать – первая на селе склочница и сплетница. Мы уж все вздохнули с облегчением и свечку Аоле поставили, да не тут-то было. Положили мы тетку Мону в гроб да молитву, как водится, над ней прочитали. Но только вознамерились гроб поднять и на телегу поставить, как раздались звуки ужасные и в воздухе распространилось зловоние омерзительное. Три раза пытались мы, благословясь, гроб из горницы вынести, и каждый раз подобное приключалось. Вот и смекнули мы, что дело здесь нечисто. А тут и священник наш объявил, дескать, в покойницу демоны вселились да в ведьму ее обратили, и предрек, будто сегодня на утренней заре приедет к нам вооруженная девица, кою поймать надобно и призраку в жертву принести. Тогда, мол, злой дух из ведьмы весь и выйдет...

– Стоп, какой еще призрак? – окончательно запуталась я. – Ну с пастырем вашим мне уже и так все предельно ясно, а призрак-то тут при чем?

– А с призраком у нас совсем горе вышло! – не на шутку закручинился староста. – Лет этак пять назад завелся у нас в часовне святой Бригитты призрак паскудливый, и так он все село в оборот взял, что ни вздохнуть, ни перну... хм, ни чихнуть спокойно нельзя. Он и девок пугает, и на скот порчу наводит, и непогоду насылает. Одно спасение – откупаться от него регулярно одежей, едой и самогоном.

– Ничего себе! – восхищенно присвистнула я. – Так это же настоящий проглот, а не призрак. А вы тоже хороши. Собрались бы всем миром да отдубасили его изрядно!

– Да как же можно, – аж перекосялся Штефан, – он же призрак!

– Ну-ну, – саркастично хмыкнула я. – Ладно, гoblin с вами. Мне все равно в часовню заглянуть нужно, вот и спытаю лично, что у вас там за любитель самогона балует...

– Да мы вам по гроб жизни, госпожа, благодарными останемся! – бурно возрадовался староста, чуть не бросаясь ко мне на шею.

– Ни-ни, – шутливо одернула его я. – А пока покажи мне вашу хваленую ведьму.
– Обязательно, – еще пуще повеселел староста, похоже узревший во мне долгожданное избавление от всех ципелинских проблем оптом.

Между тем, скрашивая дорогу сей немудреной беседой, мы подошли к добротному дому, увенчанному крепкой двускатной крышей и украшенному расписными ставнями. Я еще не успела взойти на крыльцо, как дверь неожиданно растворилась и на ступеньки выскочили три рослые, дюжие девицы в кожаных штанах и обшитых стальными пластинками кафтанах.

– Батюшка, – солидным басом зачастила первая, бросая на меня косой оценивающий взгляд исподлобья, – так ты же обещал на торжок за гостинцами поехать!

– Да! – грозным баритоном поддакнула вторая богатырша.

– Точно! – грудным контральто поддержала третья.

Подозревая, что сейчас произойдет что-то любопытное, я оперлась спиной на резной столбик, скрестила руки на груди и приготовилась смотреть да слушать.

– И что же вам привезти, дочери мои любезные? – выдал классическую родительскую фразу староста, опасливо помаргивая в мою сторону и, очевидно, радея за свой трещавший по швам отцовский авторитет.

– А привези-ка ты мне, батюшка, лекало! – решительно потребовала старшая дочка, упирая в бока мускулистые руки.

– Это кого, лекаря что ли? – сразу не скумекал любящий отец.

– Лекало! – по-военному отчеканила девица. – Овалы на железе по нему рисовать, дабы шлем склепать сподручнее было.

– Да! – грозно поддакнула вторая богатырша.

– Точно! – поддержала третья.

Я сдавленно хихикнула.

– А тебе что привезти, дочь средняя? – отчаянно заюлил отец, чувствуя, как его авторитет становится просто фикцией.

Я навестила уши.

– А мне, батюшка, рубанок новый!

– Банок, что ли, под варенье? – с замиранием переспросил отец.

– Рубанок, древко для копья выстругать! – сурово поправила дочка.

– Да! – грозно поддакнула первая богатырша.

– Точно! – поддержала третья.

Я уже кусала губы, чтобы не рассмеяться.

– А тебе что привезти с торжка, дочка меньшая, любимая? – нудной песенкой завел староста, наливаясь багровым румянцем гнева.

– А мне клещи и долото, – мурлыкнула барышня, красноречиво поигрывая бицепсами. – А гвозди не вози, батюшка, я их у кузнеца нашего бесплатно натырю...

Я медленно сползла по столбику, рыдая от смеха.

– Все, кончилось мое терпение! – люто выверился староста. – Совсем вы меня, дочки, на старости лет перед селом опозорили! Ить вы же девушки, а не солдатня какая! Вы же на выданье! Фиг вам с маслом, а не рубанок с лекалом. Тебе помаду, тебе помаду, а тебе, младшенькая, помаду и ленту атласную в косу. И чтобы, пока меня не будет, в хате сидели да полотенца крестиком вышивали! Ясно? Заборы не строить, канавы не копать, дрова не рубить! Дали же Пресветлые боги дочерей...

– Батюшка, да как же так?! – Богатырши с ревом повалились отцу в ноги. – Да мы и вышивать-то не умеем... – Над двором взметнулся трехголосый девичий рев.

Досмеявшись до икоты, я утерла слезы и дружески обняла не на шутку опечаленного старосту:

– Не невольте дочек, уважаемый пан Штефан! Вон они у вас какие удалые да пригожие выросли, любо-дорого посмотреть. Отпустите-ка вы их лучше в Рюнге. Там женская

дружина имеется, «Рюнхенскими пираньями» прозывается. Думаю, вашим девам-воительницам там самое место. А кроме того, в столице и женихов всевозможных пруд пруди.

– А что, и отпущу! – подобрел глазами староста. – Да вы, госпожа, и точно колдунья! Обрадованные девицы с визгом бросились меня целовать.

В центре чисто прибранной горницы стоял стол, а на столе – обитый красным сукном гроб, в котором покоилась усопшая тетка Мона. Женщиной она оказалась пышной и дородной, а посему пухлое чрево напрасно оклеветанной ципелинской «ведьмы» горой вздымалось под смертным покровом, будто квашня выпирая над бортиком деревянной домовины. На груди беспокойной покойницы лежали благообразно скрещенные восковые руки. Я задумчиво обошла вокруг умершей, втихомолку дивясь ее внушительным габаритам. Впрочем, похоже, в молодости Мона имела все основания гордиться вполне симпатичной внешностью, доставшейся и ее сыну Густаву, чинно бьющему поклоны в уголке чисто прибранной горницы. Красивый парень, про таких у нас в Красногорье говорят – кровь с молоком. Кудрявые русые волосы перехвачены кожаным ремешком, над верхней губой курчавятся светлые усики. Косая сажень в плечах, как и положено удалому сельскому кузнецу, а глаза ясные и голубые – словно лесные барвинки. Ничего не скажешь – красивый парень, хоть сама в него влюбись.

Прекратив нахально разглядывать смущенно зардевшегося кузнеца, я недовольно повела носом. В горнице витал какой-то смутно знакомый и довольно неприятный запах... Что же он мне напоминает? Причем гадостные миазмы оказались настолько въедливыми и устойчивыми, что от них не спасало даже полнейшее отсутствие оконных рам. Зиявшая выбитыми окнами изба стала для меня загадкой под номером два.

– Вот она, ведьма проклятая, неупокоенная! – Высунувшийся из-за моей спины староста обличающе ткнул пальцем в сторону покойницы. – А уж смердит-то как отвратно, Аола нас сохрани...

Густав сердито нахмурил брови, услышав столь нелестные эпитеты, адресованные его покойной матушке.

– Ладно, – глубокомысленно хмыкнула я, набредя на одну интересную версию и желая немедленно проверить ее на практике. – Предлагаю провести эксперимент!

– А это не больно? – боязливо вякнул кто-то из сеней.

– Да ничуть! – весело осклабилась я. – Значит, так: четверо мужиков заходят в горницу и приподнимают гроб с покойницей, а я внимательно наблюдаю за происходящим с ведьмой! – При слове «ведьма» я заговорщицки подмигнула нервно сжимающему пудовые кулаки кузнецу. – Гарантирую, при проведении эксперимента ни один мужик не пострадает!

– А не мужик? – дотошливо поинтересовался все тот же писклявый голос.

– Чего взгомошил, у тебя и так уже страдать нечему! – вынес беспощадный приговор чей-то зычный бас. – С самого прошлого лета, когда тебя купающиеся девки за подглядыванием поймали да вальком для белья между ног-то и приложили...

Подождав, пока мужики вдосталь насмеются над незадачливым извращенцем, я повторила свой призыв. Из сеней нехотя вышли четверо крепких ципелинцев и недолго думая ловко подняли гроб с покойницей, намереваясь вынести его из горницы. Дородные, непонятно по какой причине вспученные женские тела вдруг бурно всколыхнулись. Из гроба тут же донесся громкий трескучий звук, и по хате поплыла нестерпимая вонь, заставившая меня оглушительно чихнуть. Прикрывая пальцами заслезившиеся глаза, мужики дружно грохнули гроб обратно на стол и вразнобой, кубарем метнулись в пустые оконные проемы. Вопрос происхождения выбитых окон отпал сам собой. В углу истово молился расстроенный кузнец.

– Стоп! – Я успела поймать полу взметнувшегося кафтана старосты, в полете остановив достопочтенного пана Штефана, спешившего ретироваться вслед за испуганными носильщиками. – Куда?

– Так ведь спастись нужно, – сбивчиво промямлил мужик, потирая ушибленный об подоконник нос. – Так и ослепнуть можно али еще какую дурную болячку заполучить. Вон как густо нечистый дух из ведьмы выходит, хоть топор вешай...

– Да не нечистый он вовсе, – я звучно высморкалась, пытаюсь восстановить подпорченное вонью обоняние, – а гороховый!

– Как? – обомлел староста.

– А вот так! – рассмеялась я. – Ведьма ваша, видать, перед смертью горошницей злоупотребила сверх меры, отчего заворот кишок заработала и скончалась скоропостижно. Разве не так?

– Так, ела мать горошницу! – насупленно подтвердил Густав. – Целый чугунок...

– То-то же, – наставительно подвела итог я, – вот горох до сих пор в животе у нее и бродит!

– ...! – смачно изрек староста. – А мы-то, дураки...

– Урок-то хоть из этой истории извлекли? – спросила я напоследок.

– Какой еще урок? – В окна заглянули лица любопытных зрителей.

– В столь преклонном возрасте положено кашку овсяную кушать, а не ядреной горошницей баловаться! – шаловливо хихикнула я. – Ведь при правильном-то питании нам никакой нечистый дух не страшен...

И уже много лет спустя я случайно узнала, что овсяная каша с тех самых пор стала фирменным ципелинским блюдом!

Я неторопливо шествовала по кладбищу, насвистывая песенку и помахивая корзинкой, навязанной мне благодарным старостой. Корзинку наполняли крупные ягоды отборной черники, заботливо прикрытые чистой тряпицей.

– А это еще зачем? – Я попыталась отказаться от странного подарка.

– Так призрак наш уж очень чернику любит! – Пан Штефан настойчиво совал плетеную тару мне в руки. – Берите и не спорьте! Уж больно вы девушка хорошая, жаль, если призрак вас до смерти заест. Авось наша черника вам жизнь спасет...

– Не верю! – скептически хмыкнула я.

Несколько минут мы увлеченно занимались тем, что перепихивали друг другу круглобокую корзинку, пачкаясь соком раздавленных ягод. Победа осталась за старостой.

– Ладно, – нехотя согласилась я, – так и быть, возьму.

И вот шла я сейчас между вросших в землю могил, с наигранной беззаботностью помахивая гостинцем, но на деле чувствуя себя не очень-то уютно. А не слишком ли часто я в последнее время начала посещать всякие заупокойные места? Так, глядишь, меня и в некрофилы скоро запишут. И проблема даже не в том, чтобы я сильно боялась поджидающего меня в часовне привидения, вовсе нет! Тут, скорее, вопрос принципа, ведь в Нарронской академии благородных девиц нам усиленно вдалбливали прописную истину, гласившую – призраков не существует. Вот и кому теперь прикажете верить?

Заброшенное кладбище, отнюдь не напоминающее скромный погост, поражало мрачным величием и пышными надгробными памятниками. Похоже, здесь раньше хоронили представителей самых прославленных и богатых рюнхенских фамилий. Из буйно разросшихся лопухов гордо вздымались стены беломраморных склепов, украшенных скорбно коленопреклоненными статуями. Роскошный камень заупокойных мемориалов пожелтел и растрескался от старости, но все равно производил поистине сногшибательное впечатление. На фоне этих вычурных усыпальниц невзрачная часовня святой Бригитты проигрывала заметно и казалась чем-то донельзя обыденным. И ни капельки не страшным. Лихорадочно сглотив, чтобы обуздать охватившее меня волнение, я потянула дверную створку и вступила в прохладный полумрак, царивший в часовне. Дверь за мной с грохотом захлопнулась...

– Слышь, мымра с саблями, дай закурить! – Подобная безобидная фраза в темноте почему-то всегда звучит угрожающе.

– У нас в Красногорье к курительной офирской траве относятся неодобрительно, – громко уведомила я. – Не курю. А вот в рыло могу дать. Хотите?

– Ну зачем вот так сразу прибегать к вульгарному насилию? – В хриповатом, откуда-то смутно знакомом мне голосе призрака отчетливо слышались ядовитые нотки. – Неужели ты настолько примитивна, что способна обидеться на элементарное «мымра»?

– Нет, конечно. Поясню: вы просили закурить, а курение причиняет вред вашему здоровью, стало быть, вы жаждете причинить себе вред. Офирской травы у меня нет, но, как человек чуткий, я не могу остаться равнодушной к вашей просьбе и предлагаю вам побои, как равносильную компенсацию вреда, причиняемого вашему здоровью этим вонючим зельем.

– Философский факультет Нарронской академии благородных девиц? – с неподдельным любопытством поинтересовался призрак.

– Он!

– Группа?

– Тринадцать-а.

– Шесть лет назад?

– Ага!

– Рогнеда?

– Ырка, ты?! – потрясенно возопила я. – Сколько лет, сколько зим!

– Подруга! – Из угла склепа выплыла худенькая женская фигурка, торопливо заключившая меня в свои пыльные объятия. – Вот это встреча!

– А где же призрак, обитающий в часовне? – спросила я, жарко расцеловывая бывшую одноклассницу.

– Перед тобой, – хвастливо хохотнула Ырка. – Я и есть местный призрак!

– Офигеть! – ошеломленно резюмировала я. – Кому расскажи, ни за что не поверят!

За неимением стола мы устроили банкет прямо на крышке массивного гранитного саркофага.

– И кто там внутри? – Я с любопытством постучала по серой плите. – Поди, сама святая Бригитта?

– Она, сердешная! – с напускным смирением подтвердила Ырка.

– А посмотреть можно? – Меня безмерно интересовала внешность дамы, сумевшей пленить слепого Стрелка.

– Не стоит. – Подруга гадливо поморщилась. – Неинтересно и жутко неэстетично: с десяток костей, ключья одежды и прядь седых волос...

– Ясно. – Я сразу же охладела к святым мощам, а вопрос о захороненном вместе с Бригиттой артефакте решила пока не поднимать. – Ты ее не боишься?

– Я? – кокетливо пожало плечами поддельное привидение. – Уж скорее она меня!

Я хмыкнула. Это да, с нее вполне станется и покойницу зашугать. Помнится, в академии Ырка считалась личностью не однозначной, почти одиозной. Ее откровенно не любили за острый язычок, а по причине крайней безбашенности даже побаивались. Называли язвой и сумасшедшей. Но мы с Ыркой подружились сразу, обнаружив редкое созвучие характеров и мгновенно сроднившую нас любовь к различным злокозненным проделкам. По знатности рода подруга практически не уступала мне, происходя из влиятельной эльфийской семьи клана Синей розы. А панибратское прозвище Ырка она и вообще соглашалась терпеть лишь от меня одной, всех прочих девчонок быстренько приучив называть себя вежливо и церемонно – леди Ырканиэль. Не сумев смирить свободолюбивую дочку, эльфы пристроили Ырку в Нарронскую академию благородных девиц, надеясь, что сие строгое образовательное заведение сумеет привить хулиганистой аристократке хорошие манеры, полагающиеся благородной леди. Но не тут-то было, в академии эльфийка развернулась вовсю...

– Слушай, а что ты вообще здесь делаешь? – оживленно спросила я, наблюдая, как

Ырка шустро выставляет на застеленный салфеткой саркофаг тарелку с солеными огурцами, домашнюю чесночную колбасу, сало, хлеб и штоф самогона.

– Живу! – жизнерадостно заржала эльфийка. – И совсем неплохо, кстати! Пью, ем вволю, селян мистифицирую.

Ну да, как раз в этом я и не сомневалась. Я критически оглядела подругу, сразу же подметив и ее мастерски подчеркнутые угольком зеленые глазищи, и белоснежную кожу, и рыжие, словно экзотический уррагский апельсин, волосы. Нужно признать, выглядела эльфийка чрезвычайно эффектно, а стройную фигурку выгодно подчеркивал шикарный, отороченный мехом саван.

– Да ты вообще красоткой стала! – искренне похвалила я. – Инфернальный стиль пошел тебе на пользу.

– Вот-вот, и я об этом же. – Подруга наполнила самогоном две серебряных стопки. – Ну, со свиданьем, значит!

Мы выпили, закусив салом и огурцами.

– А меня почти сразу же после тебя отчислили, – начала рассказывать подруга, налегая на чернику. – Домой я не вернулась, потому что любящий папочка присмотрел мне старого и страшного женишка. Постранствовала малость, да и обосновалась в этих местах...

Я понимающе вздохнула.

– Э-э-э, – хитро подмигнула Ырка, – тебя, похоже, тоже замуж спровадить попытались?

Я вздохнула повторно и слово за слово выложила всю свою запутанную историю, от начала до самого конца.

Эльфийка восхищенно присвистнула:

– Ничего себе! Да это же покруче наших знаменитых баллад!

– Кому круто, а кому горе, – отмахнулась я. – Не всем же девушкам боги дают такую потрясающую внешность, как тебе...

– Не права ты, подруга! – мудро усмехнулась эльфийка. – Красивых баб вокруг предостаточно, а вот такие яркие индивидуальности, как ты, весьма редки! Да и отношения между мужчиной и женщиной основываются на чем-то более сложном, чем внешняя красота. А на эмпирика своего разлюбезного, ты, между прочим, зря бочку катишь! Скорее всего, из-за затянувшейся девственности и неопытности в сердечных делах...

– Сама дура! – почти ласково откликнулась я.

– А ты не дразнись! – хохотнула изрядно опьяневшая леди. – Ты ведь в курсе, что я в магии отнюдь не профан. Могу приворот организовать, хотя уверена, он тебе ни к чему. У вас и без чар все сладится...

– Почему? – поинтересовалась я.

– Видишь ли, Рогнеда, – пьяно несло болтливую Ырку, – любовь есть идеальное совпадение двух душ, попавших в один и тот же временно-пространственный континуум.

– Ну ты и завернула! – плутовато рассмеялась я.

Но умница-эльфийка уже села на излюбленного конька и выдавала давно знакомый мне репертуар, ударившись в высшие материи.

– Любовь – это дар богов, – напыщенно изрекла она. – Это урок, награда или наказание – в зависимости от того, насколько вы успели испортить свою карму и что заслужили...

Определенно, в ее словах имелось некое рациональное зерно. Я задумалась.

– Эй, хватит грустить! – Широкая эльфийская натура жаждала развлечений. – Давай-ка лучше вспомним что-нибудь из твоих замечательных частушек и споем, как в академии.

– Ага! – ворчливо подхватила я. – Из-за них-то меня и отчислили!

Но Ырка не терпела возражений. Она вытащила откуда-то перекошенную гитару с двумя струнами, чье звучание вызвало у меня спонтанную мигрень, и воодушевленно затянула:

Я по берегу иду —
Берег осыпается.

Я беззубого люблю —
Этот не кусается.

«Эх, раз пошла такая пьянка — режь последний огурец!» Я махнула на все рукой и поддержала:

Ах, эльфийки моду взяли:
Сильно краситься начали.
Так накрадется иная —
Не узнает мать родная.

Леди Ырканаризель скептически фыркнула и не осталась в долгу:

Рогнеду сватать приезжали
На хромой кобыле,
Все приданное забрали,
А княжну — забыли.

Я возмутилась до глубины души и вернула подачу:

Шла лесною стороной —
Увязался эльф за мной.
Оказалось: сказки — врут!
Эльфы тоже баб...

Услышав последнее слово, подруга сложилась пополам от хохота.

От наших наполненных энтузиазмом воплей с потолка посыпались комки пересохшей штукатурки, а под крышей что-то истерично заухало. За стенами часовни грохотала не на шутку разошедшаяся гроза.

— Да-а-а, хорошо сидим! — шмыгнула носом Ырка, разливая последние капли самогона. — Даже отпускать тебя не хочется.

— А давай и ты с нами, на Ледницу, — импульсивно предложила я.

Эльфийка неожиданно покраснела, словно спелый помидор:

— Нет, не могу! Честное слово, не могу. Влюбилась я всерьез, в кузнеца местного...

Я тут же вспомнила русые кудри и голубые глаза пригожего Густава и понимающе кивнула.

— Ну хоть помоги мне тогда по старой дружбе, — задушевым тоном попросила я. — Требуется мне вещичка одна артефактная, что вместе с Бригиттой захоронена оказалась...

Ырка хмуро свела брови на переносице, полезла в карман и подала мне тоненькую хрустальную палочку, оканчивающуюся серебряным листочком.

— Забирай, — с некоторым сожалением позволила она. — Магическая эта штучка. Мне она тоже приглянулась, ну да ладно, отдам. Ты ведь как-никак пришла на выручку моему любимому и оправдала его матушку...

— И это весь раритет? — удивилась я, недоверчиво рассматривая крохотную вещицу.

— Не сомневайся. — Ырка деловито указала пальцем. — Видишь, там надпись сделана на староэльфийском. «Аркугола Лэнариат» — Луч света, — перевела подруга. — Не улавливаю смысл, но уверена, это непременно означает что-то важное...

— Разберемся! — Я убрала в сумку щедрый дар эльфийки и протяжно зевнула.

— Ой, да что же это я? — виновато засуетилась Ырка. — А еще хозяйкой себя мню. Пора и на боковую, вон ночь уже через середину перевалила.

Подруга выдала мне новенький льняной саван вместо ночной рубашки и уложила спать на толстый тюфяк. Вскоре заупокойную тишину часовни святой Бригитты нарушало лишь

наше дружное посапывание...

Разбудил меня громкий и сумбурный спор нескольких встревоженных голосов, доносящихся из-за плотно прикрытой двери, вскоре превратившийся в настоящий гвалт. Игривый солнечный лучик проникал через маленькое, затянутое бычьим пузырем окно и весело прыгал по пыльному полу. Ырка куда-то запропастилась.

– ...жалко госпожу, отзывчивая она и добрая. А ну как привидение ее совсем загрызло?! Вон как ночью в часовне что-то орало да пищало! – разобрала я взволнованные интонации ципелинского старосты. – Да, никак, там бой шел не на жизнь, а на смерть.

– А ты пойд и погляди! – подначил тонкий фальцет боязливого противника экспериментов на «не мужиках».

– Вот сам и пойд, раз такой смелый! – огрызнулся пан Штефан. – А я жить хочу, мне еще дочек замуж выдавать!

– Гы-ы-ы, кому и кобылица невеста. Это про твоих девок сказано! – грубо сострил чей-то пропитый бас.

Благодать утра нарушил смачный звук увесистого подзатыльника...

Я ухмыльнулась. «Выйти, что ли, к ним, пока эти богохульники побоище на кладбище не устроили?» – лениво мелькнуло в голове. Я нехотя поднялась и распахнула разохшуюся дверь, шурясь от яркого дневного света.

– Привет, мужики! Выпить найдется?

Перед часовней собралось человек двадцать до зубов вооруженных селян, сейчас замерших в самых невообразимых позах. Впереди всех стоял староста, уставившийся на меня потрясенно выпученными глазами.

– Упырь! – ошалело затрясся он, становясь похожим на бесноватого. – Спаси нас Аола!

Я в свою очередь недоуменно тарасилась на ципелинцев, пытаюсь понять, какая заразная муха укусила их на этот раз.

– Она кровь нашу пить хочет! – дико заорал кто-то. – Спасайтесь, люди!

– Привидение, призрак! – заполошно несло со всех сторон.

Я растерянно чесала в затылке, будучи совершенно не силах понять происходящее.

– Ну хоть одну стопочку, – жалобно взмолилась я, широко открывая рот, в который будто кошки нагадили, и требовательно протягивая руки. – Сушняк замучил... – Я шагнула к старосте.

– А-а-а! – хором взвыли мужики. – Тикаем отседова, братцы...

Побросав топоры и ножи, толпа бросилась врассыпную. Полянка перед часовней мгновенно опустела.

Недоуменно качая головой, я подняла до блеска начищенную медную крышку от кухонного казана, видимо заменявшую кому-то щит, и растерянно посмотрелась в полированную поверхность. Из металлического диска на меня нахально воззрилась мертвенно-бледная, опухшая с перепоею морда, осоловело помаргивающая красными глазенками. Всклопоченные черные волосы стояли дыбом. Белоснежный саван красиво контрастировал с синими от черники пальцами, губами и языком. Я потрясенно икнула и отшатнулась от собственного отражения...

М-да-а-а, ну и видок! Однако нет худа без добра, потому что теперь я знаю точно: привидения все-таки существуют!

ЭПИЛОГ

Корабль Слепого стрелка назывался «Мавиэль-дес-Наорт», что в переводе с эльфийского означало «Парящая над бездной». Вполне подходящее имя для изящной бригадины, покачивающей на волнах в паре кабельтовых от пирса. Только теперь я в полной мере поняла причину страха, питаемого рюнхенцами по отношению к седому эльфю.

На нем лежал едва уловимый отпечаток прикосновения неких потусторонних сил. Его корабль, щедро изукрашенный серебром и оснащенный шелковыми черными парусами, оказался выполненным из того же материала, что и лук, – из кости. Определенно, на столь странном судне и плыть можно лишь в одно место – во владения королевы Смерти. «Мавиэль» не нуждалась в якоре, швартовых или бридели²³. Она, словно призрак, невесомо парила над водой, дожидаясь попутного ветра, чтобы легко сорваться с места и устремиться вперед. Испытывая некий полумистический ужас, мы на лодке переправились к бригантине и поднялись на борт. И тотчас, словно подчиняясь чьей-то незримой воле, корабль покинул акваторию порта и вышел в открытое море.

Мы сгруппировались на палубе, с опаской вглядываясь в расстилающуюся перед нами неизвестность. Тихонько шелестела вода под килем. Над нашими головами загорались первые звезды, и сгущался непроницаемый полумрак. Где-то в вышине взволнованно нарезал круги дракон, иногда спускавшийся ниже и пространно жаловавшийся на холод и плохую видимость.

– Стрелок! – Я требовательно положила ладонь на плечо слепца, статуей замершего на носу бригантины. – Как же мы вычислим нужный курс?

– Ты принесла артефакт, хранящийся в часовне святой Бригитты? – вопросом на вопрос ответил Стрелок.

Я безмолвно вложила в его руку хрустальную стрелку, подаренную мне Ыркой.

– Это не все! – Не знающий промаха жадно ощупывал реликвию. – Ты не справились с поручением, Дева! Ранее раритет состоял из двух частей!

Мои друзья взволнованно загалдели.

– Почему ты не сказал мне этого сразу? – рыкнула я.

Эльф усмехнулся неприязненно и мстительно:

– Ты веришь в судьбу, Дева?

Я вырвала из его холодных пальцев хрустальный предмет и начала внимательно рассматривать.

– Он похож на стрелку морского компаса! – подсказал мне Вольдемар. – Его нужно поместить в корпус и...

– Что?! – ликуяще выкрикнул Тай. – Корпус? Уж не этот ли?! – Он вытащил из своей сумки небольшую серебристую чашу и торжествующе подал мне. – Я получил ее от одного мага. Похоже, некроманты Нарроны раньше тебя побывали в часовне и завладели частью магического артефакта. Веришь ли ты в судьбу, Рогнеда? – Он невольно повторил фразу слепца.

Не знающий промаха злорадно расхохотался:

– Глупцы! Вы сами не понимаете, во что ввязываетесь! Судьба отомстит, как уже наказала нас с Бригиттой...

Но мы его не слушали.

– «Туманное око», – прочитала я надпись, идущую по краю чаши. – «Луч света», – значилось на хрустальной стреле.

– А все вместе образует «Луч света, ведущий через туман»! – во всеуслышание объявил принц. – Вот он, наш путеводный луч!

Я опустила стрелку в чашу. И тут же внутри магического сосуда закружилась молочно-белое туманное облачко, поддерживая хрустальный стерженек. Серебряный листик на конце стрелки покачнулся, принимая определенное положение. Из его кончика вырвался тонкий лучик света, пронзающий окутывающую корабль тьму и образующий светящуюся дорожку на черной поверхности воды.

– Путь на остров Ледница! – зачарованно шепнула я. – Мы его нашли...

²³ Бридель – приспособление для стоянки кораблей в гавани или на рейде, представляющее собой цепь, один конец которой крепится к якорю, зарытому на дне, а другой – к плавающей на поверхности большой бочке, к которой суда крепят свои швартовы.

Слепой стрелок мрачно кивнул, на его лице отразилась фатальная, дремучая тоска...

Все уже устроились на ночлег, а я продолжала стоять на носу бригаантины, вглядываясь в даль. Что ждет нас там, впереди? Мне не хотелось верить в плохое. Верить нужно в друзей, в любовь, в собственные силы. И только это казалось мне правильным и важным. Что есть судьба? Кто испытывает нас на твердость – любовь или сама жизнь? А может быть – смерть? Видят боги, если для того, чтобы избавить мир от надвигающегося Ветра Инферно, мне придется пройти через нее, то я сделаю это не задумываясь. Я научилась побеждать невезение и обрела свой внутренний стержень. Я поняла – окружающая нас реальность напрямую связана с нашим внутренним «я». Измени внутреннее, и внешнее изменится само. Ведь все, что находится внутри человека: его мысли, комплексы, страхи и принципы – все это постепенно формирует и его наружное жизненное пространство. Я создала свой личный метод обретения силы – поверила в себя и тем самым изменила свою судьбу. Отныне она принадлежала только мне. Отныне я не боялась будущего, а смело смотрела ему в лицо. Внешнее всегда равно внутреннему, подобное притягивает подобное. Теперь я притягивала удачу и веру в успех. И словно подтверждая эти догадки, до меня долетела новая баллада принца, вливающая в мои жилы свет надежды и радость ощущения бытия:

Мы благ особых не искали,
Неловко пряли жизни нить,
И понимали мы едва ли,
Что блага надобно ценить.

Вдыхать соленый запах воли,
Пассат ловить на берегу...
Боюсь, что слаще этой доли
Я сам придумать не смогу.

Топтать своей судьбы дороги,
Точить удачи остря...
Клянусь, об этом даже боги
Мечтают, зависть не тая.

Мы всласть клинками позвенели,
И, присягая на крови,
Безумцы, мы уже посмели
Вкусить все прелести любви.

И пусть кривятся губы в плаче,
Ты в невезение не верь!
В лицо обманчивой удаче
Не трусь и зло не лицемерь.

Что рок, что все его угрозы?
Не победил он нас пока...
Я так скажу – бессилья слезы
Не стоят даже медака!

Увидь несчастья в новом свете,
Сумей над невезеньем взмыть!
Ты за судьбу свою в ответе,
А значит – так тому и быть!

– Милая! – Нежный голос неслышно подошедшего Зоргана нарушил мои уединенные размышления. – Я так переживал, когда ты ушла в одиночку, не сказав мне ни слова...

Я порывисто обернулась.

Он стоял передо мной бледный и осунувшийся от волнения за меня, а не за себя. И в его прекрасных глазах отчетливо горел безумный свет самопожертвования, свойственный только истинно любящим сердцам. И глядя на него, я почувствовала, как мою душу захлестнули безудержные волны ликования. Он уже почти отринул Тьму и Зло. Сейчас он казался отнюдь не самоуверенным, жестоким мерзавцем, а слабым и изможденным человеком, искренне волнующимся за свою любимую. Но я любила его и такого – жалкого и слабого, любила еще сильнее, чем раньше. Ведь кто сказал, что любят только сильных, добрых и мудрых? О, отныне у меня имелось все: друзья, которые не предадут и не подставят, потому что хорошие люди не хотят и не умеют этого делать. И теперь у меня появился возлюбленный, который, вполне вероятно, преподнесет мне еще много разных сюрпризов – неожиданных, приятных и не очень приятных. А впереди меня ждала долгая жизнь, полная тайн, приключений и подвигов...

Наверное, на моем лице отразилось нечто такое – новое и особенное, заставившее Зоргана радостно вскрикнуть и страстно заключить меня в объятия, привлекая к себе на грудь. Его губы пылко прижались к моим...

– Но-но! – Я насмешливо оттолкнула несдержанного эмпир. – Иди вон до свадьбы на кошках тренируйся...

– Да пробовал я уже с кошками... – делая постную мину, виновато протянул Зорган.

Я насторожилась.

«Он что, еще и извращенец? – шокированно промелькнуло у меня в голове. – Вот только этого мне не хватало...»

– Так ведь эти твари жутко злобные и увертливые, – иронично продолжил виконт. – Им пока кольцо на лапу наденешь, они тебе всю морду исцарапают... – Его глаза смеялись.

Я опешила.

– Ты делаешь мне предложение?

– А мне показалось, что ты первая его сделала! – воркующе рассмеялся эмпир. И добавил уже серьезно: – Скажи, ты выйдешь за меня замуж, Рогнеда?

Вместо ответа я протянула ему руку с волшебным эльфийским кольцом, упорно не желающим покидать мой палец.

– Да я как бы вроде уже замужем... – горестно вздохнула я. – Против воли, фиктивно...

– Тогда я призову богов и потребую, чтобы они освободили тебя от старых обетов! – горячо воскликнул эмпир. – Или же силой заставлю их признать недействительность этого брака!

В столь невероятной угрозе его истинный характер вырисовывался в полной мере. Вот каков он на самом деле – мой любимый, самонадеянный, обаятельный злодей!

Я торопливо отвернулась, пряча восторженную улыбку.

Я, наверное, чрезвычайно взбалмошная и непоследовательная девушка, но хочу того же, что и все остальные люди: простого человеческого счастья. Я не умна, не красива, не слишком находчива, не прозорлива и не остроумна. В общем, я обычная. Но теперь мне очень хотелось измениться, сделаться особенной – достойной этого признающегося мне в любви ослепительного красавца. О нет, я, конечно, не забыла о предостережении фрау Оссы и о страшной картинке из Колоды Судьбы. О карте, что пророчила мне облик Чумы, ужасающей спутницы королевы Смерти. Но сейчас мне с удвоенным упрямством не хотелось думать о плохом. Потому что сегодня я поверила в свое свежееобретенное везение. Я еще не разочаровалась в чудесах и надеялась, что мое волшебное перерождение в лучшую сторону все равно произойдет, рано или поздно. Отныне у меня появилась мечта – стать другой. Возможно, более взрослой, красивой и мудрой. Такой, чтобы мой любимый мог мною гордиться. И если мне суждено обернуться для Зоргана сказкой, то пусть эта сказка

будет доброй, светлой и счастливой. И это тоже превратилось в мою мечту. А ведь мечтам положено сбываться...

Не так ли?

В книге использованы стихи автора.